

ISSN 2518-7252 (print)
ISSN 3079-4609 (online)

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БАС ПРОКУРАТУРАСЫНЫҢ
ЖАНЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫ**

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ
АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»**

**SCIENTIFIC JOURNAL
«THE BULLETIN OF
LAW ENFORCEMENT ACADEMY»**

№ 3 (37) 2025

Қосшы 2025

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ
2025 № 3 (37)**

Құрылтайшы:

«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясы» ММ

2016 жылдан бастап шығады.

Жылына 4 рет шығарылады.

Жарияланымдар тілі – қазақ, орыс, ағылшын.

Ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін
ұсынылатын басылымдар тізбесіне енгізілген
(ҚР БҒМ БСБК 17.04.2019 ж. № 396 бұйрығы (күші жойылды),
08.09.2025 ж. № 1531 бұйрығы),
«Ресейлік ғылыми дәйексөз индексі» (РГДИ) Ресейлік
библиографиялық мәліметтер базасына,
Қазақстандық дәйексөз қорына (ҚазДҚ) енгізілген.

Журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің
Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген.
№ 16600-ЖБ тіркеу куәлігі 2017 жылдың 1 шілдесінде берілген.

Редакциялық кеңестің құрамы:

М.И. Сексембаев – (Қазақстан) – **Төраға**;
Е.Б. Абдрасулов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
С.В. Аракелян – з.ғ.д., профессор (Армения);
И.Ш. Борчашвили – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
М.М. Бринчук – з.ғ.д., профессор (Ресей);
В.А. Бублик – з.ғ.д., профессор (Ресей);
Ә.К. Бұрханов – саяси ғ.к., (Қазақстан);
Г.А. Василевич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
Т.Е. Қаудыров – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.П. Кирица – құқық докторы, доцент (Молдова);
Қ.С. Лақбаев – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.А. Малиновский – з.ғ.д., доцент (Қазақстан);
В.В. Марчук – з.ғ.к. (Беларусь);
Қ.Қ. Сейтенов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.Г. Татарян – з.ғ.д., профессор (Ресей);
С.Т. Тыныбеков – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
А. Трунк – құқық докторы, профессор (Германия);
Т.А. Ханов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.М. Хомич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
О.А. Ястребов – з.ғ.д., профессор (Ресей).

Редакциялық алқаның құрамы:

С.Ж. Бекішева – з.ғ.д., доцент – **Бас редактор**;
Е.Т. Әбеуов – з.ғ.к., доцент;
Ә.М. Әлібекова – з.ғ.к.;
Р.А. Әмірханов – з.ғ.к.;
Ұ.Қ. Жанатаева – саяси ғ.д.;
Н.Ш. Жемпиісов – з.ғ.к.; қауымдастырылған
профессор;
А.Б. Қазбекова – заң ғылымдарының магистрі;
Д.Б. Қайназарова – з.ғ.к.;
Е.Қ. Қайрулла – з.ғ.к.;
Т.Ғ. Маханов – заң ғылымдарының магистрі;
Р.А. Медиев – философия докторы (PhD),

қауымдастырылған профессор;
Д.Х. Найманова – аға әділет кеңесшісі;
Г.Ғ. Нұбаева – з.ғ.к.;
Р.Р. Нұғманов – з.ғ.к.;
Н.Б. Рахимов – құқық магистрі;
Ж.С. Сейтаева – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
Н.А. Сулейменов – философия докторы (PhD);
О.Б. Филипец – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
В.В. Хан – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
Ә.Р. Шегебаева – философия докторы (PhD),
қауымдастырылған профессор.

Редакцияның құрамы:

Ж.І. Есімхан – педагогикалық ғылымдарының магистрі;
З.Ж. Калмурзина – заң ғылымдарының магистрі;
К.А. Мұқанова – кіші әділет кеңесшісі;
Р.Ч. Рахметханов – аға әділет кеңесшісі;
М.Б. Садықов – философия докторы (PhD);
Ж.Х. Тайшықов – ұлттық қауіпсіздік және әскери іс
магистрі.

Редакцияның мекенжайы:

010078, Ақмола облысы, Қосшы қ., Республика көшесі,
94-құрылыс.

Эл. пошта: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Қолжазбалар қайтарылмайды. Авторлардың пікірлері
редакцияның көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.
Материалдарды басқа басылымдарда қолдануға
редакцияның жазбаша келісімінен кейін ғана рұқсат
етіледі. Ұсынылған материалдардың шынайлығына
автор жауапты. Журнал ақпараттарын пайдаланған
кезде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

© Құқық қорғау органдары академиясы, 2025 ж.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»
№ 3 (37) 2025

Учредитель:

ГУ «Академия правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики Казахстан»

Издается с 2016 года.

Выпускается 4 раза в год.

Языки публикаций – казахский, русский, английский.

Включен в Перечень изданий, рекомендуемых для публикации
основных результатов научной деятельности

(приказ ККСОН МОН РК № 396 от 17.04.2019 г. (утратил силу),
№ 1531 от 08.09.2025 г.),

Российскую библиографическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ),
Казахстанскую базу цитирования (КазБЦ).

Журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации

Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан.

Регистрационное свидетельство № 16600-СИ от 1 июля 2017 года.

Состав Редакционного совета:

Сексембаев М.И. – (Казахстан) – **Председатель**;
Абдрасулов Е.Б. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Аракелян С.В. – д.ю.н., профессор (Армения);
Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Бринчук М.М. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бублик В.А. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бурханов А.К. – к.полит.н. (Казахстан);
Василевич Г.А. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Каудыров Т.Е. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Кирица В.П. – доктор права, доцент (Молдова);
Лакбаев К.С. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Малиновский В.А. – д.ю.н., доцент (Казахстан);
Марчук В.В. – к.ю.н. (Беларусь);
Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Татарян В.Г. – д.ю.н., профессор (Россия);
Тыныбеков С.Т. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Трунк А. – доктор права, профессор (Германия);
Ханов Т.А. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Хомич В.М. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Ястребов О.А. – д.ю.н., профессор (Россия).

Состав Редакционной коллегии:

Бекишева С.Д. – д.ю.н., доцент – **Главный редактор**;
Абеуов Е.Т. – к.ю.н., доцент;
Алибекова А.М. – к.ю.н.;
Амерханов Р.А. – к.ю.н.;
Жанатаева У.К. – д.полит.н.;
Жемпиисов Н.Ш. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Казбекова А.Б. – магистр юридических наук;
Кайназарова Д.Б. – к.ю.н.;
Кайрулла Е.К. – к.ю.н.;
Маханов Т.Г. – магистр юридических наук;
Медиев Р.А. – доктор философии (PhD),

ассоциированный профессор;
Найманова Д.Х. – старший советник юстиции;
Нубаева Г.Г. – к.ю.н.;
Нугманов Р.Р. – к.ю.н., доцент;
Рахимов Н.Б. – магистр права;
Сейтаева Ж.С. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Сулейменов Н.А. – доктор философии (PhD);
Филипец О.Б. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Хан В.В. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Шегебаева А.Р. – доктор философии (PhD),
ассоциированный профессор.

Состав Редакции:

Есімхан Ж.І. – магистр педагогических наук;
Калмурзина З.Ж. – магистр юридических наук;
Муканова К.А. – младший советник юстиции;
Рахметчанов Р.Ч. – старший советник юстиции;
Садыков М.Б. – доктор философии (PhD);
Тайшыков Ж.Х. – магистр национальной безопасности и военного дела.

Адрес редакции:

010078, Акмолинская область, г. Косшы,
ул. Республики, строение 94.
Эл. почта: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Рукописи не возвращаются. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции. За достоверность предоставленных материалов ответственность несет автор. Ссылка на журнал обязательна.

© Академия правоохранительных органов, 2025 г.

**«THE BULLETIN OF LAW ENFORCEMENT ACADEMY»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 3 (37) 2025**

Founder:

GA «The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's
Office of the Republic of Kazakhstan»

Published since 2016.

Issued 4 times a year.

Publication languages – Kazakh, Russian, English.

Included to the List of publications recommended for publication of the main results of scientific activity.
(Order of the CCSM MES RK No. 396 of 17.07.2019 (expired),
No. 1531 of 08.09.2025),
Russian bibliographic database «Russian science citation index» (RSCI),
Kazakhstan Citation Base (KazCB).

The journal is registered in the Committee for Communications, Informatization and Information of the
Ministry on Investments and Development of the Republic of Kazakhstan.
Registration Certificate № 16600-SI dated by July 1, 2017.

Members of the Editorial Council:

Seksembayev M.I. – (Kazakhstan) – **Chairman**;
Abdrasulov E.B. – Doctor of Law, Professor
(Kazakhstan);
Arakelyan S.V. – Doctor of Law, Professor (Armenia);
Borchashvili I.Sh. – Doctor of Law, Professor
(Kazakhstan);
Brinchuk M.M. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Bublik V.A. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Burkhanov A.K. – Candidate of Political Sciences
(Kazakhstan);
Vasilevich G.A. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Seidenov K.K. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Kiritsa V.P. – Doctor of Law, Associate Professor
(Moldova);
Lakbayev K.S. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Malinovsky V.A. – Doctor of Law, Associate Professor
(Kazakhstan);
Marchuk V.V. – Candidate of Law (Belarus);
Seitenov K.K. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Tataryan V.G. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Tynybekov S.T. – Doctor of Law, Professor
(Kazakhstan);
Trunk A. – Doctor of Law, Professor (Germany);
Khanov T.A. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Khomich V.M. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Yastrebov O.A. – Doctor of Law, Professor (Russia).

Members of the Editorial Board:

Bekisheva S.D. – Doctor of Law, Associate
Professor – **Chief Editor**;
Abeuov E.T. – Candidate of Law, Associate Professor;
Alibekova A.M. – Candidate of Law;
Amerkhanov R.A. – Candidate of Law;
Zhanatayeva U.K. – Doctor of Political Science;
Zhempiisov N.Sh. – Candidate of Law, Associate
professor;
Kazbekova A.B. – Master of Law;

Kainazarova D.B. – Candidate of Law;
Kairulla E.K. – Candidate of Law;
Makhanov T.G. – Master of Law;
Mediev R.A. – Doctor of Philosophy (PhD), Associate
Professor;
Naimanova D.Kh. – senior Counselor of Justice;
Nubaeva G.G. – Candidate of Law;
Nugmanov R.N. – Candidate of Law, Associate
professor;
Rakhimov N.B. – Master of Laws;
Seitayeva Zh.S. – Candidate of Law, Associate
Professor;
Suleimenov N.A. – Doctor of Philosophy (PhD);
Filipets O.B. – Candidate of Law, Associate Professor;
Khan V.V. – Candidate of Law, Associate Professor;
Shegebaeva A.R. – Doctor of Philosophy (PhD),
Associate Professor.

Editors:

Yessimkhan Zh.I. – Master of Education;
Kalmurzina Z.Zh. – Master of Law;
Mukanova K.A. – Junior Counselor of Justice;
Rakhmetchanov R.Ch. – Senior Counselor of Justice;
Sadykov M.B. – Doctor of Philosophy (PhD);
Taishykov Zh.H. – Master of National Security and
Military Affairs.

Editorial address:

010078, Akmola region, Kosshy c., Republic st.,
building 94.
E-mail: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Manuscripts are not returned. Opinions of the authors may
not be the same with editors view. The use of materials in
other journals is allowed only with the written consent of the
publisher. The author is responsible for the accuracy of the
materials provided. A link to the journal is required.

© Law Enforcement Academy, 2025.

МАЗМҰНЫ

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ МЕН ТАРИХЫ	
Ғ.А. Арғынғазин. ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ҚАЗІРГІ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ БӨСЕКЕГЕ ҚАБІЛЕТТІЛІГІНІҢ ЖАҢА ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ.....	8
А.Ш. Ещанов, З.Ж. Калмурзина. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ АЗАМАТТАРЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘДЕНИЕТІ: ДАМУ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	17
КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ	
Қ.Қ. Сейтенов, М.Б. Садықов. ЦИФРЛЫҚ ЕГЕМЕНДІК ҚҰҚЫҚТЫҚ КАТЕГОРИЯ РЕТІНДЕ: МЕМЛЕКЕТТІК ЮРИСДИКЦИЯ МЕН ЦИФРЛЫҚ ПЛАТФОРМАЛАРДЫҢ БИЛІГІ АРАСЫНДА.....	25
М.Х. Хасенов. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МИГРАНТТАРДЫ ШЫҒАРЫП ЖІБЕРУ ТУРАЛЫ ЗАҢНАМАСЫН АДАМ САУДАСЫНА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ КОНТЕКСТІНДЕ ҚОЛДАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	35
АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ	
А.Е. Нұртан, М.Н. Абилова. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТАТУЛАСТЫРУ РӘСІМДЕРІНІҢ МОДЕЛІН ЖЕТІЛДІРУДІҢ ҚАЖЕТТІЛІГІ ТУРАЛЫ.....	45
ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ	
Б.Ж. Айтимов, Е.Б. Есжанов. СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚ ҚЫЛМЫСЫНЫҢ ТРАНСҰЛТТЫҚ СИПАТЫ.....	56
Д.Т. Амуртаева. ТРАНСҰЛТТЫҚ ҚЫЛМЫСТЫҚ БІРЛЕСТІКТЕРДІ ҚҰРУ ЖӘНЕ БАСҚАРУ ҮШІН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПҚЕРШІЛІКТІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	65
Н.Т. Есқалы, А.А. Ешназаров. ТАТУЛАСУҒА БАЙЛАНЫСТЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚТАН БОСАТУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ.....	73
Д.Б. Қайназарова. ВИРТУАЛДЫ ВАЛЮТАЛАР САЛАСЫНДАҒЫ АҚШАНЫ ЖЫЛЫСТАТУ: ТӘУЕКЕЛДЕР ЖӘНЕ РЕТТЕУ.....	82
Е.Қ. Қайрулла. ЖАСТАР АРАСЫНДА НАРКОТИЗМНІҢ ТАРАЛУЫНЫҢ АЛДЫН АЛУ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ЗАМАНАУИ ТӘСІЛДЕР.....	90
А.Ә. Қалиев. ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР ДӘУІРІНДЕГІ АШЫҚ ДЕРЕКТЕРДІ ТАЛДАУ: OSINT МҮМКІНДІКТЕРІ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	98
Ж.К. Каражанова, А.С. Бектен. ҚАМАУДА ҰСТАУ ШАРТТАРЫ ЖӘНЕ АЗАПТАУҒА ҚАРСЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕР: ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ.....	106
Р.А. Медиев, Т.Ғ. Маханов. ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚ ФАКТІЛЕРІН АНЫҚТАУҒА ЖӘНЕ ХАБАРЛАУҒА ЫҚПАЛ ЕТУДІҢ ӨЛЕУЕТТІ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: ҚАЗІРГІ ЖАЙ-КҮЙІ МЕН КЕЛЕШЕГІ.....	116
Г.Ғ. Нубаева, Б.А. Күлмұханбетова. КӨМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРДЫҢ ЖЫНЫСТЫҚ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫНА ҚАРСЫ ҚЫЛМЫСТАР: ҚЫЛМЫСТЫҚ ДИНАМИКА (2020-2024 жж.) ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАНЫ ЖЕТІЛДІРУГЕ ЫҚПАЛЫ.....	126
Е.А. Омаров, Д.Ж. Мұқанов. ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖОЛМЕН АЛЫНҒАН АҚША МЕН ӨЗГЕ ДЕ МҮЛІКТІ ЗАҢДАСТЫРУ ТЕРГЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ (ҚР ҚК 218-бабы).....	136
Г.А. Утегенова, Г.Е. Жандыкеева. ЛУДОМАНИЯНЫҢ ОТБАСЫШІЛІК ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚТЫҢ ӨРШҮІНЕ ӘСЕРІ: ШЕТЕЛ ТӘЖІРИБЕСІН ТАЛДАУ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҚАРСЫ ІС-ШАРАЛАР.....	146
ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ	
А.С. Алишев, Б.Б. Сарсенбаева. АҚПАРАТТЫҚ ЭКСТРЕМИЗМГЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕГІ ЦИФРЛЫҚ ДӘЛЕЛДЕМЕЛЕР МЕН ХЭШ-СОМАЛАР: САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ.....	155
Ш.Ш. Шаяхметов. ҚАЗАҚСТАНДА ЖЕКЕ ДЕТЕКТИВТІК ҚЫЗМЕТ ТУРАЛЫ ЗАҢ ҚАЖЕТ ПЕ: ЖАҚТАУШЫЛАР МЕН ҚАРСЫЛЫҚТАР.....	165
ҚАРЖЫЛЫҚ ҚҰҚЫҚ	
Е.М. Айтқазин, Ж.Т. Калияуов. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЦИФРЛЫҚ АКТИВТЕР АЙНАЛЫМЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	173
ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ЖӘНЕ БАСҚА МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР ҚЫЗМЕТІ	
И.С. Маатов, А.К. Киязов. ПРОКУРАТУРА ОРГАНДАРЫНДАҒЫ ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҚҰЖАТ АЙНАЛЫМЫ: ҚЫРҒЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ҮЛГІЛЕР (САЛЫСТЫРМАЛЫ АСПЕКТ).....	183

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	
Ғ.А. Аргынгазин. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ.....	8
А.Ш. Ещанов, З.Ж. Калмурзина. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	17
КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
К.К. Сейтенов, М.Б. Садыков. ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИСДИКЦИЕЙ И ВЛАСТЬЮ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ.....	25
М.Х. Хасенов. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА О ВЫДВОРЕНИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ.....	35
ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО	
А.Е. Нұртан, М.Н. Абилова. О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МОДЕЛИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В КАЗАХСТАНЕ.....	45
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Б.Ж. Айтимов, Е.Б. Есжанов. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	56
Д.Т. Амуртаева. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ И РУКОВОДСТВО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ.....	65
Н.Т. Есқалы, А.А. Ешназаров. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ.....	73
Д.Б. Кайназарова. ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ В СФЕРЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ВАЛЮТ: РИСКИ И РЕГУЛИРОВАНИЕ.....	82
Е.К. Кайрулла. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ.....	90
А.А. Калиев. АНАЛИЗ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ OSINT.....	98
Ж.К. Каражанова, А.С. Бектен. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВ ПЫТОК: КАЗАХСТАНСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ.....	106
Р.А. Медиев, Т.Г. Маханов. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ В ВЫЯВЛЕНИИ И СООБЩЕНИИ О ФАКТАХ КОРРУПЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	116
Г.Г. Нубаева, Б.А. Кулмуханбетова. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ (2020- 2024 гг.) И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	126
Е.А. Омаров, Д.Ж. Муканов. ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕГ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ (ст. 218 УК РК).....	136
Г.А. Утегенова, Г.Е. Жандыкеева. ЛУДОМАНИЯ КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	146
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
А.С. Алишев, Б.Б. Сарсенбаева. ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ХЭШ-СУММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	155
Ш.Ш. Шаяхметов. НУЖЕН ЛИ ЗАКОН О ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ: ЗА И ПРОТИВ.....	165
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Е.М. Айтказин, Ж.Т. Калияуов. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	173
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ	
И.С. Маатов, А.К. Киязов. ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ПРОКУРАТУРЕ: ПРАКТИКА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ).....	183

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW	
G.A. Argyngazin. ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW FACTOR OF COMPETITIVENESS OF MODERN STATES.....	8
A.Sh. Yechshanov, Z.Zh. Kalmurzina. LEGAL CULTURE OF CITIZENS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT.....	17
CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW	
K.K. Seitenov, M.B. Sadykov. DIGITAL SOVEREIGNTY AS A LEGAL CATEGORY: BETWEEN NATIONAL JURISDICTION AND THE POWER OF DIGITAL PLATFORMS.....	25
M.K. Khassenov. PROBLEMS OF APPLICATION OF THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN ON THE EXPULSION OF MIGRANTS IN THE CONTEXT OF COMBATING HUMAN TRAFFICKING.....	35
CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW	
A.Y. Nurtan, M.N. Abilova. ABOUT THE NECESSITY TO IMPROVE THE MODEL OF CONCILIATION PROCEDURES IN KAZAKHSTAN.....	45
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW	
B.Zh. Aitimov, Y.B. Yeszhanov. TRANSNATIONAL CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIMES.....	56
D.T. Amurtaeva. SOME ISSUES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE CREATION AND MANAGEMENT OF TRANSNATIONAL CRIMINAL ASSOCIATIONS.....	65
N.T. Yeskali, A.A. Yeshnazarov. LEGAL ASPECTS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH RECONCILIATION.....	73
D.B. Kainazarova. MONEY LAUNDERING IN VIRTUAL CURRENCIES: RISKS AND REGULATION.....	82
Y.K. Kairulla. PREVENTION OF THE SPREAD OF PARCOTISM AMONG YOUNG PEOPLE: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND MODERN APPROACHES.....	90
A.A. Kaliyev. ANALYSIS OF OPEN DATA IN THE DIGITAL AGE: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF OSINT.....	98
Zh.K. Karazhanova, A.S. Bekten. CONDITIONS OF DETENTION AND LEGAL MECHANISMS AGAINST TORTURE: KAZAKHSTAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE.....	106
R.A. Mediyev, T.G. Makhanov. ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A POTENTIAL TOOL TO ASSIST IN DETECTING AND REPORTING CORRUPTION: CURRENT STATE AND PROSPECTS.....	116
G.G. Nubaeva, B.A. Kulmukhanbetova. CRIMES AGAINST THE SEXUAL INVIOABILITY OF MINORS: CRIME DYNAMICS (2020-2024) AND ITS IMPACT ON THE IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION.....	126
Y.A. Omarov, D.Zh. Mukanov. THE LEGALIZATION OF MONEY AND OTHER PROPERTY OBTAINED THROUGH CRIMINAL MEANS (Article 218 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) INVESTIGATION ISSUES.....	136
G.A. Utegenova, G.E. Zhandykeyeva. GAMBLING ADDICTION AS A FACTOR IN THE ESCALATION OF INTRA-FAMILY VIOLENCE: ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE AND COUNTERACTION MEASURES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	146
CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE	
A.S. Alishev, B.B. Sarsenbayeva. DIGITAL EVIDENCE AND HASH SUMS AS A TOOL TO COUNTER INFORMATION EXTREMISM: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS.....	155
Sh.Sh. Shayakhmetov. DOES KAZAKHSTAN NEED A LAW ON PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY: PROS AND CONS.....	165
FINANCIAL LAW	
Y.M. Aytkazin, Zh.T. Kaliyauov. ISSUES OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL ASSET TURNOVER IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	173
THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES	
I.S. Maatov, A.K. Kiyazov. ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN THE PROSECUTOR'S OFFICE: PRACTICE OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND FOREIGN EXPERIENCE (COMPARATIVE ASPECT).....	183

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ МЕН ТАРИХЫ / ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 34:002; 004.8
МРНТИ 10.19.01; 28.23.02

Ғ.А. Арғынғазин

*Национальный университет обороны Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В статье осуществлена попытка научного осмысления искусственного интеллекта как одного из важных факторов и условий конкурентоспособности государств в XXI веке. Обосновывается тезис о том, что соперничество в этой области отличается от иных видов и форм технологического доминирования, что кроется в особом характере данной технологии и отношении к ней со стороны субъектов государственной политики различных стран.

В частности, отмечается ряд особенностей данной технологии, отличающей ее от предыдущих – универсальность, технологическая динамичность, способность к самообучению и экспоненциальному развитию. Проводится анализ взаимосвязи «умных технологий» с экономическим развитием и трансформацией общественных отношений. Приводятся аргументы об усилении роли искусственного интеллекта в военной сфере, сфере национальной и глобальной безопасности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; конкурентоспособность; технологии; военная сфера; национальная безопасность; GPT; автоматизация; США.

Ғ.А. Арғынғазин

*Қазақстан Республикасының Ұлттық қорғаныс университеті,
Астана қ., Қазақстан Республикасы*

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ҚАЗІРГІ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ БӘСЕКЕГЕ ҚАБІЛЕТТІЛІГІНІҢ ЖАҢА ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ

Аннотация. Мақалада жасанды интеллекті ХХІ ғасырдағы мемлекеттердің бәсекеге қабілеттілігінің маңызды факторы мен шарттарының бірі ретінде ғылыми тұрғыда қарастырылады. Саладағы бәсекелестік технологиялық үстемдіктің басқа түрлері мен формаларынан ерекше екендігі, бұл оның өзгеше сипатымен және әртүрлі елдердің оған деген ерекше көзқарасымен байланысты болатыны туралы ой алға тартылады. Жасанды интеллектінің бұдан бұрынғы технологиялардан бірқатар сипатымен, оның ішінде әмбебаптығымен, технологиялық динамизммен, өзін-өзі оқытумен және экспоненциалды даму мүмкіндігімен ерекшеленетіні айтылады. «Ақылды технологиялардың» экономиканың дамуына және қоғамдық қатынастардың өзгеруіне әсері талданады. Жасанды интеллекттің әскери салада, ұлттық және жаһандық қауіпсіздікте рөлінің ұлғайғаны туралы дәлелдер келтіріледі.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; бәсекеге қабілеттілік; технология; әскери сала; ұлттық қауіпсіздік; GPT; автоматтандыру; АҚШ.

G.A. Argyngazin
National Defense University of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW FACTOR OF COMPETITIVENESS OF MODERN STATES

Abstract. The article attempts to scientifically comprehend artificial intelligence as one of the important factors and conditions of competitiveness of states in the XXI century. The article substantiates the thesis that the rivalry in this area differs from other types and forms of technological dominance, which lies in the special nature of this technology and different attitude to it on the part of public policy subjects of different countries. In particular, a number of features of this technology that distinguish it from previous ones – universality, technological dynamism, ability to self-learning and exponential development – are noted. The interrelation of “smart technologies” with economic development and transformation of social relations is analysed. Arguments are given about the strengthening of the role of artificial intelligence in the military sphere, national and global security.

Keywords: artificial intelligence; competitiveness; technology; military; national security; GPT; automation; USA.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_8

Введение. Глобальная научно-технологическая конкуренция имеет объективные исторические предпосылки, связанные со стремлением государств к экономическому, военному и технологическому превосходству друг над другом с целью не остаться на задворках мировых процессов.

XX век, ознаменованный ускорением научно-технологического прогресса, усилил подобное соперничество и по итогам Второй мировой войны вывел США в безусловные лидеры в области развития технологий, экономики, культуры и военной силы [1, 47 стр.].

Однако в последние годы существенно укрепил свои позиции в развитии науки и инноваций Китай, что подтверждается результатами рейтинга Nature Index 2025 года, основанного на наукометрических показателях стран, где КНР уверенно заняла первое место¹.

В последние годы наиболее значимым фактором соперничества среди ведущих факторов мировой политики стал уровень развития искусственного интеллекта.

Конкуренция в этой сфере отличается от иных видов и форм технологического доминирования особым характером данной технологии, способной к быстрому

масштабированию, самообучению и экспоненциальному росту.

Несмотря на то что соперничество в этой области стало новой реальностью последних лет, научно-исследовательские проекты и материалы по данной теме, особенно в условиях Казахстана, широко не представлены.

Для восполнения данного научного пробела в условиях Республики Казахстан (далее – РК) и учитывая теоретическую и практическую значимость указанной темы, в рамках данной работы будет проведен анализ основных причин, способствующих становлению искусственного интеллекта новым глобальным фактором конкуренции стран и транснациональных компаний.

Материалы и методы. В рамках данной работы использован метод системного анализа, позволивший рассматривать искусственный интеллект как сложную и многоуровневую систему, влияющую на глобальные экономические, научно-технологические и социально-политические процессы. При сопоставлении механизмов и подходов различных государств к развитию и регулированию искусственного интеллекта применен метод сравнительного анализа.

При подготовке научной статьи

¹ Nature Index 2025. Research Leaders: Leading countries/territories [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nature.com/nature-index/research-leaders/2025/country/all/global> (дата обращения: 18.06.2025).

преимущественно использованы материалы зарубежных ученых и экспертов, что обусловлено более глубоким уровнем проработки данной темы в их публикациях и иных результатах научной деятельности.

Результаты, обсуждение. Для объективного анализа предлагается оценить соответствие искусственного интеллекта отдельным характеристикам, которые могут подтвердить или опровергнуть научный тезис о становлении его новым фактором конкурентоспособности государств.

Во-первых, на основании изученных материалов мы полагаем, что искусственный интеллект имеет характеристики технологии общего назначения (General-purpose technologies – GPT)².

Согласно распространенному среди ученых определению, технологии общего назначения (GPT) представляют собой класс инноваций, характеризующихся повсеместным применением, способностью стимулировать дальнейшие инновации и значительным потенциалом для улучшений [2].

Экономисты Р. Липси и К. Карлоу, сформировав критерии соответствия подобных инноваций определению GPT, отмечали, что за всю историю человечества было всего 24 технологии, которые можно классифицировать как истинные технологии общего назначения. Наиболее плодотворным на подобные технологии стал XX век, в течение которого появилось 7 технологий общего назначения – автомобиль, самолет, массовое производство, компьютер, бережливое производство, Интернет и биотехнологии [3].

Экономисты Т. Бреснахан и М. Трайтенберг утверждают, что GPT технологии общего назначения должны обладать следующими тремя характеристиками:

1) универсальность – GPT выполняет некоторую общую функцию, которая важна для поддержания и развития различных сфер и отраслей экономики;

2) технологическая динамичность – GPT должен со временем совершенствоваться

и способствовать снижению затрат своих пользователей;

3) инновационная комплементарность – инновации, свойственные GPT, ускоряют и стимулируют развитие в других секторах, использующих эту технологию [4].

Попробуем привести несколько обоснований соответствия искусственного интеллекта критериям Бреснахана-Трайтенберга.

Анализируя научные труды последних лет и повседневную практику технологического развития, можно убедиться, что искусственный интеллект затрагивает достаточно большое количество различных сфер деятельности человека. К примеру, сегодня искусственный интеллект активно используется в здравоохранении, образовании, маркетинге, сельском хозяйстве, промышленности, выполняя в каждой из них ряд общих функций – автоматизацию процессов, анализ больших данных, персонализацию рекомендаций, повышение безопасности, улучшение качества продукции и услуг, прогнозирование и планирование.

К примеру, с помощью искусственного интеллекта можно персонифицировать различные маркетинговые предложения. Подобные алгоритмы для рекомендаций продуктов на основе предыдущих покупок и просмотров используют такие маркетплейсы, как американский Amazon, российский Ozon, китайский AliExpress, казахстанский Kaspi.kz и многие др.

Также с помощью персонализации можно предоставить рекомендации по лечению, основанные на индивидуальных характеристиках и истории болезни. Такие проекты, как IBM Watson Health и Google Health, успешно используют подобную функцию искусственного интеллекта.

Платформы бронирования туристических поездок, к примеру Booking.com и Kaspi Travel, используют данные о предпочтениях пользователей для предоставления персонализированных рекомендаций по путевкам, гостиницам и другим туристи-

² Во избежание терминологической путаницы отметим, что под аббревиатурой GPT здесь понимается General-purpose technologies, а не языковые модели GPT (Generative Pre-trained Transformers), такие как ChatGPT.

ческим услугам.

Указанные примеры обосновывают универсальность искусственного интеллекта, в том смысле, что его функции могут быть использованы для развития разных сфер и отраслей.

Имеющиеся научные работы и статистические данные позволяют обосновать соответствие искусственного интеллекта и второму критерию технологий GPT – технологической динамичности.

Для этого зададим следующий вопрос: совершенствуется ли искусственный интеллект?

Факт совершенствования искусственного интеллекта, как нам видится, очевиден и не требует серьезных обоснований, поэтому ограничимся лишь несколькими примерами.

Искусственный интеллект на заре своего появления обладал возможностью решения лишь примитивных логических и математических задач, тогда как в последние годы, согласно результатам отчета Стэндфордского университета, превзошел человека в таких когнитивных способностях, как классификация изображений, визуальное мышление и понимание английского языка. Кроме того, раньше для систем искусственного интеллекта была характерна узкая специализация. Тогда как недавние достижения в области машинного обучения и обработки данных привели к созданию мощных мультимодальных моделей, таких как Gemini от Google и GPT-4 от OpenAI. Эти современные системы демонстрируют универсальность, значительную гибкость и способность интегрировать различные типы данных, включая текст, изображения и звук³.

Далее рассмотрим соответствие искусственного интеллекта критерию инновационной комплементарности, который предполагает влияние технологии на увеличение инновационности в смежных сферах и отраслях экономики.

В 2022 году австрийские ученые со своими зарубежными коллегами провели исследования с участием 150 опытных менеджеров в области внедрения инноваций, которые подтвердили, что искусственный

интеллект может улучшить общий результат инноваций более чем на 50% по сравнению с существующими инновационными подходами [5].

Другое исследование, в ходе которого была проанализирована патентная активность различных стран с 1970 по 2019 год, выявило прямую корреляцию между количеством патентов в области искусственного интеллекта и долгосрочным экономическим ростом [6].

Искусственный интеллект оказывает трансформирующее воздействие на все отрасли экономики, аналогично тому, как это произошло с Интернетом 30 лет назад или с электричеством 100 лет назад. В различных отраслях экономики искусственный интеллект углубляет инновационность смежных технологий, а также расширяет их возможности. К примеру, американская автомобильная корпорация General Motors с помощью генеративного дизайна исследовала 150 вариантов конструкций, что позволило снизить вес деталей автомобиля на 40% и увеличить их прочность на 20% [5].

Таким образом, мы можем утверждать, что искусственный интеллект соответствует 3 критериям Бреснахана-Трайтенберга и имеет основные характеристики технологии общего назначения (GPT).

Во-вторых, мировая конкуренция за технологии искусственного интеллекта связана с их особой спецификой – способностью к самообучению и экспоненциальному росту.

Многие традиционные технологии, такие как двигатели внутреннего сгорания или квантовые компьютеры, ограничены физическими барьерами.

В отличие от них, искусственный интеллект благодаря технологиям самообучения на основе больших данных имеет возможность развиваться не линейно, а экспоненциально.

К примеру, такое направление искусственного интеллекта как машинное обучение, имеет 3 разных типа самообучения: обучение с учителем, обучение без учителя, а также обучение с подкреплением [7].

Популярные сегодня методы применения

³ Artificial Intelligence Index Report 2024. – Stanford CA: The Institute for Human-Centered Artificial Intelligence, Stanford University, 2024. – 502 p.

глубокого обучения, такие как сверточные и рекуррентные нейронные сети, а также генеративная состязательная сеть обладают способностью самообучаться на основе данных, что делает их мощными инструментами для решения разнообразных задач – от классификации изображений до генерации новых данных.

Данные методы машинного и глубокого обучения, основанные на принципе самообучения, можно проиллюстрировать на примере автономных машин. К примеру, благодаря обучению с подкреплением, автономные автомобили, взаимодействуя с имитируемой средой, получают вознаграждения за безопасное достижение пункта назначения и штрафы за нарушения правил дорожного движения. Этот процесс позволяет агенту разрабатывать эффективные стратегии планирования пути, адаптируемые к различным ситуациям. Кроме того, глубокие нейронные сети могут использоваться для изучения оптимальных политик вождения на основе текущих данных датчиков и исторического опыта [8].

Использование комплекса инновационных технологий, включая модели на основе самообучения, позволяет таким компаниям как Waymo, Cruise, Tesla тестировать и частично внедрять пилотные автономные транспортные средства в отдельных городах. Однако полностью автономные автомобили, несмотря на то что их начали разрабатывать несколько десятилетий назад, все еще не появились. Ученые и эксперты прогнозируют, что полностью автономные транспортные средства, которые можно будет запускать в массовое производство без рисков для безопасности человека, появятся в промежутке 2030-2040 гг.⁴

Подобные примеры, а также принципы обучения искусственного интеллекта в различных играх, области обработки естественного языка, медицинской диагностики, системах персонализации товаров и услуг подтверждают уникальную

специфику искусственного интеллекта, выгодно отличая его от иных видов передовых технологий.

В-третьих, искусственный интеллект становится самостоятельным драйвером изменений, обеспечивающим экономическое развитие и трансформацию социальных отношений.

Имеется немало научных трудов, обосновывающих прямую корреляцию между уровнем развития искусственного интеллекта и ростом экономических, финансовых показателей как отдельных государств, так и частных компаний.

Эксперты PwC и Goldman Sachs прогнозируют, что к 2030 году вклад искусственного интеллекта в мировую экономику может составить до 15,7 трлн долларов, что на 15% увеличит глобальный ВВП. При этом значительная часть этого роста будет связана с улучшением производительности труда и потребительскими эффектами, вызванными улучшением качества товаров и услуг. Более того, согласно прогнозам, в долгосрочной перспективе искусственный интеллект может повысить ежегодный рост ВВП в США на 1,5% и глобальный ВВП на 7%, что существенно ускорит темпы экономического роста⁵.

Трансформационное воздействие искусственного интеллекта на социальную структуру и отношения – не менее актуальная тема научно-теоретических изысканий.

Одним из самых очевидных и обсуждаемых аспектов трансформации социальных отношений под влиянием искусственного интеллекта является изменение трудовых отношений, в т.ч. проявляющееся в угрозе для традиционных моделей занятости.

Сегодня уже многие рутинные профессии, особенно в сфере производства, логистики, финансов и обслуживания, подвержены автоматизации и цифровизации, что ведет к сокращению рабочих мест и одновременно открывает новые возможности для высококвалифицированных специалистов в

⁴ Autonomous driving's future: Convenient and connected [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/autonomous-driving-future-convenient-and-connected> (дата обращения: 08.01.2025).

⁵ The Potentially Large Effects of Artificial Intelligence on Economic Growth (Briggs/Kodnani) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://static.poder360.com.br/2023/03/Global-Economics-Analyst_-The-Potentially-Large-Effects-of-Artificial-Intelligence-on-Economic-Growth-Briggs_Kodnani.pdf (дата обращения: 08.01.2025).

области IT, аналитики данных, робототехники и других смежных отраслей.

В-четвертых, растет влияние искусственного интеллекта на уровень технологичности вооруженных сил, военной безопасности и обороноспособности государств.

Значительную роль в процессе развития искусственного интеллекта сыграло Агентство по перспективным оборонным исследованиям США (DARPA) Министерства обороны США, которое было создано в 1958 году для обеспечения технологического превосходства вооруженных сил США над геополитическими соперниками, прежде всего СССР. Сегодня DARPA продолжает разрабатывать и внедрять передовые технологии искусственного интеллекта для повышения эффективности и безопасности вооруженных сил США, некоторые из которых имеют двойное назначение, широко применяясь в гражданской сфере [9]. Миссия организации заключается в «осуществлении важнейших инвестиций в прорывные технологии для обеспечения национальной безопасности» и отображает направленность государственной политики США, которая характеризуется приданием особой роли искусственному интеллекту в вопросах сохранения лидирующих позиций страны в военно-политическом плане⁶. Схожей политики придерживается и Китай, являющийся главным конкурентом США в области развития искусственного интеллекта.

Подобная позиция стран обусловлена также тем, что искусственный интеллект стал существенно менять саму природу вооруженной борьбы.

В современных вооруженных силах ряда ведущих стран уже реализованы технологии автономного оружия, способного самостоятельно идентифицировать цели, вступать в бой и наносить удары без прямого вмешательства человека. Автономные транспортные средства, в свою очередь, могут выполнять задачи по транспортировке личного состава и техники, а также осуществлять маневры на поле боя без водителей. Искусственный интеллект

позволяет точнее наводить оружие, проводить корректировку ударов в реальном времени и оперативно адаптироваться к меняющимся условиям на поле боя.

В связи с этим технологии искусственного интеллекта стали все больше приникать в теорию и практику военного дела, что стало наглядно проявляться в условиях современных вооруженных конфликтов.

Таким образом, искусственный интеллект как универсальная, инновационно динамичная и комплементарная технология имеет высокий потенциал для обеспечения роста экономики, трансформации социального уклада, стимулирования научных достижений и укрепления вооруженных сил как для защиты государства, так и для достижения иных политических целей. Подобное положение обуславливает высокую конкуренцию государств и транснациональных компаний в области искусственного интеллекта, а также обосновывает политику США, Китая, России, Индии, стран Евросоюза и других государств, направленную на опережающее развитие и внедрение технологии в различные сферы и отрасли экономики.

Заключение. По завершению холодной войны, итоги которой были охарактеризованы Ф. Фукуямой с помощью метафоры «конец истории», геополитическая конкуренция сместилась в сторону менее идеологической и более прагматической направленности, что усилило сосредоточение стратегии государств на расширении экономического влияния, укреплении военной мощи, достижении технологического превосходства, в т.ч. в области искусственного интеллекта.

При этом политика передовых стран и международных организаций в области развития искусственного интеллекта имеет некоторые отличия в подходах и принципах. К примеру, США и Китай активно развивают технологию искусственного интеллекта, стремясь к глобальному доминированию как средству усиления политического влияния и повышения своей безопасности, тогда как Евросоюз стремится занять лидирующую

⁶ About DARPA [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.darpa.mil/about-us/mission> (дата обращения: 08.01.2025).

позицию в установлении этических стандартов в вопросах использования и дальнейшего развития продуктов искусственного интеллекта.

В целом передовые с экономической точки зрения страны ориентированы на развитие технологии для сохранения своих позиций и укрепления имеющегося влияния, а развивающиеся страны стремятся использовать искусственный интеллект для экономического роста и сохранения своей технологической конкурентоспособности. Следовательно, искусственный интеллект оказывает влияние, в той или иной мере, на политику практически всех стран мира, подтверждая новый статус искусственного интеллекта как нового фактора глобальной конкуренции.

Выявленные характеристики искусственного интеллекта, такие как универсальность и технологическая динамичность, способность к самообучению и экспоненциальному росту, системообразующая роль в развитии экономики и научно-технологического прогресса, а также стратегическая значимость для военной сферы и обеспечения национальной безопасности – в совокупности подтверждают, что искусственный интеллект является критическим фактором конкурентоспособности современных государств.

В этом контексте политика Казахстана, направленная на интенсивное развитие институциональной основы и технологий искусственного интеллекта, выглядит теоретически и практически обоснованной.

В стране выработано политическое видение целесообразности активного развития технологий искусственного интеллекта и дальнейшей цифровизации государственного управления, принята Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 гг., создается соответствующая научно-технологическая и институциональная инфраструктура.

Вместе с тем, с целью дальнейшего повышения социально-экономической конкурентоспособности и оборонного потенциала РК представляется обоснованным обратить внимание на реализацию следующих мер.

Во-первых, для укрепления конкурентоспособности Казахстана в сфере искусственного интеллекта необходимо сформировать национальную платформу больших данных, основанную на системной интеграции фрагментарных массивов информации государственного, корпоративного и частного секторов. В этом контексте выглядит целесообразным их стандартизация и анонимизация с последующим созданием защищенной инфраструктуры доступа для исследователей и компаний.

Во-вторых, представляется обоснованным рассматривать развитие искусственного интеллекта не только как совокупность прикладных технологий, но и как самостоятельную научную область, формирующую собственный понятийный аппарат, методологию и исследовательские школы. Такой подход позволит сместить акцент с утилитарного внедрения отдельных алгоритмов и решений на создание национальной научной базы, способной продуцировать фундаментальные знания, готовить профессиональные кадры высокого уровня и обеспечивать технологический суверенитет страны.

В-третьих, с целью обеспечения системного и безопасного развития искусственного интеллекта необходим отдельный закон об искусственном интеллекте, который закрепит базовые понятия, принципы его этического использования, определит компетенцию государственных органов, а также механизмы стимулирования научно-исследовательских работ и бизнес-инициатив. При этом приоритетным должно оставаться качество, а не сроки принятия нормативного правового акта, что минимизирует риски возможных коллизий и будет способствовать активизации инновационной динамики.

В-четвертых, искусственный интеллект как технология представляет не только потенциальные возможности, но и существенные риски и угрозы, в т.ч. в контексте национальной безопасности. В связи с этим целесообразно выработать стратегическое видение о подходах,

механизмах и сроках укрепления военной безопасности государства с использованием технологий искусственного интеллекта, в частности предусмотрев соответствующие положения в Военной доктрине РК.

Список использованной литературы:

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 384 с.
2. Rasskazov, V.E. Financial and economic consequences of distribution of artificial intelligence as a general-purpose technology / V.E. Rasskazov // Finance: Theory and Practice. – 2020. – № 24 (2). – Pp. 120-132.
3. Lipsey, R.G. Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth / R.G. Lipsey, K.I. Carlaw, C.T. Bekar. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 617 p.
4. Bresnahan, T.F. General Purpose Technologies «Engines of Growth»? / T.F. Bresnahan, M. Trajtenberg // Journal of Econometrics. – 1995. – № 65. – Pp. 83-108.
5. Füller, J. How AI revolutionizes innovation management: Perceptions and implementation preferences of AI-based innovators / J. Füller, et al. // Technological Forecasting and Social Change. – 2022. – № 178. – Article № 121598.
6. Gonzales, J.T. Implications of AI innovation on economic growth: a panel data study / J.T. Gonzales // Journal of Economic Structures. – 2023. – № 12 (1). – Pp. 1-37.
7. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход. Т. 3: Обучение, восприятие и действие / С. Рассел, П. Норвиг; пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Диалектика, 2022. – 640 с.
8. Gayam, S.R. Deep Learning for Autonomous Driving: Techniques for Object Detection, Path Planning, and Safety Assurance in Self-Driving Cars / S.R. Gayam // Journal of AI in Healthcare and Medicine. – 2022. – Vol. 2, № 1. – Pp. 170-200.
9. Мухамеджанова, С.Ш. О взаимосвязи искусственного интеллекта и военной безопасности / С.Ш. Мухамеджанова, Ф.А. Арғынғазин // Военно-теоретический журнал «Бағдар-Ориентир». – Астана: Национальный университет обороны. – 2024. – № 2. – С. 9-12.

References:

1. Bzhezinskij, Z. Velikaja shahmatnaja doska / Z. Bzhezinskij. – M.: Izdatel'stvo AST, 2023. – 384 s.
2. Rasskazov, V.E. Financial and economic consequences of distribution of artificial intelligence as a general-purpose technology / V.E. Rasskazov // Finance: Theory and Practice. – 2020. – № 24 (2). – Pp. 120-132.
3. Lipsey, R.G. Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth / R.G. Lipsey, K.I. Carlaw, C.T. Bekar. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 617 p.
4. Bresnahan, T.F. General Purpose Technologies «Engines of Growth»? / T.F. Bresnahan, M. Trajtenberg // Journal of Econometrics. – 1995. – № 65. – Pp. 83-108.
5. Füller, J. How AI revolutionizes innovation management: Perceptions and implementation preferences of AI-based innovators / J. Füller, et al. // Technological Forecasting and Social Change. – 2022. – № 178. – Article № 121598.
6. Gonzales, J.T. Implications of AI innovation on economic growth: a panel data study / J.T. Gonzales // Journal of Economic Structures. – 2023. – № 12 (1). – Pp. 1-37.
7. Rassel, S. Iskusstvennyj intellekt: sovremennyj podhod. T. 3: Obuchenie, vosprijatie i dejstvie / S. Rassel, P. Norvig; per. s angl. – 4-e izd. – M.: Dialektika, 2022. – 640 s.
8. Gayam, S.R. Deep Learning for Autonomous Driving: Techniques for Object Detection, Path Planning, and Safety Assurance in Self-Driving Cars / S.R. Gayam // Journal of AI in Healthcare and Medicine. – 2022. – Vol. 2, № 1. – Pp. 170-200.

9. Muhamedzhanova, S.Sh. O vzaimosvjazi iskusstvennogo intellekta i voennoj bezopasnosti / S.Sh. Muhamedzhanova, F.A. Arғынғазин // Voенно-teoreticheskij zhurnal «Bardar-Orientir». – Astana: Nacional'nyj universitet oborony. – 2024. – № 2. – S. 9-12.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ғалым Арғынғазыұлы Арғынғазин – Қазақстан Республикасы Ұлттық қорғаныс университетінің докторанты, e-mail: argyngazin@mail.ru.

Арғынғазин Ғалым Арғынғазыұлы – докторант Национального университета обороны Республики Казахстан, e-mail: argyngazin@mail.ru.

Argyngazin Galym Argyngazyuly – Doctoral Student at the National Defense University of the Republic of Kazakhstan, e-mail: argyngazin@mail.ru.

UDC 340.1; 321.01
IRSTI 10.07.01

A.Sh. Yechshanov¹, Z.Zh. Kalmurzina²

¹The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan

²Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

LEGAL CULTURE OF CITIZENS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Abstract. The article analyzes the theoretical foundations and modern problems of the formation of the legal culture of citizens of the Republic of Kazakhstan. The authors reveal the concept of legal culture as the most important component of the legal system, which determines the level of legal awareness, law-abiding behavior and the degree of realization of individual rights and freedoms in society. Various scientific approaches to the definition of legal culture, its structure, functions and interrelation with legal consciousness are considered. Special attention is paid to the influence of the level of legal culture on the effectiveness of law enforcement practice and the quality of legislation. The main problems hindering the development of legal culture in Kazakhstan have been identified, including the lack of legal education, the lack of a common understanding of the concept of «legal culture» and insufficient work on the formation of legal immunity among young people. The article suggests directions for improving the system of legal education, increasing the legal literacy of the population, as well as legislative consolidation of the content of legal culture. The conclusion is made about the need for an integrated approach to the development of legal culture as a condition for the successful modernization of the national legal system and the strengthening of the rule of law.

Keywords: legal culture; legal awareness; law-abiding behavior; legal education; legal values; legal activity; rule of law.

А.Ш. Ещанов¹, З.Ж. Калмурзина²

¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

²Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Бішкек қ., Қырғыз Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ АЗАМАТТАРЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘДЕНИЕТІ: ДАМУ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы азаматтарының құқықтық мәдениетін қалыптастырудың теориялық негіздері мен қазіргі заманғы мәселелері талданады. Авторлар құқықтық мәдениет ұғымын құқықтық сана деңгейін, заңға бағынатын мінез-құлықты және қоғамдағы жеке адамның құқықтары мен бостандықтарын жүзеге асыру дәрежесін анықтайтын құқықтық жүйенің маңызды құрамдас бөлігі ретінде ашады. Құқықтық мәдениетті анықтаудың өртүрлі ғылыми тәсілдері, оның құрылымы, қызметі және құқықтық санамен байланысы қарастырылады. Құқықтық мәдениет деңгейінің құқық қолдану практикасының тиімділігіне және заңнаманың сапасына әсеріне ерекше назар аударылады. Қазақстанда құқықтық мәдениеттің дамуына кедергі келтіретін негізгі проблемалар анықталды, оның ішінде құқықтық білімнің жеткіліксіздігі, «құқықтық мәдениет» ұғымы туралы бірыңғай түсініктің болмауы және жастардың құқықтық иммунитетін қалыптастыру жөніндегі жұмыстың жеткіліксіздігі. Мақалада құқықтық тәрбие жүйесін жетілдіру, халықтың құқықтық сауаттылығын арттыру, сондай-ақ құқықтық мәдениеттің мазмұнын заңнамалық бекіту бағыттары ұсынылған. Ұлттық құқықтық жүйені табысты жаңғырту және құқықтық мемлекетті нығайту шарты ретінде құқықтық мәдениетті дамытуға кешенді көзқарастың қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: құқықтық мәдениет; құқықтық сана; заңға бағынатын мінез-құлық; құқықтық тәрбие; құқықтық құндылықтар; құқықтық белсенділік; заңның үстемдігі.

А.Ш. Ещанов¹, З.Ж. Калмурзина²

¹Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

²Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье анализируются теоретические основы и современные проблемы формирования правовой культуры граждан Республики Казахстан. Авторы раскрывают понятие правовой культуры как важнейшего компонента правовой системы, определяющего уровень правосознания, законопослушного поведения и степень реализации прав и свобод личности в обществе. Рассматриваются различные научные подходы к определению правовой культуры, ее структура, функции и взаимосвязь с правовым сознанием. Особое внимание уделено влиянию уровня правовой культуры на эффективность правоприменительной практики и качество законодательства. Выявлены основные проблемы, препятствующие развитию правовой культуры в Казахстане, включая недостаточность правового образования, отсутствие единого понимания понятия «правовая культура» и неудовлетворительную работу по формированию правового иммунитета у молодежи. В статье предложены направления совершенствования системы правового воспитания, повышения правовой грамотности населения, а также законодательного закрепления содержания правовой культуры. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к развитию правовой культуры как условия успешной модернизации национальной правовой системы и укрепления правового государства.

Ключевые слова: правовая культура; правосознание; законопослушное поведение; правовое воспитание; правовые ценности; правовая активность; верховенство закона.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_17

Introduction. It is widely recognized that legal culture reflects an individual's attitude toward a system of legal values established and protected by the state.

The presence of legal culture within society is a key condition for upholding the rule of law and strengthening legal order. That is why it is no coincidence that the Concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan until 2030, approved by the Decree No. 674 of the President of Kazakhstan on October 15, 2021 (section 7), highlights that: "Civic engagement is essential for the existence of a rule-of-law state, which, in turn, is directly linked to the level of legal culture within both individuals and society"¹.

In this regard, the relevance of the study is due to the insufficient level of legal culture and legal awareness of the population, the lack of a unified scientific and legislative definition of the concept of "legal culture", as well as the need to improve the mechanisms of legal education in Kazakhstan. The purpose of the work is to form

a unified scientific approach to the definition of the concept of "egal culture" of citizens of the Republic of Kazakhstan, identify key problems and factors hindering its development, and offer practical recommendations for improving the system of legal education and upbringing.

Materials and methods. This study adopts an integrated methodological approach to investigate the formation of legal culture in Kazakhstan. To give a thorough grasp of the topic, the research integrates comparative, systemic, and historical-legal approaches with theoretical analysis of legal literature.

To develop the theoretical framework, monographs, journal articles and analytical reports from national and international legal literature were systematically studied and analyzed. The legal culture of Kazakhstan was compared with Eastern and Western (common and continental law) legal traditions using a comparative legal approach, which made it possible to identify key differences in institutional

¹ Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента РК от 15 окт. 2021 г. № 674 [Electronic resource] – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (Access date: 12.02.2025).

structures and legal values.

In order to find transferable techniques in legal education and institutional transformation, the study also included analysis of other legal systems, including those of post-Soviet nations and industrialized democracies. Every technique was used in compliance with accepted norms of legal research, guaranteeing methodological soundness while keeping the practical implications for Kazakhstan's legal growth front and center.

The theoretical depth and policy-relevant analysis made possible by this mix of approaches offered a strong basis for comprehending the development of legal culture in Kazakhstan setting.

Results, discussion. The legal culture of society is perceived as “the achievement of human civilization in the field of the legal system and characterizes the level of development of this system and the legal life of society as a whole” [1].

When it comes to the legal culture of the individual, it is reflected in their law-abiding behavior within their social interactions. An individual gains social experience by engaging with a variety of values, particularly legal ones. This process contributes to the development of their personality and their integration into the cultural values of the society around them.

In other words, legal culture expresses an individual's relationship to the system of legal values established and protected by the state. However, the concept of “legal culture” is understood differently by various scholars.

For instance, Kazakhstan researchers V.A. Turlaev and B.I. Karipbayev “argue that legal culture defines legal reality as the actual existence of legal matter, as a form of social reality” [2].

In this context, some researchers view legal culture as “a form of spiritual and material culture that encompasses various legal values, reflecting the state of the legal system and the level of legal development within individuals, ensuring legality, law and order, legal communication, the organization and manageability of social relations, and positively influencing the evolution of all spheres of activity for various legal subjects” [3].

This definition shows that legal culture is viewed as a part of general culture. It includes knowledge of legal norms, an understanding of legal principles (legal consciousness), a commitment to following the law, abiding by legal rules, defending legal rights, and exercising the rights and freedoms granted to citizens by law.

Another definition of legal culture sees it as a measure of the effectiveness of the legal system and the achievements in the legal field. So, according to K.H. Sanginov, a researcher from Tajikistan “Legal culture is not simply a collection of social phenomena, but a qualitative state that reflects the level of development and efficiency of the legal system. It demonstrates legal values, the achievements of society in the legal realm, and the development of both legal theory and practice” [4].

Other scholars also view legal culture as an indicator of the presence of legal values, which suggests the widespread use of this perspective, including in global practice [5].

It's well-known that two major types of legal cultures are often identified: Western and Eastern. These serve as the foundation for most legal cultures around the world [6]. Western legal culture, however, is not a uniform, monolithic system, but is instead shaped by common mental frameworks [7]. For example, scholars Van Hoecke M. and Warrington M. highlight individualism and rationalism as key features of Western legal culture [8]. By individualism, they mean the belief in personal autonomy and complete freedom, often in contrast to society. Despite differences in political systems, geographical, cultural, and climatic similarities have led to some notable common elements between them [9]. For instance, some legal systems, such as in India and the UK, combine various legal traditions. In India, a country with a long and rich cultural history, the influence of English common law is strong, and the mentality of Indian and British lawyers shares certain similarities [10].

This approach is well-founded, as legal culture is directly connected to legal values, and it serves as the main vehicle for transmitting them.

As Russian scholar V.P. Fedorin noted, “Legal culture is a social mechanism that, based on the

level of legal consciousness, helps produce, preserve, and transmit legal values, information, and traditions, all of which promote lawful and socially engaged actions by individuals” [11].

Professor A.B. Vengerov sees legal culture as “a higher and more comprehensive form of legal consciousness” [12].

From the definitions above, it’s clear that legal culture is closely linked to legal consciousness, which can be defined as a system of legal ideas, views, and phenomena that manifest in the practical activities of law enforcement agencies, organizations, institutions, and other societal bodies.

In this sense, legal consciousness defines legal culture, meaning that the higher the level of legal consciousness, the higher the level of legal culture. Therefore, legal culture can also be understood as the level of development of legal consciousness.

A high level of legal consciousness includes knowledge and understanding of the role of law in the life of society and the state. On the other hand, a low level of legal culture-marked by a lack of legal traditions among the population, often leading to outright legal nihilism and a rejection of the need for and value of law – has deep roots in our society, going back to pre-revolutionary times. A low level of legal consciousness means that legal culture is virtually nonexistent among citizens, which raises concerns about the future of all aspects of life in Kazakhstan’s society. This could lead to very negative consequences. Citizens who disregard established legal norms jeopardize the safety and well-being of others, hinder the positive development of society, and undermine the state.

However, it is essential to first develop a clear and unified understanding of the concept of “legal culture”, which has various interpretations and definitions in legal literature. Accordingly, in law enforcement activities the definition of this concept is not fully and specifically understood, which does not allow for a focused impact on its constituent elements and substantive characteristics.

In this regard, in our view, the lack of a single, shared understanding of “legal culture” hinders the development of effective strategies for improving it. As a result, efforts in this direction

often remain formalized and fail to achieve meaningful results.

This is primarily because it is difficult to raise legal culture without understanding its content, function, and the existing or achieved level within society. Furthermore, the absence of a legislative definition of “legal culture” prevents the development of a consistent practice for its implementation and application in law.

At the same time, many of the scholars mentioned above agree that “legal culture” is the qualitative state of a society’s legal life, which is reflected in the development of legal activities, legal acts, legal consciousness, and the overall legal development of individuals. It also includes the degree to which the state and civil society guarantee the rights and freedoms of individuals. Today, the legal culture of society depends on the level of legal consciousness of the population, as well as how deeply the following are understood:

- the value of human rights and freedoms;
- the value of legal procedures in resolving disputes, seeking compromises, etc.;
- citizens’ attitude toward observing or ignoring legal regulations;
- the extent of legal awareness among the population, taking into account different age, social, professional, and other groups.

In the context of an individual’s legal culture, the following elements can be identified: legal consciousness, the habit of law-abiding behavior, and legal activity, or in other words, the ability to effectively use legal and ethical means to achieve personal goals.

In this article, we will briefly consider these components.

Legal consciousness can also be viewed as an informational and evaluative element, which includes knowledge about specific laws. Ideas about the principles of legal life are formed through daily communication and interactions among members of society.

Legal habit, on the other hand, is a volitional element, meaning the individual’s decision on how to behave in a given situation. Ideally, this habit involves law-abiding, lawful behavior. It is clear that not only the acquisition of knowledge about legal conduct is important – though many individuals lack this knowledge – but also the

formation of legal behavior as a natural and automatic response.

Legal activity involves developing skills to effectively use legal tools to achieve planned or set goals. The process of forming legal culture requires actively adopting and implementing legal norms, because without such activity, applying legal principles in daily life would be impossible.

The categories of “legal culture”, “protection of human and citizen rights and freedoms”, “legal education”, “legal upbringing”, and “legal consciousness” are closely interconnected and complement each other. They necessitate a comprehensive approach to the legal policy being pursued in this area, since the effectiveness of one of these factors depends on the state of the others.

Thus, the legal culture of society depends on the level of legal consciousness among the population, as well as how deeply issues such as the protection of human rights and freedoms are understood. It also hinges on whether citizens are inclined to observe or disregard legal regulations, the value placed on legal procedures for resolving disputes, seeking compromises, and so on, as well as how well-informed the public is, considering factors such as age, social status, profession, and other groups.

At the same time, Kazakhstan currently faces a number of issues and shortcomings that hinder the formation of a respectful attitude toward human rights and freedoms, the improvement of citizens’ legal literacy, and, consequently, their legal consciousness.

There is a lack of a detailed and targeted approach to building legal immunity against factors that negatively affect the legal education of minors and youth. Innovative methods for improving the legal culture and consciousness of the population, effective propaganda tools, and the positive experiences of foreign countries in this area remain underutilized.

Insufficient efforts to instill the idea of the rule of law in the public consciousness, along with the inadequate legal knowledge of some citizens, seriously impede various aspects of law enforcement practices. These issues affect the effectiveness of laws and other legal acts, their

compliance by the population, and the success of implementing human rights and freedoms, as well as ensuring their full legal protection.

It is also worth mentioning the global crisis of legal culture in the modern world community, which manifests in intergovernmental relations, conflicts and gaps in international law, as well as the imperfection of the legal regulation and legal implementation mechanisms. The causes of this crisis are directly tied to problems in the political, economic, and humanitarian spheres of global development and international relations.

Meanwhile, the formation of legal culture occurs through legal education and upbringing, which is a targeted, organized, and systematic influence on the individual. Knowledge of one’s rights and freedoms are instilled from childhood, and therefore, the legal education system should be aimed at fostering legal upbringing and shaping legal consciousness. This process helps individuals develop appropriate behavioral norms in society.

The process of forming legal culture should be comprehensive. It is essential to start at a young age, introducing children to commonly accepted norms and rules for interacting with peers and adults. Educational institutions should teach the basics of law, media outlets, television, radio channels, and cultural institutions should play a role in spreading information and fostering positive legal consciousness. Creative projects should be developed to provide basic legal knowledge, and there should be a shift away from promoting criminal culture toward demonstrating positive examples of lawful and socially responsible behavior.

In the process of shaping legal culture, it is not enough to simply master legal rules and norms. It is also important to involve individuals in legal activities, so that they gain not only legal knowledge but also the skills and tools needed to solve specific life challenges using legal methods. This can be successfully achieved with consciously organized and controlled support from educational institutions and other learning organizations.

It should be noted that the legal culture of society determines not only the level of legal consciousness but also the adherence to laws, the quality of legislation, and the peculiarities of

law enforcement practices in the state. The legal culture of different social groups can significantly differ from the general societal norms: it depends on factors such as age, education, profession, and the group's attitude toward legal norms.

During the process of internalizing various values, an individual is formed, gaining certain social experiences and becoming integrated into the culture of the society that surrounds them.

In the course of education, the legal culture of future specialists is formed, with the goal of educational institutions not only being to help students acquire professional competencies but also to instill in them a high level of legal culture.

Legal culture not only changes an individual's behavior but also helps them realize their creative potential through legal activities.

In our opinion, in the current context, it is necessary to legislate the concept of "legal culture", clarify its defining characteristics, components, and the main areas of work for cultivating legal culture among citizens in society.

Specifically, it is recommended to add a definition of 'legal culture' to Article 1 of Kazakhstan's Law 'On Culture' (No. 207-III, dated December 15, 2006), which contains the main definitions.

The proposed legislative amendments, as we see it, will enhance and build upon the significant work carried out in Kazakhstan in recent years aimed at fundamentally reforming the national legal system, modernizing human rights protection mechanisms, and creating all the necessary conditions for the realization of human rights, freedoms, and lawful interests. Effective implementation of these rights and freedoms will significantly impact the progress, quality, and dynamic resolution of Kazakhstan's political, legal, economic, social, cultural, and other issues.

Several measures aimed at forming legal culture should include:

- educating young people from an early age about the key principles of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, and instilling in them an understanding of rights and duties, honesty, good faith, and ethical norms. In particular, we propose introducing a special subject, "Legal Culture," in educational institutions with an exam on this subject in the

final year;

- creating a system for consistently explaining to the population the essence and purpose of the socio-economic and legal reforms in the country, as well as legislative acts and government programs. Strengthening in citizens' minds the idea of the supremacy of law. For example, the creation of special programs on television or in electronic media dedicated to covering various aspects of legal culture in the country and abroad;

- organizing and holding scientific and educational seminars for government officials on the prevention of legal offenses, and instilling in them an intolerant attitude toward all types of lawbreaking. It is proposed that these seminars be provided in all government agencies and organizations, as well as in the quasi-public sector;

- holding legal awareness events for various population groups to foster legal knowledge and culture, combining this with the study of history, religion, and the national values of the people of Kazakhstan, while strengthening citizens' sense of connection to the nation's destiny and patriotism by fostering pride in the country's state symbols. It is advisable to carry out this work by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan on a systematic basis with the involvement of public organizations and educational institutions;

- developing and implementing joint programs between state authorities, including law enforcement agencies, and civil society institutions for targeted legal advocacy. These issues could be resolved through the signing of relevant memorandums between government agencies and public institutions;

- providing legal information from higher educational institutions and law enforcement bodies to the media to ensure the widespread use of innovative methods of legal propaganda, including expanding the use of modern information technologies. To oblige universities and government bodies to provide legal information to the Institute of Legislation and Legal Information of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on issues of legal culture for its promotion in the country's mass media;

- improving legal education and developing systems for the training, retraining, and professional development of legal personnel. It is proposed to provide special courses for civil servants with a legal profile as part of advanced training courses;

- developing new approaches to providing scientific support for the activities of state and public institutions concerning the formation of legal culture in society. For these purposes, provide special scientific grants in this area.

Conclusion. In conclusion, it is crucial to define

the future vectors of legal culture development for citizens of Kazakhstan, which involves not only impeccable knowledge of the law but, more importantly, identifying the necessary and acceptable norms of behavior in society and the state. Additionally, the task at hand is to cultivate in individuals the habit of law-abiding behavior and to develop a state of legal activity. In this context, legal activity refers to the readiness to act in accordance with the law and to actively defend not only one's own rights but also the rights of fellow citizens.

List of used literature:

1. Семитко, А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / А.П. Семитко. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
2. Турлаев, В.А. Правовая культура как фактор правовой реальности (социально-философский анализ) / В.А. Турлаев, Б.И. Карипбаев // Вестник Карагандинского университета (Серия История. Философия.) – 2022. – № 1. – С. 19-25.
3. Карташов, В.Н. Правовая культура: понятие, структуры, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 200 с.
4. Сангинов, К.Х. Формирование правовой культуры молодежи: сущность и проблемы / К.Х. Сангинов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (36). – С. 38-45.
5. Петручак, Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.А. Петручак. – М., 2012. – 23 с.
6. Nelken, D. Disclosing Invoking Legal Culture: An Introduction / D. Nelken // Social and Legal Studies. – 1995. – Vol. 4. № 4. – Pp. 11-12.
7. Law - not so different? / J. Bell // Current Legal Problems. – 1996. – Vol. 48. – Pp. 24-25.
8. Van Hoecke, M. Legal Cultures, Legal Paradigms and Legal Doctrine: Towards a New Model for Comparative Law / M. Van Hoecke, M. Warrington // International and Comparative Law quarterly. – 1998. – Vol. 47. – Pp. 503-504.
9. Chesterman, M. Contempt: in the Common Law, but not the Civil Law / M. Chesterman // International and Comparative Law Quarterly. – 1997. – № 3. – Pp. 521-560.
10. Himma, K.E. Final authority to bind with moral mistakes: On the explanatory potential of inclusive legal positivism / K.E. Himma // Law and Philosophy. – 2005. – Vol. 24. Iss.1. – Pp. 44-45.
11. Кожевников, С.Н. Социально-правовая активность личности и условия ее действенности: дис. ... д-ра юрид. наук / С.Н. Кожевников. – М., 1991. – 125 с.
12. Кудрявцев, В.Н. Правомерное поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 112 с.

References:

1. Semitko, A.P. Razvitie pravovoj kul'tury kak pravovoj progress (problemy teorii): avtoref. dis. ... d-ra. jurid. nauk / A.P. Semitko. – Ekaterinburg, 1996. – 288 s.
2. Turlaev, V.A. Pravovaja kul'tura kak faktor pravovoj real'nosti (social'no-filosofskij analiz) / V.A. Turlaev, B.I. Karipbaev // Vestnik Karagandinskogo universiteta (Serija Istorija. Filosofija.) – 2022. – № 1. – S. 19-25.
3. Kartashov, V.N. Pravovaja kul'tura: ponjatie, struktury, funkcii: monografija / V.N. Kartashov, M.G. Baumova. – Jaroslavl': JarGU, 2008. – 200 s.
4. Sanginov, K.H. Formirovanie pravovoj kul'tury molodezhi: sushhnost' i problemy / K.H. Sanginov

// Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. – 2013. – № 3 (36). – S. 38-45.

5. Petruchak, L.A. Pravovaja kul'tura sovremennoj Rossii: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / L.A. Petruchak. – M., 2012. – 23 s.

6. Nelken, D. Disclosing Invoking Legal Culture: An Introduction / D. Nelken // Social and Legal Studies. – 1995. – Vol. 4. № 4. – Pp. 11-12.

7. Law - not so different? / J. Bell // Current Legal Problems. – 1996. – Vol. 48. – Pp. 24-25.

8. Van Hoecke, M. Legal Cultures, Legal Paradigms and Legal Doctrine: Towards a New Model for Comparative Law / M. Van Hoecke, M. Warrington // International and Comparative Law quarterly. – 1998. – Vol. 47. – Pp. 503-504.

9. Chesterman, M. Contempt: in the Common Law, but not the Civil Law / M. Chesterman // International and Comparative Law Quarterly. – 1997. – № 3. – Pp. 521-560.

10. Himma, K.E. Final authority to bind with moral mistakes: On the explanatory potential of inclusive legal positivism / K.E. Himma // Law and Philosophy. – 2005. – Vol. 24. Iss.1. – Pp. 44-45.

11. Kozhevnikov, S.N. Social'no-pravovaja aktivnost' lichnosti i uslovija ee dejstvennosti: dis. ... d-ra jurid. nauk / S.N. Kozhevnikov. – M., 1991. – 125 s.

12. Kudrjavcev, V.N. Pravomernoe povedenie: norma i patologija / V.N. Kudrjavcev. – M.: Nauka, 1982. – 112 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Алмаз Шүкірұлы Ещанов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының жалпы құқықтық пәндер кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: almaz.7.0@mail.ru.

Ещанов Алмаз Шукирович – профессор кафедры общеюридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, e-mail: almaz.7.0@mail.ru.

Yechshanov Almaz Shukirovich – Professor of the Department of General Legal Disciplines at the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, e-mail: almaz.7.0@mail.ru.

Зарина Жандарбековна Калмурзина – Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университетінің аспиранты, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: 06.03.78z@mail.ru.

Калмурзина Зарина Жандарбековна – аспирант Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, магистр юридических наук, e-mail: 06.03.78z@mail.ru.

Kalmurzina Zarina Zhandarbekovna – Postgraduate Student at Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Master of Laws, e-mail: 06.03.78z@mail.ru.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО /
CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

UDC 342.1; 321.011; 34.03:004.73(100); 34:[002:004.7]
IRSTI 10.15.41; 10.19.51; 10.19.25

K.K. Seitenov, M.B. Sadykov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Koshy, the Republic of Kazakhstan*

**DIGITAL SOVEREIGNTY AS A LEGAL CATEGORY: BETWEEN NATIONAL
JURISDICTION AND THE POWER OF DIGITAL PLATFORMS**

Abstract. Amid the transformation of the global digital order and the growing influence of transnational platforms, traditional understandings of state sovereignty are undergoing significant reconsideration. This article examines digital sovereignty as an emerging legal category situated at the intersection of state jurisdiction and private platform power. The authors propose a differentiated framework in which digital sovereignty is analyzed through three domains of legal regulation: territorial, network, and algorithmic. The article explores legal models developed in the European Union, the United States, and selected countries of the Global South, including India, Brazil, Kazakhstan, and Malaysia, which illustrate diverse approaches to building normative autonomy and exercising control over digital flows. The paper argues for the need to reconceptualize sovereignty as a flexible and functional legal construct aimed at ensuring regulatory accountability of digital actors, algorithmic transparency, and the advancement of co-regulation mechanisms. Finally, it outlines directions for the regulatory structuring of digital sovereignty in the context of a fragmented normative landscape and increasing tensions between governmental authority and corporate influence.

Keywords: digital sovereignty; state jurisdiction; platform power; transnational platform; regulatory accountability; algorithmic governance; territorial control; network governance; artificial intelligence (AI); cybersecurity; digital rights; co-regulation.

Қ.Қ. Сейтенов, М.Б. Садықов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

**ЦИФРЛЫҚ ЕГЕМЕНДІК ҚҰҚЫҚТЫҚ КАТЕГОРИЯ РЕТІНДЕ: МЕМЛЕКЕТТІК
ЮРИСДИКЦИЯ МЕН ЦИФРЛЫҚ ПЛАТФОРМАЛАРДЫҢ БИЛІГІ АРАСЫНДА**

Аннотация. Жаһандық цифрлық тәртіпті өзгерту және трансұлттық платформалардың ықпалын күшейту жағдайында мемлекеттік егемендік туралы дәстүрлі идеялар айтарлықтай қайта қаралуда. Мақалада цифрлық егемендік мемлекеттік юрисдикция мен жеке платформалық биліктің қиылысында пайда болатын құқықтық категория ретінде қарастырылады. Авторлар сандық егемендікті құқықтық реттеудің үш саласының объективі арқылы талдайтын сараланған тәсілді ұсынады: аумақтық, желілік және алгоритмдік. Еуропалық Одақтың, Америка Құрама Штаттарының, сондай-ақ Жаһандық Оңтүстік – Үндістан, Бразилия, Қазақстан және Малайзия елдерінің нормативтік автономияны қалыптастыруға және цифрлық ағындарды бақылауға әртүрлі тәсілдерді көрсететін құқықтық модельдері қарастырылуда. Егемендікті цифрлық субъектілердің нормативтік есептілігін, алгоритмдік жүйелердің транспаренттілігін қамтамасыз етуге және бірлескен реттеу тетіктерін дамытуға бағытталған икемді және функционалды құқықтық құрылым ретінде қайта қарау қажеттілігі негізделеді. Қорытындылай келе, бытыраңқы нормативтік орта және мемлекеттік және корпоративтік мүдделер арасындағы өсіп келе жатқан бәсекелестік жағдайында цифрлық егемендікті құқықтық нақтылау бағыттары ұсынылды.

Түйінді сөздер: сандық егемендік; мемлекеттік юрисдикция; платформалық билік; трансұлттық платформа; нормативтік есеп беру; алгоритмдік реттеу; аумақтық бақылау; желілік басқару; жасанды

интеллект; киберқауіпсіздік; цифрлық құқықтар; бірлескен реттеу.

К.К. Сейтенов, М.Б. Садыков

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИСДИКЦИЕЙ И ВЛАСТЬЮ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Аннотация. В условиях трансформации глобального цифрового порядка и усиления влияния транснациональных платформ традиционные представления о государственном суверенитете подвергаются существенному пересмотру. В статье исследуется цифровой суверенитет как формирующаяся правовая категория, находящаяся на пересечении государственной юрисдикции и частной платформенной власти. Авторы предлагают дифференцированный подход, в рамках которого цифровой суверенитет анализируется через призму трех сфер правового регулирования: территориальной, сетевой и алгоритмической. Рассматриваются правовые модели Европейского союза, Соединенных Штатов Америки, а также стран Глобального Юга – Индии, Бразилии, Казахстана и Малайзии, демонстрирующих различные подходы к формированию нормативной автономии и контролю над цифровыми потоками. Обосновывается необходимость переосмысления суверенитета как гибкой и функциональной юридической конструкции, ориентированной на обеспечение нормативной подотчетности цифровых субъектов, транспарентности алгоритмических систем и развитие механизмов совместного регулирования. В заключение предложены направления юридической конкретизации цифрового суверенитета в условиях фрагментированной нормативной среды и растущей конкуренции между государственными и корпоративными интересами.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; государственная юрисдикция; платформенная власть; транснациональная платформа; нормативная подотчетность; алгоритмическое регулирование; территориальный контроль; сетевое управление; искусственный интеллект; кибербезопасность; цифровое право; совместное регулирование.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_25

Introduction. In the era of dominant digital platforms and global networked services, the classical Westphalian model of state sovereignty, rooted in territorial exclusivity and national jurisdiction, is increasingly contested. Cross-border data storage, the autonomous operation of algorithms, and the activities of platforms that bypass national legal boundaries have created a situation in which domestic legal systems encounter significant limitations in influencing processes that occur beyond their jurisdiction [1]; [2].

Robles-Carrillo and Belli argue that digital sovereignty is increasingly regarded as an independent legal concept distinct from traditional state sovereignty and that it requires renewed legal reflection in the context of platform economies and transnational regulation [3]; [4].

In legal doctrine, digital sovereignty still lacks a clear and normatively consolidated classification, which complicates its integration into existing regulatory frameworks. Under

current conditions, it should not be seen as a derivative of classical sovereignty but rather as an emerging legal category operating at the intersection of public jurisdiction and private platform power.

The purpose of the study is to critically examine the legal nature of digital sovereignty by identifying its emerging dimensions at the intersection of state jurisdiction and the regulatory authority of digital platforms. The research focuses on the approaches adopted by states to regain control over data, digital infrastructure, and algorithms under conditions of normative uncertainty. In addition, the study explores the possibility of understanding digital sovereignty not as a political slogan, but as a functional legal category, and considers the implications of such an approach for balancing public authority and private governance in the digital age.

Materials and methods. The methodological foundation of the study is a doctrinal analysis

of legal acts and strategic policy documents governing digital sovereignty, data governance, and platform regulation. The theoretical framework draws upon scholarly literature, including publications indexed in Scopus and Web of Science, that explore the transformation of state sovereignty in the context of digitalisation. A comparative legal approach is employed to analyse regulatory models implemented in the European Union, the United States, and several Global South countries. Elements of normative legal theory are also applied to assess the conceptual coherence and practical viability of digital sovereignty as an emerging legal category.

Results. Amid institutional fragmentation of the digital space and persistent regulatory uncertainty, the concept of digital sovereignty is acquiring a multi-layered structure that reflects the diversity of state legal interventions. This article proposes to conceptualize digital sovereignty as a set of three functionally interrelated yet normatively distinct domains of legal regulation: territorial, network, and algorithmic.

The territorial domain encompasses the jurisdictional aspect, wherein states seek to establish control over physical digital infrastructure including data centers, server capacities, and communication channels as well as over data storage and localization regimes. This regulatory trajectory is reflected in a range of legal instruments aimed at preventing the cross-border transfer of sensitive data [5]; [6].

The domain of network regulation pertains to the governance of digital flows, including internet traffic routing, content moderation, and the legal status of digital platforms. States are seeking to establish rules for access to and dissemination of information in an environment where ecosystems are increasingly controlled

by transnational private actors [7]; [8].

The algorithmic dimension constitutes the most dynamic and vulnerable aspect of digital sovereignty, encompassing the control over automated decision-making systems and algorithms that shape users' cognitive behavior. In this context, issues of accountability, transparency, and the legal legitimization of digital interventions in the sphere of public interest acquire particular importance [9]; [10]; [11].

Accordingly, such a three-tiered structure facilitates a systematic legal conceptualization of digital sovereignty as a multilayered normative construct responsive to the distributed nature of authority in the post-Westphalian digital order.

The contemporary legal landscape is marked by the absence of a stable normative and doctrinal consensus regarding the content of digital sovereignty as a legal category. While the term is widely employed in the European Union's strategies on digital transformation and cybersecurity, it lacks a precise legal definition, resulting in conceptual discrepancies across legislative instruments and policy initiatives [7]; [8]. Scholarly literature highlights that digital sovereignty is interpreted in various ways: as technological independence, as the capacity of states to exert control over digital infrastructure, or as a component of cybersecurity. This diversity of interpretations reflects the conceptual ambiguity and unsettled legal nature of the term [12]; [13]; [14].

Particular attention in this context should be given to the conflict between state jurisdiction and the transnational authority of digital platforms. The European Union's Digital Services Act¹ (DSA)² and Digital Markets Act³ (DMA)⁴ introduce strict obligations for large online platforms (designated as gatekeepers⁵), which often conflict with the regulatory approaches of

¹ The Digital Services Act package / European Commission [Electronic resource] – Access mode: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (Access date: 19.07.2025).

² Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) [Electronic resource] – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R2065> (Access date: 24.07.2025).

³ The Digital Markets Act / European Commission [Electronic resource] – Access mode: https://competition-policy.ec.europa.eu/sectors/ict/digital-markets-act_en (Access date: 18.07.2025).

⁴ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) [Electronic resource] – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1925> (Access date: 22.07.2025).

⁵ Gatekeepers are digital platforms that have a significant impact on the internal market, a large user base, and the ability to impose rules of conduct on other participants within the digital ecosystem. This designation was introduced in Regulation (EU) 2022/1925 (Digital Markets Act) to identify entities subject to enhanced regulatory obligations.

other jurisdictions, particularly the United States, where Section 2306 provides for limited liability of online intermediaries [15].

Australia has the scope to shape a model of digital sovereignty that protects its national interests while accommodating its trade agenda, since international trade law allows proportionate measures that do not weaken its standing in the global trading system or its role in international cyber regulation [16].

Australia's adoption of the Online Safety Act 2021, which includes an expanded extraterritorial scope under Section 23 allowing the eSafety Commissioner to issue removal notices to foreign-based platforms, has sparked significant legal and doctrinal debate. In the case *eSafety Commissioner v. X Corp (Twitter)*, the Federal Court of Australia confirmed the binding character and legal validity of an interim injunction. This injunction imposed an obligation to limit access to video materials officially classified as harmful, notwithstanding the fact that the technical hosting of such materials was carried out on servers physically located outside the territory of Australia.

At the same time, the court drew attention to the circumstance that the execution of global takedown orders in relation to online information is complicated by a number of objective and practically significant factors. These factors include, inter alia, the problem of jurisdictional boundaries and the unwillingness of transnational platforms to comply with decisions adopted beyond the framework of their primary national regulation.

In academic literature, such regulatory initiatives are often assessed as exceeding reasonable normative boundaries and as difficult to apply in practice, given the fragmented character of the digital environment. As a result, the formation of a stable and replicable legal model of digital sovereignty is constrained by the absence of legal certainty and by contradictions

in the applicable norms. The conflict between the regulatory interests of the state and the influence of global digital corporations further aggravates this situation.

In these conditions, individual jurisdictions are compelled to elaborate their own mechanisms of digital regulation. Such mechanisms differ considerably depending on the specific legal system, political priorities and the level of technological development in each country. The result is the emergence of multiple models of state response, none of which can yet be regarded as universally applicable.

The European Union exhibits a trend toward normative expansion aimed at subjecting digital ecosystems to the principles of public law. The Digital Services Act and the Digital Markets Act codify the obligations of digital platforms in areas such as content moderation, algorithmic transparency, and the prevention of abuses of dominant market positions. This regulatory strategy is widely interpreted as an attempt to offset the transnational nature of platforms by embedding them within the legal framework of the EU⁷.

Digital sovereignty, though originating in EU initiatives, reflects a broader post-territorial shift in which state authority is no longer tied solely to geography, allowing multiple sovereignties to coexist and legitimizing both localisation and extraterritorial laws as expressions of sovereignty [17].

By contrast, the United States adheres to a regulatory model grounded in the primacy of market self-regulation. A central legal pillar remains Section 230 of the Communications Decency Act, which grants internet intermediaries immunity from liability for user-generated content⁸. This framework effectively limits the government's capacity to intervene in platform operations, while simultaneously reinforcing the dominant role of the private sector in shaping the governance of the digital environment.

⁶ 47 U.S. Code §230 – Protection for private blocking and screening of offensive material [Electronic resource] – Access mode: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (Access date: 20.07.2025).

⁷ The Rise of Digital Platforms' Power and the EU's Regulatory Gamble with the DMA and DSA [Electronic resource] – Access mode: <https://constitutionaldiscourse.com/the-rise-of-digital-platforms-power-and-the-eus-regulatory-gamble-with-the-dma-and-dsa> (Access date: 22.07.2025); EU's regulatory iceberg bears down on tech's big ships [Electronic resource] – Access mode: <https://www.axios.com/2022/07/06/eu-tech-regulation-laws-dma-dsa> (Access date: 20.07.2025); The EU Is Taking on Big Tech. It May Be Outmatched [Electronic resource] – Access mode: <https://www.wired.com/story/european-commission-big-tech-regulation-outlook> (Access date: 18.07.2025).

⁸ Section 230 and the Electronic Frontier Foundation [Electronic resource] – Access mode: <https://www.eff.org/issues/cda230> (Access date: 23.07.2025); Section 230 Explained: Internet Speech Law & Moderation Guide (The Verge) [Electronic resource] – Access mode: <https://www.theverge.com/21273768/section-230-explained-internet-speech-law-definition-guide-free-moderation> (Access date: 21.07.2025).

A number of Global South countries including India, Brazil, Kazakhstan, and Malaysia are advancing the concept of technological sovereignty as a strategic response to the challenges of digital dependency and transnational control over critical infrastructure.

In India, this trend is reflected in the Digital India programme, supported by data localization requirements, including those introduced by the Reserve Bank of India in 2018 regarding the storage of financial and personal data⁹. The Digital Personal Data Protection Act of 2023 requires data fiduciaries (collectors and processors of digital personal data) to store the data of Indian citizens within India. Section 17 of the Act prohibits the transfer of sensitive personal data to foreign jurisdictions unless they meet satisfactory privacy protection standards¹⁰.

India's indigenous web browser initiative represents a major step toward digital sovereignty, cybersecurity, and self-reliance by offering enhanced privacy, security, and multilingual support tailored to Indian users while reducing reliance on foreign platforms [18].

Brazil, through the enactment of the General Data Protection Law (Lei Geral de Proteção de Dados – LGPD), has undertaken efforts to establish a national framework for digital rights, aiming to align regulatory principles with the imperatives of domestic sovereignty¹¹.

Kazakhstan has pursued legislative initiatives to mandate data storage on domestic servers, promote national data centers, and support digital platforms operating under national jurisdiction¹².

Similarly, Malaysia is building a regulatory architecture through the Personal Data Protection Act (2010), restrictions on cross-border data transfers, and the newly adopted Cyber Security

Act (2024), which establishes state oversight over critical digital infrastructure¹³. Additionally, Malaysia is advancing its Sovereign Cloud initiative, which seeks to ensure that cloud services remain within the bounds of national jurisdiction¹⁴.

These measures, when considered in their entirety, reflect the stable and deliberate intention of the respective states to reinforce the system of legal regulation in the sphere of digital relations, to reduce the current degree of dependence on transnational platforms, and to introduce national mechanisms of governance over digital infrastructure. Such mechanisms, according to the declared objectives, are directed at achieving a higher level of autonomy and at providing greater guarantees of security against external influence.

Discussion. At the same time, the necessity of developing such strategies demonstrates the existence of a discrepancy between established legal concepts and the actual structure of the digital environment. In this connection, the issue of revising fundamental categories of public law, including the concept of sovereignty, becomes increasingly relevant. The process of digital transformation leads to the erosion of the traditional Westphalian understanding of sovereignty as exclusive state control over a fixed territory. Instead, in legal doctrine there is a tendency to interpret sovereignty as a functional capacity. This capacity may be expressed through instruments that allow the state to counter technological challenges, protect national interests, and ensure normative accountability of new digital actors. The evolution of this concept illustrates a transition from a static model of sovereignty to a functional one, which focuses on adaptability and institutional flexibility

⁹ SAR Compliance Audit Services in India [Electronic resource] – Access mode: <https://www.arridae.com/Audit/RBI-SAR.php> (Access date: 22.07.2025); Understanding RBI's Data Localization Rule: A Critical Step Toward Data Sovereignty [Electronic resource] – Access mode: <https://timusconsulting.com/understanding-rbis-data-localization-rule-a-critical-step-toward-data-sovereignty> (Access date: 20.07.2025).

¹⁰ The Data Localisation Debate in India [Electronic resource] – Access mode: <https://www.cyberpeace.org/resources/blogs/the-data-localisation-debate-in-india> (Access date: 18.07.2025).

¹¹ Understanding Brazil's LGPD – General Data Protection Law [Electronic resource] – Access mode: <https://www.eunetic.com/en/kb/regulatory-and-compliance/brazils-lgpd-general-data-protection-law> (Access date: 23.07.2025).

¹² Digital Business Laws and Regulations: Kazakhstan (ICLG) [Electronic resource] – Access mode: <https://iclg.com/practice-areas/digital-business-laws-and-regulations/kazakhstan> (Access date: 22.07.2025).

¹³ Recent Developments in Malaysia's Personal Data Protection Act [Electronic resource] – Access mode: <https://hhq.com.my/posts/recent-developments-in-malaysias-personal-data-protection-ac> (Access date: 21.07.2025).

¹⁴ DNeX And Google Cloud Partner To Launch Sovereign Cloud Services In Malaysia [Electronic resource] – Access mode: <https://finimize.com/content/dnex-and-google-cloud-partner-to-launch-sovereign-cloud-services-in-malaysia> (Access date: 22.07.2025); DNeX and Google cloud partner to offer sovereign cloud services in Malaysia [Electronic resource] – Access mode: <https://dig.watch/updates/dnex-and-google-cloud-partner-to-offer-sovereign-cloud-services-in-malaysia> (Access date: 20.07.2025).

in conditions of global interdependence.

In parallel with the transformation of sovereignty, the problem of legal fragmentation is intensifying. The reason for this is the expansion of transnational digital platforms, which function in multiple jurisdictions and are frequently outside the scope of effective national regulation. As a consequence, there arises a phenomenon of “regulatory asymmetry”, in which private actors effectively govern digital environments while states face difficulties in enforcing their legislation. Under such conditions, there are risks for the protection of fundamental rights, including the right to privacy of personal data, freedom of expression, and protection from manipulative algorithms that influence public opinion. The lack of a unified international regulatory framework further complicates the protection of public order, particularly in relation to the spread of disinformation, non-transparency of algorithmic decision-making, and unequal access to digital infrastructure. Therefore, the development of legal mechanisms that provide a balance between technological innovation and the principles of the rule of law should be recognized as a priority for both national governments and international organizations.

This problem is becoming more acute in connection with the rapid implementation of algorithmic systems and artificial intelligence technologies. These technologies directly influence the formation of information agendas, the distribution of content, and decision-making processes at both the individual and institutional levels. The absence of transparency in the functioning of such systems creates prerequisites for possible violations of human rights. These may include, in particular, cases of discrimination, breaches of the confidentiality of personal data, and also unjustified restrictions on the implementation of the right to freedom of expression.

Furthermore, the activity of autonomous algorithmic systems may constitute a factor of risk to public order, as they are capable of facilitating the automated distribution of disinformation, the manipulation of public discussions, and the introduction of unjustified forms of censorship. In the absence of a unified and internationally recognized regulatory

framework applicable to digital platforms and artificial intelligence technologies, the necessity of developing coordinated legal instruments becomes objectively evident. Such instruments are intended to ensure the maintenance of balance between the demands of technological progress, the safeguarding of digital rights, and the preservation of normative legitimacy.

In this regard, the category of digital sovereignty should not be interpreted as an absolute and indivisible state authority. Instead, it appears more accurate to define it as a flexible legal construct, the essential feature of which lies in its ability to adjust to new patterns of distributed control and hybrid forms of governance in the digital sphere.

Contemporary challenges such as the transnational operations of digital platforms and the growing influence of algorithmic decision-making demonstrate that sovereignty is increasingly perceived as partial, negotiated, and dependent on specific technological and politico-legal contexts. In response, states are developing tools not to reassert full control, but to establish effective accountability mechanisms for digital actors, ensure transparency of algorithms, and promote co-regulatory frameworks. This does not entail abandoning the concept of sovereignty, but rather updating it in light of digital realities through the lens of digital rights, justice, and regulatory resilience.

First, there is a need to formalize the concept of digital sovereignty within national legal systems. This entails legislatively enshrining its core components: territorial (control over digital infrastructure and data localization), network (regulation of information flows and platform operations), and algorithmic (accountability of AI systems). These provisions could be integrated into digital codes, constitutional frameworks, or sector-specific legislation.

Second, states must promote transnational co-regulatory legal regimes that establish binding accountability standards for digital platforms. This may include bilateral agreements, mandatory codes of conduct, and institutionalized oversight mechanisms for cross-border digital operations. In the longer term, a multilateral treaty on digital responsibility could be envisaged, analogous to existing legal

regimes in financial or environmental law.

Third, there is a need to introduce enforceable legal requirements governing algorithmic systems. These should include mandatory audits of automated decisions, guarantees of explainability, non-discrimination, and compliance with fairness standards in data processing. States may also establish national registries of critical digital infrastructure and high-risk algorithms as tools of sovereign oversight over the cognitive architecture of digital ecosystems.

In general, the analysis of digital sovereignty demonstrates the necessity of developing concrete legal instruments aimed at ensuring an appropriate balance between the interests of the state and the growing influence of private digital actors. Only under such conditions can effective regulation be carried out in the context of the ongoing transformation of the global digital order.

Conclusion. In the current circumstances of a fragmented digital environment and the expansion of transnational platforms, the traditional understanding of digital sovereignty loses its clarity. In this regard, digital sovereignty should be reconsidered not as absolute and territorially fixed authority, but as a set of flexible legal mechanisms. These mechanisms enable the state to exert normative influence on digital processes, including those that extend beyond its direct jurisdiction.

The differentiation of digital sovereignty into territorial, network, and algorithmic dimensions makes it possible to identify more precisely the forms of state legal control in the digital sphere and to determine the areas that require further legal structuring. At the same time, the absence of unity in both international and domestic doctrine, as well as the disproportionality between public interests and the power of private platforms, confirms the urgency of institutional solutions.

First of all, digital sovereignty should be consolidated within national legal systems. Its key elements – control over digital infrastructure, regulation of information flows, and accountability of algorithmic systems – need to be formally reflected in digital codes, special legislation, or

even constitutional provisions.

Second, there is a need to develop international and regional mechanisms for transboundary co-regulation that would ensure the legal accountability of digital platforms and their compliance with fundamental standards of transparency, fairness, and human rights. This line of activity may, among other things, be carried out through the conclusion of bilateral interstate agreements, the adoption of binding codes of conduct possessing a normative character, as well as through the establishment and subsequent continuous functioning of institutionalized oversight bodies vested with the relevant supervisory and regulatory competences.

Third, the introduction of legally binding requirements regulating the functioning of algorithmic systems should be regarded as a necessary and unavoidable measure. Such requirements, in their substantive scope, are to encompass, inter alia, the conduct of preliminary assessments, the mandatory disclosure of the internal logic underlying decision-making processes, the establishment of safeguards designed to prevent discriminatory practices, and the obligation to comply with formally codified standards of digital fairness. In addition, it appears justified that state authorities may initiate the creation and maintenance of national registries of critical elements of digital infrastructure, as well as registries of algorithmic systems formally classified as high-risk on the basis of predetermined criteria.

In a broader sense, the modern doctrinal interpretation of the category of digital sovereignty should not be directly associated with the notion of absolute or comprehensive control by the state. Instead, it is more appropriate to conceptualize digital sovereignty as the institutional capacity of the state to design, elaborate, and maintain legal regimes capable of responding adequately to transnational challenges, while at the same time ensuring the protection of digital rights and preserving a necessary level of normative stability under conditions characterized by distributed digital power and hybrid forms of governance.

List of used literature:

1. Mueller, M.L. Against Sovereignty in Cyberspace / M.L. Mueller // International Studies Review. – 2020. – Vol. 22, no. 4. – Pp. 779-801.
2. De Gregorio, G. The Rise of Digital Constitutionalism in the European Union / G. De Gregorio // International Journal of Constitutional Law. – 2021. – Vol. 19, no. 1. – Pp. 41-70.
3. Robles-Carrillo, M. Sovereignty vs Digital Sovereignty: A Critical Overview / M. Robles-Carrillo // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, no. 3. – Pp. 673-689.
4. Belli, L. BRICS countries to build digital sovereignty / L. Belli // CyberBRICS: Cybersecurity regulations in the BRICS countries. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – Pp. 271-280.
5. Jansen, B. Pushing boundaries: An empirical view on the digital sovereignty of six governments in the midst of geopolitical tensions / B. Jansen, et al. // Government Information Quarterly. – 2023. – T. 40. № 4. – Pp. 101862.
6. Wu, E. Sovereignty and data localization / E. Wu. – Belfer Center for Science and International Affairs; Harvard Kennedy School: Cambridge, MA, USA, 2021. – 34 p.
7. Pohle, J. Digital sovereignty / J. Pohle, T. Thiel // Internet Policy Review. Alexander von Humboldt Institute for Internet and Society, Berlin. – 2020. – Vol. 9. № 4. – Pp. 1-19.
8. Fratini, S. Digital sovereignty: A descriptive analysis and a critical evaluation of existing models / S. Fratini, et al. // Digital Society. – 2024. – T. 3. № 3. – Pp. 1-27.
9. Wischmeyer, T. Artificial intelligence and transparency: opening the black box // Regulating artificial intelligence / T. Wischmeyer // Cham: Springer International Publishing, 2019. – Pp. 75-101.
10. Zalnieriute, M. The rule of law and automation of government decision-making / M. Zalnieriute, L.B. Moses, G. Williams // The Modern Law Review. – 2019. – T. 82. № 3. – Pp. 425-455.
11. Yeung, K. Algorithmic regulation: A critical interrogation / K. Yeung // Regulation & governance. – 2018. – T. 12. № 4. – Pp. 505-523.
12. Edler, J. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means / J. Edler, et al. // Research Policy. – 2023. – T. 52. № 6. – Pp. 104765.
13. Srivastava, S. Ai, global governance, and digital sovereignty / S. Srivastava, J. Bullock // arXiv preprint arXiv:2410.17481. – 2024. – Pp. 1-20.
14. Baldoni, R. Sovereignty in the digital era: The quest for continuous access to dependable technological capabilities / R. Baldoni, G. Di Luna // IEEE Security & Privacy. – 2025. – T. 23. № 1. – Pp. 91-96.
15. Kosseff, J. The twenty-six words that created the Internet / J. Kosseff. – Cornell University Press, 2019. – 328 p.
16. Mitchell, A.D. Cloud services and government digital sovereignty in Australia and beyond / A.D. Mitchell, T. Samlidis // International Journal of Law and Information Technology. – 2021. – T. 29. № 4. – Pp. 364-394.
17. Celeste, E. Digital sovereignty in the EU: challenges and future perspectives / E. Celeste // Data protection beyond borders: Transatlantic perspectives on extraterritoriality and sovereignty. – 2021. – Pp. 211-228.
18. George, A.S. Indian Own Browser: A Step Towards Digital Sovereignty / A.S. George, T. Baskar // Partners Universal International Innovation Journal. – 2025. – T. 3. № 2. – Pp. 1-17.

References:

1. Mueller, M.L. Against Sovereignty in Cyberspace / M.L. Mueller // International Studies Review. – 2020. – Vol. 22, no. 4. – Pp. 779-801.
2. De Gregorio, G. The Rise of Digital Constitutionalism in the European Union / G. De Gregorio // International Journal of Constitutional Law. – 2021. – Vol. 19, no. 1. – Pp. 41-70.
3. Robles-Carrillo, M. Sovereignty vs Digital Sovereignty: A Critical Overview / M. Robles-Carrillo // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, no. 3. – Pp. 673-689.
4. Belli, L. BRICS countries to build digital sovereignty / L. Belli // CyberBRICS: Cybersecurity

- regulations in the BRICS countries. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – Pp. 271-280.
5. Jansen, B. Pushing boundaries: An empirical view on the digital sovereignty of six governments in the midst of geopolitical tensions / B. Jansen, et al. // *Government Information Quarterly*. – 2023. – T. 40. № 4. – Pp. 101862.
 6. Wu, E. Sovereignty and data localization / E. Wu. – Belfer Center for Science and International Affairs; Harvard Kennedy School: Cambridge, MA, USA, 2021. – 34 p.
 7. Pohle, J. Digital sovereignty / J. Pohle, T. Thiel // *Internet Policy Review*. Alexander von Humboldt Institute for Internet and Society, Berlin. – 2020. – Vol. 9. № 4. – Pp. 1-19.
 8. Fratini, S. Digital sovereignty: A descriptive analysis and a critical evaluation of existing models / S. Fratini, et al. // *Digital Society*. – 2024. – T. 3. № 3. – Pp. 1-27.
 9. Wischmeyer, T. Artificial intelligence and transparency: opening the black box // *Regulating artificial intelligence* / T. Wischmeyer // Cham: Springer International Publishing, 2019. – Pp. 75-101.
 10. Zalnieriute, M. The rule of law and automation of government decision-making / M. Zalnieriute, L.B. Moses, G. Williams // *The Modern Law Review*. – 2019. – T. 82. № 3. – Pp. 425-455.
 11. Yeung, K. Algorithmic regulation: A critical interrogation / K. Yeung // *Regulation & governance*. – 2018. – T. 12. № 4. – Pp. 505-523.
 12. Edler, J. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means / J. Edler, et al. // *Research Policy*. – 2023. – T. 52. № 6. – Pp. 104765.
 13. Srivastava, S. Ai, global governance, and digital sovereignty / S. Srivastava, J. Bullock // *arXiv preprint arXiv:2410.17481*. – 2024. – Pp. 1-20.
 14. Baldoni, R. Sovereignty in the digital era: The quest for continuous access to dependable technological capabilities / R. Baldoni, G. Di Luna // *IEEE Security & Privacy*. – 2025. – T. 23. № 1. – Pp. 91-96.
 15. Kosseff, J. The twenty-six words that created the Internet / J. Kosseff. – Cornell University Press, 2019. – 328 p.
 16. Mitchell, A.D. Cloud services and government digital sovereignty in Australia and beyond / A.D. Mitchell, T. Samlidis // *International Journal of Law and Information Technology*. – 2021. – T. 29. № 4. – Pp. 364-394.
 17. Celeste, E. Digital sovereignty in the EU: challenges and future perspectives / E. Celeste // *Data protection beyond borders: Transatlantic perspectives on extraterritoriality and sovereignty*. – 2021. – Pp. 211-228.
 18. George, A.S. Indian Own Browser: A Step Towards Digital Sovereignty / A.S. George, T. Baskar // *Partners Universal International Innovation Journal*. – 2025. – T. 3. № 2. – Pp. 1-17.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Қалиолла Қабайұлы Сейтенов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры, заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: ise.astana@yandex.kz.

Сейтенов Калиолла Кабаевич – Первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, e-mail: ise.astana@yandex.kz.

Seitenov Kaliolla Kabayevich – First Vice-Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, e-mail: ise.astana@yandex.kz.

Мұхтар Бейбітұлы Садықов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының арнайы заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), мемлекеттік

басқару магистрі (Назарбаев университеті), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Садыков Мухтар Бейбутович – старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), магистр государственного управления (Назарбаев университет), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Sadykov Mukhtar Beybutovich – Senior Lecturer at the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Master of Public Administration (Nazarbayev University), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

УДК 342.9.086; 351.03; 347.91.02
МРНТИ 10.17.65; 10.31.51

М.Х. Хасенов

Maqsut Narikbayev University, г. Астана, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА О ВЫДВОРЕНИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Аннотация. В настоящей статье приводятся результаты исследования законодательства и правоприменительной практики выдворения мигрантов за пределы Казахстана с учетом международных стандартов в области прав человека и практики зарубежных государств. Особый акцент в работе сделан на проблеме противодействия торговле людьми, с которой связан вопрос выдворения мигрантов. Автором приводится анализ правовой статистики по применению выдворения как уголовного наказания, административного выдворения как административного взыскания и выдворения по заявлениям органов внутренних дел в порядке гражданского процессуального законодательства, а также анализ нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие виды выдворений, на предмет соответствия международным обязательствам Республики Казахстан. В статье обосновывается необходимость совершенствования системы выдворения мигрантов. В частности, необходимо ввести специальный тест на предмет наличия признаков торговли людьми в процедуры рассмотрения дел о выдворении, устранить барьеры для обжалования мигрантами судебных актов о выдворении, а также детализировать разъяснение судебной практики.

Ключевые слова: административное выдворение; депортация; мигрант; права человека; административное взыскание; наказание; нелегальная миграция; торговля людьми.

М.Х. Хасенов

Maqsut Narikbayev University, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МИГРАНТТАРДЫ ШЫҒАРЫП ЖІБЕРУ ТУРАЛЫ ЗАҢНАМАСЫН АДАМ САУДАСЫНА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ КОНТЕКСТІНДЕ ҚОЛДАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Осы мақалада адам құқықтары саласындағы халықаралық стандарттарды мен шетелдік мемлекеттердің тәжірибесін ескере отырып Қазақстаннан мигранттарды шығарып жіберу жөніндегі заңнама мен құқық қолдану тәжірибесінің жүргізілген зерттеу нәтижелері келтірілген. Жұмыста мигранттарды шығарып жіберу мәселесі байланысты адам саудасына қарсы тұру мәселесіне ерекше назар аударылады. Автор қылмыстық жаза ретінде шығарып жіберуді, әкімшілік жаза ретінде әкімшілік шығарып жіберуді және азаматтық іс жүргізу заңнамасы тәртібімен ішкі істер органдарының өтініштері бойынша шығарып жіберуді қолдану жөніндегі құқықтық статистикаға талдау, сондай-ақ шығарып жіберудің тиісті түрлерін реттейтін нормативтік құқықтық актілердің ҚР халықаралық міндеттемелеріне сәйкестігі мәніне талдау жасады. Мақалада мигранттарды шығарып жіберу жүйесін жетілдіру қажеттілігі негізделеді. Атап айтқанда, шығарып жіберу туралы істерді қарау рәсімдеріне адам саудасы белгілерінің бар-жоғына арнайы тест енгізу, көшіп-қонушылардың шығарып жіберу туралы сот актілеріне шағымдану үшін кедергілерді жою, сондай-ақ сот тәжірибесін нақтылау қажет.

Түйінді сөздер: әкімшілік шығарып жіберу; депортация; мигрант; адам құқықтары; әкімшілік жаза; жаза; заңсыз көші-қон; адам саудасы.

M.K. Khassenov

Maqсут Narikbayev University, Astana, the Republic of Kazakhstan

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN ON THE EXPULSION OF MIGRANTS IN THE CONTEXT OF COMBATING HUMAN TRAFFICKING

Abstract. This article presents the results of a study of the legislation and law enforcement practice of deporting migrants from Kazakhstan, taking into account international human rights standards and the practice of foreign states. Particular emphasis in the work is focused on the problem of combating human trafficking, which is associated with the issue of deporting migrants. The author provides an analysis of legal statistics on the use of expulsion as a criminal punishment, administrative deportation as an administrative penalty, and deportation based on applications from internal affairs agencies in accordance with civil procedural legislation, as well as analysis of regulatory legal acts governing the relevant types of expulsion for compliance with the international obligations of the Republic of Kazakhstan. The article substantiates the need to improve the system of expulsion of migrants. In particular, it is necessary to introduce a special test for the presence of signs of human trafficking in the procedures for considering cases of expulsion, remove barriers to migrants appealing judicial decisions on expulsion, and also detail the explanation of judicial practice.

Keywords: administrative expulsion; deportation; migrant; human rights; administrative sanction; punishment; illegal migration; human trafficking.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_35

Введение. Мигранты являются наиболее уязвимой категорией населения, что обусловлено многочисленными ограничениями, которые предусмотрены в отношении них в законодательстве государств, рисками стать жертвами торговли людьми и мошенничества, а также злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Международные стандарты в области прав человека содержат обязательства государств защищать всех лиц, находящихся под их юрисдикцией независимо от их национальной принадлежности.

Вместе с тем в Казахстане ежегодно сотни тысяч мигрантов привлекаются к административной ответственности, десятки тысяч мигрантов выдворяются за пределы республики за различного рода нарушения. Иностранцы и лица без гражданства сталкиваются с барьерами в доступе к эффективным средствам правовой защиты, включая право на справедливое судебное разбирательство и право на обжалование судебных актов.

Выдворение охватывает любые действия, в результате которых человек вынужден покинуть территорию государства. К таким мерам относятся, в частности, отказ во

въезде на границе, действия в открытом море, а также любые другие ситуации, в которых физическое лицо оказывается под юрисдикцией государства. Выдворение может проявляться в различных формах – передача в другое государство, принудительная высылка, возвращение или депортация. Кроме того, к выдворению может относиться и такое поведение государства, которое фактически делает невозможным дальнейшее пребывание человека на его территории.

В статье 10 Проекта статей ООН о высылке иностранцев установлен запрет на скрытые формы выдворения – так называемую замаскированную высылку. Под ней понимаются действия государства, в результате которых условия жизни для лица становятся настолько невыносимыми, что у него фактически не остается иного выбора, кроме как покинуть страну [1, 40 стр.].

В Республике Казахстан (далее – РК) выдворение в отношении иностранцев и лиц без гражданства может быть применено в рамках трех видов судопроизводства: административное выдворение как административное взыскание (Кодекс РК «Об административных правонарушениях», далее – КоАП), выдворение в порядке гражданского судопроизвод-

ства (Гражданский процессуальный кодекс РК, далее – ГПК), выдворение за пределы РК иностранца или лица без гражданства как уголовное наказание (Уголовный кодекс РК и Уголовно-процессуальный кодекс РК) [2, 103 стр.].

В этой связи обоснована необходимость в проведении системного анализа применения всех категорий выдворений мигрантов в динамике и на предмет соблюдения международных стандартов в области прав человека.

Материалы и методы. При подготовке статьи применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Материалами исследования являются нормы законодательства и правоприменительная практика Казахстана по вопросам выдворения, а также международные стандарты и исследования по соответствующей тематике. Были проанализированы правовая статистика и судебная практика.

Практика применения указанных видов выдворений выглядит следующим образом.

Анализ правовой статистики показывает¹, что за последние 10 лет (2015-2024 гг.) наблюдается высокий уровень карательности в делах о привлечении к административной ответственности мигрантов. По каждому двадцатому делу об административных правонарушениях в отношении мигрантов применяется крайняя мера – административное выдворение. 125 274 мигрантов были выдворены за последние 10 лет, а в 2024 году количество выдворенных мигрантов составило свыше 37 тыс., что в 3 раза больше, чем в 2023 году и в 5 раз выше, чем в 2022 году. В среднем 15% административных взысканий по статье 517 КоАП составляют выдворения.

В то же время за последние 10 лет наблюдается последовательное снижение доли удовлетворенных заявлений о выдворении мигрантов в гражданском порядке: с 68% в 2015 году до 34% в 2024 году. Это свидетельствует о более

тщательном рассмотрении судами таких дел и тенденции к большей защите прав мигрантов. При сопоставлении с делами об административных правонарушениях ситуация кардинально отличается: на сегодняшний день удовлетворяется каждое третье заявление о выдворении (31-36%), в то время как в рамках административных правонарушений доля удовлетворенных дел (привлеченных к административной ответственности) составляет в среднем 93% только по статье 517 КоАП (наиболее распространенные составы административных правонарушений), что свидетельствует о явно обвинительном уклоне судов по административным правонарушениям в отношении мигрантов.

Отдельного внимания заслуживает крайне низкое количество жалоб на решения гражданских судов о выдворении за пределы республики в кассационном порядке – в среднем 15% от удовлетворенных исков соответственно. Это свидетельствует о серьезных барьерах для мигрантов в доступе к средствам правовой защиты в виде обжалования в вышестоящие судебные инстанции. Из общего числа кассационных жалоб удовлетворяются только 5%, что подтверждает чрезмерно обвинительный уклон правосудия.

В сфере уголовного правосудия за последние 9 лет (2016-2024 гг.) наблюдается последовательное снижение количества лиц, которым в качестве дополнительного наказания назначено выдворение: с 945 в 2018 году до 259 в 2024 году, что свидетельствует об относительной гуманизации уголовного правосудия в отношении мигрантов. Большинство уголовных дел, по которым назначено дополнительное наказание в виде выдворения, касаются уголовных проступков (в среднем 53%) и преступлений небольшой тяжести (в среднем 33%).

Вместе с тем за последние 3 года дела, касающиеся уголовных проступков, по которым назначено дополнительное наказание в виде выдворения, отсутствуют. Основная доля выдворений приходится на

¹ Отчет №1-АД о результатах рассмотрения уполномоченными органами дел об административных правонарушениях // Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 10.06.2025).

преступления небольшой и средней тяжести.

В ходе исследования были изучены научные статьи, подготовленные учеными Казахстана и других государств. Учитывая широкий спектр таких научных трудов, особое внимание было уделено трем публикациям зарубежных ученых. Так, были проанализированы труды Г. Брок, С.Скил, М. Гибни и Р. Хансен, которые оперируют понятием «депортационный разрыв», под которым понимается расхождение между числом мигрантов, получивших приказ о возвращении (и, следовательно, официально обязанных покинуть территорию конкретного государства), и числом (обычно меньшим) зарегистрированных возвращений, включая принудительное выдворение мигрантов посредством депортации [3]; [4]; [5]. Это показывает в значительной степени статистическую химеру, основанную на сборе различных видов и источников незнания. Авторы приходят к выводу, что миграционную политику формирует не только производство знаний, но и производство незнания.

Особое внимание уделено монографии М. Блейка «Правосудие, миграция и милосердие» [6]. Кроме того, был проведен анализ научных статей, опубликованных в международных рецензируемых научных журналах [7]; [8]; [9], что позволило выявить особенности применения депортации за рубежом.

Результаты, обсуждение. Принцип невысылки (non-refoulement) представляет собой один из фундаментальных принципов международного права и устанавливает четкие ограничения для осуществления государством его суверенного права на исключение лиц из-под своей юрисдикции. Данный принцип распространяется на всех людей, вне зависимости от их гражданства или правового статуса. Более того, гарантии от выдворения не должны носить исключительно формальный, теоретический или иллюзорный характер. Государства обязаны обеспечить, чтобы такая защита была действенной и реально осуществимой.

В частности, это предполагает наличие эффективных процедур по идентификации лиц, находящихся под юрисдикцией государства, которые могут претендовать на защиту от выдворения, особенно в момент пересечения границы или при обращении за въездом [1, 16 стр.].

Правовое урегулирование статуса трудящихся-мигрантов является одним из наиболее действенных механизмов обеспечения гарантий защиты их прав и снижения степени их социальной и правовой уязвимости².

Трудящиеся-мигранты с неурегулированным статусом могут стать жертвами психологического и физического насилия, а также жестокого отношения со стороны работодателя. Особое внимание должно уделяться положению домашних работников, чья уязвимость усугубляется тем фактом, что их трудовая деятельность протекает в изоляции и при отсутствии свидетелей³.

Концепция миграционной политики РК на 2023-2027 гг. в отношении внешних мигрантов, особенно неквалифицированной рабочей силы, носит преимущественно карательный характер, фокусируясь только на пресечении нелегальной миграции, в ней нет человекоцентристского подхода, не учитываются виктимологические особенности положения мигрантов и риски, связанные с торговлей людьми.

В этом контексте в книге М. Блейка наглядно показано, как милосердие может играть важную роль в иммиграционной политике. Под милосердием понимается добродетель, заключающаяся в том, чтобы не подвергать кого-либо суровому обращению, формально дозволенному по закону, из моральной заботы о последствиях такого обращения для получателя. Хорошее государство должно быть милосердным, не только потому что оно является моральным агентом, отстаивающим свои собственные права, но и потому что, моделируя милосердие, оно поощряет граждан развивать добродетели, которые необходимы для демократической стабиль-

² Замечание общего порядка №1, домашних работников-мигрантов // Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/legal/general/cmw/2011/ru/83722> (дата обращения: 10.06.2025).

³ Трудовые мигранты в Казахстане: без статуса и прав. Сентябрь 2016 / № 681. Международная федерация по правам человека (FIDH). – 48 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fidh.org/IMG/pdf/note_kazakhstan_681r_6_sept_2016_ru_web.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

ности [7].

Помимо всего прочего жертвы торговли людьми испытывают страх перед арестом или выдворением из-за своего нелегального статуса или характера деятельности, в которой жертва принимала участие. Также может иметь место недоверие к властям, основанное на предыдущем негативном опыте контактов с полицией и другими структурами. Ситуацию усугубляет пренебрежительное отношение к ним как со стороны должностных лиц правоохранительных органов, так и общества в целом, особенно в случаях сексуальной эксплуатации.

Отсюда возникает непростая задача, связанная с разграничением нелегальных мигрантов, злостных нарушителей миграционного режима от жертв торговли людьми. Это, безусловно, требует квалифицированной подготовки сотрудников миграционной полиции, таможенных и пограничных служб, с которыми в основном контактирует мигрант.

Специфика торговли людьми заключается в чересчур высоком уровне латентности и виктимизации уязвимых категорий населения с социальной и правовой стороны. В связи с этим обоснованна необходимость внедрения человекоцентристской политики, в которой главной фигурой является жертва преступного человекооборота. Это совершенно иная категория, чем потерпевший, который является процессуальным участником уголовного процесса. Жертва торговли людьми такого формального статуса не имеет, более того, она потенциально ближе к статусу подозреваемого и обвиняемого. Все это усугубляет ситуацию, способствуя низкой эффективности борьбы с такими явлениями.

Трудящиеся-мигранты с неурегулированным статусом квалифицируются как правонарушители и обладают очень ограниченным доступом к правосудию. Боясь репрессий, вымогательства и/или задержаний, арестов

и высылки из страны за нарушение иммиграционного законодательства, они зачастую не решаются обращаться к властям с жалобами на нарушение их прав. Указанные лица, особенно те из них, кто занят в сельском хозяйстве и строительстве или работает в качестве домашних работников в частных семьях, остаются «невидимыми» в глазах администрации и, вследствие неурегулированности их юридического статуса, не пользуются никакой защитой их прав⁴.

В Казахстане административное выдворение и выдворение в порядке гражданского судопроизводства представляют собой принудительное или контролируемое уполномоченными органами самостоятельное перемещение иностранцев или лиц без гражданства за пределы РК, осуществляемое на основании постановления (решения) суда за совершение административного правонарушения либо нарушения законодательства⁵.

К тому же следует иметь в виду, что административное выдворение – одно из самых тяжких административных наказаний, по внешним характеристикам сопоставимое с мерами уголовной ответственности. Об этом свидетельствует форма его осуществления, длительность карательного воздействия, затраты на исполнение [10, 52 стр.].

На практике миграционное законодательство РК также имеет в большей степени карательный характер. Миграционная полиция воспринимает мигрантов как потенциальных правонарушителей. При этом нет данных, у скольких из них нарушены трудовые права, впоследствии они зачастую выдворяются без права въезда в Казахстан в течение 5 лет. Только в случае признания их жертвами торговли людьми их пребывание в государстве может быть продлено до вынесения судебного акта по уголовному делу.

Однако следует отметить, что какой-либо методики или стандартов определения признаков торговли людьми в процессе рассмотрения соответствующих дел не предусмотрено. Нет таких инструкций и в

⁴ Трудовые мигранты в Казахстане: без статуса и прав. Сентябрь 2016 / № 681. Международная федерация по правам человека (FIDH). – 48 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fidh.org/IMG/pdf/note_kazakhstan_681r_6_sept_2016_ru_web.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

⁵ О судебной практике рассмотрения дел о выдворении иностранцев или лиц без гражданства за пределы Республики Казахстан: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 13 дек. 2013 г. № 4 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P130000004S> (дата обращения: 05.06.2025).

разъяснениях Верховного Суда РК.

Согласно п. 14 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 13 декабря 2013 года № 4 «О судебной практике рассмотрения дел о выдворении иностранцев или лиц без гражданства за пределы Республики Казахстан» (далее – НП ВС РК), при вынесении решения о выдворении в гражданском процессуальном порядке судам необходимо учитывать совершенные виновным правонарушения.

Обратимся к анализу судебной практики по применению данной нормы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РК (далее – СКГД ВС РК) отменила решение Медеуского районного суда г. Алматы от 4 июля 2024 года и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении заявления ГУ «Управление полиции Алмалинского района города Алматы» (далее – ГУ) о выдворении за пределы РК гражданина М.⁶ Свои требования по настоящему делу ГУ мотивировало тем, что иностранец совершил административные правонарушения, а именно, находясь в общественном месте, складировал коробки с овощами, тем самым нарушил правила благоустройства города (ч.1 ст. 505 КоАП), а также был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 434-2 КоАП за выброшенный окуроч в местах общего пользования. Удовлетворив заявление ГУ, суд мотивировал это тем, что М. не исполняет обязанности, предусмотренные пп. 2 п. 2 ст. 5 Закона РК «О миграции населения», не имеет в РК недвижимого имущества на праве собственности и постоянного места работы, в браке не состоит, детей не имеет. Между тем при принятии решения судом не было учтено то, что М. проживает в стране легально и имеет вид на жительство в РК, зарегистрирован в качестве ИП и работает на законных основаниях, при этом оплачивая налоги. Выдворение М. из страны создает прямые предпосылки к пятилетнему ограничению его права на въезд и пребывание (проживание) на территории РК, а также препятствует контактам с близкими

родственниками, поскольку он проживает у своего родного брата, у которого на иждивении находятся четыре несовершеннолетних дочери. М. помогал в воспитании детей, а также оказывал моральную и материальную помощь многодетной семье брата. Кроме того, у М. имелись непогашенные кредиты, которые он исправно выплачивал. Таким образом, нижестоящий суд не принял во внимание весь комплекс значимых для дела обстоятельств, удовлетворил заявление ГУ без достаточных данных, подтверждающих необходимость выдворения М., ограничившись лишь формальным обоснованием применения закона.

Другой пример. СКГД ВС РК отменила решение нижестоящего суда и отказала в удовлетворении заявления ГУ «Управление полиции города Семей» о выдворении гражданина Российской Федерации (далее – РФ) У. Из дела следует, что У. шесть раз привлекался к административной ответственности, но пять протоколов составлены в один день, нарушения не нанесли вреда и устранены в кратчайшие сроки (уплачены штрафы, получено новое водительское удостоверение, пройден техосмотр, оформлена страховка). У. является этническим казахом, уроженцем РК, проживает с супругой и престарелой матерью (82 года), активно занимается журналистикой и общественной деятельностью, награжден медалью «Халық алғысы» по Указу Президента. Выдворение означало бы пятилетний запрет на въезд, что лишило бы его возможности находиться рядом с семьей. Суд не учел личные и семейные обстоятельства, степень тяжести нарушений и их общественную опасность. Между тем выдворение допустимо лишь при наличии весомых оснований, подтвержденных объективными данными, с учетом баланса между интересами государства и правами человека⁷.

В то же время имеются примеры дел, где кассационная инстанция признала решение о выдворении законным.

⁶ Судебный кабинет // Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Казахстан от 8 окт. 2024 г. (дело №6001-24-00-Згп/407) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://office.sud.kz/new/index.xhtml> (дата обращения: 10.06.2025).

⁷ Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан № 6/2022 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sud.gov.kz/rus/content/byulleteni-za-2022-god> (дата обращения: 10.06.2025).

Так, СКГД ВС РК оставила в силе решение суда района Алтай ВКО от 5 апреля 2024 года о выдворении из РК гражданина РФ Л.⁸ Удовлетворяя заявление Департамента полиции, суд мотивировал свое решение тем, что в период проживания на территории РК иностранцем неоднократно совершены административные правонарушения, включая управление транспортным средством водителем в состоянии алкогольного опьянения, что повлекло дорожно-транспортное происшествие представляющее угрозу жизни и здоровью граждан, их имуществу (ч. 1 ст. 608 КоАП).

Аналогичным образом СКГД ВС РК оставила в силе решение Октябрьского районного суда города Караганда от 5 марта 2020 года о выдворении гражданина РФ Т. Суд удовлетворил заявление Департамента полиции Карагандинской области, установив, что Т. неоднократно нарушал законодательство: был привлечен к уголовной ответственности за мошенничество (дело прекращено по примирению сторон), дважды – к административной ответственности за управление автомобилем без прав и проживание без регистрации. Кроме того, он не оплатил наложенный штраф, не трудоустроен, не состоит в браке, не предпринял попыток интеграции. Находясь на территории РК с 2008 года и до настоящего времени, не воспользовался правом на получение образования и специальности, хотя имел возможность трудоустроиться. Суд указал на систематическое игнорирование Т. норм правопорядка, несмотря на возможность легально проживать в РК с 2008 года. Его доводы о семейных обязательствах признаны необоснованными. Коллегия подчеркнула, что поведение Т. свидетельствует о безответственном отношении к обязанностям, а наличие уголовного и административных правонарушений является достаточным основанием для выдворения⁹.

Таким образом, правоприменительная практика показывает, что суды должны

всесторонне исследовать все обстоятельства совершаемых правонарушений и личность выдворяемых лиц. Вместе с тем полагаем необходимым дополнить НП ВС РК от 13 декабря 2013 года № 4 дополнительными гарантиями для лиц, в отношении которых решается вопрос о выдворении.

Обращение к зарубежному опыту подтверждает целесообразность такого подхода. Так, Конституционный Суд РФ, указывает, что установленные в законодательстве правила применения мер административной ответственности должны учитывать не только характер правонарушения, опасность для охраняемых законом ценностей, личность виновного, его право на уважение семейной жизни, но и не допустить избыточное принуждение, обеспечив баланс основных прав. В противном случае прослеживается нарушение принципа индивидуализации ответственности [11, 62 стр.].

Бакинкс и Филиндра в своих исследованиях дискутируют, является ли депортация наказанием, и если да, то каким образом она может быть оправдана. Они экстраполируют два ключевых условия, которые должны быть соблюдены для признания депортации допустимой: необходимость и соразмерность [7].

Нарушение этих условий возникает в случаях, когда правоприменение не соответствует существующим правовым стандартам, направленным на минимизацию вреда, а именно – когда решения и действия государства и его агентов носят произвольный характер, не подлежат объективной проверке и не подчиняются беспристрастным нормам и судьям. При отсутствии таких стандартов, напрашивается вывод, что вред причиняется, хотя существуют более щадящие варианты, что противоречит принципу необходимости [9].

Если необходимость подтверждается, следующим шагом будет оценка пропорциональности. Здесь государству следует продемонстрировать и то, что причина, по

⁸ Судебный кабинет // Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Казахстан от 28 авг. 2024 г. (дело №6001-24-00-3гп/352) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://office.sud.kz/new/index.xhtml> (дата обращения: 10.06.2025).

⁹ Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан № 9/2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sud.gov.kz/rus/content/byulleteni-za-2020-god> (дата обращения: 10.06.2025).

которой указанные лица преследуются, достаточно серьезна, чтобы перевесить тот ущерб, который человек понесет в силу своего вынужденного перемещения (депортации). Более того, следует показать, что фактическое осуществление депортации наносит только такой вред, который пропорционален значимости обоснования, заявленного государством. При этом степень и интенсивность вреда, причиненного последствиями депортации, будут значительно варьироваться в зависимости от различных факторов, таких как давность проживания, здоровье депортируемого, социальные, политические и экономические обстоятельства принимающей страны, его связь с этой страной и другие. Их необходимо будет тщательно оценивать в каждом конкретном случае¹⁰.

Применительно к казахстанскому законодательству назрела необходимость гуманизировать санкции, установленные КоАП, заменив безальтернативные санкции в виде выдворения на альтернативные, чтобы у судов по делам об административных правонарушениях была возможность учитывать как характер и тяжесть правонарушения, так и личность виновного.

Как справедливо отмечает казахстанская судья И.Н. Дорош, целесообразно предусмотренное частью 7 статьи 517 КоАП взыскание в виде обязательного выдворения за пределы РК сделать альтернативным по аналогии с частью 6 указанной статьи, поскольку при рассмотрении дел данной категории нередки случаи, когда наличие смягчающих обстоятельств делает применение столь строгой меры взыскания как выдворение, которое влечет запрет лицу на въезд в РК в течение последующих пять лет, неоправданной с точки зрения справедливости [12].

Очевидно также, что законодательство, регулирующее процесс выдворения, включает дискриминационные элементы, в частности в части обжалования решений о выдворении, которые вступают в законную силу со дня их принятия и подлежат немедленному исполнению. Суд в решении указывает срок,

в течение которого иностранец должен покинуть страну. Несмотря на формальную возможность кассационного обжалования, оно представляет собой длительный процесс, при этом суды обычно не приостанавливают исполнение решения нижестоящего суда, что фактически приводит к его немедленному исполнению.

Таким образом, несмотря на то, что изначальная цель выдворения – защита государственной безопасности и общественного порядка, исключение права на апелляцию и ограничение кассации создают предпосылки для нарушений прав иностранных граждан.

При этом, если суд отказал в удовлетворении заявления о выдворении мигранта, такое решение вступает в силу по правилам ст. 240 ГПК и может быть обжаловано в апелляционном порядке, предусмотренном ст. 403 ГПК. Другими словами, право на апелляционное обжалование есть только у органов полиции, которые подают соответствующее заявление, но нет у самого мигранта. Налицо узаконенные двойные стандарты.

В результате процесс выдворения, несмотря на его формально заявленную цель – обеспечение безопасности и порядка, фактически становится механизмом дискриминации мигрантов, нарушая принципы равенства перед законом и доступности правосудия, что противоречит международным стандартам защиты прав человека.

Ограничение права на апелляционное обжалование лишает иностранных граждан возможности полноценно оспаривать решения, что нарушает их право на справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию. Такое положение ставит иностранцев в невыгодное положение по сравнению с гражданами, которые имеют право на апелляцию, что противоречит международным обязательствам РК.

Более того, такие ограничения нарушают принцип пропорциональности, поскольку они не продиктованы объективными процессуальными потребностями и приводят к

¹⁰ Трудовые мигранты в Казахстане: без статуса и прав. Сентябрь 2016 / № 681 // Международная федерация по правам человека (FIDH). – 48 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fidh.org/IMG/pdf/note_kazakhstan_681r_6_sept_2016_ru_web.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

чрезмерному ущемлению прав иностранных граждан. Следует учитывать, что право на судебную защиту относится к категории конституционных прав, которое не подлежит ограничению ни в каких случаях (п. 3 ст. 39 Конституции РК).

Выводы. Результаты проведенного анализа показывают необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики РК по применению выдворения мигрантов за пределы республики. В качестве приоритетных мер следует рассмотреть:

- освобождение от административной ответственности по статье 517 КоАП трудо-

вых мигрантов, заявивших в местный орган по инспекции труда о фактах неоформления работодателем трудовых отношений в установленном порядке;

- установление выдворения за пределы РК в качестве альтернативного административного взыскания;

- закрепление за иностранцами и лицами без гражданства права на апелляционное обжалование решения суда по гражданским делам о выдворении;

- введение в судебную практику специального теста (инструкции с перечнем вопросов) для выявления признаков торговли людьми при рассмотрении дел о выдворении.

Список использованной литературы:

1. Защита прав мигрантов на национальном и международном уровне: пособие для адвокатов и юристов Республики Казахстан. Алматы: ОФ «Центр исследования правовой политики» (LPRC), 2021. – 252 с.
2. Хасенов, М.Х. Проблемы правовой защиты мигрантов в Казахстане // Диалог о правах человека: эффективные средства правовой защиты в Республике Казахстан: сб. выступлений участников научн.-практ. конфер. – Астана, 2025. – С. 103-105.
3. Brock, G. Justice for People on the Move: Migration in Challenging Times / G. Brock. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2020. – 256 p.
4. Scheel, S. The Deportation Gap as a Statistical Chimera: How Nonknowledge Informs Migration Policies / S. Scheel // Geopolitics. – 2025. – № 30 (3). – Pp. 1028-1050.
5. Gibney, M., Hansen, R. Deportation and the liberal state: The forcible return of asylum seekers and unlawful migrants in Canada, Germany and the United Kingdom. New issues in refugee research: working paper No. 77. – Geneva: UNHCR, 2003. – 21 p.
6. Blake, M. Justice, Migration, and Mercy / M. Blake. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 280 p.
7. Buckinx, B. The Case against Removal: Jus Noci and Harm in Deportation Practice / B. Buckinx, A. Filindra // Migration Studies. – 2015. – № 3 (3). – Pp. 393-416.
8. Lenard, P. The Ethics of Deportation in Liberal Democratic States / P. Lenard // European Journal of Political Theory. – 2015. – № 14 (4). – Pp. 464-480.
9. Schmid, L. Deportation, harms, and human rights / L. Schmid // Ethics & Global Politics. – 2021. – № 14 (2). – Pp. 98-109.
10. Майорова, Е.Н. К вопросу об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства / Е.Н. Майорова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 4 (7). – С. 51-55.
11. Захарова, Е.П. Проблемы правового регулирования отдельных мер административного принуждения, применяемых в связи с нарушениями миграционного законодательства / Е.П. Захарова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 4. – С. 57-63.
12. И.Н. Дорош. Применение административного законодательства в области миграции. Практика рассмотрения дел указанной категории на примере судов Восточно-Казахстанской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32313496&pos=21;-26#pos=21;-26 (дата обращения: 08.06.2025).

References:

1. Zashhita prav migrantov na nacional'nom i mezhdunarodnom urovne: posobie dlja advokatov i juristov Respubliki Kazakhstan. Almaty: OF «Centr issledovaniya pravovoj politiki» (LPRC), 2021. – 252 s.
2. Hasenov, M.H. Problemy pravovoj zashhity migrantov v Kazahstane // Dialog o pravah cheloveka: jeffektivnye sredstva pravovoj zashhity v Respublike Kazakhstan: sb. vystuplenij uchastnikov nauchn.-prakt. konfer. – Astana, 2025. – S. 103-105.
3. Brock, G. Justice for People on the Move: Migration in Challenging Times / G. Brock. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2020. – 256 p.
4. Scheel, S. The Deportation Gap as a Statistical Chimera: How Nonknowledge Informs Migration Policies / S. Scheel // Geopoliticsju. – 2025. – № 30 (3). – Pp. 1028-1050.
5. Gibney, M., Hansen, R. Deportation and the liberal state: The forcible return of asylum seekers and unlawful migrants in Canada, Germany and the United Kingdom. New issues in refugee research: working paper No. 77. – Geneva: UNHCR, 2003. – 21 p.
6. Blake, M. Justice, Migration, and Mercy / M. Blake. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 280 p.
7. Buckinx, B. The Case against Removal: Jus Noci and Harm in Deportation Practice / B. Buckinx, A. Filindra // Migration Studies. – 2015. – № 3 (3). – Pp. 393-416.
8. Lenard, P. The Ethics of Deportation in Liberal Democratic States / P. Lenard // European Journal of Political Theory. – 2015. – № 14 (4). – Pp. 464-480.
9. Schmid, L. Deportation, harms, and human rights / L. Schmid // Ethics & Global Politics. – 2021. – № 14 (2). – Pp. 98-109.
10. Majorova, E.N. K voprosu ob administrativnom vydvorenii inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva / E.N. Majorova // Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. – 2015. – № 4 (7). – S. 51-55.
11. Zaharova, E.P. Problemy pravovogo regulirovaniya otdel'nyh mer administrativnogo prinuzhdenija, primenjaemyh v svjazi s narushenijami migracionnogo zakonodatel'stva / E.P. Zaharova // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. – 2018. – № 4. – S. 57-63.
12. I.N. Dorosh. Primenenie administrativnogo zakonodatel'stva v oblasti migracii. Praktika rassmotrenija del ukazanoj kategorii na primere sudov Vostochno-Kazahstanskoj oblasti [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32313496&pos=21;-26#pos=21;-26 (data obrashhenija: 08.06.2025).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Муслим Ханатұлы Хасенов – Maqsut Narikbayev University қауымдастырылған профессоры, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: m_khasenov@kazguu.kz.

Хасенов Муслим Ханатович – ассоциированный профессор Maqsut Narikbayev University, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: m_khasenov@kazguu.kz.

Khasenov Muslim Khanatovich – Associate Professor of Maqsut Narikbayev University, PhD, Associate Professor, e-mail: m_khasenov@kazguu.kz.

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ / ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО / CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

УДК 347.9.03
МРНТИ 10.31.47

А.Е. Нұртан, М.Н. Абилова

*Академия правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан*

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МОДЕЛИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы примирительных процедур, применяемых в гражданско-правовой сфере. Актуальность данной темы обусловлена недостаточным регулированием сферы примирительных процедур и имеющимися пробелами и противоречиями в законодательстве Республики Казахстан, а также связанным с этим отсутствием четкого понимания механизма реализации примирительных процедур.

Авторами определено, что недостаточно полное и некорректное законодательное регулирование примирительных процедур создает почву для их неправильного применения, а также способствует формированию у общества искаженного представления о примирительных процедурах, основанного на отсутствии доверия к этим механизмам.

Статья содержит анализ примирительных процедур с учетом системного подхода, отображенного в сравнительной таблице, статистических данных, а также предложения по разработке концептуальных основ их новой модели с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: примирительная процедура; альтернативное разрешение споров; переговоры; медиация; партисипативная процедура; мировое соглашение; разгрузка суда; систематизация примирительных процедур.

А.Е. Нұртан, М.Н. Абилова

*Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы Сот төрелігі академиясы,
Астана қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТАТУЛАСТЫРУ РӘСІМДЕРІНІҢ МОДЕЛІН ЖЕТІЛДІРУДІҢ ҚАЖЕТТІЛІГІ ТУРАЛЫ

Аннотация. Мақалада азаматтық-құқықтық салада қолданылатын татуластыру рәсімдерінің мәселелері қарастырылған. Осы мақала тақырыбының өзектілігі татуластыру рәсімдері саласының жеткіліксіз реттелуімен және Қазақстан Республикасының заңнамасындағы бар олқылықтар мен қайшылықтармен, сондай-ақ осыған байланысты татуластыру рәсімдерін іске асыру тетігінің нақты түсінігінің болмауымен байланысты.

Авторлар татуластыру рәсімдерінің жеткіліксіз және дұрыс емес заңнамалық реттелуі олардың дұрыс қолданылмауына негіз болатынын, сондай-ақ осы тетіктерге сенімсіздік негізінде қоғамда татуластыру рәсімдері туралы бұрмаланған түсініктің қалыптасуына ықпал ететінін анықтады.

Мақалада салыстырмалы кестеде көрінісін тапқан жүйелілік тәсілді, сонымен қатар статистикалық мәліметтерді қолдана отырып, келісу рәсімдерінің талдауы және шетелдік тәжірибені ескере отырып, олардың жаңа моделінің тұжырымдамалық негіздерін әзірлеу бойынша ұсыныстар мазмұндалған.

Түйінді сөздер: татуластыру рәсімі; дауларды балама жолмен шешу; келіссөздер; медиация; партисипативтік рәсімі; бітімгершілік келісім; соттың жүктемесін азайту; татуластыру рәсімдерін жүйелендіру.

A.Y. Nurtan, M.N. Abilova

*The Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan*

ABOUT THE NECESSITY TO IMPROVE THE MODEL OF CONCILIATION PROCEDURES IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the problems of conciliation procedures applied in the sphere of civil law. The relevance of the topic of this article is caused by insufficient regulation of the sphere of conciliation procedures and existing gaps and contradictions in the legislation of the Republic of Kazakhstan, as well as the associated lack of a clear understanding of the mechanism for implementing conciliation procedures.

The authors determined that insufficiently complete and incorrect legislative regulation of conciliation procedures creates the basis for their incorrect application, and also contributes to the formation of a distorted idea of conciliation procedures in society, based on the lack of trust in these mechanisms.

The article contains an analysis of conciliation procedures taking into account the systems approach, presented in a comparative table, along with statistical data and proposals for the development of conceptual foundations for their new model, taking into account foreign experience.

Keywords: conciliation procedure; alternative dispute resolution; negotiations; mediation; participatory procedure; settlement agreement; court workload reduction; systematization of conciliation procedures.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_45

Введение. Споры между субъектами могут быть разрешены в судебном порядке, а также посредством альтернативных способов, к которым относятся примирительные процедуры. Они включают в себя переговоры, мировое соглашение, партисипативные процедуры и медиацию.

Примирительные процедуры представляют собой один из удобных инструментов урегулирования споров, при котором есть возможность самостоятельно (а также при содействии адвокатов, медиаторов, судей, арбитров, юридических консультантов) прийти к взаимовыгодному («win-win») соглашению, с учетом интересов обеих сторон.

Одним из положительных эффектов развития примирительных процедур являются разгрузка суда, что играет немаловажную роль в обеспечении качества судебных решений, а также возможность разрешения споров более гибким способом, нежели судебная процедура.

Однако на сегодняшний день, с одной стороны, в обществе отсутствуют четкое понимание и доверие к примирительным процедурам, с другой – существует неопределенность и среди лиц, оказывающих содействие в реализации примирительных процедур, в частности их механизма, поскольку

нет единых четких систематизированных рекомендаций, учитывающих особенности переговоров, мирового соглашения, партисипативных процедур и медиации. Все это приводит к тому, что из-за отсутствия информированности гражданам проще и удобнее обратиться «по традиции» в суд и участвовать в длительном судопроизводстве, нежели прибегнуть к примирительным процедурам.

Материалы и методы. Материалами настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов. Нормативную базу составили нормы действующего законодательства Республики Казахстан (далее – РК) в сфере регулирования примирительных процедур и официальные статистические данные.

В ходе исследования применялись такие методы, как анализ, синтез, метод систематизации и структуризации; специальные методы познания, используемые в юриспруденции – метод сравнительно-правового исследования и формально-юридический метод. В частности, метод систематизации и структуризации положен в основу выработки предложений по созданию новой модели, которая будет представлять собой упорядоченную единую целостную систему всех спо-

способов примирительных процедур; с помощью сравнительно-правового метода получена информация об особенностях каждого вида примирительных процедур в разрезе опыта разных стран; формально-юридический метод применялся для выявления пробелов и недостатков в законодательстве.

Результаты, обсуждение. В послании Главы государства К. Токаева народу Казахстана подчеркивается, что необходимо «развивать и альтернативные способы разрешения споров, что позволит находить компромиссы без участия государства». Также отмечается, что почти десять лет назад мы приняли Закон «О медиации», но до настоящего времени ни один государственный орган не занимается ее развитием, внятная государственная политика отсутствует¹.

В Концепции правовой политики РК до 2030 года говорится, что за прошедшие годы в предпринимательской среде произошли кардинальные изменения, связанные с расширением договорных типов коммерческих связей, усложнением корпоративных отношений, ростом числа внешнеэкономических сделок и притоком в страну иностранных инвестиций. Правоприменительная практика обозначила ряд недостатков в правовом регулировании арбитража и медиации, в связи с чем с учетом международного опыта необходимо дальнейшее развитие данных институтов².

Как видим, в программных документах РК уделяется особое внимание институту разрешения в частноправовом порядке споров путем применения альтернативных способов. При этом, указанные выше положения, на наш взгляд, применимы не только к медиации и арбитражу, но и в целом к сфере примирительных процедур.

Как видим, в программных документах РК уделяется особое внимание институту разрешения в частноправовом порядке споров путем применения альтернативных

способов. При этом указанные выше положения, на наш взгляд, применимы не только к медиации и арбитражу, но и в целом к сфере примирительных процедур.

Примирительные процедуры (см. схему), включая судебные и внесудебные способы урегулирования споров [1], характеризуются большой гибкостью, свободой для сторон, возможностью выбора инструментов, отсутствием жестких ограничений и правил, основываются на началах конфиденциальности, добровольности и равноправности сторон. В связи с этим институт примирения имеет очень большие перспективы. Количество обращений к примирительным процедурам растет с каждым годом. Например, в 2022 году 7 236 гражданских дел прекращено в связи с заключением мирового соглашения, 54 539 – в связи с заключением соглашения об урегулировании спора в порядке медиации, 300 – в связи с заключением соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры. В 2023 году 8 314 гражданских дел прекращено в связи с заключением мирового соглашения, 63 926 – в связи с заключением соглашения об урегулировании спора в порядке медиации, 238 – в связи с заключением соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры. В 2024 году 9 671 гражданское дело прекращено в связи с заключением мирового соглашения, 79 749 – в связи с заключением соглашения об урегулировании спора в порядке медиации, 233 – в связи с заключением соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры³. Однако, вместе с тем, на сегодняшний день существует ряд проблем, которые представляют собой преграду для дальнейшего развития данных процедур и увеличения спроса на них.

Первая проблема касается отсутствия регулирования процедуры переговоров и

¹ Казахстан в новой реальности: время действий: послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сент. 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 17.06.2025).

² Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента Республики Казахстан от 15 окт. 2021 г. № 674 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 09.01.2025).

³ Отчет № 2. «По рассмотрению гражданских дел судами первой инстанции за 2022 год»; Отчет № 2 «По рассмотрению гражданских дел судами первой инстанции за 2023 год»; Отчет № 2 «По рассмотрению гражданских дел судами первой инстанции за 2024 год» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 15.09.2025).

соответственно неопределенности статуса субъектов, их прав и обязанностей, а также правовых последствий, в то время как переговоры представляют собой неотъемлемую часть деятельности

любого субъекта права. И если вопросам переговоров в зарубежной правовой литературе посвящены целые труды [2], то в казахстанском правовом поле им не уделяется должное внимание.

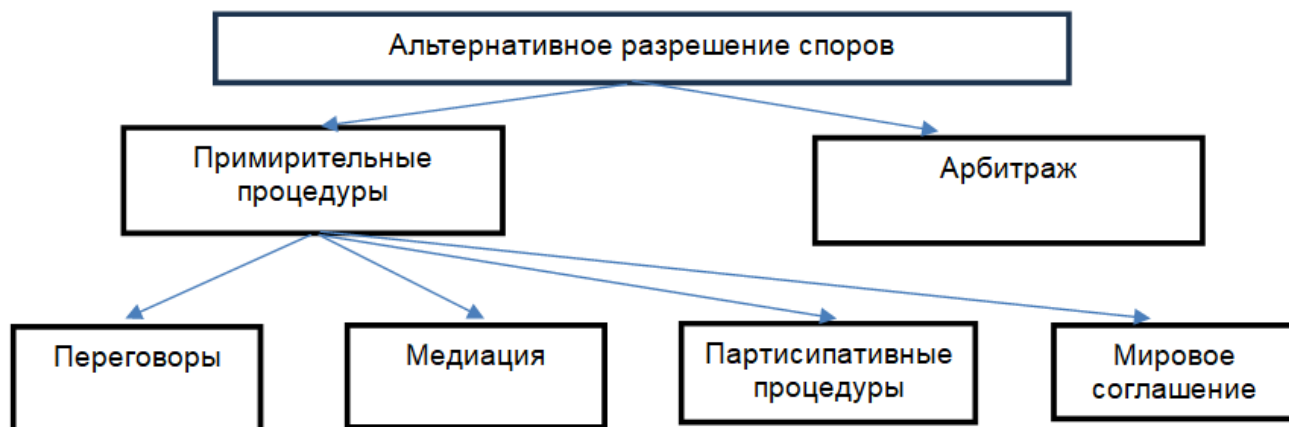

Схема 1. Классификация альтернативных способов разрешения споров

Вторая проблема связана с тем, что примирительные процедуры регулируются главой 17 Гражданского процессуального кодекса РК⁴ в рамках всего лишь девяти статей, которые не отображают всю совокупность процедурных положений и всех существенных аспектов правового регулирования механизма примирительных процедур. Данные статьи содержат лишь общие положения об утверждении судом тех или иных соглашений, достигнутых в рамках отдельных примирительных процедур, однако при этом не дается ответ на вопрос о том, как именно стороны могут заключить мировое соглашение или каковы механизм и алгоритм действий в партисипативных процедурах.

Третья проблема связана с отсутствием корректного понимания и четкого механизма партисипативных процедур, которые регулируются статьями 181-182 Гражданского процессуального кодекса РК. В связи с отсутствием полного законодательного регулирования этих процедур были разработаны Методические рекомендации по проведению партисипативной процедуры

адвокатами, одобренные президиумом Республиканской коллегии адвокатов 11 марта 2016 года⁵. Однако при более детальном и глубоком изучении этих рекомендаций можно сделать вывод о том, что за основу взяты концепция и механизм медиации. В связи с этим возникает вопрос, в чем тогда существенные отличия медиации и партисипативных процедур – если последние представляют собой подобие медиации, то выходит, что разница лишь в субъектах, которые оказывают сторонам содействие в регулировании спора, т.е. адвокат или медиатор? На наш взгляд, медиация и партисипативные процедуры все же имеют разный уклон и их следует разграничивать.

Четвертая проблема связана со сферой медиации. В РК принят и действует Закон «О медиации»⁶. В настоящее время можно констатировать тот факт, что в обществе есть определенный спрос на медиацию и данная сфера стремительно развивается. Однако при этом все еще остается ряд вопросов, касающихся данного института и влияющих на доверие (показателем которого являются востребованность медиации по сравнению с

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 31 окт. 2015 г. № 377-V (с изм. и доп. по сост. на 13.03.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&pos=2683;-55#pos=2683;-55 (дата обращения: 15.02.2025).

⁵ Методические рекомендации по проведению партисипативной процедуры адвокатами [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31854322 (дата обращения: 15.02.2025).

⁶ О медиации: закон Республики Казахстан от 28 янв. 2011 г. № 401-IV (с изм. и доп. по сост. на 22.01.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 15.02.2025).

судом и частота обращений)⁷ к медиаторам.

Так, согласно подпункту 1 пункта 4 статьи 9 указанного выше закона, осуществлять деятельность медиатора на профессиональной основе могут практически любые желающие (достигшие двадцатипятилетнего возраста, прошедшие обучение и включенные в реестр медиаторов), вне зависимости от специальности имеющегося высшего образования. На наш взгляд, здесь следует учитывать следующий существенный момент: медиатор приводит стороны спора к соглашению, которое имеет именно правовые последствия. В связи с этим, поскольку урегулирование спора, связанного с правовым основанием, регулируется нормами права, медиатор все же должен иметь представление о нормативном регулировании и механизме реализации норм права, т.е., помимо требований, установленных в законе, у данного лица должно быть базовое юридическое образование.

Далее, пунктом 3 статьи 9 Закона РК «О медиации» предусмотрено осуществление деятельности медиатора также на общественных началах. И если указанная деятельность на профессиональной основе осуществляется после прохождения обучения по программе подготовки медиаторов и включения в реестр профессиональных медиаторов, то реестр общественных медиаторов ведется акиматом и состоит из желающих лиц, достигших сорокалетнего возраста⁸. Однако на сайтах акиматов крупных мегаполисов, не говоря уже о других городах, невозможно найти полную информацию статистического характера о категориях споров, которые были урегулированы при содействии общественных медиаторов. В связи с этим возникает вопрос – осуществляют ли общественные медиаторы свою деятельность на практике? Если нет, то для

чего данная норма существует?

Что касается профессиональных медиаторов, то следует усилить требования к ним в следующих аспектах.

Во-первых, как было выше указано, необходимо наличие у них юридического образования. Согласно пункту 3 статьи 10 Закона РК «О медиации», медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь. С одной стороны, данное положение логично, поскольку нет требования о наличии у медиатора юридического образования. С другой стороны, эта норма свидетельствует о том, что роль медиатора в урегулировании спора формальная. Если медиатор не оказывает помощь и стороны должны сами прийти к соглашению, в чем тогда смысл присутствия данного субъекта в споре? Как можно содействовать урегулированию спора на профессиональной основе (с правовыми последствиями), и при этом не оказывать юридическую помощь? На самом же деле медиатор должен иметь, опираясь на свое образование, знания, опыт, возможность предлагать юридически верные варианты разрешения спорной ситуации. И если обе стороны выберут один из предложенных вариантов, это будет означать, что соглашение достигнуто.

Во-вторых, деятельность в сфере медиации требует более серьезной подготовки. В настоящее время для получения сертификата медиатора достаточно пройти программу подготовки медиаторов, которая состоит из учебных программ «Общий курс медиации» и «Специализированный курс медиации». Объем «Общего курса медиации» составляет не менее 48 часов, а объем «Специализированного курса медиации», предназначенного для лиц, прошедших «Общий курс медиации», – не менее 50 часов⁹. При этом программа «Общий курс медиации» состоит из тем, которые разви-

⁷ Количество споров, разрешаемых мирным путем, не превышает 20% [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ontustikt.kz/ru/news/50681> (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ Правила ведения реестра общественных медиаторов: приказ Министра информации и общественного развития Республики Казахстан от 21 апр. 2022 г. № 126 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376&doc_id2=39401197#activate_doc=2&pos=149;-102.19999694824219&pos2=3;-81.19999694824219 (дата обращения: 15.02.2025).

⁹ Правила прохождения обучения по программе подготовки медиаторов: приказ Министра информации и общественного развития Республики Казахстан от 14 июня 2023 г. № 244-НҚ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34131501&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 15.02.2025).

вают общие навыки коммуникации и работы со сторонами, а программа «Специализированный курс медиации» включает такие темы, как: особенности разрешения споров, возникающих из гражданских, трудовых, семейных правоотношений, по уголовным делам и корпоративным спорам, а также споры по делам несовершеннолетних. В связи с этим опять-таки возникает вопрос – может ли лицо без юридического образования, пройдя обучение в рамках всего 50 часов, в полной мере овладеть знаниями, умениями и навыками по регулированию данных категорий споров? Напрашивается однозначный ответ – нет.

В-третьих, полагаем, что сфера медиации должна подлежать лицензированию, поскольку, чтобы стать достойной альтернативой судебному рассмотрению и разрешению споров, медиация должна представлять собой один из видов оказания квалифицированной юридической помощи населению (как сфера нотариата, адвокатуры, ЧСИ).

Таким образом, если будут выполнены указанные выше требования (наличие юридического образования, усиленная специальная подготовка, лицензирование сферы), то медиатору можно дать право оказания юридической помощи и консультирования.

В-четвертых, на сегодняшний день у каждой организации медиаторов свои отдельные правила, что порождает различия в практике медиации и вызывает дополнительное непонимание у населения, в связи с чем считаем, что нормы, регулирующие этапы, процедуру медиации, должны быть унифицированы в рамках единого документа и едины для всех, кто обращается к медиации.

В целом медиация могла бы развиваться и стать отличной реальной альтернативой судебному разбирательству, но только при условии реформирования сферы медиации¹⁰, пересмотра положений законодательства и требований к медиаторам, а также установления шкалы распределения категорий дел между судом и медиацией для

эффективной разгрузки судебной системы.

Пятая проблема связана с тем, что примирительные процедуры, которые можно было бы использовать вне гражданского процесса, оказываются вне правового поля, и нет акта, который определял бы особенности регулирования примирительных процедур, применяемых вне суда. Например, из положений статей 175-178 Гражданского процессуального кодекса РК¹¹ не совсем понятно, чем стороны должны руководствоваться при составлении мирового соглашения? Что может им охватываться?

Исходя из сложившейся ситуации, можно констатировать, что правовых и логических оснований для возведения подобных примирительных процедур в ранг альтернативы суду не имеется. В итоге регулирование сторонами спора все равно приводит (по разным причинам, включая и ошибки, допущенные в ходе применения примирительных процедур) к судебному разбирательству и суду предстоит двойная работа.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточном правовом регулировании сферы примирительных процедур в РК, в то время как есть потребность в их развитии, которая проявляется как со стороны судебной системы, так и с точки зрения сторон спора. Для решения указанных проблем следует разграничить виды примирительных процедур друг от друга, определив их характерные черты и особенности, их субъектный состав и механизм реализации (см. таблицу). Также представляется крайне важным систематизировать виды примирительных процедур, разработать их новую модель и положить ее в основу Закона РК «О примирительных процедурах», который будет представлять собой комплексное регулирование и правовую основу для реализации всех видов примирительных процедур – как судебных, так и внесудебных.

¹⁰ Сфера медиации нуждается в глубоком реформировании [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/sfera-mediatsii-nuzhdaetsya-v-glubokom-reformirovanii/> (дата обращения: 15.02.2025).

¹¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 31 окт. 2015 г. № 377-V (с изм. и доп. по сост. на 13.03.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&pos=2683;-55#pos=2683;-55 (дата обращения: 15.02.2025).

<i>Альтернативное разрешение споров</i>					
<i>Примирительные процедуры</i>					<i>Арбитраж</i>
<i>Вид процедуры</i>	<i>Медиацция</i>	<i>Пар- тисипативные процедуры</i>	<i>Переговоры</i>	<i>Мировое соглашение</i>	
<i>Сфера применения</i>	Споры, вытекающие из гражданских, трудовых, семейных, административных правоотношений, из дел, связанных с административными правонарушениями, споры, возникающие в ходе уголовного судопроизводства по делам об уголовных проступках, преступлениях небольшой и средней тяжести, а также тяжких преступлениях в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 68 УК РК, возникающие в исполнительном производстве	Споры из гражданских, трудовых, семейных, административных правоотношений	Любая сфера, включая уголовные правоотношения (с учетом условий ст. 68 УК РК)	Споры из гражданских, трудовых, семейных правоотношений, а также споры, возникающие в исполнительном производстве	Споры, вытекающие из гражданско-правовых отношений, за исключением случаев, предусмотренных пп. 8-10 ст. 8 Закона РК «Об арбитраже»
<i>Правовое регулирование</i>	Закон РК «О медиации»	ГПК РК (глава 17)	Отсутствует специальное регулирование	ГПК РК (глава 17)	Закон РК «Об арбитраже»
<i>Участники</i>	Стороны, медиатор	Стороны, адвокаты сторон	Стороны (и, возможно, их представители)	Стороны (и, возможно, их представители)	Стороны, арбитры
<i>Основание</i>	Договор о медиации	Договор поручения об оказании юридической помощи,	Соглашение сторон	Соглашение сторон	Арбитражное соглашение

Сроки	До 30 дней	По соглашению сторон, до 30 дней, с учетом требований сроков рассмотрения гражданских дел в рамках гражданского судопроизводства	По соглашению сторон	По соглашению сторон, с учетом требований сроков рассмотрения гражданских дел в рамках гражданского судопроизводства	2 месяца
Форма завершения	Соглашение сторон об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации (медиативное соглашение)	Соглашение об урегулировании спора, достигнутое сторонами переговоров в рамках партисипативной процедуры	Соглашение сторон	Мировое соглашение	Решение, выносимое арбитром
Примечание	Соглашение может быть не достигнуто	Соглашение может быть не достигнуто	Соглашение может быть не достигнуто	Соглашение может быть не достигнуто	В любом случае выносится решение, если нет препятствий согласно арбитражного законодательства

Таблица. Сравнительная таблица альтернативных способов разрешения споров

Примирительным процедурам, как в отдельности, так и в целом, были посвящены отдельные труды и публикации. Так, различными зарубежными авторами изучались вопросы альтернативных методов разрешения споров. В частности, в США было проведено исследование для изучения влияния альтернативных методов разрешения споров и получены статистические данные по выбору в пользу альтернативных способов разрешения споров жителями штата в сравнении с судебным разбирательством [3]. Помимо этого, Европейский институт права проводил исследование касательно соотношения судебных разбирательств и альтернативного разрешения споров в Европейском пространстве¹²; исследователями поднимались вопросы сравнения систем альтернативного разрешения спора Шотлан-

дии и США [4] и юрисдикций общего права Северной Америки с мировыми подходами [5]; также отдельно изучался Евро-Корейский подход к методам альтернативного разрешения споров в области интеллектуальной собственности [6]. Стоит отметить, что в зарубежной литературе вопросам альтернативного разрешения споров уделяется большое внимание, а в иностранных юрисдикциях примирительные процедуры играют ключевую роль¹³ как первый этап урегулирования споров перед обращением в суд или с применением шкалы определения критериев для обращения в суд (например, исходя из суммы иска) – представляют собой замену судебному разбирательству.

В Казахстане вопросам альтернативного разрешения споров и примирительных процедур также уделяется внимание. В частно-

¹² The ELI & the European Network of Councils for the Judiciary. The Relationship between Formal and Informal Justice: the Courts and Alternative Dispute Resolution [Электронный ресурс] – Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ADR_Statement.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

¹³ Аналитический отчет по теме: «Медиация как способ разрешения споров и конфликтов и снижения уровня социальной напряженности в обществе». – КИОР «Рухани Жаңғыру», 2020. – 100 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://api.kipd.kz/storage/uploads/images/2024/07/30/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20_1722336397.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

сти, был разработан учебный курс в рамках Программы Инициативы верховенства права Американской ассоциации юристов в Казахстане [7], а в рамках конкурса на грантовое финансирование было проведено исследование на тему «Альтернативное разрешение споров в Казахстане: новый этап развития» (AP05133727)¹⁴, была защищена диссертация на соискание степени доктора философии (PhD) на тему «Альтернативные способы разрешения споров в гражданском процессе: теоретический и практический аспекты» [8], а также публикуются исследования в виде научных статей [9]. Однако, следует отметить, что в указанных исследованиях анализируются лишь отдельно взятые виды примирительных процедур (чаще или арбитраж, или медиация), без рассмотрения детальных процедурных вопросов их реализации на практике в комплексном ключе.

Заключение. Определение особенностей основных видов примирительных процедур и их систематизация позволят разработать новую модель примирительных процедур, которая обеспечит полноценную реализацию альтернативного суду механизма защиты субъективных прав с сохранением между сторонами спора доверительных отношений

и взаимовыгодного сотрудничества.

Пути решения указанных проблем видятся в разработке Закона РК «О примирительных процедурах», который будет регулировать все имеющиеся виды примирительных процедур систематизировано, включая: понятие каждой примирительной процедуры; принципы, статус участников, их права и обязанности; требования к тем, кто оказывает содействие в урегулировании спора; этапы реализации каждого вида; правовые последствия и ответственность участников; содержание соглашений, которые заключаются по итогам примирительных процедур; порядок их исполнения и обжалования; положение о мониторинге со стороны уполномоченного органа и механизмы представления и защиты прав лиц, оказывающих содействие в урегулировании споров.

Таким образом, ориентир на систематизацию видов примирительных процедур, а также их комплексное рассмотрение позволят создать целостную картину примирительных процедур, облегчат их понимание со стороны населения и укрепят их статус в качестве реальной и заслуживающей доверия альтернативы суду, что в итоге приведет к существенной разгрузке судебной системы.

Список использованной литературы:

1. Момотов, В.В. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: законодательные новеллы и перспективы дальнейшего развития / В.В. Момотов // Lex russica. – 2024. – № 5 (77). – С. 9-21.
2. Fells, R. Effective Negotiation. From research to results. (Third edition) / R. Fells. – Cambridge University Press, 2016. – 430 p.
3. L. Charkoudian, et. al. What Difference Does ADR Make? Comparison of ADR and Trial Outcomes in Small Claims Court [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://digitalcommons.law.umaryland.edu/fac_pubs/1585/ (дата обращения: 15.02.2025).
4. C. Catherine. A Comparative Analysis of Scotland and the United States' Alternative Dispute Resolution Systems [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://digitalcommons.law.ggu.edu/theses/63/> (дата обращения: 15.02.2025).
5. Bailey, R. ADR a comparative study in common law jurisdiction – How does North America compare with the rest of the world [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=8024603> (дата обращения: 15.02.2025).
6. Lee, G. Euro-Korean Perspectives on the Use of Arbitration and ADR Mechanisms for Solving Intellectual Property Disputes / G. Lee, et. al. // Arbitration International. – 2014. – No. 1 (30). – Pp. 91-123.
7. Куанова, И.З. Медиация в суде в гражданском процессе: учебный курс для судей /

¹⁴ Отчет о научно-исследовательской работе AP05133727 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ncste.kz/assets/report_files/2020/AP05133727-OT-20/ru_63720__1046768_1604148247.docx (дата обращения: 15.02.2025).

И.З. Куанова. – Астана, 2017. – 93 с.

8. Асанова, С.Э. Альтернативные способы разрешения споров в гражданском процессе: теоретический и практический аспекты: дис. ... д-ра философии (PhD) / С.Э. Асанова. – Алматы, 2022. – 145 с.

9. Кумарбеккызы, Ж. Значение и перспективы развития института медиации при разрешении конфликтов в Республике Казахстан / Ж. Кумарбеккызы, Р.А. Амерханов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 1 (31). – С. 52-59.

References:

1. Momotov, V.V. Primiritel'nye procedury v civilisticheskom processe: zakonodatel'nye novelly i perspektivy dal'nejshego razvitija / V.V. Momotov // Lex russica. – 2024. – № 5 (77). – S. 9-21.

2. Fells, R. Effective Negotiation. From research to results. (Third edition) / R. Fells. – Cambridge University Press, 2016. – 430 p.

3. L. Charkoudian, et. al. What Difference Does ADR Make? Comparison of ADR and Trial Outcomes in Small Claims Court [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://digitalcommons.law.umaryland.edu/fac_pubs/1585/ (data obrashhenija: 15.02.2025).

4. C. Catherine. A Comparative Analysis of Scotland and the United States' Alternative Dispute Resolution Systems [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://digitalcommons.law.ggu.edu/theses/63/> (data obrashhenija: 15.02.2025).

5. Bailey, R. ADR a comparative study in common law jurisdiction – How does North America compare with the rest of the world [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=8024603> (data obrashhenija: 15.02.2025).

6. Lee, G. Euro-Korean Perspectives on the Use of Arbitration and ADR Mechanisms for Solving Intellectual Property Disputes / G. Lee, et. al. // Arbitration International. – 2014. – No. 1 (30). – Pp. 91-123.

7. Kuanova, I.Z. Mediacija v sude v grazhdanskom processe: uchebnyj kurs dlja sudej / I.Z. Kuanova. – Астана, 2017. – 93 с.

8. Asanova, S.Je. Al'ternativnye sposoby razreshenija sporov v grazhdanskom processe: teoreticheskij i prakticheskij aspekty: dis. ... d-ra filosofii (PhD) / S.Je. Asanova. – Almaty, 2022. – 145 s.

9. Kumarbekkyzy, Zh. Znachenie i perspektivy razvitija instituta mediacii pri razreshenii konfliktov v Respublike Kazahstan / Zh. Kumarbekkyzy, R.A. Amerhanov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 1 (31). – С. 52-59.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Азамат Ерланұлы Нұртан – Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы Сот төрелігі академиясының жетекші ғылыми қызметкері, заңтану магистрі, e-mail: nurtan_a@mail.ru.

Нұртан Азамат Ерланұлы – ведущий научный сотрудник Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, магистр юриспруденции, e-mail: nurtan_a@mail.ru.

Nurtan Azamat Yerlanuly – Leading Research Fellow of the Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: nurtan_a@mail.ru.

Майгуль Нестаевна Абилова – Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы Сот төрелігі академиясының Академиялық бағдарламалар мен жобалар орталығының директоры, Азаматтық-құқықтық пәндердің ғылыми-білім беру орталығының профессоры, философия докторы (PhD), e-mail: abilova_maya@mail.ru.

Абилова Майгуль Нестаевна – директор Центра академических программ и проектов, профессор Научно-образовательного центра гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: abilova_maya@mail.ru.

Abilova Maygul Nestayevna – Director of the Center for Academic Programs and Projects, Professor of the Scientific and Educational Center for Civil Law Disciplines of the Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: abilova_maya@mail.ru.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ / УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

ӘОЖ 343.3/.7; 343.91
ХҒТАР 10.77.51; 10.81.45

Б.Ж. Айтимов, Е.Б. Есжанов

І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған қ., Қазақстан Республикасы

СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚ ҚЫЛМЫСЫНЫҢ ТРАНСҰЛТТЫҚ СИПАТЫ

Аннотация. Ғылыми мақаланың мақсаты сыбайлас жемқорлық қылмысының трансұлттық сипатын ашу. Қазақстан Республикасындағы сыбайлас жемқорлық қылмысының динамикасын құқықтық статистика әдісі негізінде қарастырылды, заңнамалық нормаларды талдауда формальды-логикалық, шетелдік заңнамалармен салыстыруда салыстырмалы-құқықтық әдістер қолданылған. Зерттеу нәтижесінде сыбайлас жемқорлықтың трансұлттық сипатын қалыптастырудағы қазақстандық тәжірибе талданды. ҚР қолданыстағы заңнамада сыбайлас жемқорлықтың трансұлттық сипаты біршама айқындалған, дегенмен де зерттеу нәтижесінде осы бағыттағы заңнаманың жетілмеген тұстары айқындалды. Мақаланың жаңалығы жүйелі тәсілмен сыбайлас жемқорлық қылмыстарының трансұлттық сипатын айқындау мен оған қарсы іс-қимылдың практикасы мен оның халықаралық-құқықтық реттелу тәжірибесіне сыни талдау жасалды.

Түйінді сөздер: трансұлттық қылмыс; сыбайлас жемқорлық; ұйымдасқан қылмыс; пара алу; пара беру; қылмыстық топ; контрабанда; жемқорлыққа қарсы іс-қимыл.

Б.Ж. Айтимов, Е.Б. Есжанов

Жетісуский университет имени И. Жансугурова, г. Талдықорған, Республика Казахстан

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Целью научной статьи является раскрыть транснациональный характер коррупционной преступности. Динамика коррупционной преступности в Республике Казахстан рассматривалась на основе метода правовой статистики, применялись формально-логические методы анализа законодательных норм, сравнительно-правовые методы сравнения с зарубежным законодательством. В результате исследования проанализирован казахстанский опыт формирования транснационального характера коррупции, выявлены несовершенства законодательства Республики Казахстан, касающиеся основных признаков транснационального характера преступности. Новизна статьи заключается в том, что при помощи системного подхода проведен критический анализ практики определения транснационального характера коррупционных преступлений, рассмотрены меры противодействия, а также практика международно-правового регулирования данной сферы.

Ключевые слова: транснациональное преступление; коррупция; организованное преступление; получение взятки; дача взятки; преступная группа; контрабанда; противодействие коррупции.

B.Zh. Aitimov, Y.B. Yeszhanov

Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Taldykorgan, the Republic of Kazakhstan

TRANSNATIONAL CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIMES

Abstract. The purpose of the scientific article is to reveal the transnational nature of corruption crime. The dynamics of corruption crime in the Republic of Kazakhstan was considered on the basis of the method of legal statistics, formal and logical methods of analyzing legislative norms, comparative legal methods of comparison with foreign legislation were used. As a result of the research, the Kazakh experience of the formation of the transnational nature of corruption is analyzed. Despite the fact that the current legislation of the Republic of

Kazakhstan identifies the main signs of the transnational nature of corruption, the study revealed legislative imperfections in this area. The novelty of the article lies in the fact that a systematic approach has conducted a critical analysis of the practice of determining the transnational nature and countering corruption crimes, as well as the practice of its international legal regulation.

Keywords: transnational crime; corruption; organized crime; receiving a bribe; giving a bribe; criminal group; smuggling; anti-corruption.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_56

Кіріспе. ҚР Бас прокуратурасы Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің деректеріне сүйенсек, елімізде сыбайлас жемқорлықтың белсенді өсу фактісі өзгеріссіз қалып отыр. Тіркелген сыбайлас жемқорлық қылмыстарының санатына үңілетін болсақ, онша ауыр емес қылмыстар 24%-ға, ауырлығы орташа қылмыстар 11%-ға, ауыр қылмыстар 1%-ға төмендесе, аса ауыр қылмыстар 22%-ға артқан. Аса ауыр сыбайлас жемқорлық қылмыстары – бұл аса ірі көлемдегі пара алу, пара беру, қылмыстық топ құрамында парақорлыққа бару. Мұндай аса ірі көлемдегі парақорлық қылмыстық топ құрамында бола отырып аса ауыр қылмыстарды жасыру, оған көз жұма қараумен байланысты. Мұндай қылмыстардың қатарына халықаралық адам саудасы, есірткі тасымалы, жалдамалылық, террористік акт т.б. жатқызамыз.

Әлемдегі қылмыстылық соңғы 30 жылда 4 есеге артты. БҰҰ мәліметтері бойынша әлемдегі қылмыс 90 жылдардың соңынан бастап орташа есеппен жылына 5% ұлғаюда, ал халықтың өсімі жылына 1% құрайды. 2023 жылдың соңына қарай планетада кемінде 450 млн қылмыс тіркелген, ал олардың нақты саны 3-4 есе көп болуы мүмкін. Бұл дегеніңіз сағатына 200 мың қылмыс.

Деректерге сәйкес әлемдегі адам саудасының көлемі өсуінің айқын тенденциясы байқалады. Мәселен, төрт ғасыр бойы классикалық құл сатудың «айналымы» 12 млн адамнан аспаған. Соңғы отыз жылда бір ғана Азияда секс-құлдыққа сатылған әйелдер мен балалар саны 30 млн құрады. Бұл қылмыстық бизнестің басым бөлігі әртүрлі елдерде орналасқан, алайда бір-бірімен тығыз сыбайласқан қылмыстық ұйымдардың қолында. Бұл заңсыз бизнестің

табысы есірткі саудасынан кейін екінші болып табылады. Жыл сайын 4-тен 5 млн дейін адам заңсыз жолмен тасымалданады, бұл қылмыскерлерге 7-ден 12 млрд АҚШ долларына дейін табыс береді.

Әлемде терроризм проблемасы да күрт шиеленісіп кетті. 2023 жылы 15,3 мың халықаралық террористік актілер жасалды, бұл 2020 жылға қарағанда үштен бірге аз, бірақ 2000 жылы тіркелген шабуылдармен салыстырғанда олардың саны 36 есе артты. 2023 жылы лаңкестер құрбандарының саны да 2000 жылмен салыстырғанда әлдеқайда өсті және 13 мың 483 адамды құрады. Мұндай террористік сипаттағы қылмыстар елімізде де жиі көрініс тауып отырады¹.

Есірткі қаупі әлі де әлемдік деңгейдегі қатер болып тұр. Ол қылмыстық әрекеттің басқа түрлерімен тығыз байланысып келеді. Қазіргі уақытта Ауғанстанда әлемдік героиннің 75% өндіріледі. Оның 60% астамы Орталық Азия, оның ішінде Қазақстан арқылы тасымалданады десек, оның лауазымды тұлғаларды сатып алумен байланысты екенін аңғару қиын емес.

Аталған қылмыстық әрекеттер трансұлттық сипаты бар қылмыстардың барлық тізімін қамтымайды және де бұл тізімге соңғы кезде көлемі ұлғайған киберқылмыстардың қатарын қосыңыз. Жоғарыда аталған қылмыстардың барлығы да лауазымды тұлғалардың шетелдік қылмыстық ұйымдармен бірлестікте жасайтынын ескерсек, сыбайлас жемқорлық қылмыстарының трансұлттық сипатын зерттеудің өзектілігі айқындала түседі.

Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық тәжірибесін зерттеуге арналған ғылыми еңбектерде «трансұлттық сыбайлас жемқорлық» [1] термині қолданылып келеді.

Трансұлттық сыбайлас жемқорлық –

¹ Более 60 «террористов» осудили в Казахстане с начала года [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://orda.kz/bolee-60-terroristov-osudili-v-kazahstane-s-nachala-goda-404283/> (жүгінген күні: 15.07.2025).

бұл мемлекетаралық шекараларды басып өтетін, жоғары лауазымды және ұйымдық субъектілерді қамтитын ұлттық байлықты өзінің заңды иесі – мемлекет азаматтарынан алып қоюдың қиын схемаларын қолданатын сыбайлас жемқорлықтың бір түрі.

Материалдар мен әдістер. Талдау материалдары ретінде БҰҰ Сыбайлас жемқорлыққа қарсы конвенциясы, БҰҰ Ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясы мен оның хаттамалары, ҚР Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл туралы Заңы, Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі, отандық және шетелдік ғалымдардың теориялық еңбектері, ҚР Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің деректері алынған. Мақаланы жазуда құқықтық статистикалық, формальды-логикалық әдіс пен салыстырмалы-құқықтық әдістер қолданылды.

Нәтижелер, талқылау. Transparency International агенттігінің зерттеуінде 2024 жылдың қорытындысы бойынша Қазақстан сыбайлас жемқорлықты қабылдау индексында 40 баллды иемденіп², Танзания, ОАР, Тринидад және Тобаго, Суринам, Колумбия елдерімен бір қатарда орналасты. Сыбайлас жемқорлық кең тараған салалардың алғашқы ондығына экспортқа лицензиялар мен квоталар беру, бюджеттік трансферттер мен бюджеттік шоттарға қызмет көрсету, сондай-ақ мемлекеттік мүлікті жекешелендіру кіреді.

ҚР Бас прокуратурасы Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің деректері бойынша 2024 жылы 1 641 сыбайлас жемқорлықпен байланысты құқық бұзушылық тіркелді. Тіркелген сыбайлас жемқорлық қылмыстарының ішінде пара беру – 32% (539), пара алу – 20% (329), жымқыру – 14,6% (241), алаяқтық – 13,5% (222) және теріс пайдалану – 9,2% (152) фактілері негізгі массаны құрайды³. Дегенмен де, 2023 жылы заңсыз алынған табысты шетелдерден қайтаруға байланысты істердің көп болғанына қарамастан, трансұлттық сипаттағы сыбайлас жемқорлық қылмыстарының көрсеткіші

болмағанын айта кетуіміз керек.

Трансұлттық сыбайлас жемқорлық ұлтаралық саладағы құқыққа қайшы қызметтің түрі ретінде халықаралық экономикалық әріптестікті немесе трансұлттық ұйымдасқан қылмыстылықты жүзеге асыруда туындайды. Халықаралық экономикалық әріптестік саласындағы сыбайлас жемқорлық шетелдік капиталдың қатысуымен кәсіпорын құруда; инвестициялық жобаларды іске асыру не мемлекеттік меншікті жекешелендіруде т.б. әріптестікке байланысты мемлекетаралық ірі қаржылар шоғырланған салаларды қамтиды. Мемлекетішілік ұйымдасқан қылмыстылықтың трансұлттық сипатқа ие болуы мемлекеттер арасындағы халықаралық-құқықтық әріптестіктің кеңеюімен, шетел азаматтарымен және заңды тұлғаларымен экономикалық, әлеуметтік және де өзге де тығыз қатынастар орнатуымен өсті. Мұндай қауіпті құбылыспен күрес халықаралық субъектілердің күштерін біріктіру арқылы ғана жүзеге асатыны анық. Трансұлттық сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл жасауда халықаралық жүйені құрудың тиімді құралдарының бірі – әлемнің барлық мемлекеттерінде осы саладағы құқықтық ықпал етуді біртектендіру және универсалды көпжақты келісімдерді жасау болып табылады. Мемлекетаралық әріптестіктің кеңінен таралған және танылған формаларының бірі халықаралық конвенцияларды тану және жүзеге асыру.

Трансұлттық сыбайлас жемқорлық барған сайын маңызды ғаламдық мәселеге айналып келеді. Техникалық прогресс пен жаһандану қылмыстың осы түрін жасауға кең мүмкіндіктер ашып отыр. Сыбайлас жемқорлық келтірген әлеуметтік және экономикалық салдар халықаралық қатынастардың барлық деңгейінде аталмыш құбылысты тиімді құқықтық реттеудің қажеттілігін арттыруда. БҰҰ сыбайлас жемқорлыққа қарсы Конвенциясы «ендігі жерде сыбайлас жемқорлық жергілікті проблема болудан қалып, трансұлттық құбылысқа айналғанына, оның қоғамды және барлық елдердің

² Казахстан по прежнему в числе стран с высокой коррупцией (ИБК 2024) // Transparency International Kazakhstan [Электрондық ресурc] – Айналыс режимі: <https://www.transparency.kz/ru/news/82-kazakhstan-po-prezhnemu-v-chisle-stran-s-vysokoy-korrupsiey-ivk-2024.html> (жүгінген күні: 01.06.2025).

³ 2024 жылғы Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл туралы ұлттық баяндама [Электрондық ресурc] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/863634?lang=kk> (жүгінген күні: 01.06.2025).

экономикасын қамтып отырғанына, оның алдын алу саласында халықаралық ынтымақтастықтың және оған қарсы күрестің зор маңызына»⁴ тоқталған.

БҰҰ Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясының 3-бабына сәйкес қылмыс, оның ішінде сыбайлас жемқорлыққа қарсы қылмыстар трансұлттық деп есептеледі, егер: а) ол бірнеше мемлекетте жасалса; ә) ол бір мемлекетте жасалып, бірақ оны дайындаудың, жоспарлаудың, басшылық жасауды немесе бақылаудың елеулі бөлігі басқа мемлекетте орын алса; б) ол бір мемлекетте жасалып, бірақ бірнеше мемлекетте қылмыстық әрекеттерін жүзеге асыратын ұйымдасқан қылмыстық топтың қатысуымен жасалса; в) ол бір мемлекетте жасалып, бірақ оның елеулі салдарлары басқа мемлекетте орын алатын болса, трансұлттық сипатқа ие болады⁵.

Соңғы уақытта жемқорлық жолымен табылған ақшалардың шетелдерде жасырынғандығын, сондай-ақ шетелдік юрисдикциялардың көмегімен елге қайтарылып жатқанын ескерсек⁶, сыбайлас жемқорлық қылмыстарының трансұлттық сипатын байқау қиын емес деп ойлаймыз.

Трансұлттық сыбайлас жемқорлық көптеген ғаламдық мәселелердің өзегі бола отырып, әлемдік қауіпсіздікке нұқсан келтіреді. 2015 жылғы Түркияда өткен G-20 саммитінде сыбайлас жемқорлық пен терроризм ХХІ ғасырда адамзатқа төнетін басты қауіп ретінде танылған. Бұл екі құбылыстың арасындағы тікелей байланысты байқамау мүмкін емес. Сыбайлас жемқорлықтың жоғары деңгейіндегі мемлекеттер (Ауғанстан, Нигерия, Ирак т.б.) қауіпсіздікті қамтамасыз етуде үлкен мәселелерге ие бола отырып, террористік әрекеттерге қолайлы орта қалыптастырады⁷.

Еліміздегі сыбайлас жемқорлық қылмыстары деңгейін ескере отырып, трансұлттық сыбайлас жемқорлық көріністері қылмыстық топ ортасынан, қазақстандық іскерлік әлеміне өту мүмкіндігі жоғары екенін де айтуымыз керек. ЭЫДҰ зерттеулерінде трансұлттық корпорациялардың қызметінде сыбайлас жемқорлықтың даму деңгейі өскен. 34 елде жүргізілген зерттеуде, парақорлық туралы 427 істердің 58% мемлекеттік ірі келісім-шарттарды алу мен мемлекеттік сатып алуларға қатысумен байланысты болған⁸.

БҰҰ Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясының 8-бабы пара беру мен пара алуға ұқсас қылмыстық әрекеттерді трансұлттықсыбайласжемқорлықдептанумен шектелді. Осыған қарамастан аталмыш конвенцияны сыбайлас жемқорлыққа қарсы заңнаманы бірыңғайландырудың алғышарты деп танимыз. Оның ережелері БҰҰ Сыбайлас жемқорлыққа қарсы конвенциясында жалғасын тапты. Осы екі құқықтық акттың маңыздылығы оны мойындаған мемлекеттердің қылмыстық заңнамаларында «сыбайлас жемқорлық» ұғымын кеңінен қалыптастыруға әсер етуінде.

Алғашқы уақытта трансұлттық қылмыстарға бейбітшілік пен адамзатқа қарсы қылмыстар, әскери қылмыстар жатқызылып келді. Соңғы уақытта трансұлттық сипатқа ие қылмыстардың ұғымы кеңейген. Алайда, қазақстандық заң ғылымы мен сот тәжірибесінде сыбайлас жемқорлық қылмыстарының трансұлттық сипаты әлі де толық ашылмай отыр.

Мемлекетаралық қатынастарда, сондай-ақ халықаралық қауымдастық үшін сыбайлас жемқорлықтан келетін қауіптің жоғарылығына қарамастан, оның трансұлттық құрамын нақты анықтау мүмкін болмай отыр. Оның

⁴ Біріккен Ұлттар Ұйымының Сыбайлас жемқорлыққа қарсы конвенциясын ратификациялау туралы: Қазақстан Республикасы 2008 ж. 4 мамырдағы № 31 Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z080000031_ (жүгінген күні: 01.06.2025).

⁵ Біріккен Ұлттар Ұйымының Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясын ратификациялау туралы: Қазақстан Республикасы 2008 ж. 4 мамырдағы № 40-IV Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z080000040_/links (жүгінген күні: 01.06.2025).

⁶ Самые громкие дела о коррупции в Казахстане в 2023 году [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.inform.kz/ru/kakie-gromkie-zaderzhaniya-chinovnikov-proizoshli-v-kazahstane-s-nachala-goda-3c2463> (жүгінген күні: 01.06.2025).

⁷ CPI 2023 for Middle East & North Africa: Dysfunctional Approach to Fighting Corruption Undermines Progress // Transparency International [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.transparency.org/en/news/cpi-2023-middle-east-north-africa-dysfunctional-approach-fighting-corruption> (жүгінген күні: 01.06.2025).

⁸ Baseline Report of the Fifth Round of Monitoring of Anti-Corruption Reforms in Kazakhstan. The Istanbul Anti-Corruption Action Plan [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.oecd.org/en/publications/baseline-report-of-the-fifth-round-of-monitoring-of-anti-corruption-reforms-in-kazakhstan_c9652173-en.html (жүгінген күні: 01.06.2025).

басты себебі сыбайлас жемқорлықтың қоғамға қауіпті, құқыққа қайшы іс-әрекет ретінде біртектес қоғамдық қатынастарға ғана емес, қоғамдық қатынастардың сан алуан салаларына қол сұғып, сан түрлі нысандарда көрініс табатындығында деп есептейміз.

Сыбайлас жемқорлықтың Қазақстанның аумағында ғана жасалатын қылмыс болып қалмағандығын, оның трансұлттық сипатын қарастыру 2014 жылғы қолданыстағы Қылмыстық кодексті қабылдауда көрініс тапты. Оның негізінде ҚР Қылмыстық кодексінің 366, 367-баптарында параны алғаны не бергені үшін жауаптылыққа тартылатын тұлғалардың шеңбері кеңейтілді. Салыстырар болсақ, 1997 жылы 16 шілдеде қабылданған қазіргі уақытта күші жойылған ҚР Қылмыстық кодексінің 311, 312-баптарында қылмыстың субъектісі «мемлекеттік функцияларды атқаруға уәкілетті адам не оған теңестірілген адаммен»⁹ шектелсе, 2014 жылы қабылданған қылмыстық кодекс олардың қатарын «шет мемлекеттің немесе халықаралық ұйымның лауазымды адамы»¹⁰ сияқты арнайы субъектілермен толықтырды. Сонымен бірге, қазіргі уақытта күші жойылған 1997 жылғы 16 шілдеде қабылданған ҚР Қылмыстық кодексі сыбайлас жемқорлық қылмыстарын трансұлттық ұйымдасқан қылмыстық топқа қатысу нысанында жасалу мүмкіндіктерін мүлдем қарастырмайды. Қолданыстағы ҚР Қылмыстық кодексінің 366, 367-баптары сыбайлас жемқорлықтың қылмыстық топпен жасалу мүмкіндіктерін қарастырады. 2014 жылы қабылданған Қылмыстық кодексінің 3-бабы 24) тармақшасына сәйкес сыбайлас жемқорлық әрекеті трансұлттық ұйымдасқан топпен, трансұлттық қылмыстық ұйыммен не трансұлттық қылмыстық қоғамдастықпен жасалады деп түсінуге болады. Бұл қазақстандық жоғары лауазымды тұлғалардың мемлекеттік төңкеріс жасау

әрекетінде қылмыстық топ (трансұлттық ұйымдасқан топ) құрамында әрекет ете отырып, ірі көлемде пара алды деген ой тұжырымдауға да алып келеді¹¹. «Қаңтар оқиғасы» кезінде елімізде террористердің еркін әрекет етуі де осы жағдайды айқындай түседі¹². Трансұлттық сыбайлас жемқорлық қылмыс жасағаны үшін жауаптылыққа тартудың статистикасы мен соттық тәжірибесі болмағанымен де, атап өткен жағдайлардың барлығы елімізде трансұлттық сыбайлас жемқорлық қылмыстары болуы мүмкіндігін, алайда оны тергеп-тексерудің әдістемесі жетілмегендігін дәлелдейді.

Шетелдік ғалым: «Қазіргі уақытта сыбайлас жемқорлық жаңа трансұлттық деңгейге көшті, сондықтан да ғаламдық халықаралық құқықтық шаралар қабылдануы тиіс» [2] деп көрсетеді. Жоғарыда аталған БҰҰ-ның конвенцияларын ратификациялау арқылы оның нормаларының заңдық күшін тани отырып, Қазақстан Республикасы ұлттық заңнаманы жетілдіруде айтарлықтай қадамдар жасады. Айтар болсақ, конвенцияда көрсетілген пара алу мен пара беру қылмыстарының трансұлттық сипаты айқындалды, шет мемлекеттің немесе халықаралық ұйымның лауазымды адамы қылмыс субъектісі ретінде танылды, сыбайлас жемқорлық қылмыстарының қатарын айқындады.

Осылайша, БҰҰ Сыбайлас жемқорлыққа қарсы конвенциясын ратификациялау арқылы заң шығарушы жанама түрде болса да сыбайлас жемқорлық қылмыстарының трансұлттық сипатын қарастырады.

Халықаралық құқық пен ұлттық құқықтың өзара қатынасы қиын мәселелердің бірі. Барлық дерлік халықаралық құқықтық актілердің нормаларын ұлттық заңнамаға енгізуге мүмкіндік жоқ. Екеуінің өзара қатынасы халықаралық құқықтық доктриналармен айқындалған: халықаралық

⁹ Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі: Қазақстан Республикасының 1997 ж. 16 шілдедегі № 167 Кодексі (Күші жойылған) [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K970000167_#z332 (жүгінген күні: 01.06.2025).

¹⁰ Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі: Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 ж. 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 01.06.2025).

¹¹ ЭКС-глава КНБ Казахстана Масимов, осужденный на 18 лет колонии за госизмену, попросил президента Токаева о помиловании [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.currenttime.tv/a/kazakhstan-karim-masimov/32986100.html> (жүгінген күні: 01.06.2025).

¹² Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Ұжымдық қауіпсіздік шарт ұйымының кезектен тыс сессиясында сөйлеген сөзі [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhmart-tokaevty-n-uzhymdyk-kauiipsizdik-shart-uyymynyn-kezekten-tys-sessi-yasynda-soylegen-sozi-10021> (жүгінген күні: 01.06.2025).

құқықтық нормалар қазіргі қылмыстық құқықтың жүйелік маңызын құрайды. Олар ұлттық қылмыстық құқықтың мазмұны мен бағытын анықтайды, алайда оның реттеу аясына күштеп енгізілмейді.

Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың негізгі принциптері мен нысандарын айқындайтын қандай да бір халықаралық құқықтық акт сыбайлас жемқорлықтың трансұлттық құрамын анықтап бермейді.

Заңдық тұрғыда сыбайлас жемқорлық дегеніміз – бұл ең алдымен белгілі бір заңға қайшы мінез-құлық. Мысалы, құқыққа қайшы әдістермен бұқаралық билік органдарының шешім қабылдауына әсер ету. Сонымен бірге, сыбайлас жемқорлық бизнесте монополия орнап, жосықсыз бәсекелестіктің туындауына алып келеді. Жоғарғы басшылық деңгейінде қаржы, саяси және әкімшілік салаларда орныққан сыбайлас жемқорлық халықаралық экономикалық және саяси қатынастарда үлкен мәселелерді туындатады. Сыбайлас жемқорлық нысандарының әртүрлі болуы оның ұлттық деңгейде де, сондай-ақ мемлекет аралық деңгейде де түсінігін анықтауға әсер етіп, оған қарсы іс-қимыл жасауды қиындатады. Қазақстандық авторлардың сыбайлас жемқорлық ұғымының құқықтық табиғатын анықтауға ұмтылған еңбектері көптеп кездесетіні де осыған байланысты [3]. Авторлар «сыбайлас жемқорлық» ұғымын анықтау, оның алдын алу мен оған қарсы іс-қимылды жеңілдетеді деп көрсетеді. Мұндай пікірмен келісе отырып, сыбайлас жемқорлықтың тұрмыстық сыбайлас жемқорлық, трансұлттық сыбайлас жемқорлық, халықаралық сыбайлас жемқорлық сияқты т.б. түрлері мен оның түсінігін беру қажет деп есептейміз. Бұл өз кезегінде жемқорлықтың әрбір түрін тергеудің тиімді әдістемесін қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Шетелдік криминологиялық зерттеулерде сыбайлас жемқорлықтың трансұлттылығы мәселесіне XX ғасырдың 70-жылдары мән бере бастаған. Бұл барлығымызға белгілі «Watergate» атты сыбайлас жемқорлық дауынан басталды. Екінші президенттік мерзімге сайланып жатқан Ричард Никсонның сайлау компаниясын заңсыз қаржыландыруды тергеу барысында АҚШ-тың

25 ірі компаниялары (Exxon, General Motors, Lockheed Aircraft, Gulf Oil т.б.) Никсонның пайдасына заңсыз төлемдер жасаған. Кейінірек американдық компаниялардың шетелдік үкімет пен мемлекеттік лауазымды тұлғаларды параға сатып алуы күнделікті тәжірибеде кездесетіні белгілі болды [4].

ҚР ҰҚО трансұлттық қылмысқа қарсы күрес жөніндегі басқармасы 2022 жылы 5,2 мыңға жуық қатысушы бар 1 216 этникалық топты анықтады, ұйымдасқан қылмысқа қарсы күрес жөніндегі аймақтық басқарма материалдары бойынша 1 979 қылмыстық іс қозғалып, оның ішінде 539 топ көшбасшыларына қатысты, 640 этникалық топ пен бір қылмыстық қоғамдастық қызметінің жолын кескен. Ғалымдар атап өткендей, трансұлттық қылмыстылық Қазақстанда көлемі ұлғайған сыбайлас жемқорлықтың арқасында дамып келеді. Елдегі ұйымдасқан қылмыс пен сыбайлас жемқорлық деңгейі арасында тікелей тәуелділік бар [5, 27-29 б.]. Жеткілікті бақылаудың болмауы, жүргізілетін тергеулердің жасырын және жабық сипаты, қызмет борышы бойынша заңға қайшы қоғамдастықтардың қатысушыларымыздың қарым-қатынас жасау, орасан зор қаражат – осының барлығы құқық қорғау органдары қызметкерлерінің бір бөлігінің трансұлттық қылмыстық топ құрамына өту мүмкіндігін өздігінен күшейтеді. Шенеуніктердің баюға деген ұмтылысын трансұлттық қылмыс өкілдері өте жақсы пайдаланады. Сыбайлас жемқорлық, ұйымдасқан және кәсіби қылмыс қазірдің өзінде «бір-бірін тауып, олардың әрқайсысына тиімді «үштік одақ» орнатуға тырысады» [6].

Қазақстандағы трансұлттық қылмыстардың пайда болуының ішкі себептеріне Э.А. Иванов: а) Қазақстанның конституциялық құрылысын күштеп өзгертуге және аумақтық тұтастығын бұзуға тырысу; ә) заңсыз қарулы құралымдарды құру, жарақтандыру, дайындау және олардың жұмыс істеуі; б) Қазақстан Республикасының аумағында қарудың, оқ-дәрілердің және жарылғыш заттардың заңсыз айналымы; в) Қазақстан Республикасының жекелеген лауазымды субъектілердің саяси тұрақтылыққа қауіп төндіретін трансұлттық қылмыстың кең

ауқымды қызметі; г) сепаратистік және радикалды діни-ұлтшылдық қозғалыстардың қызметін [7] жатқызады.

Сыбайлас жемқорлық қылмыстарын түсінудегі басты қателік бұл қылмыс пайда болған мемлекеттен басқа, қандай да бір мемлекет үшін қауіп-қатер болып табылмайды деп есептелетіндігінде. Алайда, мұндай қылмыстардың трансұлттық сипатқа ие болу мүмкіндігі жоғары екендігін ескеруіміз қажет. Егер қауіп бір елдің ауқымынан кеңейсе, басқа мемлекеттердің саяси тұрақтылығына қауіп төндіреді, ол қаралып отырған мемлекеттің аумағында пайда болғанымен де, тек қана ішкі қылмыс болуын тоқтатады.

Қылмыстың трансұлттық сипатқа ие болуының негізгі себебі: қазіргі уақытта болып жатқан әлеуметтік процестер мен қылмыскерлердің ықпалдасуы процестерінен артта қалған экономиканың әлемдік жаһандануын атап өткен жөн.

Пара беру немесе заңды билік өкілдерін қорқыту арқылы трансұлттық қылмыс мемлекеттіліктің негізін қалаушы институттардың олардың тиімділігін жоғалтуына ғана емес, сондай-ақ ұзақ мерзімді перспективада олардың қызметі негізделген құндылықтардың беделін түсіру есебінен пәрменділігіне нұқсан келтіреді. Мұндай трансұлттық сыбайлас жемқорлық қылмыстар қатарына қылмыстық топ құрамында жасалған ҚР ҚК 3-бабы 29)-тармақшасында көзделген қылмыстардың барлығын дерлік жатқызуға болады деп есептейміз. Айталық, ҚР 234-бабы 3-тармағы 1-тармақшасында көзделген қылмыс субъектісі – мемлекеттік функцияларды орындауға уәкілеттілік берген адам не оған теңестірілген адам не лауазымды адам не жауапты мемлекеттік лауазымды атқаратын адамның осы қылмысты жалғыз жасамайтыны белгілі. Оның үстіне контрабандалық тауарларды шетелден алып келетінін ескерсек, мұндай адамның шетелде де сыбайласы болуын қажет етеді. Демек, жемқорлық қылмыстарының осындай құрамдары трансұлттық құрам ретінде танылып, тиісті тергеуді қажет етеді.

Қорытынды. Қорыта айтқанда:

1. Зерттеу барысында елдегі сыбайлас жемқорлықтың дамуының трансұлттық

қылмыстылықтың артуымен тікелей байланысы анықталды. Мақалада алынған 2024 жылғы статистикалық мәліметтер сыбайлас жемқорлық қылмыстарының аса ауыр санатының артып отырғанын көрсетті. Бұл ірі көлемдегі ақшаны шетелге жылыстату мен заңсыз жолмен баюдың көбеюін білдіреді. Елімізде қаруды заңсыз сату, қарақшылық, есірткінің заңсыз айналымы, адам саудасы (оның ішінде жезөкшелік те), ақшаны жылыстату сияқты аса ауыр қылмыстардың көрініс табуы сыбайлас жемқорлықтың деңгейінің жоғары болуымен тікелей байланысты екені дәлелденді. Осыған байланысты, Қазақстан Республикасының сыбайлас жемқорлыққа қарсы заңнамасында «сыбайлас жемқорлықтың трансұлттық сипатын» одан әрі айқындай түсу мен «трансұлттық сыбайлас жемқорлықтың» өзге сыбайлас жемқорлық қылмыстарынан ерекшелігін анықтауды қажет етеді. Осы мақсатта:

а) ҚР Қылмыстық кодексіне БҰҰ Сыбайлас жемқорлыққа қарсы Конвенциясы 20-бабының нормасын имплементациялаудың өзектілігі артып келеді. Нақтырақ айтсақ, сыбайлас жемқорлыққа қарсы заңнамада «заңсыз жолмен баю», «ұлттық жария лауазымды адамдарды сатып алу» сияқты қылмыстық іс-әрекеттердің сипатын анықтап, жауаптылық қарастыру қажет. Осыған сәйкес:

- ҚР ҚК 8-тарауында «заңсыз жолмен баюды» қылмыстық іс-әрекет ретінде нақтылау;

- «ұлттық жария лауазымды адамдарды сатып алу» әрекетін ҚР ҚК 367-бабы 3-тармағына енгізу;

- ҚР ҚК 3-бабында «шет мемлекеттің немесе халықаралық ұйымның лауазымды адамы» ұғымын нақты айқындау керек;

ә) «шет мемлекеттің немесе халықаралық ұйымның лауазымды адамын» сыбайлас жемқорлық қылмысының арнайы субъектісі ретінде тану жеткіліксіз. Себебі трансұлттық ұйымдасқан қылмыстық топтардың мүшелері аталмыш ұғым аясында қарастырылмайды. Бұл осы қылмыстар бойынша алдағы уақытта жауаптылыққа тартуды қиындатады.

2. Сыбайлас жемқорлық қылмыстары

- трансұлттық қылмыстылықтың пайда болуының алғышарты ретінде дәлелденді. Қазақстандағы бюрократиялық аппараттың артуы, экономикадағы іркіліс, сыбайлас жемқорлық қылмыстарының латенттілігі сыртқы қылмыстық құрылымдардың елде дамуына қажетті жағдайлар жасайтыны белгілі болды. Осыған сәйкес, «трансұлттық сыбайлас жемқорлық» қылмыстарының заңнамалық негіздерін айқындау жеткіліксіз, сонымен қатар оның трансұлттық сипатын айқындауда аталмыш қылмыстарды тергеудің қалыптасқан әдістемесі болуы қажеттігі анық.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Knodell, K. Transnational Crime Made a Trillion Dollars in 2016 / K. Knodell // Medium, 2017 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://medium.com/war-is-boring/transnational-crime-made-a-trillion-dollars-in-2016-bd4a696ae635#:~:text=According%20to%20a%20new%20report,a%20focus%20for%20American%20lawmakers> (жүгінген күні: 01.06.2025).
2. Nichols, P.M. The Myth of Anti-Bribery Laws as Transnational Intrusion / P.M. Nichols // Cornell International Law Journal. – 2000. – № 33 (3). – Pp. 626-655.
3. Жақсылықов, Р.Ө. Қазақстандағы сыбайлас жемқорлық ұғымының құқықтық табиғатын анықтау мәселелері / Р.Ө. Жақсылықов, М.Е. Әшірбеков // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – 59-66 б.
4. Бабуринов, В.В. Транснациональные корпорации как субъекты коррупционной преступности / В.В. Бабуринов, Л.Р. Клебанов, О.А. Кузнецова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 4 (83). – Т. 27. – С. 334-338.
5. Сериев, Б.А. Мемлекеттік басқару жүйесіндегі сыбайлас жемқорлықтың алдын алу: оқу құралы / Б.А. Сериев, Г.С. Султанова, Б.Ш. Гусенов. – Талдықорған: І. Жансүгіров атындағы ЖМУ, 2019. – 150 б.
6. Boister, N. Transnational Criminal Law / N. Boister // European Journal of International Law. – 2012. – № 18. – Pp.124-138.
7. Иванов, Э.А. Понятие транснациональной преступности и международно-правовое регулирование борьбы с ней / Э.А. Иванов // Преступность и законодательство. – 2011. – № 2. – С. 367-368.

References:

1. Knodell, K. Transnational Crime Made a Trillion Dollars in 2016 / K. Knodell // Medium, 2017 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://medium.com/war-is-boring/transnational-crime-made-a-trillion-dollars-in-2016-bd4a696ae635#:~:text=According%20to%20a%20new%20report,a%20focus%20for%20American%20lawmakers> (жүгінген күні: 01.06.2025).
2. Nichols, P.M. The Myth of Anti-Bribery Laws as Transnational Intrusion / P.M. Nichols // Cornell International Law Journal. – 2000. – № 33 (3). – Pp. 626-655.
3. Жақсылықов, Р.Ө. Қазақстандағы сыбайлас жемқорлық ұғымының құқықтық табиғатын анықтау мәселелері / Р.Ө. Жақсылықов, М.Е. Әшірбеков // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – 59-66 б.
4. Baburin, V.V. Transnacional'nye korporacii kak sub#ekty korrupcionnoj prestupnosti / V.V. Baburin, L.R. Klebanov, O.A. Kuznecova // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2021. – № 4 (83). – Т. 27. – С. 334-338.
5. Seriev, B.A. Memlekettik basqaru zhyjesindegi syбайлас zhemqorlyқтың aldyn alu: oқu құraly / B.A. Seriev, G.S. Sultanova, B.Sh. Gusenov. – Taldyqorğan: I. Zhansygirov atynday ZhMU, 2019. – 150 b.
6. Boister, N. Transnational Criminal Law / N. Boister // European Journal of International Law. – 2012. – № 18. – Pp.124-138.
7. Ivanov, Je.A. Ponjatie transnacional'noj prestupnosti i mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie bor'by s nej / Je.A. Ivanov // Prestupnost' i zakonodatel'stvo. – 2011. – № 2. – С. 367-368.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Болат Жолдасбекович Айтимов – І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті құқықтық пәндер кафедрасының профессоры м.а., философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: bola_30081978@mail.ru.

Айтимов Болат Жолдасбекович – и.о. профессора кафедры правовых дисциплин Жетысуского университета имени И. Жансугурова, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: bola_30081978@mail.ru.

Aitimov Bolat Zholdasbekovich – Acting Professor of the Department of Legal Disciplines of Zhetysu University named after I. Zhansugurov, PhD, Associate Professor, e-mail: bola_30081978@mail.ru.

Ерлан Боранбаевич Есжанов – І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті құқықтық пәндер кафедрасының докторанты, e-mail: eszhanov230383@cloud.com.

Есжанов Ерлан Боранбаевич – докторант кафедры правовых дисциплин Жетысуского университета имени И. Жансугурова, e-mail: eszhanov230383@cloud.com.

Yeszhanov Yerlan Boranbaevich – Doctoral Student of the Department of Legal Disciplines of Zhetysu University named after I. Zhansugurov, e-mail: eszhanov230383@cloud.com.

УДК 343.3/7
МРНТИ 10.77.51

Д.Т. Амуртаева

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ И РУКОВОДСТВО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

Аннотация. В статье анализируются проблемы уголовно-правовой ответственности, предусмотренной за создание и руководство транснациональной преступной группой, транснациональной преступной организацией, транснациональным преступным сообществом, а также участие в них. Автор раскрывает некоторые аспекты квалификации данных деяний в свете национального уголовного права, акцентирует внимание на пробелах и коллизиях как в правовом регулировании, так и в практике применения, препятствующих эффективному противодействию транснациональной организованной преступности. Внимание уделяется вопросам разграничения понятий организованной группы, преступной организации и преступного сообщества в транснациональном аспекте на основе анализа международного законодательства. Актуальность темы определена с учетом глобализации и роста транснациональных преступных угроз и необходимости выработки рекомендаций по оптимизации и совершенствованию уголовно-правовых мер и правоприменительной практики.

Ключевые слова: квалификация; создание и руководство; преступное объединение; транснациональная организованная преступность; транснациональная организованная группа; транснациональная преступная организация; транснациональное преступное сообщество; уголовная ответственность; участие.

Д.Т. Амуртаева

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ТРАНСҰЛТТЫҚ ҚЫЛМЫСТЫҚ БІРЛЕСТІКТЕРДІ ҚҰРУ ЖӘНЕ БАСҚАРУ ҮШІН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПКЕРШІЛІКТІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада трансұлттық қылмыстық топты, трансұлттық қылмыстық ұйымды, трансұлттық қылмыстық қоғамдастықты құру және басқару, сондай-ақ оларға қатысу үшін көзделген қылмыстық-құқықтық жауаптылықтың проблемалық мәселелері талданады. Автор ұлттық қылмыстық құқық аясында осы әрекеттерді саралаудың кейбір аспектілерін ашады, трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа тиімді қарсы тұруға кедергі келтіретін құқықтық реттеуде де, қолдану тәжірибесінде де олқылықтар мен қақтығыстарға назар аударады. Халықаралық заңнаманы талдау негізінде трансұлттық аспектіде ұйымдасқан топ, қылмыстық ұйым және қылмыстық қоғамдастық ұғымдарының аражігін ажырату мәселелеріне ерекше назар аударылады. Тақырыптың өзектілігі жаһандану мен трансұлттық қылмыстық қауіптердің өсуін ескере отырып, қылмыстық-құқықтық шаралар мен құқық қолдану практикасын оңтайландыру және жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлей отырып анықталды.

Түйінді сөздер: біліктілік; құру және басқару; қылмыстық бірлестік; трансұлттық ұйымдасқан қылмыс; трансұлттық ұйымдасқан топ; трансұлттық қылмыстық ұйым; трансұлттық қылмыстық қоғамдастық; қылмыстық жауаптылық; қатысу.

D.T. Amurtaeva

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshi, the Republic of Kazakhstan*

SOME ISSUES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE CREATION AND MANAGEMENT OF TRANSNATIONAL CRIMINAL ASSOCIATIONS

Abstract. The article analyzes problematic issues of criminal liability provided for the creation and leadership of a transnational criminal group, a transnational criminal organization, a transnational criminal community, as well as participation in them. The author reveals some aspects of the qualification of these acts in the light of national criminal law, focuses on gaps and conflicts, both in legal regulation and in practice, that hinder the effective fight against transnational organized crime. Special attention is paid to the issues of distinguishing the concepts of an organized group, a criminal organization and a criminal community in a transnational aspect based on an analysis of international legislation. The relevance of the topic is determined taking into account globalization and the growth of transnational criminal threats, with the development of recommendations for optimizing and improving criminal law measures and law enforcement practice.

Keywords: qualification; creation and leadership; criminal association; transnational organized crime; transnational organized group; transnational criminal organization; transnational criminal community; criminal liability; participation.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_65

Введение. В современном мире сохраняется устойчивая трансформация и глобализация общественных процессов. Под их воздействием происходят изменения в экономической, социальной, политической и иных сферах, формируются обновленные модели коллективной идентичности, усиливается взаимодействие между государствами, институтами, сообществами. Однако указанные изменения сопровождаются не только положительными последствиями, но и ростом транснациональной организованной преступности, которая демонстрирует высокий уровень адаптивности, сетевую гибкость и технологическую оснащенность, что позволяет преступным структурам эффективно противостоять мерам уголовно-правового воздействия, предпринимаемым правоохранительными органами, чья деятельность ограничена рамками национальных юрисдикций и традиционных подходов.

Современные трансграничные преступные сети вовлечены в широкий спектр деяний – от незаконного оборота наркотических средств, оружия, торговли людьми до

финансовых преступлений, отмывания денежных средств, киберпреступности и преступлений в сфере экологической безопасности. Как правило, такие преступные объединения действуют вне рамок одной юрисдикции.

В связи с этим в Концепции правовой политики Республики Казахстан (далее – РК) до 2030 года обозначена установка на «развитие законодательства, в т.ч. и уголовного, направленного на стабилизацию международных отношений и преодоление новых глобальных угроз и вызовов»¹. «Министерство внутренних дел обязано принимать жесткие меры в отношении всех правонарушений: от мелкого хулиганства и вандализма до незаконной иммиграции и тяжких уголовных преступлений. В правовом государстве нет места криминалитету, поэтому с бандитизмом должно быть покончено. Правоохранительным органам нужно проявить профессионализм, решительность и принципиальность», отмечается в Послании Президента РК². Вышеизложенное обуславливает

¹ Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента Республики Казахстан от 15 окт. 2021 г. № 674 [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 31.07.2025).

² Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм: послание Главы государства К.-Ж. Токаева народу Казахстана от 1 сент. 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 31.07.2025).

актуальность рассматриваемой темы.

Цель настоящего исследования заключается в формулировании теоретически обоснованных и практически применимых подходов к уголовно-правовому регулированию ответственности за создание, руководство и участие в транснациональных преступных объединениях. Особое внимание уделяется выявлению и устранению правовых пробелов при определении признаков транснационального характера, уточнении категорий организованной преступности и обосновании целесообразности принятия специального закона о противодействии транснациональной организованной преступности в РК с учетом международных стандартов и зарубежного опыта.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: проведение системного анализа содержания и сущностных признаков транснациональных преступных объединений как специфического объекта уголовно-правового воздействия; анализ действующих уголовно-правовых норм РК, регулирующих ответственность за участие, создание и руководство организованными преступными структурами, а равно участие в них с акцентом на их применимость к транснациональному формату; выявление уголовно-правовых пробелов в противодействии транснациональной организованной преступности; формулирование обоснованных предложений по внесению изменений и дополнений в уголовное законодательство РК в части уточнения правового регулирования ответственности за транснациональные преступления, с учетом необходимости согласования с международными обязательствами.

Материалы и методы. В процессе исследования использовались следующие методы: сравнительно-правовой анализ, технико-юридический, формально-логический методы, а также элементы контент-анализа. Сравнительный подход применялся при рассмотрении уголовного законодательства РК и некоторых зарубежных стран.

Материалом для анализа послужили: Уголовный кодекс РК (далее – УК РК); Конвенция Организации Объединенных Наций

против транснациональной организованной преступности (далее – Конвенция); международная и отечественная научная литература; данные по преступлениям, совершенным организованными преступными объединениями с признаками транснационального характера, из открытых источников Комитета правовой статистики и специальных учетов при Генеральной прокуратуре РК; зарубежные источники, рассматривающие вопросы уголовной ответственности за создание, руководство и участие в транснациональных преступных объединениях.

Результаты, обсуждение. Об организованной преступности как о специфическом явлении, требующем особого подхода, говорят тогда, когда речь идет не просто о групповом совершении преступлений, но об особом рода широкомасштабной коллективной преступной деятельности. Здесь налицо особый субъект такой деятельности – устойчивое организованное преступное формирование, действующее как единый слаженный организм. Причем не только в период совершения конкретных преступных деяний. Организованной преступности соответствуют либо систематический характер криминальной деятельности как образ жизни либо решение широко масштабных криминальных задач в какой-то ограниченный период, требующее при этом единства разнообразных усилий многих субъектов [1].

В попытке совершенствования уголовно-правовых мер противодействия организованной преступности, в т.ч. транснациональной, уголовное законодательство РК претерпело многочисленные изменения, которые мы в первую очередь связываем с трансформацией общества. Изменения коснулись практически всех основных институтов уголовного права, в т.ч. института соучастия. Так, в статье 3 УК РК 2014 года дается определение организованным формам соучастия, в т.ч. транснациональным, отдельно предусмотрена уголовная ответственность за создание и руководство такими объединениями, а равно за участие в них, тогда как ранее в УК РК 1997 года они

рассматривались лишь в статье 31 УК РК как формы организованной преступности.

Предпосылками таких изменений стала ратификация Казахстаном 4 июня 2008 года Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (UNTOC). Основной целью данной Конвенции стало не только укрепление международного сотрудничества в предупреждении, расследовании и привлечении к ответственности лиц, причастных к транснациональным преступлениям, но и гармонизация национального уголовного законодательства с нормами Конвенции. Одним из основных требований UNTOC (ст. 5) была криминализация участия в транснациональной организованной преступности, включая создание, руководство транснациональной преступной организацией, группой или сообществом³.

Таким образом, национальное законодательство должно было охватывать действия не только соучастников, но и основателей, руководителей преступных структур. Первым шагом в попытке гармонизировать национальное законодательство стало включение в УК РК четких юридических определений организованных преступных форм, в т.ч. транснациональных, к которым относятся транснациональное преступное сообщество, транснациональная преступная организация, транснациональная преступная группа.

Так, в статье 3 УК РК под транснациональной организованной группой понимается организованная группа, преследующая цель совершения одного или нескольких уголовных правонарушений на территории двух или более государств либо одного государства, при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии граждан другого государства. Под транснациональной преступной организацией понимается преступная организация, преследующая цель совершения одного или нескольких уголовных правонарушений на

территории двух или более государств либо одного государства, при организации совершения деяния или руководстве его исполнением с территории другого государства, а равно при участии граждан другого государства. Под транснациональным преступным сообществом понимается объединение двух или более транснациональных преступных организаций. Данные определения соответствуют нормам Конвенции⁴.

Вторым шагом стала криминализация в УК РК особых составов (ст.ст. 264, 265), предусматривающих ответственность за создание и руководство транснациональной организованной группой, организацией и сообществом, а равно за участие в них. Исходя из вышеизложенного, следует, что норма, предусматривающая уголовную ответственность за данные деяния, действует уже более десяти лет, что отражает стремление государства к выполнению международных обязательств, в т.ч. по Конвенции. Однако в правоприменительной практике все еще наблюдаются существенные сложности, связанные с отсутствием единых методических подходов к квалификации таких преступлений.

Согласно статистическим данным, в 2024 году по статье 264 УК РК зафиксировано 8 правонарушений, из них 0 уголовных правонарушений, по которым определена квалификация, 1 – приостановлено в связи с неустановлением лиц, совершивших уголовное правонарушение, и по статье 265 УК РК – 1. С января по июнь 2025 года по статье 264 УК РК зарегистрировано 18 уголовных правонарушений, из них прошлых лет – 6, по которым определена квалификация – 10; по статье 265 УК РК зарегистрировано 0 уголовных правонарушений⁵.

Такая картина указывает на то, что имеются проблемы в процессе юридической оценки указанных преступных деяний. Рассмотрим лишь некоторые из них. На наш взгляд, одним из ключевых недостатков при квалификации указанных

³ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней. – Нью-Йорк: UNODC, 2004. – 7 с.

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Статистические данные Комитета правовой статистики и специальных учетов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 31.07.2025).

преступных деяний является отсутствие четкого законодательного определения признаков транснационального характера. Затруднения возникают в установлении того, в какой момент преступление приобретает трансграничный характер, достаточно ли участия иностранных граждан, перемещения через границы или координации действий в нескольких странах. Кроме того, правоохранительные органы сталкиваются с ограниченными возможностями доступа к доказательствам, находящимся за пределами юрисдикции Казахстана, что в дальнейшем влияет на квалификацию деяния. Как отмечает А.Л. Репецкая, транснационализация организованной преступной деятельности, т.е. выход ее за границы национальной территории одного государства, в настоящее время является глобальным, международным процессом. В сущности – это один из высших уровней криминальной эволюции [2].

Проблема определения понятий «организованная преступная группа» и «преступная организация» остается одной из наиболее спорных как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. УК РК, стремясь соответствовать международным стандартам, формально разграничивает такие категории, как «организованная группа», «преступная организация» и «преступное сообщество (объединение)». Однако критерии их отличия нередко оказываются недостаточно четкими, что приводит к трудностям в квалификации деяний, особенно в случаях, когда структура преступного объединения носит гибкий, неформализованный и адаптивный характер.

На практике затруднительно установить устойчивость и сплоченность группы, степень предварительной договоренности между участниками, а также наличие общей преступной цели. Преступные организации часто маскируются под легальный бизнес, благотворительные фонды или межнациональные сети, что затрудняет их идентификацию и доказывание [3]. Кроме того, в условиях цифровизации и использования зашифрованных каналов связи существенно усложняется сбор

доказательств, подтверждающих наличие внутренней иерархии, распределения ролей и единого центра управления.

Такое положение дел приводит еще к одной немаловажной проблеме, которая влияет на эффективность противодействия транснациональной организованной преступности – это сложность установления субъекта такого преступления, как создание и руководство транснациональными преступными объединениями. Национальное уголовное законодательство не содержит детализации относительно того, кто именно может признаваться организатором или руководителем в условиях сложной иерархической структуры, характерной для транснациональных сетей. Более того, размытые границы между организатором, координатором и участником осложняют дифференциацию ролей, что влияет на юридическую оценку содеянного и назначение наказания. Как было выше указано, часто возникают ситуации, когда лица, принимающие ключевые решения и осуществляющие координацию, находятся за пределами РК, в то время как местные участники выполняют лишь отдельные эпизодические функции. Считаем, что указанные проблемы требуют четких скоординированных действий правоохранительных органов, высокой квалификации, разработки более точных критериев для идентификации субъекта преступления, включая признаки устойчивости, управленческой роли и международной координации, совершенствования методических подходов к выявлению и документированию структур транснациональной организованной преступности.

Анализируя зарубежный опыт противодействия транснациональной организованной преступности, хотелось бы отметить разнообразие подходов к криминализации создания и руководства транснациональными преступными объединениями, что во много обусловлено национальными правовыми традициями и приоритетами в сфере уголовной политики. Вместе с тем ключевым ориентиром для большинства государств выступает Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, которая обязывает стран-участниц преду-

смотреть уголовную ответственность за участие в организованной преступной группе, включая ее создание и руководство.

В странах Европейского союза имплементация положений Конвенции получила развитие через Рамочное решение Совета ЕС 2008/841/ПВД, обязывающее государства-члены вводить нормы, предусматривающие наказание за руководство преступной организацией независимо от совершения конкретных преступлений⁶. Например, в Германии §129a Уголовного уложения предусматривает ответственность за создание террористической или преступной организации, при этом особый акцент сделан на устойчивости, иерархической структуре и наличии координирующего центра⁷. Во Франции статья 450-1 Уголовного кодекса квалифицирует создание преступного объединения как самостоятельное преступление, направленное на подготовку одного или нескольких тяжких деяний⁸.

В США борьба с транснациональной преступностью ведется в рамках комплексного подхода, сочетающего нормы федерального законодательства, в частности, Закона RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act), с активным использованием институтов международного сотрудничества. Закон RICO позволяет привлекать к ответственности не только отдельных лиц, но и организации, признанные частью преступного сговора, что существенно расширяет инструментарий уголовного преследования⁹.

В Грузии принят Закон «Об организованной преступности и рэкете» от 20 декабря 2005 года, основной акцент которого делается на привлечении к ответственности лиц, занимающихся созданием, руководством преступными организованными структурами, а также за участие в них. Как отмечается в статье М.Г. Козловской, такие меры, во-первых, стали толчком к тому, что многие грузинские воры эмигрировали в Россию, Украину, стра-

ны дальнего зарубежья. Во-вторых, у «вора в законе» имелась возможность отказаться от своего статуса и тем самым избежать уголовной ответственности. Тем не менее по воровскому сообществу был нанесен еще один мощный удар, который продемонстрировал, что против организованной преступности существуют эффективные законодательные меры. Обоснованность таких мер признал и Европейский суд по правам человека [4].

Кыргызская Республика стала второй страной постсоветского государства, которая в 2013 году тоже приняла отдельный Закон «О противодействии организованной преступности», который дал расширительное толкование организованной преступности, их лидерам, предусмотрел комплексный подход к организационно-правовым мерам противодействия организованной преступности¹⁰.

Таким образом, международная практика демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию понятий преступных организованных объединений, акценту на роли организатора (лидера) и усилению ответственности за координацию преступных схем, в т.ч. транснациональных, что может быть учтено в процессе совершенствования уголовного законодательства РК.

Следовательно, системное и междисциплинарное переосмысление транснациональной преступности как правового и криминологического феномена является необходимым условием повышения эффективности противодействия данному виду преступной деятельности в РК.

Закключение. Проведенный анализ показал, что транснациональные преступные объединения представляют собой сложные, устойчивые и многоуровневые криминальные структуры, обладающие высокой степенью адаптивности к изменениям внешней среды и правоприменительной практики. Несмотря

⁶ Рамочное решение № 2008/841/ПВД Совета // О борьбе с организованной преступностью (Люксембург, 24 октября 2008 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.zakon.cc/law/document/read/994_a70 (дата обращения: 12.08.2025)

⁷ Strafgesetzbuch (StGB). §129 – Bildung krimineller Vereinigungen. Bundesministerium der Justiz. – Berlin, 2021. – 234 p.

⁸ Уголовный кодекс Франции (в редакции от 01.01.2014 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14297> (дата обращения: 12.08.2025).

⁹ RICO Act (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act). U.S. Code Title 18. – Washington: U.S. Government Publishing Office, 2022. – 96 p.

¹⁰ О противодействии организованной преступности: закон Кыргызской Республики от 29 мая 2013 г. № 82 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-4820/edition/848482/ru> (дата обращения: 12.08.2025).

на предпринятые усилия по приведению национального законодательства в соответствие с международными правовыми стандартами, в действующем уголовном законодательстве РК по-прежнему сохраняются значительные концептуальные и практические пробелы.

Во-первых, отсутствует четкое нормативное определение признаков транснационального характера преступных объединений. С учетом выявленных пробелов в нормативной регламентации транснационального характера преступных объединений представляется целесообразным предложить авторскую концептуализацию признаков, которая может быть использована как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Под транснациональным характером преступного объединения следует понимать наличие устойчивых связей, выходящих за рамки одной национальной юрисдикции, что выражается в совокупности следующих признаков:

1. Межгосударственный состав – участие в преступной деятельности лиц, являющихся гражданами различных государств либо не имеющих гражданства.

2. Территориальная дисперсность – осуществление или подготовка преступной деятельности на территории двух и более государств либо координация преступных действий с территории одного государства в отношении другого.

3. Удаленное руководство – управление преступным объединением, выдача указаний, распределение ролей осуществляется с территории иного государства, в т.ч. посредством электронных или зашифрованных каналов связи.

4. Трансграничный финансовый след – использование международных финансовых систем, офшорных юрисдикций, электронных платежных платформ, криптовалют для финансирования, отмыwania денежных средств и легализации преступных доходов.

5. Целевые установки с международной направленностью – преступная деятельность направлена на достижение целей, выходящих за пределы одного государства, включая контроль над трансграничными потоками

товаров, услуг, миграции, информационного воздействия.

6. Инфраструктурная глобальность – взаимодействие логистических, информационно-коммуникационных, транспортных и иных ресурсов, находящихся в юрисдикции различных государств, для обеспечения устойчивого функционирования преступного объединения.

Вышеуказанные признаки в совокупности могут быть положены в основу как нормативной фиксации транснациональности преступных объединений в уголовном законодательстве РК, так и разработки методических рекомендаций по квалификации соответствующих составов.

Во-вторых, официальные дефиниции организованных преступных групп, организаций носят излишне формальный характер, что в правоприменении порождает трудности при квалификации деяний.

В-третьих, не конкретизирован круг лиц, могущих признаваться организаторами или руководителями в условиях сложной иерархической структуры, характерных для транснациональных сетей.

Указанные пробелы позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования национального законодательства с учетом положительного опыта зарубежных правовых систем, включая проработку возможности принятия специального закона, регулирующего вопросы противодействия транснациональной организованной преступности. Принятие специального закона о противодействии транснациональной организованной преступности позволит установить четкие правовые механизмы привлечения к уголовной ответственности лиц, вовлеченных в создание, руководство и участие в транснациональных преступных объединениях. Также, на наш взгляд, такой нормативный акт должен закрепить единые нормативные определения, критерии и признаки транснациональности преступных структур, что позволит повысить эффективность правоприменительной практики, устранить пробелы и неопределенности в действующем уголовном законодательстве, гармонизировать национальные нормы с международными

правовыми стандартами, обеспечить прозрачность и однозначность в квалификации преступлений, укрепить правовую базу для международного сотрудничества и обмена информацией. Устранение пробелов в вопросах уголовной ответственности создаст условия для введения четких юридических критериев, что без затруднений позволит квалифицировать действия как создание или руководство транснациональными преступными объединениями; расширить круг

субъектов указанных деяний (организаторы, координаторы, лидеры и иные управляющие звенья); ужесточить санкции за создание и руководство транснациональными структурами с учетом их особой общественной опасности; дифференцировать ответственность для различных категорий участников (лидеры, активные члены, пособники), что обеспечит справедливость наказания, повышение неотвратимости ответственности и снижение уровня организованной преступности.

Список использованной литературы:

1. Организованная преступность; под ред. док. юрид. наук профес. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. – 280 с.
2. Репецкая, А.Л. Транснациональная организованная преступность: учебное пособие / А.Л. Репецкая. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – 215 с.
3. Stiftung, H.B. Transnational Organized Crime Analyses of a Global Challenge to Democracy / H.B. Stiftung, R. Schonenberg. – Verlag, Bielefeld, 2013. – 308 p.
4. Козловская, М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии / М.Г. Козловская // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 2 (55). – С. 175-179.

References:

1. Organizovannaja prestupnost'; pod red. dok. jurid. nauk profes. A.I. Dolgovoj. – M.: Kriminologicheskaja Associacija, 1998. – 280 s.
2. Repeckaja, A.L. Transnacional'naja organizovannaja prestupnost': uchebnoe posobie / A.L. Repeckaja. – Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2005. – 215 s.
3. Stiftung, H.B. Transnational Organized Crime Analyses of a Global Challenge to Democracy / H.B. Stiftung, R. Schonenberg. – Verlag, Bielefeld, 2013. – 308 p.
4. Kozlovskaja, M.G. Opyt bor'by s organizovannoj prestupnost'ju v Gruzii / M.G. Kozlovskaja // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Pravo». – 2018. – № 2 (55). – S. 175-179.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Динара Талғатқызы Амуртаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының арнайы заң пәндері кафедрасының доценті, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: amurtaeva-77@mail.ru.

Амуртаева Динара Талғатовна – доцент кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: amurtaeva-77@mail.ru.

Amurtaeva Dinara Talgatovna – Assistant Professor of the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor's General Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, e-mail: amurtaeva-77@mail.ru.

ӘОЖ 343.265
ХҒТАР 10.77.41

Н.Т. Есқалы, А.А. Ешназаров

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ТАТУЛАСУҒА БАЙЛАНЫСТЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚТАН БОСАТУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. Мақалада татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан босату институтының ерекшеліктері мен қолдану аясы қарастырылады. Автор формалды құрамды құрайтын және екі объектіге қол сұғатын қылмыстық құқық бұзушылықтарға аталған институтты қолдану ерекшелігінің проблемалық аспектілеріне назар аударады. Сонымен қатар, қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнамаларда институттың қолданылу талаптарының өзара сәйкестігіне тоқталады. Аталған институттың қазіргі жағдайына талдау жасалып, тақырып аясында институтты жария айыптау істеріне қатысты қолдау негізінде қазақстандық және шетелдік ғалымдардың еңбектері зерделенген. Отандық және өзге елдердің заңнамаларын салыстыру арқылы осы институттың мақсаттары және қылмыстық заңнаманың талаптарына сәйкестігі тұрғысынан талдау жүргізеді.

Зерттеу нәтижесі бойынша институтты қолдануда қылмыстық құқықтың мақсаттарына жету үшін Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне өзгерістер мен толықтырулар енгізу ұсынылды.

Түйінді сөздер: жәбірленуші; жария айыптау; зиян; міндеттеме; объект; қылмыстық құқық; татуласу; талап.

Н.Т. Есқалы, А.А. Ешназаров

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и сфера применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением. Авторы обращают внимание на проблемные аспекты применения данного института к уголовным правонарушениям, которые характеризуются формальным составом и посягают на два объекта. Кроме того, анализируется соответствие требований уголовно-процессуального и уголовного законодательства в части применения данного института. Проведен анализ его текущего правового статуса, а также изучены труды казахстанских и зарубежных ученых, обосновывающих применение института в делах публичного обвинения. Посредством сравнительного анализа национального и зарубежного законодательства исследуются цели данного института и его соответствие требованиям уголовного законодательства.

По результатам исследования предложено внесение изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Казахстан для обеспечения достижения целей уголовного права при применении данного института.

Ключевые слова: жертва; публичное обвинение; ущерб; обязательство; объект; уголовное право; примирение; требование.

N.T. Yeskali, A.A. Yeshnazarov

The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan

LEGAL ASPECTS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH RECONCILIATION

Abstract. The article examines the features and scope of application of the institution of exemption from criminal liability in connection with reconciliation. The author draws attention to the problematic aspects of applying this legal institution to criminal offenses that constitute a formal offense and infringe upon two objects. In addition, the article analyzes the compliance of the requirements of criminal procedural and criminal legislation regarding the application of this institution. A review of its current legal status is conducted, and the works of Kazakhstani and foreign scholars justifying the application of this institution in cases of public prosecution are studied. Through a comparative analysis of national and foreign legislation, the goals of this institution and its compliance with the requirements of criminal law are examined.

Based on the research findings, amendments and additions to the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan are proposed to ensure the achievement of the goals of criminal law when applying this institution.

Keywords: victim; public prosecution; harm; obligation; object; criminal law; reconciliation; requirement.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_73

Кіріспе. Қылмыстық кодекстің міндеттерін жүзеге асыру үшін құқық бұзушыны жазалау әрдайым орынды шара болып табылмайды. Қылмыстық заңнама жауапкершіліктен босату тетіктерін қолдану арқылы жүктелген міндеттерді жүзеге асырудың баламалы тәсілдерін де қарастырады.

Қолданыстағы қылмыстық заңнама жауапкершіліктен босатудың бірнеше институтын қамтиды. Аталған институттардың ішінде татуласуға байланысты қылмыстық жауапкершіліктен босату өзіндік ерекшеліктерге ие. Институт бұзылған құқықтар мен бостандықтарды қалпына келтіруге, сондай-ақ қылмыстық құқық бұзушылық жасаған адамдарға адамгершілікпен қарауға және сот процесіне түсетін ауыртпашылықты азайтуға бағытталған.

Институттың қылмыстық заңнамадағы рөлі маңызды екендігі күмән тудырмайды.

Дегенмен, аталған институтты қолдану тұрғысынан қылмыстық заңнаманың талаптарына сәйкес келмейтін қайшылықтар бар екені байқалады.

Материалдар мен әдістер. Салыстырмалы-құқықтық әдіс негізінде ғылыми әдебиеттер талданып, логикалық талдау

және құқықтық нормаларды түсіндіру әдістерін қолдану арқылы шетелдік және ұлттық заңнамалар зерделенді.

Нәтижелер, талқылау. Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің (бұдан әрі – ҚР ҚК) 68-бабында татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан босату ережелері көрсетілген. Онда: қылмыстық теріс қылық немесе қазаға ұшыратумен байланысты емес онша ауыр емес немесе ауырлығы орташа қылмыс жасаған адам, егер ол жәбірленушімен, арыз берушімен татуласса, оның ішінде медиация тәртібімен татуласса және келтірілген зиянды қалпына келтірсе, қылмыстық жауаптылықтан босатылуға жатады¹.

Қылмыстық құқық бұзушылықпен келтірілген зиянды қалпына келтіру аталған институтты қолданудың басты талабы болып табылады. Зиян салдары материалдық құрамды қамтитын құқық бұзушылықтарға тән белгі болуына байланысты, аталған институт материалды құрамды қамтитын қылмыстық құқық бұзушылықтар үшін қолдануға жатады деген тұжырым қалыптасады.

2001 жылғы 21 маусымдағы Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының «Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің

¹ Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі: 2014 ж. 3 шілде № 226-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 30.03.2025).

68-бабын қолдану жөніндегі сот практикасы туралы» № 4 нормативтік қаулысының 5-тармағына сәйкес зиянға қылмыстық құқық бұзушылық арқылы жәбірленушінің, арыз берушінің денсаулығына және мүлкіне келтірілетін немесе моральдық кез келген зиянды жатқызу қажет, бұл ретте тек тікелей шығындар ғана емес, сонымен бірге қылмыстық құқық бұзушылыққа байланысты, оның ішінде өкілге жұмсалатын шығынды қоса алғанда, алдын ала тергеуге, сотқа қатысуға байланысты жұмсалған шығындар жатады².

Зиянның есесін толтыру бүлінген мүлікті қалпына келтіру, ұрланған мүлікті қайтарып беру немесе тап сондай мүлікті ұсыну, ақшалай өтем төлеу, дәрі-дәрмектерді, санаторлық-курорттық жолдамаларды сатып әперу, жәбірленушінің, арыз берушінің алдында кешірім сұрау түрінде және заңмен тыйым салынбаған басқа да нысандарда болуы мүмкін.

Сонымен қатар, аталған нормативтік қаулының 6-тармағына сәйкес құқық бұзушылықпен келтірілгенін зиян үшін жасалатын өтем кінәлі адамның тұрғысынан емес, жәбірленушінің, арыз берушінің көзқарасымен алып қарағанда жеткілікті болуға тиіс.

Жоғарғы Соттың ұстанымына байланысты ҚК-нің 68-бабының бірінші немесе екінші бөлігінде көрсетілген адам шын ниетпен өкінсе және қоғамның немесе мемлекеттің заңмен қорғалатын мүдделеріне қылмыстық құқық бұзушылықпен келтірілген зиянның орнын толтырған болса, жәбірленуші, арыз беруші болмаған кезде де ҚК-нің 68-бабының үшінші бөлігінің негізінде қылмыстық жауапкершіліктен босатылуы мүмкін.

Сәйкесінше, аталған институтты қолдану талабында жәбірленушінің болуы маңызды емес, алайда қылмыстық құқық бұзушылықта материалдық құрамның болуы маңызды. Себебі қылмыстық құқық бұзушылықпен келтірілген зиян толық көлемде қалпына келтірілуі қажет. Өз кезегінде институт материалдық құрамдағы құқық бұзушылықтарға қолданылуға тән

деген тұжырымды нақтылайды.

Институт қолданылуға жататын қылмыс санаттарынан тыс өзге түрлерінің қылмыстық заңнамада нақты жіктелмеуі ғалымдардың пікірінекіге бөлуге негіз болады. Бірінші топ бұл институттың жария айыптау істеріне қатысты қолданылмайтынын алға тартса, екінші топ, керісінше, оны жария айыптау істеріне қолдануға болатынын тұжырымдайды.

Бірінші топтың көзқарасын ескерсек, егер негізгі қол сұғылған объект формалды қылмыс құрамын, ал қосымша объект материалдық құрамды құраса (*яғни жәбірленушіге зиян келсе*). Онда қосымша объект тарапынан татуласу негізінде қылмыстық жауаптылықтан босату, негізгі объектіге қатысты қаншалықты әділ шешім болатыны туралы объективті сұрақ туындайды.

М.В. Мешков пен Р.М. Минулиннің пікірлерінше, онша ауыр емес және ауырлығы орташа қылмыстардың барлығын татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан босату институтын қолдану орынсыз. Себебі бұл қылмыстар көбінесе қоғам мен мемлекеттің мүдделеріне әсер етеді [1].

Осы тұрғыдан алғанда, М.В. Мешков пен Р.М. Минулиннің көзқарасы негізді болып табылады және терең талдауды қажет етеді.

Мәселен, құрамы екі объектіні қамтитын ҚК-нің 345-1-бабында (*алкогольдік, есірткілік және (немесе) уытқұмарлық масаң күйде көлік құралдарын басқаратын адамдардың жол жүрісі немесе көлік құралдарын пайдалану қағидаларын бұзу*) көрсетілген құқық бұзушылықтың негізгі объектісі қозғалыс қауіпсіздігін қамтамасыз ету болса, қосымша объект адам өмірі мен денсаулығы болып табылады.

Формальді түрде қозғалыс қауіпсіздігін қамтамасыз етпестен, алкогольдік, есірткілік немесе уытқұмарлық масаң күйде көлік құралын басқарған адамның әрекеті қосымша объект ретінде жәбірленушінің денсаулығына абайсызда орташа зиян келтіруге әкелсе, жәбірленушімен татуласу оның қозғалыс қауіпсіздігіне байланысты жауаптылықтан босатылуына негіз болады.

Нәтижесінде, жауаптылықтан

² Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 68-бабын қолдану жөніндегі сот практикасы туралы: Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысы 2001 ж. 21 маусым № 4 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P01000004S_ (жүгінген күні: 30.03.2025).

босатылуына байланысты құқық бұзушыға көлік құралын басқару құқығынан айыру шарасы қолданылмайды. Өз кезегінде, ҚК-де көзделген қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз ету міндеті мен жаңа қылмыстық құқық бұзушылықтың алдын алу мақсаты толық жүзеге аспайды.

Сонымен қатар, Жоғарғы Соттың ұстанымына сәйкес заңның көрсетілген нормаларын қолдану кезінде жәбірленушілердің, арыз берушілердің ұстанымымен қатар, әрекеттің сипаты мен қоғамға қауіптілік дәрежесі, қылмыстық құқық бұзушылық жасаған адамды сипаттайтын деректер, қылмыстық құқық бұзушылықтан туындаған салдарлар және істің басқа да елеулі мән-жайлары ескерілуге тиіс.

Аталған талап жоғарыда көрсетілген қоғамдық қауіпсіздікке қатысты бөліктің тыс қалуына қатысты тұжырымды нақтылайды.

Сот тәжірибесінде ҚК-нің 345-1-бабының 1-бөлігінде көрсетілген құқық бұзушылықтар бойынша аталған институтты қолдану практикасы біркелкі емес. Мысалы, 2024 жылы Жетісу облысы Есенкелді аудандық соты ҚК-нің 345-1-бабының 1-бөлігі бойынша айыпталған М.-ға қатысты қылмыстық істі ҚК-нің 68-бабының негізінде тоқтатқан. Ал 2022 жылы Алматы қаласы Медеу аудандық соты айыпталушы Ә.-ге қатысты қылмыстық істі қарау барысында қоғамдық қауіпсіздікке нұқсан келтіру бөлігі тыс қалғандықтан, ҚК-нің 68-бабын қолдануға жатпайтындығын көрсетіп, айыптау үкімін шығарған.

Сонымен қатар, қылмыстық заңнама әділеттік принципіне негізделе отырып қолданылуы тиіс, яғни алкогольдік, есіртілік немесе уытқұмарлық масаң күйде көлік құралын басқару Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексіне сәйкес әкімшілік жауаптылыққа әкелсе, оның қайталануы қылмыстық жауаптылыққа тартуға негіз болады.

Егер қылмыстық құқық бұзушылық жасаған адам жәбірленушімен татуласуына байланысты жауаптылықтан босатылса, ал оның әрекетінің қайталануы тек әкімшілік жауаптылыққа алып келеді. Нәтижесінде,

қылмыстық құқық бұзушылық жасаған адамның құқықтық жағдайы әкімшілік құқық бұзушылық жасаған адамға қарағанда жеңіл болады. Бұл ретте құқықтық теңсіздік орын алады және әділдік принципіне қайшы келеді.

Одан бөлек, аталған институттың қолданылуы бойынша Д. Бикташев еңбегінде жәбірленушімен татуласу арқылы қылмыстық жауаптылықтан босату тек жекеше және жекеше-жариялы айыптау істеріне қатысты қолданылуы қажет. Ал, жария айыптау істері шынайы өкінуіне байланысты қылмыстық жауаптылықтан босату институты негізінде жүзеге асырылуы қажет деп көрсетеді.

Ал, Л.А. Кесянның пікірінше, жария сипаттағы қылмыстар бойынша жәбірленушімен татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан босату мүлдем қолданылуға жатпайды деп санайды [2].

Аталған көзқарастарды ескерсек, жекеше және жекеше-жариялы айыптау істеріне ҚК-нің 68-бабын қолдану жөніндегі пікірлер назар аударарлық. Себебі мұндай істер көбіне жеке тұлға мен мүлікке қарсы бағытталған және құрылымы бойынша материалдық сипатқа ие.

Мәселен, Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінің (бұдан әрі – ҚПК) 32-бабының 2, 3-бөліктеріне сәйкес жекеше және жекеше-жариялы айыптау істері жәбірленушінің шағымы бойынша басталады және жәбірленушінің күдіктімен, айыпталушымен, сотталушымен татуласуына орай тоқтатылуға жатады³.

Алайда, ҚК-нің 68-бабының талаптары ҚПК-нің 32-бабының 3-бөлігінде көзделген жекеше-жариялы айыптау істеріне қолданылуы мүмкін, ал жекеше айыптау істерінде татуласу аталған баптың негізінде жүзеге асырылмайды.

Сонымен қатар, ҚПК-нің 32-бабының 6-бөлігіне сай жария айыптау істері жәбірленушінің шағым бергеніне-бермегеніне қарамастан жүзеге асырылады. Тиісінше, аталған санаттағы істер ҚК-нің 68-бабында көзделген жағдайларда жәбірленушінің күдіктімен, айыпталушымен, сотталушымен татуласуына орай тоқтатылуға жатпайды деп

³ Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі: 2014 ж. 4 шілде № 231-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүгінген күні: 30.03.2025).

тұжырымды қалыптастырады.

Алайда, Жоғарғы Соттың жария айыптау істеріне қатысты ұстанымы «заң екі және одан да көп объектіге қол сұғатын қылмыстар туралы істер (мысалы, бұзақылық, әскери қылмыс және т.б.) бойынша ҚК-нің 68-бабын қолдануға жол береді».

Екінші топтың көзқарасына тоқталсақ, Е. Смахтиннің пікірінше, егер «екі объектілі» қылмыстық істер бойынша негізгі объектіге қол сұғу оның болмашы маңыздылығына байланысты формалды деп танылса және жәбірленушімен татуласу қол жеткізілсе, онда бұл істер де татуласуға байланысты тоқтатылуы мүмкін.

Алайда, қол сұғудың болмашы маңыздылығын тану немесе танудан бас тарту қылмыстық істі жүргізетін тұлғаның құзыретіне жатады. Бұл шешімді сот, тергеуші немесе анықтаушы өз қаулысында дәлелді түрде негіздеуі тиіс деп санайды [3].

Ұқсас пікірді А. Крюковте ұстанады. Ол: «абайсызда жасалған қылмыстар қасақана жасалған қылмыстарға қарағанда қоғамға айтарлықтай аз қауіп төндіреді. Мұндай қылмыстар көбінесе көлік жүргізушісі қозғалыс кезінде барынша қысқа сәтте көлікті басқара алмай қалуының салдарынан адам өліміне немесе жәбірленушінің ауыр жарақат алуына әкеліп соғады. Әрине, бұл масаң күйінде жасалған жол қозғалысы ережелерін бұзуға қатысты емес. Сондықтан, мұндай қылмыстық істерді жәбірленушімен татуласуға байланысты қысқартуға жатпайтын істер санатына қосу дұрыс емес» деп санайды [4].

Е. Смахтиннің және А. Крюковтың пікірлері орынды. Пікірлер: Жоғарғы Соттың құрамында екі объектіні қамтитын қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша ҚК-нің 68-бабын қолдану мен ҚПК-нің талаптарына сәйкес келеді.

Алайда, бұл ұстаным қылмыстық құқық бұзушылықтың қайталануының алдын алу және әділеттілік талаптарын сақтау мақсаттарына толықтай сай келмейтіндігін көрсетті.

Тиісінше, екі немесе оданда көп объектіге қол сұғушылықпен жасалған қылмыстық құқық бұзушылықтарда жәбірленушінің негізгі

объекті қатарында болуы маңызды емес екендігін көрсетеді. Аталған институттың маңыздылығы қасақана немесе абайсызда жасалуы және негізгі объекті (*формальді құрамды құрайтын қоғамдық қатынас болып табылғанда*) бұзылған құқықтық қатынастың қауіптілік дәрежесінің төмендігінде екендігін көрсетеді.

Татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан босату институты гуманизм саясатын жүзуге асырудың маңызды тетігі болып табылатындығы және сот жүйесіне түсетін жүктемені азайтуға мүмкіндік беретіндігі анық. Осы ретте, институттың қолданылу аясын кеңейту және қылмысты заң талаптарына сәйкестендіру қажет.

Татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан емес жазадан босатылуы қажет. Бұл ретте өзгеріс қылмыстық құқықтың алдында тұрған міндеттерді шешу үшін барынша төмен және сонымен бірге жеткілікті болып табылатын өзге де қылмыстық-құқықтық ықпал ету шараларын қолдануға мүмкіндік береді.

Өзге де қылмыстық-құқықтық ықпал ету шаралары өзінің ерекшеліктеріне байланысты, қылмыстық жазадан босату кезінде құқық бұзушыға ықпал ету құралы ретінде тағайындалуы мүмкін.

Мәселен, ҚК-нің 345-1-бабында көрсетілген қылмыстық құқық бұзушылық үшін тараптардың татуласуына байланысты қылмыстық жазадан босата отырып, қылмыстық құқық бұзушылықтың қайталамауының алдын алу үшін көлік құралын басқару құқығына тыйым салу түрінде өзге де қылмыстық-құқықтық ықпал ету шарасын қолдану әділетті шешім болып табылады.

Алыс шетел тәжірибесінде татуласудың балама түрі (*Restorative Justice*) әділдікті қалпына келтіру тұжырымдамасы жұмыс атқарады.

Т. Касмири іс-әрекетінде жәбірленуші көзделмеген есірткі қолдануға қатысты қылмыстар бойынша әділдікті қалпына келтіру институтын қолдану арқылы жауаптылықтан босату, қылмыстың қайталануының алдын алуға қажетті іс-шара деп көрсетеді [5].

Қарсы пікірді Ф. Эдвардс өз зерттеуінде жәбірленуші көрсетілмеген қылмыстар бойынша аталған институтты қолдануда философиялық тұрғыдан институттың мақсатына жете алмайтындығын уәждейді [6, 38 б.].

Аталған заңнамалық қайшылықтар Ресей Федерациясы, Тәжікстан және өзге де Посткеңестік мемлекеттердің қылмыстық заңнамаларында көрініс табады. Бұл ретте, алыс шетел мемлекеттерінің тәжірибесі назар аударарлық.

Германия мемлекетінің тәжірибесінде аталған институттың балама түрі жұмыс атқарады. Германия Қылмыстық-процестік кодексінің §153а-бабында айыптаудан шарттар мен нұсқаулар негізінде бас тарту (*Absehen von der Verfolgung unter Auflagen und Weisungen*) негіздері көрсетілген.

Егер құқық бұзушының іс-әрекеті онша ауыр емес құқық бұзушылық (*Vergehen*) болса, айыпталушының келісімімен, прокурор қоғамдық айыптау жариялаудан уақытша бас тарта алады және айыпталушыға белгілі бір шарттар мен нұсқаулар жүктеуге құқылы. Егер бұл ретте шарттар қоғам мен қылмыстық қудалау мүддесін қалпына келтіре алса.

Құқық бұзушыға келесідей шарттар мен нұсқаулар қолданылуы мүмкін:

Жәбірленушіге келтірілген зиянды өтеу үшін өтемақы төлеу.

Мемлекеттік бюджетке немесе қайырымдылық ұйымына ақша сомасын төлеу.

Қоғамға пайдалы жұмыстарды орындау.

Алимент төлеу міндеттемелерін белгіленген мөлшерде орындау.

Жәбірленушімен татуласуға шынайы әрекет жасау (*келісімге келу*) және өз әрекетін толығымен немесе көп бөлігінен қалпына келтіруге тырысу.

Әлеуметтік тренинг курсынан өту.

Жол қозғалысы туралы заңға сәйкес жүргізушілерге арналған түзету курсына немесе біліктілікті арттыру семинарына қатысу.

Психиатриялық, психотерапиялық немесе әлеуметтік терапиядан өту (*терапиялық*

нұсқау).

Бұл шарттарды орындау үшін айыпталушыға келесідей мерзімдердің бірін белгілейді: 1-3, 5 және 7-тармақтарына – 6 айға дейін; 4, 6 және 8-тармақтарына – 1 жылға дейін.

Прокурор шарттарды кейіннен өзгертуі немесе ұзартуы мүмкін (*бір рет, 3 айға дейін*), ал айыпталушының келісімімен жаңа шарттар жүктеуі немесе қолданыстағыларын өзгертуі мүмкін. Шарттарды орындау мерзімі ішінде қылмыстық жауапкершілікке тарту мерзімі тоқтатылады⁴.

Егер айыпталушымен шарттар толық көлемде орындалса, қылмыстық іс тоқтатылуға жатады.

Яғни, Германия қылмыстық заңнамасында екі объектіге қол сұғатын онша ауыр емес қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша аталған институт қолданылуға жатады. Отандық институтпен салыстырғанда онда қоғам мүддесін қалпына келтіру және қылмыстық заңнаманың мақсатына жету жолын құқық бұзушыға белгілі бір қылмыстық-құқықтық ықпал ету шаралары қолданылады.

Франция мемлекетінің Қылмыстық-процестік кодексінің 41-1-бабына сәйкес, егер прокурор жәбірленушіге келтірілген залалды өтеуге, құқық бұзушылықтан туындаған қоғамдық мүддені қалпына келтіруге немесе қайта әлеуметтендіруге ықпал етеді деп есептесе, ол қылмыстық қудалауға қатысты шешім қабылдағанға дейін, келесі шаралардың бірін қолдануы мүмкін:

1. Құқық бұзушыға сынақ мерзімі бар қылмыстық ескерту жасалады, онда заң мен ережелерден туындайтын міндеттемелер мен жаза түрлері түсіндіріледі. Ол бұрын сотталған тұлғаларға, адамға қарсы зорлық-зомбылық жасағандарға немесе билік өкіліне қарсы құқық бұзушылық жасағандарға қатысты қолданылуға жатпайды.

2. Құқық бұзушыны медициналық, әлеуметтік немесе кәсіби мекемеге бағыттау. Бұл шара келесі курстарды (*өз есебінен*) өту арқылы жүзеге асырылуы мүмкін: азаматтық жауапкершілік; ата-аналық жауапкершілік; жыныстық қатынасты сатып алуға қарсы

⁴ Strafprozeßordnung (StPO) / § 153a Absehen von der Verfolgung unter Auflagen und Weisungen [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/_153a.html (жүгінген күні: 12.04.2025).

күрес, отбасындағы зорлық-зомбылық пен сексизмге қарсы күрес, есірткі қолдану қаупі туралы, жол қауіпсіздігі бойынша курс *(егер көлік жүргізуге байланысты құқық бұзушылық жасалса)*.

3. Құқық бұзушыға келтірілген залалды өтеу. Бұл мүлікті қайтару, бүлінген нәрселерді қалпына келтіру, жәбірленушіге немесе оған көмектескен тұлғаға өтемақы төлеу түрінде жүзеге асырылуы мүмкін. Өтемақы сомасы 5 000 еуродан аспауы тиіс.

4. Құқық бұзушы мен жәбірленуші арасында татуластыру рәсімін өткізу. Егер өтемақы қарастырылса, жәбірленуші оны азаматтық кодекс ережелеріне сәйкес сот арқылы өндіріп ала алады. Отбасындағы зорлық-зомбылық жағдайында татуластыруға жол берілмейді.

5. Егер құқық бұзушылық жұбайына, азаматтық некедегі серігіне, балаларға қарсы жасалса, құқық бұзушыны отбасылық үйден шығару және оған жақындамау талабын қоюға, қажет болған жағдайда медициналық немесе психологиялық қолдау шаралары қолдануы мүмкін.

6. Құқықбұзушыға жәбірленушілерге көмек көрсететін ұйымға азаматтық жарна төлеу талабын қою. Бұл ұйым сот округінде немесе апелляциялық сот аймағында орналасуы тиіс. Сона құқық бұзушылықтың ауырлығына және құқық бұзушының қаржылық жағдайына байланысты белгіленеді *(белгіленген заң шегінен аспауы тиіс)*⁵.

Франция мемлекетінің қылмыстық заңнамасында аталған институт Германия мемлекетінің институтына ұқсас. Құқық бұзушылықтан туындаған қоғамдық мүддені қалпына келтіру мәселесі назардан тыс қалмаған және құқық бұзушыға қатысты қылмыстық-құқықтық ықпал ету шаралары қолданылуы мүмкін.

Австрия мемлекеттің Қылмыстық-процес-тік кодексінің §204-бабына Қылмыс салдарын өтеу арқылы татуласу (Tatausgleich) сәйкес, қылмыс салдарынан жеке тұлғаның құқықтық мүдделері тікелей бұзылған болса, ал күдікті өз әрекетіне жауапкершілік алып, оның себептерін түсінуге дайын болса,

сондай-ақ қылмыстың салдарын өтеуге дайын болса және қажет болған жағдайда, болашақта осындай құқық бұзушылықтан бас тартуға ниетті екенін білдіретін міндеттемелерді алса, прокуратура істі уақытша немесе түпкілікті тоқтата алады.

Прокурорға жәбірленуші мен күдіктіге және олардың өкілдеріне татуласу талаптарына сәйкес бағыт-бағдар беру және қолдау көрсету үшін медиаторды қатыстыра алады.

Келтірілген залалды толық қалпына келтіруден бөлек құқық бұзушыға келесідей міндеттемелердің бірі қолданылуы мүмкін:

1. Ақшалай соманы төлеуі *(200-баптың 4-тармағы)*.

2. Қоғамдық пайдалы жұмыстарды орындауды *(201-баптың 4-тармағы)*.

3. Сынақ мерзімін және белгілі бір міндеттемелерді қабылдауды *(203-баптың 3-тармағы)*.

Егер прокурор уақытша қудалаудан бас тартқан болса, онда 205-бабына сәйкес құқық бұзушы өзіне қойылған міндеттемелерді орындаудан жалтаруына байланысты қайта жаңғырта алады.

Егер күдікті ақшалай соманы немесе міндеттемелерді толық немесе уақытында орындай алмаса, және бұл оның жеке жағдайларына байланысты *(мысалы, табысының немесе мүлкіктік жағдайының өзгеруі)*, онда прокуратура соманы немесе міндеттемені қайта қарастырып, жеңілдете алады.

Күдікті өзіне алған міндеттемелер, төлемдер және басқа да өтемақы шаралары, істі қайта жаңғырту кезінде заңдық күшін жояды. Күдікті төлеген ақшалай сома шартты түрде берілмеген айыппұлға есептеледі, ал қалған сомалар қайтарылады. Басқа да атқарылған шаралар *(мысалы, қоғамдық жұмыс)* үкімі шыққан жағдайда жаза мөлшерін есептегенде ескеріледі.

Австрия мемлекетінің қылмыстық заңнамасында аталған институт отандық заңнамадағы институтқа қарағанда келесі негіздер бойынша жұмыс атқарады. Отандық заңнамада басты талап зиянын толық

⁵ Code de procédure pénale / Version en vigueur au 28 mars 2025 / (France) [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006167418/2025-03-28/#LEGISCTA000006167418 (жүгінген күні: 12.08.2025).

көлемде қалпына келтірілуі болса, ал Австрия мемлекетінің институты құқық бұзушыға белгілі бір уақыт аралығында зиянды өтеуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар, алдағы уақытта қылмыстық құқық бұзушылықты жасамау мақсатында міндеттеме алады.

Қорытынды. Татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан босату институты Қазақстан Республикасының қылмыстық саясатында гуманизмді жүзеге асырудың маңызды тетігі болып табылатындығы және сот жүйесіне түсетін жүктемені азайтуға мүмкіндік беретіндігі анық.

Дегенмен, аталған институттың қазіргі жағдайы оны келесі негіздерге байланысты жария айыптау істеріне қатысты қолдануға мүмкіндік бермейтіндігін көрсетті. Себебі шетелдік тәжірибе көрсеткендей, отандық институттың құқықтық мәртебесі келтірілген залалды өтеуге бағытталғанымен, ол қоғам мүддесін қалпына келтіру мен құқық

бұзушыны қайта түзеуге ықпал ететін тетіктерді қамтымайды.

Осы ретте, институттың қолданылу аясын кеңейту және қылмыстық заң талаптарына сәйкестендіру қажет. Талданып отырған институттың құқықтық реттеу мәселесін шешу бойынша келесі шараны ұсынамын:

ҚК-нің 68-бабының атауын «Татуласуға байланысты қылмыстық жауаптылықтан немесе жазадан босату» деген сөйлемге өзгертуді және 68-бабын 3-1-бөлігімен толықтыруды:

3-1. Қылмыстық жазадан босату кезінде көліктегі қылмыстық құқық бұзушылықтар үшін өзге де қылмыстық-құқықтық ықпал ету шарасы ретінде көлік құралын басқару құқығына тыйым салу шарасы қолданылады.

Бұл, толықтыру өз кезегінде отандық қылмыстық заңнаманың дамуына және аталған институттың қолданылу аясын нақтылауға мүмкіндік берді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Мешков, М.В. По каким преступлениям возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон? / М.В. Мешков, Р.М. Минулин // Victimology. – 2022. – № 9 (1). – С. 49-62.
2. Кесян, Л.А. Современные проблемы освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Л.А. Кесян // Modern Science. – 2023. – № 3-1. – С. 21-24.
3. Смахтин, Е.В. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе / Е.В. Смахтин // Вестник пермского университета. – 2013. – № 1 (19). – С. 204-216.
4. Крюков, А.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим как форма соблюдения прав участников производства по уголовному делу / А.В. Крюков // Юридическая наука. – 2022. – № 10. – С. 65-69.
5. Kasmiri, T. Restorative Justice Approach To Victimless Crime [Электрондық ресурс] / T. Kasmiri, I. Nyoman Nurjaya, P. Djatmika // International Journal Of Humanities Education and Social Sciences. – 2024. – № 3 (4). – Айналыс режимі: <https://doi.org/10.55227/ijhess.v3i4.886> (жүгінген күні: 12.08.2025).
6. Edwards, P. Restorative Justice Without a Victim: Rise and the Roads Not Taken / P. Edwards // British Journal of Community Justice. – 2021. – № 17 (1). – Pp. 23-41.

References:

1. Meshkov, M.V. Po kakim prestuplenijam vozmozhno osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti v svjazi s primirenijem storon? / M.V. Meshkov, R.M. Minulin // Victimology. – 2022. – № 9 (1). – S. 49-62.
2. Kesjan, L.A. Sovremennye problemy osvobozhdenija lica ot ugovnoy otvetstvennosti v svjazi s primirenijem s poterpevshim / L.A. Kesjan // Modern Science. – 2023. – № 3-1. – S. 21-24.
3. Smahtin, E.V. K voprosu o primireнии storon v ugovnom processe / E.V. Smahtin // Vestnik permskogo universiteta. – 2013. – № 1 (19). – S. 204-216.
4. Krjukov, A.V. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti v svjazi s primirenijem s poterpevshim kak forma sobljudenija prav uchastnikov proizvodstva po ugovnomu delu / A.V. Krjukov // Juridicheskaja

nauka. – 2022. – № 10. – S. 65-69.

5. Kasmiri, T. Restorative Justice Approach To Victimless Crime [Jelektrondyқ resurs] / T. Kasmiri, I. Nyoman Nurjaya, P. Djatmika // International Journal Of Humanities Education and Social Sciences. – 2024. – № 3 (4). – Ajnalyz rezhimі: <https://doi.org/10.55227/ijhess.v3i4.886> (zhygingen kыni: 12.08.2025).

6. Edwards, P. Restorative Justice Without a Victim: Rise and the Roads Not Taken / P. Edwards // British Journal of Community Justice. – 2021. – № 17 (1). – Pp. 23-41.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Нұрғазы Төлегенұлы Есқалы – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, e-mail: y eskali.nurgazy@mail.ru.

Есқалы Нұрғазы Төлегенұлы – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: y eskali.nurgazy@mail.ru.

Yeskali Nurgazy Tulegenuli – Doctoral Student of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: y eskali.nurgazy@mail.ru.

Алмаз Алгазович Ешназаров – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдарының академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институты Арнайы заң пәндері кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: astana.eaa@gmail.com.

Ешназаров Алмаз Алгазович – заведующий кафедрой специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: astana.eaa@gmail.com.

Yeshnazarov Almaz Algazovich – Head of the Department of Special Legal Disciplines Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, e-mail: astana.eaa@gmail.com.

Д.Б. Кайназарова

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ В СФЕРЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ВАЛЮТ: РИСКИ И РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию масштабов и механизмов отмывания преступных доходов с использованием виртуальных валют, прежде всего криптовалют, в условиях стремительной цифровизации глобальной экономики и трансформации финансовых потоков.

В работе проведен всесторонний анализ правовых, технологических и институциональных рисков, возникающих вследствие использования криптовалют в противоправной деятельности, включая схемы легализации средств, полученных от торговли наркотиками, киберпреступлений, вымогательства, обхода санкций и финансирования терроризма.

Особое внимание уделено ключевым особенностям виртуальных активов, таким как децентрализация, псевдонимность транзакций и технические возможности сокрытия происхождения активов – посредством миксеров, анонимных криптовалют, DeFi-протоколов и NFT.

Подчеркивается роль аналитических платформ в деанонимизации подозрительных транзакций и необходимость институциональной подготовки следователей, прокуроров и аналитиков. Сделан вывод о необходимости комплексной трансформации подходов к финансовому мониторингу, включающей правовое обновление, техническое переоснащение и международную координацию усилий. Предложены рекомендации по созданию национальных центров анализа криптотранзакций, усилению взаимодействия с глобальными регуляторами, сертификации блокчейн-экспертов и стандартизации процессуального обращения с цифровыми доказательствами.

Ключевые слова: криптовалюта; блокчейн; отмывание денег; киберпреступность; преступный доход; анонимная монета; криптоплатформа; децентрализация; токен; транзакция.

Д.Б. Қайназарова

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ВИРТУАЛДЫ ВАЛЮТАЛАР САЛАСЫНДАҒЫ АҚШАНЫ ЖЫЛЫСТАТУ: ТӘУЕКЕЛДЕР ЖӘНЕ РЕТТЕУ

Аннотация. Бұл мақала жаһандық экономиканы жедел цифрландыру және қаржы ағындарын трансформациялау жағдайында виртуалды валюталарды, ең алдымен криптовалюталарды пайдалана отырып, қылмыстық кірістерді жылыстатудың ауқымы мен тетіктерін зерттеуге арналған.

Жұмыста есірткі саудасынан, киберқылмыстардан, бопсалаудан, санкцияларды айналып өтуден және терроризмді қаржыландырудан алынған қаражатты заңдастыру схемаларын қоса алғанда, құқыққа қарсы қызметте криптовалюталарды пайдалану нәтижесінде туындайтын құқықтық, технологиялық және институционалдық тәуекелдерге жан-жақты талдау жүргізілді.

Орталықсыздандыру, транзакциялардың бүркеншік аты және активтердің шығу тегін жасырудың техникалық мүмкіндіктері сияқты виртуалды активтердің негізгі ерекшеліктеріне – араластырғыштар, анонимді криптовалюталар, DeFi протоколдары және NFT арқылы ерекше назар аударылады.

Күдікті транзакцияларды анонимизациялаудағы аналитикалық платформалардың рөлі және тергеушілерді, прокурорларды және талдаушыларды институционалдық даярлау қажеттілігі атап өтіледі. Құқықтық жаңартуды, техникалық қайта жарақтандыруды және күш-жігерді халықаралық үйлестіруді қамтитын қаржылық мониторингке тәсілдерді кешенді трансформациялау қажеттілігі туралы қорытынды жасалды. Криптотранзакцияларды талдаудың ұлттық орталықтарын құру, жаһандық реттеушілермен өзара іс-қимылды күшейту, блокчейн-сарапшыларды сертификаттау және цифрлық дәлелдемелермен процессуалдық өңдеуді стандарттау бойынша ұсыныстар ұсынылды.

Түйінді сөздер: криптовалюта; блокчейн; ақшаны жылыстату; киберқылмыс; қылмыстық кіріс; анонимді монета; криптоплатформа; орталықсыздандыру; таңбалауыш; транзакция.

D.B. Kainazarova

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshi, the Republic of Kazakhstan*

MONEY LAUNDERING IN VIRTUAL CURRENCIES: RISKS AND REGULATION

Abstract. This article is devoted to the study of the scale and mechanisms of laundering crime proceeds using virtual currencies, primarily cryptocurrencies, in the context of rapid digitalization of the global economy and transformation of financial flows.

The paper provides a comprehensive analysis of the legal, technological and institutional risks arising from the use of cryptocurrencies in illegal activities, including schemes for legalization of funds derived from drug trafficking, cybercrime, extortion, sanctions circumvention and terrorist financing.

Special attention is paid to key features of virtual assets, such as decentralization, transaction pseudonymity and technical possibilities to conceal the origin of assets – through mixers, anonymous cryptocurrencies, DeFi protocols and NFT.

The role of analytical platforms in de-anonymizing suspicious transactions and the need for institutional training of investigators, prosecutors and analysts are emphasized. It is concluded that there is a need for a comprehensive transformation of approaches to financial monitoring, including legal updating, technical re-equipment and international coordination of efforts. Recommendations are offered to establish national crypto-transaction analysis centers, strengthen cooperation with global regulators, certify blockchain experts, and standardize the procedural treatment of digital evidence.

Keywords: cryptocurrency; blockchain; money laundering; cybercrime; criminal proceed; anonymous coin; crypto platform; decentralization; token; transaction.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_82

Введение. Виртуальные валюты, в особенности криптовалюты, функционирующие на основе технологии распределенного реестра (блокчейн), стали важным элементом глобальной финансовой системы. С момента появления биткойна в 2009 году данный класс цифровых активов претерпел эволюцию от маргинального эксперимента до признанного инвестиционного и транзакционного инструмента. Их технологические характеристики, такие как децентрализация, отсутствие посредников, быстрые трансграничные переводы и верификация операций по алгоритмическим протоколам, обеспечили высокую привлекательность криптовалют для широкого круга пользователей. Однако эти же свойства превратили криптовалюты в удобный инструмент легализации доходов, полученных преступным путем, что вызывает обеспокоенность не только национальных регуляторов, но и международного сообще-

ства.

Как подчеркивает Н.А. Егорова, именно правовая неустойчивость статуса криптовалют и отсутствие универсального правового режима «создают благоприятную среду для латентной финансовой преступности и трансграничного отмывания средств» [1, 47 стр.].

По оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), ежегодно в мире отмывается порядка 2-5% глобального ВВП, что составляет до 2 трлн долларов США¹. Растущая доля этих средств перемещается посредством цифровых активов, что существенно усложняет традиционные механизмы выявления и отслеживания финансовых потоков. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) указывает, что криптовалюты все чаще используются в схемах финансирования

¹ UNODC: Illicit money: how much is out there? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://financialtransparency.org/unodc-illicit-money-how-much-is-out-there> (дата обращения: 28.08.2025).

терроризма, торговли людьми, наркотрафика и обхода санкционных режимов. Например, в отчетах World Economic Forum за 2023 год подчеркивается, что виртуальные валюты «перерастают в альтернативную параллельную финансовую систему, не подчиняющуюся традиционным регуляторным правилам»².

В условиях глобальных кризисов последних лет, таких как пандемия COVID-19, рост киберпреступности, обострение геополитической напряженности, наблюдается ускоренная цифровизация преступной деятельности. Криптовалюты становятся средством ухода от традиционного контроля: от использования в схемах вымогательства (ransomware) до вывода активов за пределы юрисдикции при корпоративных мошенничествах.

При этом значительное число сервисов, включая микшеры, DeFi-протоколы, NFT-маркетплейсы и платформы выпуска стейблкоинов, действуют вне зоны регулирования либо подчиняются лишь формальным требованиям AML/KYC.

Особое значение имеет рост использования частных криптовалют, таких как Monero и Zcash, где архитектура блокчейна намеренно исключает возможность отслеживания транзакций [2]. Данные монеты позволяют злоумышленникам выстраивать сложные схемы «расщепления» активов, исключая возможность их деконструкции даже с помощью современных аналитических платформ.

На этом фоне становится очевидной необходимость комплексного переосмысления правового и институционального подходов к проблеме отмывания доходов через виртуальные валюты. Наблюдается смещение парадигмы: от исключительно финансового регулирования к междисциплинарному взаимодействию, охватывающему уголовно-правовой, процессуальный, криминалистический и технический уровни.

Целью настоящего исследования является

комплексный научный анализ рисков, связанных с использованием виртуальных валют в противоправной деятельности, а также критическая оценка существующих механизмов регулирования с акцентом на национальный и международный опыт. В фокусе рассмотрения – не только правовые инструменты (FATF, MiCA, OFAC, FinCEN), но и практические кейсы, а также институциональные и кадровые дефициты, затрудняющие эффективное противодействие отмыванию доходов в цифровой среде. Особое внимание уделяется казахстанской правоприменительной практике, отражающей как достижения, так и системные уязвимости в данной сфере.

Материалы и методы. В настоящем исследовании применен комплексный междисциплинарный подход, сочетающий правовой, эмпирический, сравнительно-правовой и экспертно-аналитический методы. Такое сочетание обусловлено необходимостью многоплоскостного анализа феномена отмывания преступных доходов через виртуальные валюты, который охватывает как сферу цифровых технологий, так и финансового регулирования, уголовной юстиции, криминалистики и международного публичного права.

Правовой метод позволил последовательно проанализировать эволюцию нормативных основ, регулирующих обращение виртуальных активов и деятельность поставщиков соответствующих услуг. В поле рассмотрения попали обновленные рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) 2019-2023 гг., с акцентом на применимость «правила путешествия» (travel rule), а также Регламент ЕС MiCA (2023), который устанавливает универсальные стандарты лицензирования и KYC/AML-практик в рамках Евросоюза³.

Особое внимание уделено законодательным актам Республики Казахстан (далее – РК): Закону «О цифровых активах» (2023), нормам, регулирующим

² Pathways to the Regulation of Crypto-Assets: A Global Approach // Geneva: World Economic Forum, 2023. – 36 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Pathways_to_the_Regulation_of_Crypto_Assets_2023.pdf (дата обращения: 22.08.2025).

³ Virtual Assets: Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – Paris: FATF, 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps-2023.html> (дата обращения: 22.08.2025).

деятельность криптобирж на базе МФЦА, и подзаконным актам Агентства по регулированию и развитию финансового рынка⁴. Проведен также обзор практики административных и уголовных производств, включающих обращения цифровых активов, с учетом постановлений Верховного Суда РК.

Сравнительно-правовой подход дал возможность соотнести национальную правовую модель с аналогичными системами других юрисдикций: США, стран ЕС, Объединенных Арабских Эмиратов, России и Сингапура. Анализ показал существенные различия в уровне институциональной зрелости подходов к регулированию криптоиндустрии, при этом опыт Эстонии, Литвы и Южной Кореи признан перспективным для адаптации в казахстанском контексте. Отдельно выделено участие Казахстана в инициативе FATF-style regional bodies (FSRB) через ЕАГ (Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов).

Кейс-метод использован для анализа реальных уголовных и санкционных дел, ставших репрезентативными для понимания механизмов отмывания через виртуальные валюты. Среди них: дело Bitzlato (2023), дело Tornado Cash (2022), Bitcoin Fog (Sterlingov), коллапс FTX, а также кейсы, зарегистрированные в Казахстане в 2022-2024 гг., включая попытки вывода криптоактивов за рубеж и обход ограничительных мер.

Контент-анализ применен к материалам специализированных аналитических платформ: Chainalysis, TRM Labs, Elliptic, CipherTrace и RUSI. Изучались ежегодные отчеты по криминальной активности в блокчейне, обзоры эффективности FATF, пресс-релизы правительственных ведомств – OFAC, FinCEN, SEC, Europol, а также казахстанских агентств (АППФР, АФМ РК).

Экспертно-аналитический компонент реализован через анализ авторских выступлений, интервью и публикаций признанных специалистов, таких как Майкл Гронагер (Chainalysis), Кэтрин Уэстмор (RUSI), Джонатан Левин (TRM Labs), а также

казахстанских экспертов в сфере финансового мониторинга. Данные материалы использовались для формирования независимых оценок институциональной зрелости подходов противодействия отмыванию в криптосекторе.

Эмпирическая база охватывает период с 2018 по 2024 гг. и включает более 40 кейсов, отраженных в публичных и полупубличных источниках, в т.ч. данные из регуляторных отчетов, пресс-релизов правоохранительных органов, аналитических бюллетеней и судебных решений.

Таким образом, комплексное применение указанных методов позволило не только проанализировать действующие правовые механизмы, но и выявить системные уязвимости институционального, процессуального и экспертного характера, что создает основу для предложений по реформированию практик AML в условиях цифровой экономики.

Результаты, обсуждение. Отмывание доходов, полученных преступным путем с использованием виртуальных валют, является одной из наиболее острых проблем цифровой экономики. Особенность криптовалют как формы электронных активов заключается в их децентрализованном и, зачастую, анонимном характере. Это делает криптовалюты привлекательными как для легального использования, так и для сокрытия незаконных денежных потоков.

Преступные группировки адаптировали классические схемы легализации доходов под новые реалии блокчейн-технологий, применяя криптовалютные кошельки, DeFi-инструменты, приватные монеты и NFT как инструменты «расслоения» денежных потоков. По данным Chainalysis, в 2022 году объем криптоактивов, полученных в результате противоправной деятельности, составил свыше 20 млрд долларов США. Эта сумма включает доходы от мошенничества, взломов, вымогательства, торговли наркотиками и оружием, а также средства, выведенные в обход санкций.

Ключевым фактором риска при

⁴ О цифровых активах в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 6 февр. 2023 г. № 193-VII (с изм. и доп. от 07.01.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33689356 (дата обращения: 07.08.2025).

использовании криптовалют в отмывании денег является псевдонимность транзакций. Хотя блокчейн прозрачен и каждая операция фиксируется в публичной цифровой книге, адреса кошельков не содержат информации о личностях их владельцев. Это позволяет злоумышленникам создавать множество анонимных цепочек для расщепления средств и запутывания следов. Особенно эффективно такие схемы работают при использовании миксеров, например Tornado Cash, которые автоматически перераспределяют средства между множеством пользователей. В 2022 году Министерство финансов США ввело санкции против Tornado Cash, обвинив платформу в содействии отмыванию более 7 млрд долларов, включая 455 млн, связанных с северокорейской хакерской группировкой Lazarus Group.

Другим важным звеном схем отмывания стали приватные криптовалюты. В частности, монеты Monero и Zcash используют технологии конфиденциальности на уровне протокола, такие как zk-SNARK и ring signatures. Эти криптовалюты фактически исключают возможность отслеживания транзакций, что делает их предпочтительным средством «обеления» преступных доходов [2]. Платформы, предлагающие услуги по их обмену или конверсии в более ликвидные активы, зачастую работают вне регулируемого поля, особенно в оффшорных юрисдикциях.

В числе знаковых кейсов последних лет можно выделить дело Bitzlato – обменной платформы, зарегистрированной в Гонконге, которая, по информации FinCEN, обслуживала транзакции, связанные с даркнетом, ransomware и обходом санкций. По приблизительным подсчетам, через Bitzlato было отмыто более 700 млн долларов. В январе 2023 года платформа была заблокирована в рамках международной операции с участием Europol, FBI и Минюста США.

Еще один пример – процесс против российского гражданина Романа

Стерлингова, обвиненного в управлении сервисом микширования Bitcoin Fog. Прокуратура США утверждает, что через данный ресурс было отмыто более 335 млн долларов. Дело Стерлингова продемонстрировало, что при наличии надлежащих аналитических инструментов и трансграничного сотрудничества даже «глубоко анонимные» сервисы могут быть идентифицированы и заблокированы.

Среди инструментов, способствующих деанонимизации таких схем, стоит выделить аналитические платформы Chainalysis Reactor, TRM Labs и Elliptic Lens. Они позволяют отслеживать движение криптовалют по публичному блокчейну, строить графовые модели, выявлять кластеры адресов, связанных с киберпреступностью. Например, Chainalysis в своем отчете за 2023 год подчеркивает, что почти 68% криминальных транзакций были сконцентрированы на пяти крупных платформах, что делает их уязвимым звеном для правоприменительных мер⁵.

Нарастающим вызовом стали кроссчейн-технологии, включая агрегаторы ликвидности и мосты между блокчейнами. Использование протоколов THORChain, Anyswap и Rubic позволяет злоумышленникам мгновенно перемещать активы между экосистемами Ethereum, Bitcoin, Monero и другими, обходя известные точки мониторинга. Подобные операции фиксируются как основа для новых схем отмывания через мультичейн-инфраструктуру, требующую модернизации аналитических инструментов.

В международной нормативной плоскости важнейшее значение имеет деятельность FATF, которая еще в 2019 году внедрила так называемое правило путешествия (travel rule) в отношении поставщиков услуг виртуальных активов. Согласно этому правилу, обменные платформы и кошельки обязаны собирать и передавать информацию об отправителе и получателе криптотранзакции, если ее сумма превышает установленный порог. Однако по данным на конец 2023 года, лишь около 30 стран в полном объеме имплементировали

⁵ Crypto Money Laundering: Four Exchange Deposit Addresses Received Over \$1 Billion in Illicit Funds in 2022. – Chainalysis [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-money-laundering-2022> (дата обращения: 22.08.2025).

данную норму. Европейский союз утвердил регламент MiCA, вступающий в силу в 2024 году. Он предусматривает лицензирование всех поставщиков криптоуслуг, обязательную проверку клиентов (KYC), идентификацию эмитентов стейблкоинов, а также разработку единых стандартов отчетности. В США надзор за криптовалютами осуществляют сразу несколько ведомств: SEC, FinCEN, IRS, OFAC. Каждый из них осуществляет надзор в рамках своей юрисдикции: SEC регулирует выпуск токенов как ценных бумаг, FinCEN отслеживает схемы отмывания, OFAC применяет санкции, а IRS контролирует налогообложение⁶.

Реакция частного сектора на вызовы отмывания неоднозначна. Так, CEO JPMorgan Джейми Даймон в 2021 году охарактеризовал биткойн как «валюту преступников», отметив, что его основное применение – это обход санкций, шантаж и финансирование терроризма [3]. В то же время крупные институциональные игроки, такие как Fidelity, Mastercard и BlackRock, интегрируют криптовалютные активы в свою инфраструктуру, выдвигая требование к прозрачности, KYC и сотрудничеству с регуляторами.

В Казахстане с 2022 года реализуется правовой эксперимент в рамках МФЦА, где криптовалютные биржи работают на основании лицензий Агентства по регулированию и развитию финансового рынка. Принят Закон «О цифровых активах», в котором установлены нормы AML/KYC, определена ответственность поставщиков криптоуслуг и предусмотрена возможность блокировки операций, вызывающих подозрения в отмывании. Однако остаются вызовы, в т.ч. нехватка экспертов по блокчейн-экспертизе, ограниченные возможности аналитических служб, отсутствие подключений к международным системам мониторинга. Кроме того, судебная практика по криптовалютам в РК остается фрагментарной и требует систематизации.

Как справедливо отмечает Б.Ж. Кулибаев,

«уголовно-правовая политика Республики Казахстан в отношении виртуальных активов все еще находится в стадии становления, что обуславливает высокие риски правоприменительной неопределенности» [4, 83 стр.].

В последние годы также проявляются новые механизмы: легализация через NFT, игровые токены, приватные ICO и DAO-протоколы. Эти направления требуют оперативной доктринальной оценки и включения в состав правовой экспертизы. Как отмечает К. Уэстмор из RUSI, «технических инструментов недостаточно – их нужно сопровождать процессуально грамотной правоприменительной практикой, иначе собранные данные не будут приняты судом как доказательства» [5]. Примером успешной практики в странах ЕС служат решения, где блокчейн-аналитика признана допустимым доказательством благодаря сертификации экспертов и стандартизации методик⁷.

Таким образом, в результате анализа выявляется необходимость переосмысления подходов к противодействию отмыванию, с учетом не только нормативных пробелов, но и институционального уровня готовности правоохранительных и судебных структур. Требуется целостная трансформация системы мониторинга, включающая правовое обновление, техническое переоснащение, международную координацию и кадровую профессионализацию.

Закключение. Проведенное исследование подтвердило, что отмывание преступных доходов с использованием виртуальных валют представляет собой не просто разновидность финансовых преступлений, а системную угрозу, характеризующуюся высокой адаптивностью, трансграничностью и технологической устойчивостью. Криптовалютная среда порождает параллельную финансовую инфраструктуру, которая, оставаясь вне традиционного контроля, подрывает эффективность существующих механизмов противодействия легализации преступных доходов и

⁶ U.S. Securities and Exchange Commission. Framework for "Investment Contract" Analysis of Digital Assets [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets> (дата обращения: 22.08.2025).

⁷ Italy affirms legal effectiveness of DLTs and smart contracts [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.linklaters.com/de-lu/insights/blogs/fintechlinks/2019/fintech-italy-affirms-legal-effectiveness-of-distributed-ledger> (дата обращения: 22.08.2025).

финансированию терроризма.

Современные схемы отмывания средств с использованием DeFi-протоколов, кроссчейн-технологий, NFT и анонимных монет демонстрируют стремление преступных субъектов к постоянному усложнению конфигураций и уходу от прямой идентификации. При этом даже самые совершенные технические средства мониторинга становятся неэффективными без развитой нормативной базы, институциональной готовности правоохранительных органов и согласованных международных усилий. Это доказывают кейсы Tornado Cash, Bitzlato, Bitcoin Fog, а также эпизоды обналичивания через NFT и игровые токены.

Несмотря на наличие международных стандартов, включая рекомендации FATF, регламент MiCA и действия OFAC, их имплементация носит фрагментарный характер. Многие государства – особенно в развивающихся регионах – сталкиваются с дефицитом кадров, отсутствием процессуального признания блокчейн-экспертиз, недостаточной интеграцией в глобальные информационные базы и устаревшими уголовно-процессуальными рамками. В результате это формирует глобальную асимметрию правового реагирования на криптовалютные угрозы.

В казахстанском сегменте сделаны важные шаги: принятие Закона «О цифровых активах», запуск лицензирования криптобирж в МФЦА, формирование подходов к AML/KYC в сфере виртуальных активов. Однако эффективность этих мер ограничена отсутствием систематизированной судебной практики, методик оценки цифровых рисков, сертифицированной блокчейн-экспертизы и целостной криминалистической доктрины в отношении виртуальных активов.

Научная новизна исследования состоит в комплексном, междисциплинарном анализе схем и механизмов отмывания в криптовалютной среде с интеграцией

уголовно-правового, процессуального, технического и международно-правового компонентов. Впервые в рамках казахстанской академической дискуссии системно проанализированы примеры отмывания через NFT, DeFi и мультитейн-платформы, а также выявлены нормативные лакуны и институциональные риски, препятствующие правоприменению.

С практической точки зрения результаты статьи направлены на разработку рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства, внедрению блокчейн-аналитики в судебную практику и формированию кадрового потенциала в сфере криптокриминалистики.

По итогам исследования предлагается следующее:

- системное обновление уголовно-процессуальных норм, предусматривающее признание блокчейн-экспертизы как доказательства;
- создание института сертифицированных цифровых криминалистов и внедрение образовательных программ для следователей, прокуроров, судей и экспертов;
- учреждение национального центра анализа криптотранзакций с доступом к международным платформам и базам данных;
- обязательное внедрение KYC/AML-протоколов и travel rule на всех криптоплатформах, работающих в юрисдикции РК;
- развитие международного сотрудничества по обмену информацией о подозрительных криптоактивах, в т.ч. в рамках ЕАГ и FATF.

Таким образом, противодействие отмыванию доходов в криптоэкономике требует не просто нормативной адаптации, а глубокой институциональной перестройки, где технологии, право и компетенции должны действовать синхронно, подчиняясь единой архитектуре цифровой законности и глобальной ответственности.

Список использованной литературы:

1. Егорова, Н.А. Правовые основы противодействия легализации преступных доходов в цифровой экономике / Н.А. Егорова, А.В. Захаров. – М.: Проспект, 2020. – 232 с.

2. Зыгин, А.Ю. Проблемы анонимности в блокчейн-сетях: на примере Monero и Zcash / А.Ю. Зыгин, М.С. Головин // Информационная безопасность. – 2021. – № 3 (27). – С. 18-24.
3. J. Cox. Jamie Dimon lashes out on crypto: “If I was the government, I’d close it down” // CNBC. – 06.12.2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2023/12/06/jamie-dimon-lashes-out-on-crypto-if-i-was-the-government-id-close-it-down.html> (дата обращения: 22.08.2025).
4. Кулибаев, Б.Ж. Уголовно-правовая политика Республики Казахстан в отношении виртуальных активов: тенденции и проблемы правоприменения / Б.Ж. Кулибаев // Уголовное право и криминология. – 2024. – № 2 (18). – С. 83-92.
5. K. Westmore. Anti-Money Laundering Supervision of the Professions in the UK: Four Key Challenges and How to Address Them. – London: Royal United Services Institute, 2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/policy-briefs/anti-money-laundering-supervision-professions-uk-four-key-challenges-and-how-address-them> (дата обращения: 23.08.2025).

References:

1. Egorova, N.A. Pravovye osnovy protivodejstviya legalizacii prestupnyh dohodov v cifrovoj jekonomike / N.A. Egorova, A.V. Zaharov. – M.: Prospekt, 2020. – 232 s.
2. Zygin, A.Ju. Problemy anonimnosti v blokchejn-setjah: na primere Monero i Zcash / A Ju. Zygin, M.S. Golovin // Informacionnaja bezopasnost'. – 2021. – № 3 (27). – S. 18-24.
3. J. Cox. Jamie Dimon lashes out on crypto: “If I was the government, I’d close it down” // CNBC. – 06.12.2023 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.cnbc.com/2023/12/06/jamie-dimon-lashes-out-on-crypto-if-i-was-the-government-id-close-it-down.html> (data obrashhenija: 22.08.2025).
4. Kulibaev, B.Zh. Uголовно-правовая политика Respubliki Kazahstan v otnoshenii virtual'nyh aktivov: tendencii i problemy pravoprimenenija / B.Zh. Kulibaev // Uголовное право i kriminologija. – 2024. – № 2 (18). – S. 83-92.
5. K. Westmore. Anti-Money Laundering Supervision of the Professions in the UK: Four Key Challenges and How to Address Them. – London: Royal United Services Institute, 2023. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/policy-briefs/anti-money-laundering-supervision-professions-uk-four-key-challenges-and-how-address-them> (data obra-shhenija: 23.08.2025).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Дариға Болатқызы Қайназарова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының қылмыстық қудалау және жедел-іздістіру қызметі кафедрасының доценті, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: dariga.76@list.ru.

Қайназарова Дариға Болатовна – доцент кафедрасы уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: dariga.76@list.ru.

Kainazarova Dariga Bolatovna – Associate Professor of the Department of Criminal Prosecution and Operational Investigative Activities of the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, e-mail: dariga.76@list.ru.

УДК 343.85
МРНТИ 10.81.71

Е.К. Кайрулла

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье на основе анализа складывающейся наркоситуации рассмотрены вопросы предупреждения наркотизации среди молодежи. Изучен передовой зарубежный опыт в области профилактики наркомании. Отмечено, что имеющиеся на сегодня методы и подходы, включающие в основном проведение семинаров, круглых столов, лекций и др., не дают должного эффекта. В этой связи предложено внедрить в школьные программы научно доказанные интерактивные формы обучения (ролевые игры, сторис, челленджи, тренинги), а также использовать цифровые платформы и проводить информационные кампании через социальные медиа-ресурсы.

Введение данных новшеств позволит не только повысить осведомленность о вреде наркотиков, но и реально изменить поведение подростков, а также снизить риски вовлечения их в наркосреду.

Ключевые слова: наркотическое средство; молодежная среда; борьба с наркоманией; профилактика; зарубежный опыт; школьная программа; цифровизация; интерактивный метод.

Е.Қ. Қайрулла

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЖАСТАР АРАСЫНДА НАРКОТИЗМНІҢ ТАРАЛУЫНЫҢ АЛДЫН АЛУ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ЗАМАНАУИ ТӘСІЛДЕР

Аннотация. Мақалада қалыптасқан есірткі жағдайын талдау негізінде жастар арасында есірткінің алдын алу мәселелері қарастырылған. Нашақорлықтың алдын алу саласындағы озық шетелдік тәжірибе зерттелді. Бүгінгі таңда семинарлар, дөңгелек үстелдер, дәрістер және т.б. өткізуге негізделген әдістер мен тәсілдер тиісті нәтиже бермейтіні атап өтілді. Осыған байланысты мектеп бағдарламаларына ғылыми дәлелденген интерактивті оқыту нысандарын (рөлдік ойындар, сторис, челленджер, тренингтер) енгізу, сондай-ақ әлеуметтік медиа ресурстар арқылы цифрлық платформалар мен ақпараттық науқандарды қолдану ұсынылды. Бұл жаңалықтарды пайдалану есірткінің зияны туралы хабардарлықты арттырып қана қоймай, жасөспірімдердің мінез-құлқын нақты өзгертуге, сондай-ақ оларды есірткі ортасына тарту қаупін азайтуға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: есірткі құрал; жастар ортасы; нашақорлыққа қарсы күрес; алдын алу; шетелдік тәжірибе; мектеп бағдарламасы; цифрландыру; интерактивті әдіс.

Y.K. Kairulla

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan.*

PREVENTION OF THE SPREAD OF PARCOTISM AMONG YOUNG PEOPLE: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND MODERN APPROACHES

Abstract. Based on the analysis of the emerging drug situation, the article examines the issues of preventing drug addiction among young people. The advanced foreign experience in the field of drug addiction prevention has been studied. It is noted that the currently available methods and approaches based solely on seminars, round tables, lectures, etc. do not give the desired effect. In this regard, it is proposed to introduce scientifically

proven interactive forms of learning into school curricula (role-playing games, stories, challenges, trainings), as well as the use of digital platforms and information campaigns through social media resources. The use of these innovations will not only raise awareness about the dangers of drugs, but also really change the behavior of adolescents, as well as reduce the risks of their involvement in the drug environment.

Keywords: narcotic drug; youth environment; fight against drug addiction; prevention; foreign experience; school curricula; digitalization; interactive method.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_90

Введение. Наркотизация молодежи является одним из самых насущных вопросов XXI века. Казахстан, как и многие страны, столкнулся с угрозой распространения наркотиков, в т.ч. синтетического происхождения, рынок которых достаточно динамично развивается.

Несмотря на принимаемые меры, нарко-ситуация в стране характеризуется сохраняющимися рисками. В 2024 году наблюдался рост на 13,6% количества зарегистрированных уголовных наркоправонарушений (с 7,5 тыс. до 8,5 тыс.), в т.ч. наркопреступлений (+24,5%, с 3,2 тыс. до 4 тыс.) и фактов сбыта наркотиков (+28,7%, с 1,9 тыс. до 2,4 тыс.). Кроме того, в 3,6 раз (с 119 до 435) выросло количество выявленных фактов рекламы и пропаганды наркотиков¹.

Очевидно, что одними лишь репрессивными методами решить данную проблему невозможно. Гораздо эффективнее предупредить вовлечение в употребление наркотиков граждан, особенно подростков, чем затем бороться с такими разрушительными последствиями, как зависимость, преступность, потеря человеческого потенциала.

По мнению профессора С. Кассвел, жизнеспособные стратегии профилактики, направленные на подростков, должны начинаться с образовательных программ по снижению риска развития расстройств, связанных с употреблением психоактивных

веществ в будущем. Поэтому ранняя превенция критически важна для исключения развития зависимости [1].

Материалы и методы. Борьба с наркоманией и наркобизнесом отнесена к числу основных приоритетов внутренней и внешней государственной политики. В этой связи в исследовании изучены с использованием общенаучных методов, теоретического анализа и обобщения материалов ратифицированных нашей страной Конвенций ООН в данной сфере, сформированное на их основе отраслевое законодательство², иные программные документы³, а также труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам антинаркотической стратегии.

Результаты, обсуждение. Наблюдается ежегодный рост количества проводимых антинаркотических мероприятий (с 10,8 тыс. до 16,5 тыс.), в их числе лекции, круглые столы, конкурсы, спортивные соревнования и турниры с широким охватом подростков и молодежи (с 41,2 тыс. до 114,8 тыс. человек)⁴.

На аккаунтах государственных органов в социальных сетях размещаются публикации по информированию о пагубных последствиях употребления наркотиков (Facebook – 4,2 тыс. и Instagram – 8 тыс.)⁵.

Вместе с тем складывающаяся в стране наркоситуация диктует острую необходимость переосмысления традиционных

¹ Информация Аппарата Правительства о реализации Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2023-2025 гг.

² О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими: закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 г. № 279 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279> (дата обращения: 23.07.2025).

³ Об утверждении Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2023-2025 гг.: постановление Правительства Республики Казахстан от 29 июня 2023 г. № 508 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000508> (дата обращения: 23.07.2025).

⁴ Информация Аппарата Правительства о реализации Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2023-2025 гг.

⁵ Там же.

подходов, поиска новых путей и возможностей, учета данных смежных наук и активного изучения и внедрения передового зарубежного опыта.

В этой связи на первый план выходят научные исследования по адаптированию и внедрению успешных моделей профилактики в отечественную практику.

Следует отметить, что в нашей стране в данном направлении проводится определенная работа. Так, с 2018 года при поддержке Управления ООН по наркотикам и преступности в Назарбаев Интеллектуальных школах (далее – НИШ) внедрена программа «Крепкая семья» (разработана Школой здоровья и социального благополучия при университете Оксфорд Брукс Великобритании на основе научных исследований, проведенных в штате Айова, США).

На базе Центра повышения квалификации НИШ подготовлено 20 тренеров педагогов-психологов, свыше 100 фасилитаторов из числа кураторов, воспитателей общежитий. Свыше 4 тыс. семей приняли участие в данной программе и получили навыки первичной профилактики, укрепления семейных ценностей, развития умения слушать и выражать эмоции⁶.

При поддержке Посольства США в регионах Казахстана ведется пилотный проект профилактики наркомании по методологии CADCA, направленный на вовлечение в профилактическую деятельность неправительственного сектора с участием всех органов местного управления, неправительственного сектора и активных граждан.

В настоящее время зарубежной научной школой накоплен значительный массив знаний об эффективных методах предупреждения наркотизации, способствующих снижению их факторов и рисков, укреплению морально-психологической устойчивости подростков и молодежи.

Современные исследования показывают, что методы, основанные исключительно на чтении лекций в формате эмоционально нагруженных нарративов с устрашающими

примерами, имеют ограниченное влияние на поведение молодежи. Они могут лишь повысить осведомленность, но редко приводят к устойчивым изменениям в их поведении.

Многие развитые страны уже давно отошли от исключительно карательных моделей и сместили акцент с запретительной риторики на развитие жизненных навыков у молодежи.

Причинами этому служит отсутствие в них интерактивности и навыков сопротивления негативному давлению сверстников и окружения, недостаточная связь с реальным опытом молодежи.

Таким образом, можно констатировать сложившуюся за рубежом тенденцию повсеместного перехода от разовых мероприятий на утвержденные учебные программы, позволяющие выстраивать в школах и колледжах профилактику на основе поведенческих и когнитивных наук (социологии, психологии, антропологии и др.).

Наряду с устоявшимися профилактическими мерами, проводимыми в виде разовых акций и зачастую недостаточно вовлекающих молодежь, внедряются современные научно обоснованные подходы.

Одной из наиболее успешных моделей признана исландская система профилактики, получившая название «Icelandic Prevention Model».

Результаты ее впечатляют – за двадцать пять лет Исландия добилась снижения уровня курения среди подростков с 23% до 2%, потребления каннабиса – с 17% до 7%, алкоголя – с 42% до 6% [2].

Начиная с 1998 года в Исландии регулярно проводятся анонимные опросы в школах для отслеживания поведенческих и социальных факторов риска, а также введен системный подход вовлечения семьи, школ, спортивных и культурных учреждений в организацию досуга подростков.

Другим примером является программа «Life Skills Training», разработанная профессором Гилбертом Дж. Ботвином, который подчеркивал важность профилактических

⁶ Программа «Крепкая семья» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nis.edu.kz/ru/product/berik-otbasy-bagdarlamasy> (дата обращения: 23.07.2025).

стратегий, направленных на молодежь, для снижения в будущем риска развития расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ⁷.

В рамках нее школьников США обучают навыкам управления стрессом и эффективному общению, устойчивости к социальному давлению и выработке позитивной самооценки.

Исследования показали, что участники программы демонстрировали снижение употребления табака на 87%, алкоголя – на 60%, наркотиков – на 50% по сравнению с контрольной группой [3].

В странах Европы широкое распространение получила школьная программа «Unplugged» для подростков в возрасте 12-14 лет, которая включает серию из 12 интерактивных занятий, проводимых учителями с использованием ролевых игр и обсуждений⁸.

По данным Европейского мониторингового центра по наркотикам и наркомании, данная программа продемонстрировала статистически значимое снижение уровня курения, употребления алкоголя и каннабиса среди школьников.

Наряду с этим значительное внимание уделяется формированию правильного поведения в младшем школьном возрасте. В начальных классах реализуется программа «Good Behavior Game», помогающая развить навыки саморегуляции, критического мышления, управления эмоциями и коллективной ответственности⁹.

Методика строится на игровых элементах благодаря чему достигается устойчивое снижение агрессивного поведения, улучшение атмосферы в классе, а в долгосрочной перспективе уменьшение риска развития зависимого и преступного поведения в подростковом возрасте.

Одной из наиболее универсальных школьных программ является «Lions Quest», разработанная в США и адаптированная более чем в 100 странах мира¹⁰. Основной ее целью является развитие у школьников социальных и эмоциональных навыков, понимания последствий своих поступков, умения строить здоровые отношения и управлять стрессовыми ситуациями.

Исследования показали, что данная программа способствует снижению уровня агрессии, улучшению академической успеваемости и повышению социальной ответственности учащихся.

Также следует выделить программу «Familias Fuertes», разработанную Панамериканской организацией здравоохранения для испаноязычных и латиноамериканских семей с детьми в возрасте 10-14 лет с учетом их культурных особенностей, которая успешно реализуется в 13 странах Латинской Америки, а также среди испаноязычных сообществ в США¹¹.

Основным ее направлением являются улучшение общения между родителями и детьми в возрасте 10-14 лет и предотвращение рискованного поведения подростков (употребление психоактивных веществ, агрессия, прогулы) путем развития позитивных родительских навыков.

Программа состоит из семи еженедельных двухчасовых сессий, в которых участвуют группы от 6 до 12 семей. Методы включают в себя просмотр обучающих видеороликов, ролевые игры, групповые обсуждения и практические упражнения.

Особо следует отметить, что все вышеперечисленные программы используют интерактивные формы обучения (дискуссии, ролевые игры, опросы, сторис, челленджи, тренинги), цифровые каналы коммуникации (ролики в TikTok, Instagram, YouTube),

⁷ LifeSkills Training. Program Developer [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lifeskillstraining.com/program-developer/> (дата обращения: 23.07.2025).

⁸ UNPLUGGED - Bringing School-Based Drug Prevention to Jordan [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.issup.net/about-issup/issup-award/evidence-based-award/unplugged-bringing-school-based-drug-prevention-jordan> (дата обращения: 23.07.2025).

⁹ The Past, Present, and Future of the Good Behavior Game / University of Kansas [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://behavior.org/past-present-future-good-behavior-game/> (дата обращения: 23.07.2025).

¹⁰ Lions Quest Skills for Adolescence 6-8 / Empowering Teachers to Support Student Well-being [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lionsquest.org/our-programs/explore-our-sel-curriculum/middle-school-social-and-emotional-learning-program/> (дата обращения: 23.07.2025).

¹¹ Programa familias fuertes: amor y límites [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.jamundi.gov.co/NuestraAlcaldia/SaladePrensa/Paginas/Programa-familias-fuertes-amor-y-limites.aspx> (дата обращения: 23.07.2025).

а также методики, вовлекающие самих подростков в создание и распространение профилактического контента.

К примеру, в США проводилась кампания «Above the Influence», распространявшая видео и мемы с призывом быть «выше давления» через YouTube и Instagram.

Отдельного внимания заслуживает практика применения цифровых платформ, т.к. информационные кампании через соцмедиа быстрее и шире распространяются, чем с помощью офлайн-лекций, плакатов и стендов.

Это связано с тем, что социальные сети формируют ценности и поведение молодежи, а влияние блогеров и трендов часто превосходит влияние традиционных источников информации.

По этим причинам зарубежные профилактические кампании отказываются от устоявшихся форм с прямыми запретами в пользу современных и близких молодежи форматов, использующих краткость, визуальность и образы, а также позволяющих говорить на их языке.

Продвижение позитивных примеров проводится через инфлюенсеров и лидеров мнений (музыкантов, молодежных активистов и др.) с использованием вирусных хэштегов и флешмобов (#StayDrugFree, #MyHealthyChoice).

Повсеместно запускаются мобильные приложения, каналы, Telegram-bot, Stories и Reels с интерактивным контентом, через которые подростки получают возможность задать вопрос, пройти тест, получить помощь конфиденциально.

Обеспечивается доступ к проверенным образовательным материалам и видео прямо через школьные аккаунты, а также внедряются модули профилактики в системы дистанционного обучения (например, Moodle или Google Classroom).

Программы дополняются видеороликами, мини-играми, виртуальными квестами и симуляциями последствий употребления наркотиков.

Например, в приложении Real Talk

реальные подростки в США делятся историями о том, как отказались от наркотиков или справлялись с давлением сверстников. Приложение Mind Matters обучает подростков Великобритании с использованием элементов когнитивно-поведенческой терапии справляться со стрессом без вредных привычек.

Анализ зарубежных профилактических программ показывает, что их элементы имеют различную степень применимости в условиях Казахстана и требуют комплексной адаптации с учетом правовых и институциональных реалий. Опыт Исландии, основанный на масштабных анонимных опросах школьников и последующем использовании собранных данных, затруднительно использовать в Казахстане в связи с ограничениями национального законодательства о персональных данных. В существующих условиях прямое внедрение подобного подхода невозможно без разработки подзаконных актов, определяющих порядок сбора и обработки обезличенной информации учащихся, а также нормативного закрепления регулярного социологического мониторинга в образовательных организациях.

Между тем программа «Life Skills Training», ориентированная на формирование стрессоустойчивости и социальных навыков, нашла отражение в правовых положениях нашей страны (Закон «Об образовании» и Кодекс «О здоровье народа»), предусматривающих воспитательные и профилактические функции школы. Для ее масштабирования необходимо закрепить такие программы в типовых учебных планах и ввести процедуру обязательной сертификации педагогов, которые их реализуют¹².

Европейская программа «Unplugged», основанная на интерактивных занятиях и ролевых играх, также вполне применима в наших условиях, однако ее внедрение требует культурной и языковой адаптации. Дополнительно следует определить правовой статус педагога как модератора

¹² Программа «Крепкая семья» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nis.edu.kz/ru/product/berik-otbasy-bagdarlamasy> (дата обращения: 23.07.2025).

профилактических практик, для чего могут быть разработаны необходимые методические рекомендации с закреплением ответственности и полномочий педагогов.

Программа «Крепкая семья», апробированная в НИШ, демонстрирует успешную локальную адаптацию, ориентированную на вовлечение родителей. Для ее распространения на национальном уровне необходимо закрепить обязанности органов образования и местных исполнительных органов по организации семейно-ориентированных тренингов и обеспечить их финансирование в рамках бюджетов профилактических программ.

Вместе с тем отдельного внимания требует вопрос интеллектуальной собственности. Большинство международных профилактических программ (включая «Life Skills Training», «Lions Quest», «Unplugged») являются лицензированными продуктами, защищенными авторскими правами. Их использование в Казахстане невозможно без заключения лицензионных соглашений или приобретения прав на перевод и распространение. Несоблюдение этих требований приведет не только к нарушению авторских прав, но и поставит под сомнение законность самой профилактической инициативы.

В этой связи с практической точки зрения возможны два пути. Первый – заключение прямых лицензионных соглашений между государственными органами или образовательными организациями Казахстана и зарубежными правообладателями. Второй – разработка национальных аналогов, основанных на доказательных принципах, но созданных отечественными специалистами и адаптированных к правовым и культурным реалиям страны. В последнем случае целесообразно использовать зарубежные практики лишь как методологическую основу, избегая прямого копирования материалов.

При этом необходимо институционализировать процедуры лицензирования и одновременно создать правовую базу для поддержки отечественных разработок, основанных на принципах доказательной профилактики и независимых от зарубеж-

ных правообладателей. При этом наиболее применимыми для Казахстана являются элементы, связанные с формированием жизненных и социальных навыков у подростков, интерактивными форматами обучения и вовлечением семьи в профилактическую работу. Менее применимы практики, требующие масштабного использования персональных данных без правовых гарантий и прямого копирования зарубежных материалов.

Закключение. Анализ состояния и тенденций профилактики наркотизации среди молодежи в Казахстане показал, что существующая система, основанная на традиционных методах, обладает ограниченным эффектом и не формирует устойчивых моделей поведения подростков. В то же время зарубежный опыт демонстрирует высокую результативность подходов, ориентированных на формирование социальных и жизненных навыков, активное вовлечение семьи и использование цифровых форматов. Вместе с тем прямое заимствование этих практик невозможно без учета правовых и институциональных условий Казахстана, которые определяют рамки для обработки персональных данных, внедрения программ в учебные планы и регулирования цифрового контента.

В этой связи предложены варианты адаптации профилактических программ, которые предполагают предварительную правовую экспертизу, институциональное закрепление ролей субъектов профилактики, локализацию содержания с учетом культурных особенностей, обеспечение цифровой безопасности и создание системы научно обоснованного мониторинга.

На основании проведенного исследования целесообразно выработать практические шаги. На законодательном уровне требуется закрепить порядок обезличенного использования данных учащихся в профилактических целях, а также предусмотреть обязательное включение модулей по развитию жизненных навыков в типовые учебные планы. Важно ввести сертификацию педагогов и фасилитаторов, реализующих профилактические курсы, что позволит

повысить их качество.

На институциональном уровне следует расширить компетенцию уполномоченных органов в части организации семейно ориентированных практик, доказавших эффективность в пилотных проектах, таких как программа «Крепкая семья» в Назарбаев интеллектуальных школах.

В сфере цифровой профилактики необходимо разработать правовой регламент работы образовательных платформ и приложений, предусматривающий защиту персональных данных, возрастную верификацию пользователей и модерацию контента.

Отдельное значение имеет урегулирование вопросов интеллектуальной собственности – использование зарубежных программ должно осуществляться только по лицензи-

онным соглашениям. Если же заключение таковых не представляется возможным, то следует стимулировать разработку отечественных аналогов, основанных на принципах доказательной профилактики.

Переход к цифровым и интерактивным методам профилактики следует рассматривать не только как педагогическую инновацию, но и как правовую необходимость. Концептуальная адаптация позволяет избежать фрагментарного внедрения отдельных инициатив и обеспечивает их согласованность с действующей нормативной базой и стратегическими направлениями образовательной политики. В результате профилактика наркотизации приобретает устойчивый и системный характер, соответствующий как международным обязательствам Казахстана, так и национальным приоритетам.

Список использованной литературы:

1. Casswell, S. Educational initiatives in the prevention of drug related harm / S. Casswell // Australian Drug and Alcohol Review. – 1988. – № 7 (3). – Pp. 299-303.
2. Kristjansson, A.L. Testing risk and protective factor assumptions in the Icelandic model of adolescent substance use prevention / A.L. Kristjansson, et al. // Health Education Research. – Vol. 36. № 3. – 2021. – Pp. 309-318.
3. Griffin, K.W. Evidence-based interventions for preventing substance use disorders in adolescents / K.W. Griffin, G.J. Botvin // Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America. – 2010. – № 19 (3). – Pp. 505-526.

References:

1. Casswell, S. Educational initiatives in the prevention of drug related harm / S. Casswell // Australian Drug and Alcohol Review. – 1988. – № 7 (3). – Pp. 299-303.
2. Kristjansson, A.L. Testing risk and protective factor assumptions in the Icelandic model of adolescent substance use prevention / A.L. Kristjansson, et al. // Health Education Research. – Vol. 36. № 3. – 2021. – Pp. 309-318.
3. Griffin, K.W. Evidence-based interventions for preventing substance use disorders in adolescents / K.W. Griffin, G.J. Botvin // Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America. – 2010. – № 19 (3). – Pp. 505-526.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Еркін Қайруллаұлы Қайрулла – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Қылмыстық саясат және криминология проблемаларын зерттеу орталығы Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының бас ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: anara_erken@mail.ru.

Қайрулла Еркін Қайруллович – главный научный сотрудник Центра исследования проблем уголовной политики и криминологии Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: anara_erken@mail.ru.

Kairulla Yerkin Kairullovich – Chief Researcher at the Center for the Study of Problems Criminal Policy and Criminology of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, e-mail: anara_erken@mail.ru.

А.А. Калиев

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

АНАЛИЗ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ OSINT

Аннотация. Современные технологии неизбежно привели к увеличению объемов данных, размещаемых в цифровом пространстве. Это, в свою очередь, сделало разведку на основе открытых источников (OSINT) одним из важных и востребованных инструментов интернет-аналитики. Автор раскрыл историю становления OSINT, его эволюцию от первых попыток использования открытых источников до современных методов автоматизированного сбора и анализа данных. В данной работе, помимо современных методов и способов получения и обработки данных с помощью OSINT, автором рассматриваются конкретные аналитические инструменты поиска и анализа информации: Google Dorking, Maltego и Shodan. Также в статье особое внимание уделяется вопросу использования искусственного интеллекта и программ машинного обучения в развитии направления OSINT. Автор приходит к выводу о том, что дальнейшее развитие OSINT будет определяться не только технологическим прогрессом, но и необходимостью регулирования данного процесса для предотвращения злоупотреблений и защиты персональных данных.

Ключевые слова: OSINT; открытый источник; интернет; база данных; искусственный интеллект; машинное обучение; поисковая система; метаданные.

А.Ә. Қалиев

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР ДӘУІРІНДЕГІ АШЫҚ ДЕРЕКТЕРДІ ТАЛДАУ: OSINT МҮМКІНДІКТЕРІ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Заманауи технологиялар цифрлық кеңістікте орналастырылатын деректер көлемінің ұлғаюына алып келді, бұл ашық көздерден барлау (OSINT) жүргізуді интернет-аналитиканың маңызды әрі сұранысқа ие құралдарының біріне айналдырды.

Автор OSINT қалыптасу тарихын ашып көрсетіп, ашық көздерді пайдаланудың алғашқы әрекеттерінен бастап, деректерді автоматтандырылған түрде жинау және талдау әдістеріне дейінгі эволюциясын сипаттайды. Сонымен қатар, осы еңбекте заманауи әдістер мен OSINT арқылы деректерді алу және өңдеу тәсілдерімен қатар, ақпаратты іздеу мен талдауға арналған нақты аналитикалық құралдар қарастырылады: Google Dorking, Maltego және Shodan.

Сондай-ақ, мақалада жасанды интеллект пен машиналық оқыту бағдарламаларын OSINT дамуы аясында қолдану мәселесіне ерекше назар аударылады. Автор OSINT-тің болашақтағы дамуы тек технологиялық прогреске ғана емес, сонымен қатар осы процесті реттеу қажеттілігіне де байланысты болатынын атап өтеді. Бұл реттеу шаралары ықтимал теріс пайдалану жағдайларының алдын алу және жеке деректерді қорғау мақсатында маңызды рөл атқарады.

Түйінді сөздер: OSINT; ашық көз; интернет; дерекқорлар; жасанды интеллект; машиналық оқыту; іздеу жүйесі; метадеректер.

A.A. Kaliyev

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

ANALYSIS OF OPEN DATA IN THE DIGITAL AGE: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF OSINT

Abstract. Modern technologies have inevitably led to an increase in the volume of data placed in the digital space, making open-source intelligence (OSINT) one of the most important and in-demand tools in internet analytics. The author explores the history of OSINT, tracing its evolution from the first attempts to utilize open sources to modern methods of automated data collection and analysis. In addition to contemporary methods of obtaining and processing data through OSINT, the study examines specific analytical tools for information search and analysis: Google Dorking, Maltego, and Shodan. Special attention is also given to the role of artificial intelligence and machine learning programs in the development of OSINT. The author concludes that the future of OSINT will be determined not only by technological progress but also by the need for regulatory measures to prevent misuse and ensure the protection of personal data.

Keywords: OSINT; open source; internet; database; artificial intelligence; machine learning; search engine; metadata.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_98

Введение. В современном мире, окутанном всевозможными цифровыми устройствами умение находить нужную информацию является одним из самых важных навыков, помогающих принимать обоснованные решения, расследовать онлайн и офлайн преступления, анализировать и сопоставлять различные факты, выявляя скрытые связи между людьми и произошедшими событиями. При этом источниками информации могут служить не только печатные издания, открытые базы данных, но и интернет-ресурсы, включая социальные сети, форумы, блоги, а также данные, полученные из метаданных файлов, изображений и видео.

Благодаря стремительному развитию и внедрению в повседневную жизнь человека современных технологий, а также распространению цифровых платформ, объем доступной для анализа информации каждый день увеличивается в геометрической прогрессии, что делает открытую разведку Open Source Intelligence (далее – OSINT) мощным аналитическим инструментом, в т.ч. при проведении расследований.

Люди, не задумываясь, выкладывают в интернет огромное количество информации о себе, включая фото и видеоматериалы, ежедневно оставляя цифровые следы в социальных сетях, на форумах, в базах дан-

ных, размещенных на специальных сайтах. Помимо этого, значительный объем данных генерируют государственные органы и многочисленные организации.

Однако эффективный сбор и обработка данных требуют от специалиста или сотрудника правоохранительного органа не только знаний о доступных инструментах, но и определенных навыков работы с ними, умения верифицировать информацию и правильно ее применять.

Цель статьи – рассмотреть основные методы и инструменты OSINT, применяемые для поиска, анализа и интерпретации данных, примеры их использования, а также выявить возможности и перспективы использования разведки на основе открытых источников.

Материалы и методы. Для исследования темы научной статьи использованы методы системного анализа, описания, интерпретации и обобщения практики использования инструментов OSINT, в т.ч. непосредственно автором статьи. Теоретической основой послужили научные публикации отечественных и зарубежных авторов. В качестве эмпирического материала использовались реальные кейсы из журналистских расследований, а также данные об использовании таких инструментов, как Google Dorking, Maltego и сервисы обратного поиска изображений.

Результаты, обсуждение. Открытые источники – это все то, что можно свободно найти и прочитать или посмотреть без каких-либо специальных разрешений.

В различных источниках по-разному определяется понятие OSINT. Одни авторы рассматривают этот термин исключительно как метод сбора информации из общедоступных источников, другие рассматривают это понятие более шире, включая анализ, интерпретацию и использование полученных данных для принятия решений.

Так, например, М. Баззелл в книге «Open Source Intelligence» определяет OSINT как процесс поиска, сбора и анализа данных из открытых источников для последующего использования [1]. В свою очередь С. Бертрам в своей работе «The Tao of Open Source Intelligence» подчеркивает, что OSINT как открытая разведка – это не просто сбор информации, а разведывательная деятельность, включающая в себя помимо вышеуказанного поиска, сбора и анализа информации, еще структурирование и оценку полученных данных [2].

Тем самым, OSINT – это многогранное понятие, которое в большей степени зависит от контекста его применения.

Если обращаться к истории OSINT, то она далеко уходит корнями в военную разведку, где сбор информации из открытых источников использовался еще за долго до цифровой эры. Первые упоминания об этом можно найти в деятельности армий и разведывательных служб, которые изучали иностранные печатные издания, радиопередачи, официальные заявления и дипломатические переписки для получения стратегически важной информации, включающей в себя, помимо разведанных, общественные настроения и военные маневры противника. Например, британская правительственная школа кодов и шифров анализировала информацию из перехваченных сообщений Советского Союза, чтобы выявить стратегические намерения другого государства¹.

Однако настоящая революция в области разведки по открытым данным произошла уже с появлением глобальной сети интернет и новых технологий.

С учетом достижений науки и техники современные информационные системы сейчас позволяют уже в режиме реального времени отслеживать события, анализировать цифровые следы преступников и даже прогнозировать угрозы на основе анализа больших данных. Тем самым, OSINT эволюционировал от сбора сведений из газет и радио к сложным аналитическим системам, использующим искусственный интеллект и машинное обучение для работы с огромными массивами данных.

Сегодня OSINT, превратившись в самостоятельное направление, стал применяться не только государственными структурами, частными компаниями, военными и правоохранительными органами, но также и отдельными энтузиастами, журналистами.

В частности, современные журналисты используют методы разведки по открытым источникам для разоблачения фейковых новостей, расследования коррупционных схем и преступлений.

Например, одна из международных исследовательских групп «Bellingcat» с помощью OSINT успешно раскрыла ряд резонансных дел, связанных с международными конфликтами, преступлениями и коррупцией. На официальном сайте «Bellingcat» в разделе, посвященном MH17 собраны материалы и отчеты, подробно описывающие ход расследования и методы, использованные для анализа данных, что демонстрирует эффективность инструментов OSINT в современных журналистских расследованиях².

Также методы OSINT находят широкое применение и в правоохранительной деятельности, особенно в борьбе с организованной преступностью, терроризмом и киберпреступностью.

Правоохранительные органы разных стран все чаще обращаются к разведке по

¹ Спецслужбы на войне | Великобритания. — Все о Второй мировой [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wwii.space/%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D1%86%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B1%D1%8B-%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B5-%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 04.08.2025).

² MH17 и дезинформационные операции ГРУ, часть 1: медиапроект «Bonanza» – Беллингкэт [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.bellingcat.com/novosti/russia/2020/11/20/bonanza-gru/> (дата обращения: 04.08.2025).

открытым источникам, собирая информацию о подозреваемых, для выявления преступных схем и связей.

На сегодняшний день эффективность расследования любого преступления зависит от собранной по нему информации. Чем больше собрано оперативной информации, тем эффективнее будет идти расследование.

Американский аналитик Кен Шерман в одной из своих публикаций сказал о том, что правоохранные и специальные службы США, да и многих других стран, большую часть оперативной информации, а это примерно около 80%, собирают из открытых источников, т.е. из «открытого» интернета, а оставшуюся часть – от 10 до 20%, черпают из ведомственных баз данных и от конфиденциальных помощников (агентов)³.

Следовательно, одним из ключевых преимуществ OSINT для правоохранительных структур является его способность обеспечивать быстрый доступ к актуальной информации без необходимости получения санкций суда, что напоминает работу оперативных подразделений при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

Рассматривая интернет в качестве площадки для получения информации, необходимо отметить его многоуровневость, которая включает в себя поверхностный (Surface Web), глубокий (Deep Web) и теневой (Dark Web) уровни, каждый из которых содержит различный объем данных и доступен с разной степенью сложности.

На рисунке № 1 наглядно показана структура интернета, включая его основные сегменты.

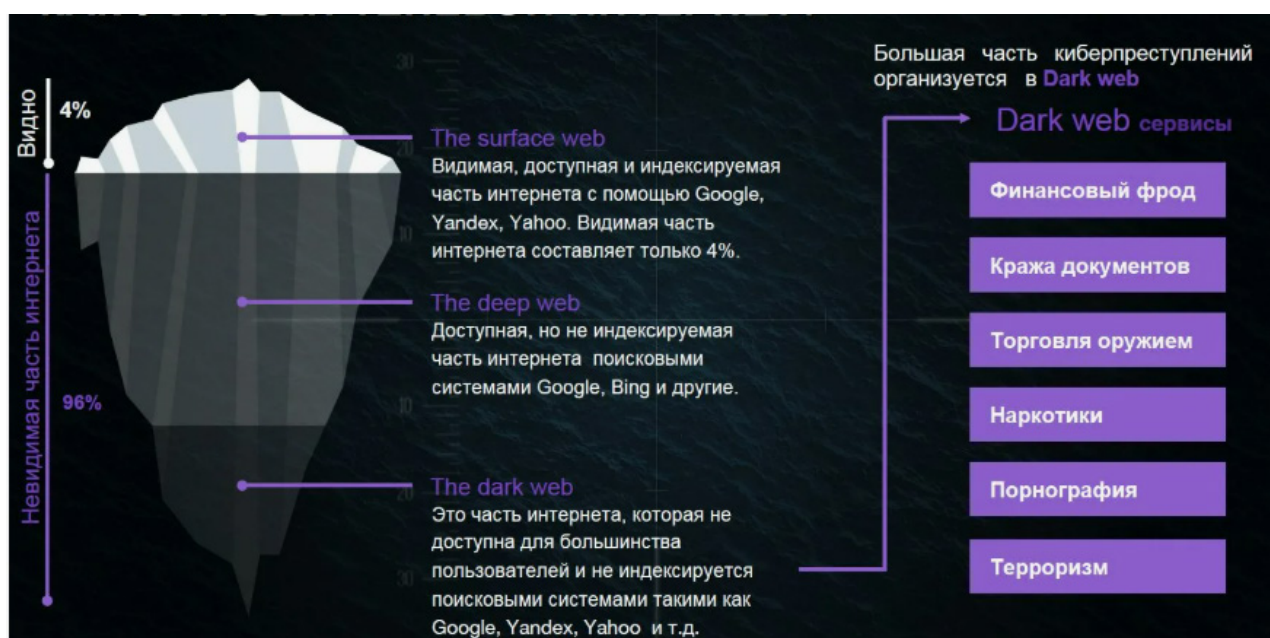

Рисунок № 1. Структура интернета

Поверхностный уровень – это открытая часть интернета, которая индексируется поисковыми системами, глубокий уровень представляет собой скрытую часть интернета и теневой уровень – это анонимизированная часть интернета, подключение к которой требует использование специального программного обеспечения.

Можно предположить, что теневой уровень интернета из-за своего названия используется лишь лицами, совершающими уголовные правонарушения или любые действия противоправного характера. Но на самом деле это не так. Теневой и глубокий уровни интернета, помимо вышеуказанных лиц, широко используют журналисты,

³ Пробив: как определить близкое окружение // ВКонтакте [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/wall-131010772_3741?ysclid=m7wxwхj6e0945482711 (дата обращения: 04.08.2025).

исследователи, простые граждане для сохранения своей анонимности.

У каждого уровня есть свой объем информации, который содержится в базах данных интернета. Соответственно интернет – это хорошо структурированная система сбора, обработки и передачи информации, представляющая собой множество различных баз данных (поисковые системы, интернет-каталоги, блоги, форумы, социальные сети и т.д.).

Ищут и собирают информацию в интернете по-разному. Некоторые используют целый арсенал ресурсов всемирной паутины, другие ограничиваются лишь одним поисковиком. Нет общих стандартов поиска, определенных правил, как нужно искать информацию правильно. Но многие интернет-разведчики или интернет-аналитики придерживаются

пяти основных шагов: 1) формирование задачи; 2) планирование; 3) сбор информации; 4) анализ информации; 5) формирование выводов.

Работа с OSINT по сбору информации должна начинаться с четкой сформулированной задачи. Например, анализ деятельности компании, проверка информации о человеке, мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуаций.

На данном этапе нужно четко понимать цель поиска: какая информация нужна и как ее можно использовать.

Следующий шаг предусматривает планирование, где уже специалист определяет направления поиска и источники информации. Примерные направления для поиска представлены на рисунке № 2.

The screenshot shows a web interface titled "General Information" with a globe icon. It displays search results for the domain "a248.e.akamai.net". The "Hostnames" section lists "a248.e.akamai.net" and "a23-215-0-138.deploy.static.akamaitechnologies.com". The "Domains" section shows two buttons: "AKAMAI.NET" and "AKAMAITECHNOLOGIES.COM". The "Country" is listed as "United States" and the "City" is "Ashburn".

General Information	
Hostnames	a248.e.akamai.net a23-215-0-138.deploy.static.akamaitechnologies.com
Domains	AKAMAI.NET AKAMAITECHNOLOGIES.COM
Country	United States
City	Ashburn

Рисунок № 2. Направления поиска информации

Как видно, направления для поиска информации очень разнообразны: это социальные сети, поисковые системы, форумы, специальные сайты, интернет-каталоги, сайты государственных органов и частных организаций.

Поисковые системы помогают находить скрытые страницы и документы, социальные сети раскрывают связи между людьми, сайты государственных органов и частных организаций раскрывают информацию о них.

Следующий шаг – это поиск и сбор информации. Поиск информации – это процесс из-

влечения хранимой информации, удовлетворяющей информационные потребности, т.е. являющейся релевантной [3]. Релевантная информация – это та информация, которая необходима для решения некоторой конкретной задачи [4].

Например, о субъекте поиска можно собрать следующую информацию: ФИО, число, месяц, год рождения, место рождения, место проживания, ИИН, круг его связей, интересы, увлечения, номера резервных мобильных устройств.

После этого можно переходить к анализу

результатов. Анализировать нужно фотографии, переписки, публичные сообщения или записи, круг друзей, интересы, место жительства, учебы или работы и многое др.

И завершающим шагом должна стать подготовка выводов. В результате поиска собирается информация, по которой можно как минимум получить психологический портрет человека. Это анкетные данные, образование, место работы, род деятельности, кто его родители и в каких социальных сетях он представлен, а также где он работает и чем занимается, сколько он зарабатывает, какие у него есть активы и другие данные, необходимые для начала или продолжения расследования.

Однако сбор информации – это лишь начальный процесс, за которым следует другой – проверка достоверности, поскольку иногда данные бывают недостоверными или устаревшими. В этом случае эксперты по интернет-разведке используют метод кросс-верификации. Данный термин активно используется в таких сферах, как кибербезопасность, OSINT, анализ данных и означает процесс проверки информации, данных или определенных результатов с использованием нескольких независимых источников для подтверждения достоверности.

То есть, они сравнивают информацию из

нескольких независимых источников, анализируют временные метки публикаций, проводят обратный поиск изображений и т.д.

Например, если найденная фотография имеет отметку о том, что сделана в 2023 году, но ее оригинал находится в сети интернет с 2018 года, это повод для аналитиков задуматься о возможной манипуляции с данными. Еще один важный аспект проверки достоверности является анализ метаданных файлов, который раскрывает скрытую изначально информацию о дате съемки, местоположении и даже устройстве, на котором был создан документ.

Помимо ручного поиска широко используются специализированные программы, такие как Google Dorking, Shodan, Maltego, I2 и др. Данные инструменты позволяют автоматизировать процесс сбора информации, ускоряя процесс поиска данных, анализировать сетевые ресурсы и устанавливать взаимосвязи между различными объектами расследования.

Например, Maltego и I2 (ай ту) строят графовые модели связей между людьми, организациями и доменами в удобном виде, позволяя анализировать сложные схемы взаимодействия. На рисунке № 3 изображена схема такого взаимодействия.

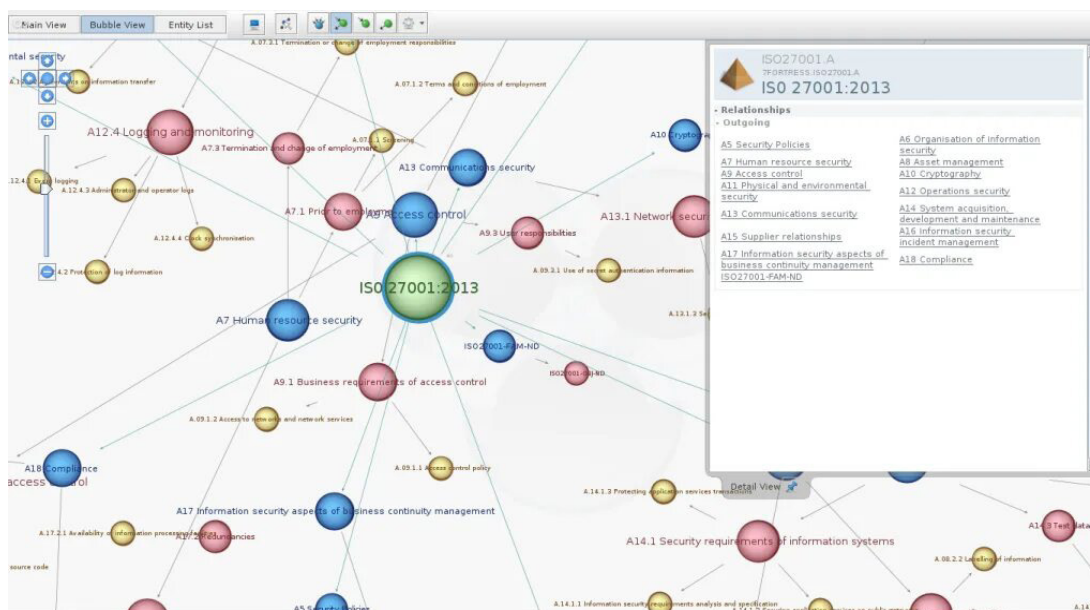

Рисунок № 3. Схема взаимодействия между субъектами (организациями)

То есть современные технологии предоставляют широкий спектр инструментов, автоматизирующих процесс сбора информации.

В рамках данной статьи можно рассмотреть конкретный пример использования наиболее востребованных инструментов поиска и сбора информации. Допустим, следователь обнаружил в социальной сети фотографию человека, по которой необходимо собрать данные. Чтобы определить, где еще может встречаться данное изображение, используются сервисы обратного поиска: «Google Reverse Image Search», «Yandex Images» или «TinEye».

Фотография загружается в один из вышеуказанных сервисов, который выдает результат в виде перечня интернет-ресурсов. Также предположим, что в ходе

проверки одного из них установлена ссылка на неизвестный следствию сайт игровых автоматов, например, www.example.com.

Зная доменное имя сайта, следователь может попытаться определить его IP-адрес с помощью командной строки. Для этого запускается командная строка путем одновременного нажатия клавиш «Windows» и «R» и введения команды «cmd». После этого в командной строке необходимо ввести слово: «ping example.com», которая выведет на экран IP-адрес данного сайта – 23.215.0.138.

Далее, используя один из сервисов получения информации по IP-адресу, например «Shodan», следователь получает общую информацию: город, страна, организация, интернет-провайдер, как показано на рисунке № 4 ниже.

General Information	
Hostnames	a248.e.akamai.net a23-215-0-138.deploy.static.akamaitechnologies.com
Domains	AKAMAI.NET AKAMAITECHNOLOGIES.COM
Country	United States
City	Ashburn
Organization	Akamai Technologies, Inc.
ISP	Akamai International B.V.
ASN	AS20940

OpenPorts
80 443

// 80 / TCP

AkamaiGHost
Invalid URL
HTTP/1.0 400 Bad Request
Server: AkamaiGHost
Mime-Version: 1.0
Content-Type: text/html
Content-Length: 312
Expires: Fri, 28 Feb 2025 11:08:24 GMT
Date: Fri, 28 Feb 2025 11:08:24 GMT
Connection: close

Рисунок № 4. Информация с программы «Shodan»

Если сервис показал географическое положение IP-адреса можно использовать карты и спутниковые снимки для анализа района, зданий и возможных объектов, относящихся к искомому лицу.

Тем самым данный процесс демонстрирует, как с помощью методов OSINT можно собрать цифровой след, оказывающий помощь в расследовании.

Закключение. Обобщая изложенное, можно отметить, что разведка на основе OSINT является незаменимым инструментом современного расследования и аналитической деятельности, а также занимает все более важное место в современных условиях цифровой среды. Она уже давно вышла за рамки обычного вспомогательного метода и превратилась

в полноценный аналитический инструмент, активно применяемый как в государственном, так и в частном секторе. Сложность и многоуровневость интернета требуют от специалистов высокой квалификации, технической грамотности и развитого аналитического мышления.

В этой связи предлагается создать в структурах правоохранительных органов подразделения по OSINT-разведке, нацелен-

ные на поддержку и сопровождение расследований. Также рекомендуется разработать и внедрить в образовательный процесс ВУЗов правоохранительной направленности учебные модули, направленные на формирование у будущих следователей и оперативных сотрудников практических навыков поиска, сбора и анализа информации, в т.ч. с использованием специализированного программного обеспечения.

Список использованной литературы:

1. Bazzell, M. Open Source Intelligence Techniques: Resources for Searching and Analyzing Online Information; 7th edition. / M. Bazzell. – St. Louis: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. – 622 p.
2. Bertram, S. The Tao of Open Source Intelligence / S. Bertram. – Лондон: IT Governance Publishing, 2015. – 200 p.
3. Макарова, Н.В. Информатика: учебник для вузов / Н.В. Макарова, В.Б. Волков. – СПб.: Питер, 2011. – 576 с.
4. Шокин, Ю.И. Проблемы поиска информации / Ю.И. Шокин, А.М. Федотов, В.Б. Баракнин. – Новосибирск: Наука, 2010. – 220 с.

References:

1. Bazzell, M. Open Source Intelligence Techniques: Resources for Searching and Analyzing Online Information; 7th edition. / M. Bazzell. – St. Louis: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. – 622 p.
2. Bertram, S. The Tao of Open Source Intelligence / S. Bertram. – London: IT Governance Publishing, 2015. – 200 p.
3. Makarova, N.V. Informatika: uchebnik dlja vuzov / N.V. Makarova, V.B. Volkov. – SPb.: Piter, 2011. – 576 s.
4. Shokin, Ju.I. Problemy poiska informacii / Ju.I. Shokin, A.M. Fedotov, V.B. Barahnin. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 220 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Асқар Әбужанұлы Қалиев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратура жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының жаһандық қатерлерге қарсы іс-қимыл жөніндегі арнайы даярлық кафедрасының доценті, e-mail: askar909@mail.ru.

Калиев Асқар Абужанович – доцент кафедры специальной подготовки по противодействию глобальным угрозам Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре, e-mail: askar909@mail.ru.

Kaliyev Askar Abuzhanovich – Associate Professor of the Department of Special Training in Countering Global Threats at the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: askar909@mail.ru.

ӘОЖ 343.85; 343.3/.7
ХҒТАР 10.83.51; 10.77.51

Ж.К. Каражанова¹, А.С. Бектен²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

ҚАМАУДА ҰСТАУ ШАРТТАРЫ ЖӘНЕ АЗАПТАУҒА ҚАРСЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕР: ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ

Аннотация. Бұл мақалада қамауда ұстау шарттары адам құқықтарын қамтамасыз етудің ажырамас элементі ретінде қарастырылып, олардың халықаралық құқықтық стандарттарға сәйкес болу қажеттігі атап көрсетілген. Зерттеуде Қазақстанның пенитенциарлық жүйесіндегі құқық бұзушылықтар, оның ішінде азаптау, қатыгездік немесе ар-намысты қорлайтын әрекеттерді қолдану жан-жақты талданып, қорғаудың құқықтық тетіктері мен заңсыз әрекеттер үшін жауапкершілік деңгейіндегі кемшіліктері анықталған.

Азаптаудың алдын алу бойынша нақты шаралар ретінде мыналар ұсынылады: сотқа дейінгі іс жүргізудің бастапқы сатысында адвокаттың міндетті түрде қатысуы, жауап алуды аудио және бейнежазбаға түсіру, азаптауларға жауапкершілікті арттыру және процестік кепілдіктерді кеңейту.

Авторлар зерттеуде құқықтық нормаларды жетілдірудің маңыздылығын атап өтіп, тәуелсіз мониторинг институтын құру және тиімді құқықтық қорғау тетіктерін енгізу қажеттілігін баса айтады. Бұл шаралар құқық бұзушылықтардың алдын алу мен қамаудағы адамдардың құқықтарын қорғауда маңызды рөл атқарады.

Түйінді сөздер: ұстау шарттары; мәжбүрлеу; құқықтардың бұзылуы; азаптау; қатыгездік; халықаралық стандарт.

Ж.К. Каражанова¹, А.С. Бектен²

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан

²Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВ ПЫТОК: КАЗАХСТАНСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Настоящая статья исследует условия содержания под стражей как неотъемлемый элемент обеспечения прав человека, подчеркивая необходимость их соответствия международным правовым стандартам. В работе представлен всесторонний анализ нарушений в пенитенциарной системе Казахстана, включая применение пыток, жестокого или унижающего достоинство обращения, а также выявлены недостатки в правовых механизмах защиты и уровне ответственности за противоправные действия.

В качестве конкретных мер по предотвращению пыток предлагаются: обязательное участие адвоката на ранних стадиях досудебного производства, аудио- и видеозапись допросов, усиление ответственности за пытки и расширение процессуальных гарантий.

Авторы исследования подчеркивают важность совершенствования правовых норм, отмечая необходимость создания независимого института мониторинга и внедрения эффективных механизмов правовой защиты. Эти меры играют важную роль в предотвращении нарушений и защите прав задержанных.

Ключевые слова: условия содержания; принуждение; нарушение прав; пытка; жестокость; международный стандарт.

Zh.K. Karazhanova¹, A.S. Bekten²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan

²The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kossy, the Republic of Kazakhstan

CONDITIONS OF DETENTION AND LEGAL MECHANISMS AGAINST TORTURE: KAZAKHSTAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. This article examines conditions of detention as an integral element of ensuring human rights, emphasizing the need for them to comply with international legal standards. The work presents a comprehensive analysis of violations in the penitentiary system of Kazakhstan, including the use of torture, cruel or degrading treatment, and identifies shortcomings in legal mechanisms for protection and the level of responsibility for unlawful actions. The following are proposed as specific measures to prevent torture: mandatory participation of a lawyer at the early stages of pre-trial proceedings, audio and video recording of interrogations, increased responsibility for torture and expansion of procedural guarantees.

The authors of the study emphasize the importance of improving legal norms, noting the need to create an independent monitoring institution and implement effective legal protection mechanisms. These measures play an important role in preventing violations and protecting the rights of detainees.

Keywords: conditions of detention; coercion; violation of rights; torture; cruelty; international standard.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_106

Кіріспе. Қазіргі әлемдегі адамның іргелі құқықтарын бұзудың ең алаңдатарлық және тұрақты нысандарының бірі қамауда отырған немесе бас бостандығынан айыру орындарында жазасын өтеп жатқан адамдарды ұстаудың тиісінше шарттары болып табылады. Халықаралық құқық қатыгез, адамгершілікке жатпайтын немесе ар-намысты қорлайтын қарым-қатынасты жол берілмейтін және мүлдем тыйым салынған деп біржақты саралайтынына қарамастан (Адам құқықтары мен негізгі бостандықтарды қорғау туралы Еуропалық конвенцияның 3-бабы, БҰҰ азаптауға қарсы конвенциясының 1 және 16-баптары), тәжірибе көптеген мемлекеттердің пенитенциарлық мекемелерінде белгіленген стандарттардан жүйелі ауытқулардың болуын көрсетеді.

Қамауда ұстау шарттары, соның ішінде толып кету, тиісті медициналық көмектің болмауы, жеткіліксіз тамақтану, санитарлық-гигиеналық құралдарға қол жетімділікті шектеу, физикалық және психологиялық оқшаулау, Еуропалық адам құқықтары сотының тәжірибесінің аясында қатыгездік немесе тіпті адамгершілікке жатпайтын қарым-қатынас шегіне жетуі мүмкін. Сот қолайсыз ұстау жағдайларының жиынтығы

Конвенцияның 3-бабын, тіпті әкімшілік тарапынан тікелей физикалық зорлық-зомбылық болмаған кезде де бұзушы деп танылуы мүмкін екенін бірнеше рет атап өтті.

Ұлттық құқықтық жүйелер көбінесе тұтқындар мен тергеудегі адамдардың құқықтарын ресми түрде бекітетін декларативті нормаларды қамтиды, бірақ құқық қолдану практикасы құқықтық норма мен істердің нақты жағдайы арасындағы алшақтықты көрсетеді. Пенитенциарлық заңнаманың орындалуын сот және прокурорлық бақылаудың жеткіліксіздігі, ұстау шарттарына шағымданудың пәрменді тетіктерінің болмауы, сондай-ақ жазаны орындау мекемелері қызметкерлерінің заңсыз іс-әрекеттері үшін жазасыз қалуының институционалды мәдениеті мәселені ушықтырады.

Бұл мәселені жеңу үшін кешенді тәсіл қажет, оның ішінде:

- ең төменгі стандарттарды нақтылай отырып, ұстау жағдайларын құқықтық реттеуді жетілдіру;

- тәуелсіз мониторингтің пәрменді тетіктерін толықтай енгізу (мысалы, азаптауға қарсы конвенцияға Факультативтік хаттамаға сәйкес ұлттық алдын алу тетіктеріне енгізу);

- ұсталғандардың құқықтарын бұзғаны

үшін лауазымды адамдардың жауапкершілігін арттыру;

- пенитенциарлық реформа саласындағы озық шетелдік тәжірибелерді бейімдеу;

- тиісінше емес шарттарда ұсталатын адамдарға тиімді құқықтық қорғау құралдарымен қатар, сот арқылы қорғау тетіктерін дамыту.

Сонымен, осы тәсілдерді жүзеге асыру арқылы қамауда ұстау шарттары және азаптауға қарсы құқықтық тетіктерді талдау халықаралық гуманитарлық құқық нормаларының нақты әрекетін қамтамасыз етудегі және оның іс жүргізу мәртебесіне қарамастан кез келген адамға қатысты қатыгездікке жол бермеу қағидатын сақтаудағы негізгі бағыт болып табылады. Бас бостандығынан айыру мекемелерінде адамның қадір-қасиетін қорғау мемлекеттің өркениеті мен құқықтық жетілуінің негізгі көрсеткіштерінің бірі болып табылады.

Материалдар мен әдістер. Мақаланы орындау барысында Германия, Франция, Ұлыбритания, АҚШ пен басқа да шетелдердің ұстау шарттары бойынша практикасы қолданылған. Осы бағыттағы проблемалар мен олардың себептік байланыстары зерттеліп жүйелі тәсіл арқылы түсіндірілген. Құқықтық-салыстырмалы талдау әдісі арқылы Қазақстан тәжірибесі шетел тәжірибесімен салыстырылған. Логикалық және дедуктивтік әдістер арқылы заңнамалық базадан нақты тұжырымдарға келіп, мәселені шешудің жолдары ұсынылған.

Нәтижелер, талқылау. Құқық қорғау органдарының қызметінде олардың қызметкерлерімен ашылған қылмыстар, қылмыстық істер мен айыптау үкімдерінің саны бойынша жоспарды орындауды талап ететін көрсеткіштердің болуы азаптауды қолдануға түрткі болады өйткені бұл көрсеткіштерді орындамау бірқатар жағымсыз салдарға әкелуі мүмкін (жазалау, жұмыстан шығару). Бұл қызметкерлердің жоспарлы көрсеткіштерді кез келген жағдайда орындауға мүдделі болуына

әкеледі. Осыған орай, қызметті бағалаудың критерийлерінің жүйесі әдістемесі бекітілген еді¹. Сондықтан жоспарды орындаймыз деп құқық қорғау қызметкерлері кінәні мойындату мақсатында азаптауға жол береді.

Осыған байланысты бір топ авторлар Г.К.Шушикова, Е.С. Кемали, М.Г. Ажибаев дұрыс атап өтті: «Әдетте, азаптауды және басқа да қатыгез, адамгершілікке жатпайтын немесе ар-намысты қорлайтын әрекеттерді анықтау және тергеу органдарының және шектеулі ашықтық режимінде жұмыс істейтін түзеу мекемелерінің қызметкерлері қолданады [1, 47 б.].

André Marin (Онтарио штатының омбудсмені) дұрыс атап өткендей: «Түрме қызметкерлеріне қамаудағы тұтқындарды басқару үшін төтенше өкілеттіктер, соның ішінде физикалық күш қолдану өкілеттігі берілген. Дегенмен, олар өз өкілеттіктерін адамгершілік және заңды түрде жүзеге асыруы керек. Қамаудағыларға бақылау орнату үшін қажетті күштен артық күш қолдану, зиян келтіру мақсатында күш қолдану немесе қажет болмаған кезде күш қолдануды жалғастыру шектен тыс және негізсіз болып саналады» [2].

Сонымен қатар, И.И. Роговтың пікірінше, Қазақстанда құқық қорғау органдарының қызметкерлерін тәртіптік жауапкершілікке тартудың сөзсіздігі күдіктіден кез келген тәсілмен, соның ішінде азаптау арқылы мойындатын алуға ұмтылуды тудырады [3].

Мұны 2024 жылдың қазан айының басында бас бостандығынан айыруға сотталғандар арасында жүргізілген сауалнама нәтижелері растайды. Осылайша, жалпылама сауалнамаларға сәйкес, азаптау істердің 45%-да қылмысты мойындау немесе басқа да қажетті айғақтар алу мақсатында жасалған. Сауалнамаға қатысқан полиция қызметкерлерінің 20,2%-ы азаптауды қылмыстың ашылуын қамтамасыз ету қажеттілігімен түсіндірсе, 14,3%-ы әйтпесе қылмыскерлер жазадан құтылып кетеді деп санайды»².

¹ Об утверждении Методики расчета раскрываемости преступлений: совместный приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 9 фев. 2015 г. № 29 и и.о. Министра внутренних дел Республики Казахстан от 5 фев. 2015 г. № 90 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38510841&pos=4;-106#pos=4;-106 (жүгінген күні: 16.06.2025).

² Консолидированный доклад участников национального превентивного механизма Республики Казахстан по итогам превентивных посещений, выполненных в 2023 году [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://new.hrlib.kz/document/355412> (жүгінген күні: 16.06.2025).

Құқық қорғау органдарында азаптау және қатыгездік қолдану тәжірибесінің жалғасуы құқық қорғау органдары қызметкерлері мен басшылығының қылмыс жасаған адамдарды анықтауға бағытталған жедел-ізвестіру және тергеу іс-шараларының ауқымды көлемін жүргізуде олардың жұмысын жеңілдетуге және олардың қылмыстарды, оның ішінде резонанс тудырған қылмыстарды ашудағы жұмыс көрсеткіштерін жақсартуға ұмтылуымен байланысты.

Кінәні мойындау азаптауды қолдану факторы ретінде Қазақстан Республикасы Конституциясының 77-бабы 3-бөлігінің 9) тармағына сәйкес ешкім тек өзінің мойындауы негізінде ғана соттала алмайды. Қылмыстық заңнама мен құқық қолдану практикасын талдау көрсеткендей азаптау және басқа да зорлық-зомбылық түрлерін қолдану қаупі ұсталғаннан кейінгі кезеңде ең үлкен болып табылатындығын көрсетеді.

Отандық тәжірибеде қылмыстық сот төрелігінің көптеген жүйелеріндегідей бұл әдетте, құқық қорғау органдарының қызметкерлері жауап алу үшін адамды ұстайтын және қамауға алатын тергеу кезеңі. Осы кезеңде тергеу органы сотқа қылмыстық жауапкершілікке тартуға және соттауға негіз болатын дәлелдемелер беру мақсатында қылмысты кім жасағаны туралы куәлік алуға тырысады.

Мойындау айғақтарын алу әлі де азаптауды қолданудың негізгі психологиялық ниеттерінің бірі болып табылады. Осыған байланысты «азаптау» ұғымының анықтамасында да ол туралы арнайы айтылған.

Бірқатар шетелдік құқықтық жүйелерде мойындау айғақтарының рұқсат етілуі әділ сот талқылауына құқықты қамтамасыз етуге бағытталған белгілі бір іс жүргізу кепілдіктерінің сақталуымен анықталады. Мәселен, Германия Федеративтік Республикасында мойындауларды бағалау кезінде соттар күдіктінің сотқа дейінгі сатыдағы іс жүргізу құқықтарын, атап айтқанда үндемеу құқығын және заң көмегін алу құқығын қатаң сақтау қажеттілігінен шығады. Германияның Конституциялық соты және федералдық

соттардың тәжірибесі бұл кепілдіктерді елемеу алынған мойындауға деген сенімге нұқсан келтіретінін және қылмыстық сот ісін жүргізуде бәсекелестік пен тараптардың теңдігі қағидаттарын бұзатынын растайды [4].

Қазақстан Республикасы ҚПК-нің 13-бөлімінде процестік келісім жасалған істер, оның ішінде кінәні мойындау туралы мәміле түріндегі іс жүргізудің оңайлатылған тәртібі көзделген³. Бұл ретте, Қазақстан Республикасының ҚК сотқа дейінгі тергеп-тексеру органымен процестік келісім жасасқан адамдар үшін баптың санкциясында көзделген ең төменгі шектен төмен жаза тағайындау, сондай-ақ шартты түрде соттауды қолдану түріндегі белгілі бір «жеңілдіктер» көзделген.

Алайда, сот төрелігі жүйесінің кінәні мойындауға шамадан тыс тәуелділігі құқық қорғау органдарының қызметкерлерін азаптауды қолдануына түрткі болатындай, ниеті болуы мүмкін. Азаптауды қолдану қаупі кейінгі сот талқылауынан бас тартуға және азаптау арқылы алынған дәлелдемелерді алып тастауға байланысты кепілдіктерге байланысты артады. Қылмыстық сот ісін жүргізу және дәлелдемелердің рұқсат етілгендігіне дау айту үшін көзделген рәсімдер азаптау фактілерін анықтауда басты рөл атқарады, сондай-ақ қоғамды азаптау немесе қатыгездіктің басқа да түрлерін қолдану жағдайлары туралы хабардар етеді.

Қылмыстық сот ісін жүргізу және дәлелдемелердің жол берілетіндігін дауға салу рәсімдері азаптауды анықтауда және халықтың азаптау немесе басқа да қатыгездік жөнінде хабардарлығын арттыруда маңызды рөл атқарады. Сонымен қатар, азаптаулар туралы арыздарды қамтитын қылмыстық сот ісін жүргізуде өтемақы алу, қылмыстық қудалау немесе құқық бұзушылардың азаматтық-құқықтық жауапкершілігі туралы қосымша талап арыздарға негіз бола алады.

Сонымен, соттан бас тарту жүйелері қудалаудың орын алу ықтималдығын азайта отырып, азаптаулар мен басқа да қатыгездікке ынталандыруы мүмкін.

Бұған мысал ретінде Ұлыбритания мен

³ Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі: Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 ж. 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүргінген күні: 17.06.2025).

Уэльс тәжірибесін келтіруге болады, онда қысым мен мәжбүрлеу кезінде алынған мойындауларды пайдалану нәтижесінде туындаған сот төрелігіндегі қателіктер қылмыстық сот төрелігі жүйесін түбегейлі реформалауға түрткі болды. Қоғамдық және құқықтық наразылықтарға жауап ретінде 1984 жылғы Полиция және қылмыстық дәлелдемелер туралы заң қабылданды, ол күдіктілерден барлық жауап алуды аудиотаспаға түсіруді міндетті етті, ұсталғандарға адвокатпен немесе басқа заңды өкілмен кеңесу құқығын берді және айып тағылғанға дейін қамауда ұстау ұзақтығына шектеулер енгізді [5].

Күдіктілер үшін қарастырылған құқықтық және іс жүргізу кепілдіктері тиісті технологиялар мен тергеу құралдарының болуы сияқты фактормен үйлескенде ғана тиімді болады. Азаптау және басқа да зорлық-зомбылық түрлерін қолдану тәжірибесін тоқтата алған елдер бұған тергеу барысында жауап алу әдістерін дайындау мен оқытуға салынған инвестициялармен құқықтық және іс жүргізу кепілдіктерін үйлестіру арқылы қол жеткізді.

Күдіктілерге кепілдік берілген жағдайда, бірақ полиция қызметкерлерінің пікірінше, мәжбүрлеу мен азаптаудан гөрі тергеудің тиімді әдісі жоқ, құқық қорғау органдары көбінесе күдіктіден мойындау үшін осы кепілдіктерден бас тартуға мүдделі.

Мысалы, күдіктілер ұсталған сәттен бастап жауап алу басталғанға дейін адвокаттың қатысуына құқылы, алайда мойындау әдетте айыптау үкімін шығару үшін қажетті дәлелдемелерді алудың жалғыз жолы болып саналатындықтан, құқық қорғау органдарының қызметкерлері мойындау айғақтарына қол жеткізу үшін заңда көзделген кепілдіктерден (атап айтқанда, адвокатқа қол жеткізуді қоса алғанда) шегінуге бейім.

Сот-тергеу және қадағалау практикасы күдіктіні ұстау мен уақытша ұстау изоляторына орналастыру арасындағы кезеңде азаптау және басқа да қатыгездік жағдайларының көпшілігі болғанын көрсетеді. Көптеген жағдайларда ұсталғандар осы кезеңде сыртқы әлеммен байланыссыз ұсталады.

Қорғаушының міндетті түрде қатысуын

қамтамасыз ету азаптау мен қатыгездіктің алдын алуда маңызды.

Сөйтіп, ҚПК-нің 67-бабына сәйкес қорғаушының қылмыстық іс бойынша іс жүргізуге қатысуы, егер адам жаза ретінде он жылдан астам мерзімге бас бостандығынан айыру немесе өмір бойына бас бостандығынан айыру тағайындалуы мүмкін қылмыс жасады деп күдіктенсе, айыпталса, міндетті болып табылады. Бұл ретте ҚК-нің 11-бабына сәйкес жасағаны үшін бес жылдан он екі жылға дейін бас бостандығынан айыру жазасы көзделген қасақана жасалған іс-әрекеттер ауыр қылмыс деп танылатынын атап өткен жөн. Осылайша, ауыр қылмыстардың көп бөлігі үшін қорғаушының болуы міндетті емес.

Қазіргі уақытта тергеушілер осы норманы қолдана отырып, жазаның максималды мерзімі 10 жылдан аспайтын істер бойынша тергеудегі адвокаттарды білікті көмектен оқшаулайды.

Бұл тергеушілер мен жедел іздестіру қызметкерлеріне күдіктілер мен айыпталушыларды шатастыруға, сондай-ақ оларға моральдық-психологиялық қысым көрсетуге және күштеп ықпал етуге, оның ішінде қамалғандарды кінәсін мойындау туралы мәміле түріндегі процестік келісім жасауға өтінішхат беруге мәжбүрлеуге мүмкіндік береді.

Тергеудегі адвокаттардың мүдделерін тергеудің бастапқы кезеңінде қорғау оларды қылмыстық қудалау органдарының теріс пайдалануынан қорғайды.

Күдікті адамның кепілдіктерін арттыру көрсетілген шекті кем дегенде бес жылға дейін (ауырлығы орташа) төмендету болып көрінеді, бұл ауыр қылмыстарды қамтуға мүмкіндік береді. Осылайша, ҚПК-нің 67-бабына қорғаушының барлық ауыр және аса ауыр істер бойынша міндетті түрде қатысуын көздейтін түзетулер енгізу ұсынылады.

Көптеген елдерде сотқа дейінгі тергеп тексеру сатысында адвокаттардың қатысуы тергеудегі адамның құқықтарын қорғаудың негізі болып табылады. Ұлыбританияда, Германияда, АҚШ-та күдіктілер ұсталған сәттен бастап адвокат алуға құқылы және бүкіл тергеу іс-қимыл жауап алу аудио және

бейнежазбаға жазылады [6, 151 б.]. Бұл қысым жасау, дәлелдемелерді мойындауға мәжбүрлеу және бұрмалау қаупін жояды.

Мысалы, Францияда адвокат сот тергеушісінің бақылауымен барлық жауап алуға қатысады, ал Германияда адвокаттың болмауы іс жүргізу әрекеттерін жарамсыз етеді [6, 152 б.]. Бұл елдерде мұндай заңды шаралар қылмыстық процесте ашықтықты, заңдылықты және тараптардың теңдігін қамтамасыз етеді.

Сонымен қатар, полициядан жауап алуды аудио және бейнежазбаға түсіру азаптау мен басқа да қатыгездікке қарсы маңызды кепілдіктердің бірі ретінде кеңінен танылады. Жауап алудың міндетті техникалық жазбасы жауап алу кезінде азаптауды болдырмаудың күшті құралы ғана емес, сонымен бірге полиция қызметкерлерін жалған айыптаулардан қорғай алады және сот процесінде дәлел бола алады.

Азаптаумен тиімді күресуді қамтамасыз ететін цифрлық технологиялар бейнебақылауды ғана емес, сонымен қатар есепке алу мен мониторингті жүргізуге мүмкіндік береді. Алайда, қылмыстық-атқару жүйесі мекемелеріндегі медициналық құжаттар көбінесе қағаз түрінде сақталады және деректер ақпараттық жүйелерге дер кезінде жүктелмейді.

Ішкі істер органдары мен қылмыстық-атқару жүйесі мекемелерінің қызметіне цифрлық

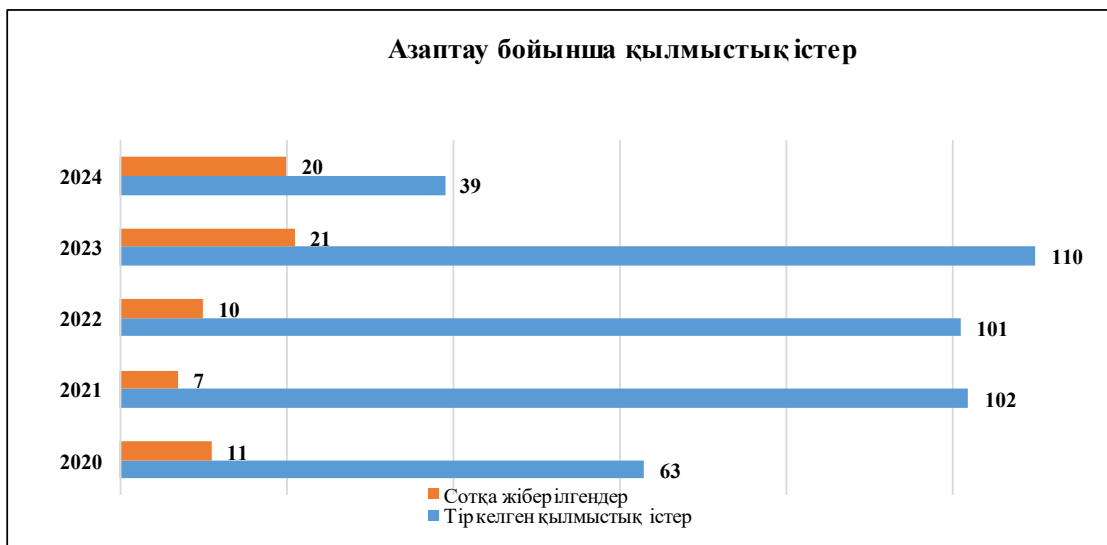
технологияларды кеңінен енгізуді жалғастыру, сотталғандардың арыз беру құралдарын істен шығару, бейнебақылау камераларының дұрыс жұмыс істемеуі фактілері үшін қызметкерлердің жауапкершілікке тартылуын қамтамасыз ету қажет деп санаймыз.

Маңызды аспектілердің бірі – адамды іс жүргізу арқылы ұстау туралы шешім қабылданғанға дейін құқық қорғау органының бөлімшесінде болу уақыты. Дәл осы кезеңде азаптаудың көп бөлігі қолданылады. Осыған байланысты оны процестік ұстау туралы мәселені шешу үшін анықтау органының лауазымды адамына, анықтаушыға немесе тергеушіге беру уақытын үш сағаттан бір сағатқа дейін төмендету негізді болып көрінеді.

Сонымен қатар, жауапкершілік дәрежесі, азаптау үшін қылмыстық жауапкершіліктен босату кезінде ынталандыру нормаларының болуы маңызды.

Мәселен, мәселелердің бірі – азаптау үшін жазаның жұмсақтығы. Айыппұл, түзеу жұмыстары, бостандықты шектеу сияқты жаза түрлерінің болуы азаптаумен күресуге деген шешімнің жеткіліксіздігін көрсетеді.

Еуропа елдерінде айыппұлдар, түзеу жұмыстары, бас бостандығын шектеу қылмыстардың ауырлығы минималды жағдайларда және сотталушының тергеумен белсенді ынтымақтастығы кезінде ғана тағайындалады.

Сурет 1. 2020-2024 жж. аралығындағы азаптау бойынша қылмыстық істер статистикасы

Мәселен, 2022-2024 жылдары Қазақстанда азаптау бойынша 250 іс тіркелген. Тек 51 іс сотқа жетіп, 25 іс бойынша үкім шығарылды (шамамен 10%). Тағайындалған жазалардың орташа мерзім 4 жыл 4 ай⁴.

Халықаралық ұйымдар, сондай-ақ қазақстандық құқық қорғау ұйымдары кінәлі адамдарға неғұрлым жеңіл жазаны (ҚК 55-бабының 8-бөлігі) және шартты түрде соттауды (ҚК 63-бабының 6-бөлігі) қолдануға мүмкіндік беретін қатыгездік жасағаны үшін қылмыстық жазаның жеткіліксіз қатаңдығын атап өтті.

Германияда, Францияда, Ұлыбританияда, АҚШ-та және басқа да дамыған құқықтық жүйесі бар елдерде азаптау үшін жазаны жеңілдететін кез келген кінәсін мойындау туралы мәмілелерге үзілді-кесілді тыйым салынған, мұндай қылмыстар үшін шартты түрде соттау немесе келісім бойынша жазадан босату мүмкін емес [6]. Азаптаулар жасағаны анықталған құқық қорғау органдарының қызметкерлері қызметтің «ерекше жағдайлары» деген сылтаумен жеңілдіктерге ие бола алмайды. Көптеген елдерде азаптаулар туралы арыздарды күдікті құрылымға бағынышты емес, тәуелсіз органдар тексеруін талап етеді. Мысалы, Ұлыбританияда полицияның құқыққа қайшы әрекеттері (соның ішінде зорлық-зомбылық) жөнінде шағымдарды полицияның өзімен ұйымдық байланысы жоқ Полиция тәртібі бойынша тәуелсіз кеңсе тергейді⁵.

Айта кету керек, әртүрлі мемлекеттердің құқықтық жүйелерінде айыпталушы мен айыптаушы арасындағы іс жүргізу келісімдеріне жол беру тәсілі тарихи қалыптасқан құқықтық дәстүрлерге, басым құқықтық принциптерге және қылмыстық процестегі қоғамдық және жеке мүдделердің кепілдік деңгейіне байланысты айтарлықтай өзгереді. Мәселен, Германия Федеративтік Республикасында мұндай келісімдерге (Absprachen немесе кінәні мойындау туралы келісім) тек заңда белгіленген рәсім

шеңберінде және тек жазаны жеңілдету мақсатында ғана жол беріледі. Мұндағы негізгі шарт – жауапкершілікті сақтау: келісім жасасу адамды қылмыстық жауапкершіліктен босатуға әкелмейді. Сонымен қатар, Федералды соттың ұстанымына сәйкес, кез-келген келісім материалдық шындық пен әділеттілік принциптерін бұзбауы керек, сонымен қатар сот ісін алмастыра алмайды.

Ұлыбритания мен АҚШ тәжірибесінде аталған юрисдикцияларда сот билігі тек өкілеттіктерге ғана емес, сонымен бірге егер олар жәбірленушілердің құқықтарына қайшы келсе немесе жалпы сот төрелігі жүйесіне деген қоғамдық сенімге нұқсан келтіремін деп қорқытса, іс жүргізу келісімдерін қабылдамау міндетіне ие. АҚШ Жоғарғы Сотының доктриналық ұстанымына сәйкес, сот мәмілені мақұлдау кезінде пассивті бақылаушы болып табылмайды: ол кінәні мойындаудың ерікті, саналы және жеткілікті нақты негізмен қамтамасыз етілгеніне және сот төрелігінің негізгі мүдделеріне нұқсан келтірмейтініне көз жеткізуі керек. Осындай тәсіл британдық тәжірибеде де байқалады [6].

Зиянды өтеу және зардап шеккендерді қалпына келтіру мәселесінде құқық қорғаушылар да жүйені реформалау қажеттігі туралы пікірлерін білдіруде. Ресми түрде азаптау құрбандары кінәлілерден немесе мемлекеттен материалдық және моральдық шығынды өндіре алады. Алайда, соттар талап арыздардың аз ғана бөлігін қанағаттандырады.

Моральдық зиянды өтеу туралы талаптарды қанағаттандыру шамамен 31 пайызды құраса, материалдық шығынды өтеу бойынша небәрі 6 пайызды құрайды. Тағайындалған өтемақының жалпы сомалары аз және, әдетте, келтірілген залалдың барлығын өтемейді. Мәселен, 2019-2023 жылдар аралығындағы үкімдер бойынша барлығы 20,7 млн теңгеге жуық моральдық шығын өтелсе, оның 67 млн талап етілді⁶.

⁴ «Тіркелген қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы» №1-м есебінің нысаны [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (жүгінген күні: 15.08.2025).

⁵ Independent office for police conduct [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.policeconduct.gov.uk/about-us/what-we-do> (жүгінген күні: 17.06.2025).

⁶ Предотвращение, неотвратимость и компенсации: о препятствиях на пути общества без пыток [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://bureau.kz/novosti/predotvrashhenie-neotvratimost-i-kompensaczii/> (жүгінген күні: 02.07.2025).

Сонымен қатар, азаптау құрбандарын қалпына келтірудің кешенді бағдарламасы жоқ – көмек бір реттік болады. Осыған байланысты, азаптаулар мен қатыгездікпен қараудың құрбандарына келтірілген материалдық залалды және моральдық зиянды өтеу тетігін, азаптаулардан зардап шеккендерді төлемдердің мөлшерін ұлғайта отырып, жәбірленушілерге өтемақы қорынан зиянды өтеуге сөзсіз құқығы бар тұлғалардың тізіміне енгізу арқылы жетілдіру мәселесін қарау ұсынылады.

Тағы бір мәселе азаптауды жиі жасыратын аралас қылмыс құрамдарының болуы табылады. Қылмыстық кодекстің баптары бойынша азаптауды саралау тәжірибесі кең таралған, мысалы, айғақтар беруге мәжбүрлеу немесе зорлық-зомбылықпен жасалған лауазымдық өкілеттіктерді асыра пайдалану.

Қылмыстық заңнаманың жетіспеушілігі ретінде адамды азаптау немесе қатыгездікпен өзін-өзі өлтіруге дейін жеткізудің саралау белгісінің жоқтығын да атап өткен жөн. Сондай-ақ, ҚК-нің 146-бабының қолданыстағы редакциясы зардап шеккендердің санына байланысты жауапкершілік пен жазаны даралауды көздемейді.

ҚК-нің 146-бабы бөліктерінің санкцияларының қолданыстағы редакциясы 3 жылдан аспайтын мерзімге белгілі бір лауазымдарды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан айыру түріндегі қосымша жазаны көздейді.

Шетелдердің қылмыстық заңнамасын зерделеу азаптау фактілері бойынша белгілі бір лауазымды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан айыру түріндегі қосымша жаза Грузияда, Әзірбайжанда, Өзбекстанда, Қырғызстанда, Ресейде және Молдовада қолданылатынын көрсетті [7].

Әзірбайжан, Өзбекстан мен Қырғызстанда белгілі бір лауазымдарды атқаруға тыйым салу түрінде қосымша жаза тағайындаудың жалпы тенденциясы сақталуда, бірақ оны қолдану мерзімі әдетте бір жылдан бес жылға дейін өзгереді. Бұл қылмыстық қуғын-сүргін мәселелеріне неғұрлым қалыпты көзқарастың болуын көрсетеді. Азаптауға

қарсы күресті күшейту мақсатында ҚК-нің 146-бабының санкцияларын қатаңдату қажет.

Қорытынды. Жоғарыда айтылғандарды ескере отырып, келесі шаралар ұсынылады:

- азаптаудың және қатыгездікпен қараудың қоғамдық қауіптілігі оларды жасаған адамдарды жазасын өтегеннен кейін олар қолданатын салада одан әрі жұмыс істеу мүмкіндігінен айыруды талап етеді. Бұған қосымша жазаның (белгілі бір лауазымдарды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан айыру) мерзімін өмір бойы айыру арқылы қол жеткізу керек. Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 146-бабы бөліктерінің санкцияларының қолданыстағы редакциясында 3 жылдан аспайтын мерзімге белгілі бір лауазымдарды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан айыру түріндегі қосымша жаза қарастырылған. Демек, жасалған азаптаулар үшін санкцияны күшейту жолымен өмір бойы белгілі бір лауазымдарды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан айыруды қолдану керек деп есептейміз.

Сондықтан, ҚК-нің 146-бабын келесі редакцияда санкциялармен толықтыру ұсынылады:

1-бөлігінің екінші абзацы келесідей ауыстырылсын:

белгілі бір лауазымдарды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан өмір бойына айыра отырып, төрт жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыруға жазаланады.

2-бөлігінің екінші абзацы келесідей ауыстырылсын:

белгілі бір лауазымдарды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан өмір бойына айыра отырып, алты жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыруға жазаланады.

3-бөлігінің алтыншы абзацы келесідей ауыстырылсын:

белгілі бір лауазымдарды атқару немесе белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан өмір бойына айыра отырып, ары қарай мәтін бойынша.

4-бөлігінің төртінші абзацы келесідей ауыстырылсын:

- белгілі бір лауазымдарды атқару немесе

белгілі бір қызметпен айналысу құқығынан өмір бойына айыра отырып, ары қарай мәтін бойынша;

- қамауда ұсталғандар қатысатын процестік әрекеттерді міндетті түрде дыбыс және бейнежазбаға, сондай-ақ тиісті материалдық-техникалық қамтамасыз етуге қойылатын талаптарды нормативтік реттеу;

- құқық қорғау органдарының жұмысын тәуелсіз және ашық негізде, оның ішінде жалпы жұртшылықтан алынған ақпаратты пайдалана отырып (мысалы, қоғамдық пікірді

сұрау арқылы) бағалауды жүргізуді және нәтижелерді жариялауды қамтамасыз ету;

- адвокаттың міндетті қатысатын істер шеңберін кеңейту;

- азаптаулар мен қатыгездікпен қараудың құрбандарына келтірілген материалдық залалды және моральдық зиянды өтеу тетігін, азаптау құрбандарын өтемақы қорынан өтемақы төлеуге сөзсіз құқығы бар тұлғалардың тізіміне енгізу жолымен төлемдер көлемін ұлғайта отырып жетілдіру.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Шушикова, Г.К. Вопросы противодействия пыткам в Казахстане / Г.К. Шушикова, Е.С. Кемали, М.Г. Ажибаев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2020. – № 3 (17). – С. 46-52.

2. M. André (Ontario Ombudsman) Investigation into the Ministry of Community Safety and Correctional Services' response to allegations of excessive use of force against inmates. – 2013 [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://www.ombudsman.on.ca/resources/reports-and-case-summaries/reports-on-investigations/2013/the-code> (жүгінген күні: 17.07.2025).

3. Мамырбаев, Р.Н. Обзор международного опыта, анализ национального законодательства и правоприменительной практики по вопросам предупреждения пыток и других форм жестокого обращения и наказания // Усиление национальных правозащитных механизмов Казахстана. – Астана, 2024. – 198 с.

4. Urs Kindhäuser, H.C. Strafprozessrecht, Aufl / H.C. Urs Kindhäuser, H. Schumann Nomos Kay. – Berlin: 2023. – 460 p.

5. Allbon, E. Elliott and Quinn's. English legal system / E. Allbon, S.K. Dua. – 2020. – 400 p.

6. Тоштемирова, Р.Ф. Следственная власть в зарубежном уголовном процессе / Р.Ф. Тоштемирова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 150-154.

7. Калиновский, К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: учебное пособие / К.Б. Калиновский. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 48 с.

References:

1. Shushikova, G.K. Voprosy protivodejstvija pytkam v Kazahstane / G.K. Shushikova, E.S. Kemali, M.G. Azhibayev // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2020. – № 3 (17). – С. 46-52.

2. M. André (Ontario Ombudsman) Investigation into the Ministry of Community Safety and Correctional Services' response to allegations of excessive use of force against inmates. – 2013 [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://www.ombudsman.on.ca/resources/reports-and-case-summaries/reports-on-investigations/2013/the-code> (жүгінген күні: 17.07.2025).

3. Mamyrbaev, R.N. Obzor mezhdunarodnogo opyta, analiz nacional'nogo zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noj praktiki po voprosam preduprezhdenija pytok i drugih form zhestokogo obrashhenija i nakazaniya // Usilenie nacional'nyh pravozashhitnyh mehanizmov Kazahstana. – Astana, 2024. – 198 s.

4. Urs Kindhäuser, H.C. Strafprozessrecht, Aufl / H.C. Urs Kindhäuser, H. Schumann Nomos Kay. – Berlin: 2023. – 460 p.

5. Allbon, E. Elliott and Quinn's. English legal system / E. Allbon, S.K. Dua. – 2020. – 400 p.

6. Toshtemirova, R.F. Sledstvennaja vlast' v zarubezhnom ugovolnom processe / R.F. Toshtemirova // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2020. – № 4 (52). – С. 150-154.

7. Kalinovskij, K.B. Ugolovnyj process sovremennyh zarubezhnyh gosudarstv: uchebnoe posobie /

K.B. Kalinovskij. – Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2000. – 48 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жанат Кокеновна Каражанова – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), e-mail: zhanat.karazhanova@mail.ru.

Каражанова Жанат Кокеновна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского Национального университета имени Л.Н. Гумилева, доктор философии (PhD), e-mail: zhanat.karazhanova@mail.ru.

Karazhanova Zhanat Kokenovna – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines L.N. Gumilyov Eurasian National University, PhD, e-mail: zhanat.karazhanova@mail.ru.

Айболат Саматұлы Бектен – Қазақстан Республикасы Бас прокуратура жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының прокурорлық қадағалау кафедрасының доценті, e-mail: aiap_@mail.ru.

Бектен Айболат Саматұлы – доцент кафедры прокурорского надзора Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: aiap_@mail.ru.

Bekten Aybolat Samatuly – Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision at the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: aiap_@mail.ru.

Р.А. Медиев, Т.Г. Маханов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ В ВЫЯВЛЕНИИ И СООБЩЕНИИ О ФАКТАХ КОРРУПЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы использования искусственного интеллекта как нового инструмента для выявления и сообщения о коррупционных правонарушениях. Проанализированы современные международные подходы к защите лиц, сообщающих о коррупции (whistleblowers). Выявлены основные проблемы действующих правовых механизмов, включая высокий уровень латентности и недостаточную эффективность правовой и институциональной защиты. Особое внимание уделяется возможностям применения искусственного интеллекта и цифровых технологий в выявлении, прогнозировании и предупреждении коррупции, а также в разработке безопасных каналов передачи информации. Приведены примеры успешных практик внедрения искусственного интеллекта в антикоррупционную деятельность (Бразилия, Кения). Сделан вывод о необходимости комплексной стратегии, включающей совершенствование законодательства, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение прозрачности алгоритмов, и сопутствующих нормативных правовых актов в целях нормативного признания искусственного интеллекта как инструмента антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция; сообщение; защита; искусственный интеллект; технология; цифровизация; законодательство; безопасность; механизм.

Р.А. Медиев, Т.Г. Маханов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚ ФАКТИЛЕРІН АНЫҚТАУҒА ЖӘНЕ ХАБАРЛАУҒА ҮҚПАЛ ЕТУДІҢ ӘЛЕУЕТТІ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: ҚАЗІРГІ ЖАЙ-КҮЙІ МЕН КЕЛЕШЕГІ

Аннотация. Мақалада сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтарды анықтау және хабарлау үшін қолданылатын жаңа құрал ретінде жасанды интеллектті пайдалану перспективалары қарастырылады. Сыбайлас жемқорлық туралы хабарлаған адамдарды қорғаудың заманауи халықаралық тәсілдері (whistleblowers) талданды. Жасырындылықтың жоғары деңгейі мен құқықтық және институционалдық қорғау тиімділігінің жеткіліксіздігін қоса алғанда, қолданыстағы құқықтық тетіктердің негізгі проблемалары анықталды. Сыбайлас жемқорлықты анықтауда, болжауда және алдын алуда, сондай-ақ ақпаратты берудің қауіпсіз арналарын әзірлеуде жасанды интеллект пен цифрлық технологияларды қолдану мүмкіндіктеріне ерекше назар аударылады. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы қызметке жасанды интеллектті енгізудің табысты тәжірибелерінің (Бразилия, Кения) мысалдары келтірілген. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл процесінің құралы ретінде жасанды интеллектті нормативтік тану мақсатында заңнаманы жетілдіруді, цифрлық инфрақұрылымды дамытуды және алгоритмдер мен соған байланысты нормативтік құқықтық актілердің ашықтығын қамтамасыз етуді қамтитын кешенді стратегияны әзірлеу қажет деген қорытындыға келді.

Түйінді сөздер: сыбайлас жемқорлық; хабарлама; қорғау; жасанды интеллект; технология; цифрландыру; заңнама; қауіпсіздік; тетік.

R.A. Mediyev, T.G. Makhanov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A POTENTIAL TOOL TO ASSIST IN DETECTING AND REPORTING CORRUPTION: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Abstract. The article examines the prospects for using artificial intelligence as a new tool used to identify and report corruption offenses. Modern international approaches to the protection of persons reporting corruption (whistleblowers) are analyzed. The main problems of existing legal mechanisms have been identified, including a high level of latency and insufficient effectiveness of legal and institutional protection. Special attention is paid to the possibilities of using artificial intelligence and digital technologies in detecting, predicting and preventing corruption, as well as in developing secure information transmission channels. Examples of successful practices of introducing artificial intelligence into anti-corruption activities (Brazil, Kenya) are given. It is concluded that a comprehensive strategy is needed, including improving legislation, developing digital infrastructure and ensuring transparency of algorithms, and related regulatory legal acts in order to normatively recognize artificial intelligence as a tool of the anti-corruption process.

Keywords: corruption; communication; protection; artificial intelligence; technology; digitalization; legislation; security; mechanism.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_116

Введение. Противодействие коррупции является неотъемлемой частью государственной политики, направленной на обеспечение верховенства закона, укрепление правопорядка, прозрачности и подотчетности в деятельности органов государственной власти, а также на формирование эффективной системы управления, основанной на доверии граждан.

Важным элементом выступает комплекс мер, охватывающий как профилактику и выявление коррупционных правонарушений, так и развитие правовой культуры, формирование общественной нетерпимости к коррупции и обеспечение неотвратимости наказания должностных лиц за злоупотребление властью.

Одну из ключевых ролей в системе противодействия коррупции играет государство, которое не только инициирует, но и координирует соответствующие меры. В соответствии со статьей 24-1 Закона Республики Казахстан (далее – РК) № 410-V «О противодействии коррупции»¹ (далее

– Закон) одним из базовых принципов антикоррупционной политики является обеспечение гарантированных мер защиты и стимулирование граждан, содействующих выявлению коррупционных правонарушений.

В рамках вышеуказанной нормы Агентством РК по противодействию коррупции (далее – Антикоррупционная служба) были утверждены Правила поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения либо иным образом оказавших содействие в противодействии коррупции². Данный нормативный акт устанавливает меры поощрения таких лиц, в числе которых выплата единовременного денежного вознаграждения, вручение грамоты либо объявление благодарности.

Согласно официальной информации, предоставленной Антикоррупционной службой, в 2024 году в рамках системы стимулирования граждан за активное содействие в выявлении коррупционных правонарушений были поощрены 104 лица. Общая сумма выплаченных вознаграждений

¹ О противодействии коррупции: закон Республики Казахстан от 18 нояб. 2015 г. № 410-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 23.06.2025).

² Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих (оказавших) содействие в противодействии коррупции: приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от 29 авг. 2023 г. № 270 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033350> (дата обращения: 23.06.2025).

составила 35,5 млн тенге³. По сравнению с предыдущими годами, это свидетельствует о положительной динамике вовлеченности населения в антикоррупционные процессы. Так, в 2023 году аналогичные меры поощрения были применены в отношении

73 граждан, которым было выплачено 24 млн тенге; в 2022 году – 134 лица получили в совокупности 87 млн тенге; в 2021 году – 147 человек были поощрены на общую сумму 46,5 млн тенге (см. рис. 1 и 2).

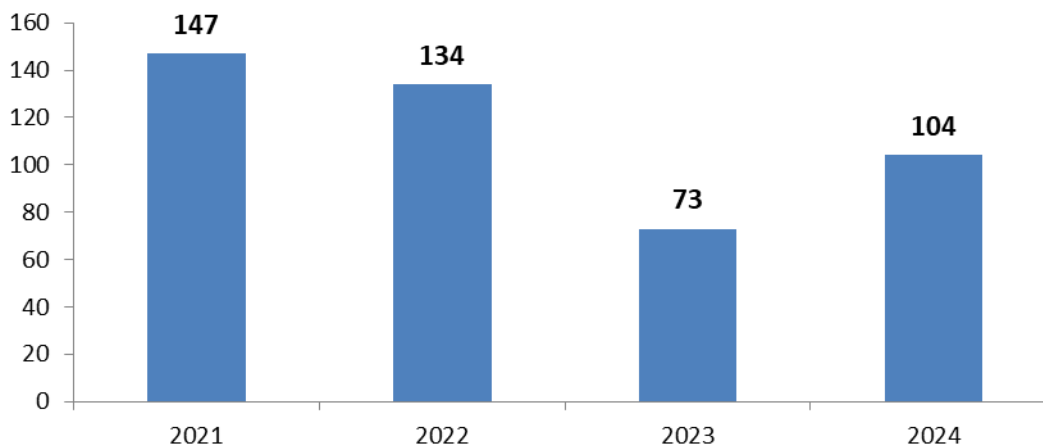

Рисунок 1. Количество лиц, сообщивших о фактах коррупции

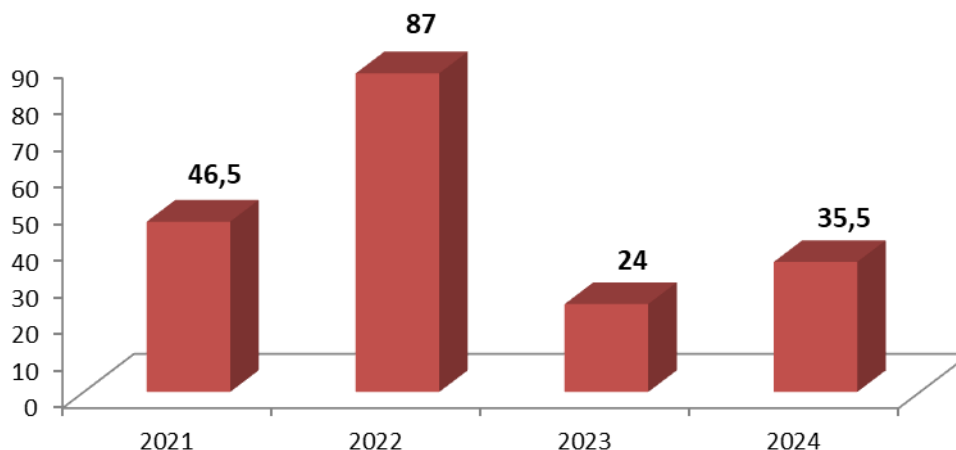

Рисунок 2. Сумма выплаченных вознаграждений

Вместе с тем, согласно данным Генеральной прокуратуры РК, несмотря на снижение количества зарегистрированных коррупционных преступлений в 2024 году на 1,64% по сравнению с 2023 годом (см. рис. 3), совокупный ущерб от коррупционной деятельности значительно возрос – более чем в три раза, превысив отметку 150 млрд тенге⁴. При этом объемы изъятых и добровольно возвращенных

средств сократились почти на 70%, что свидетельствует об увеличении масштабов латентности и снижении эффективности механизмов возврата коррупционных активов.

В данном аспекте отметим, что высокий уровень латентности коррупционных правонарушений обусловлен рядом устойчивых факторов.

Во-первых, скрытный характер самой

³ 29 млн тенге за сообщения о коррупции получили казахстанцы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://24.kz/ru/news/social/674323-29-mln-tenge-za-soobshcheniya-o-korrupsii-poluchili-kazakhstantsy> (дата обращения: 23.06.2025).

⁴ Ущерб от коррупции в Казахстане превысил 150 млрд тенге в 2024 году [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kz.kursiv.media/2025-02-07/tksh-korrupsiya-statistika-ushcherb/?utm_campaign=endless_feed (дата обращения: 23.06.2025).

коррупционной деятельности, вследствие чего значительное количество случаев остается незафиксированным и ускользает от правоприменительной практики.

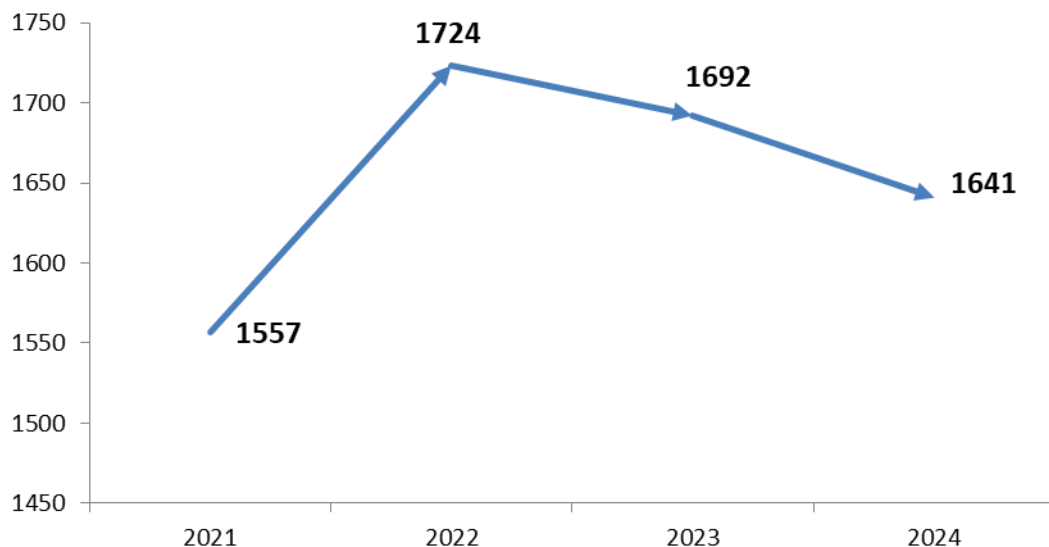

Рисунок 3. Количество коррупционных преступлений, зарегистрированных в ЕРДР

Во-вторых, лица, могущие сообщить о факте коррупции, зачастую воздерживаются от сообщения о нарушениях из-за страха перед возможными репрессиями – угрозами, давлением, увольнением, судебным преследованием и иными негативными последствиями.

В-третьих, недостаточная правовая защищенность лиц, сообщающих о коррупции, обуславливает низкий уровень доверия к государственным механизмам их защиты и сдерживает гражданскую активность в данной сфере [1]; [2]; [3].

Особенно актуальными остаются проблемы отсутствия единого механизма реагирования на угрозы в адрес лиц, сообщавших о коррупции, недостаточной правовой определенности статуса таких лиц, а также отсутствия гарантированных процедур по их анонимности, защите от трудовых репрессий и судебных преследований. Указанные пробелы в правовом регулировании создают риски демотивации граждан, снижая эффективность системы общественного контроля и подрывая доверие к институтам, призванным бороться с коррупцией.

Одним из путей преодоления указанных

проблем является использование возможностей искусственного интеллекта (далее – ИИ) и цифровых технологий не только в выявлении, прогнозировании и предупреждении коррупции, но и в разработке безопасных каналов передачи информации.

Наряду с этим, как отметил глава государства К.К. Токаев в своем Послании, «стремительное развитие ИИ уже влияет на мировоззрение и поведение людей, особенно молодежи. Иной альтернативы нет, поскольку данный процесс кардинально меняет миропорядок и образ жизни всего человечества. Мы должны быть готовы к этому. Нужно действовать решительно, промедление чревато самыми тяжелыми последствиями»⁵. Президентом поставлена стратегическая задача превращения Казахстана в течение трех лет в полноценную цифровую страну.

Однако современное состояние правового регулирования применения ИИ по рассматриваемым вопросам пока не позволяет осуществлять эффективную защиту лиц, сообщающих о коррупции. Данный вопрос требует изучения в рамках научного исследования, что подтверждает его

⁵ Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 8 сент. 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/politika/6490118-poslanie-prezidenta-narodu-kazakhstana-2025-polnyy-tekst.html> (дата обращения: 08.09.2025).

актуальность.

Материалы и методы. Настоящее исследование основано на междисциплинарном анализе нормативной правовой базы РК и опыта зарубежных стран в области антикоррупционной политики. Используются научные публикации, посвященные вопросам защиты лиц, сообщающих о коррупции, и внедрения цифровых технологий в сферу правопорядка.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания: логический, сравнительно-правовой, формально-юридический анализ.

Результаты, обсуждение. В РК разработан государственный механизм защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции, и действующее законодательство РК содержит нормы, предусматривающие меры по обеспечению их безопасности и правовой поддержки. Данные меры распространяются не только на граждан, передающих информацию о коррупционных правонарушениях, но и на тех, кто оказывает содействие в их выявлении и пресечении. Такие лица находятся под государственной защитой в соответствии с рядом нормативных актов, включая статью 12 Уголовно-процессуального кодекса РК⁶, пункт 29 статьи 23 Трудового кодекса РК⁷, Закон РК «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе»⁸, а также Закон РК «О противодействии коррупции»⁹.

Совокупность действующих нормативных правовых актов, регулирующих вопросы защиты лиц, сообщающих о фактах коррупционных правонарушений, свидетельствует о признании государством важности института гражданского содействия в антикоррупционной политике. В частности, предусмотрены такие меры, как материальное вознаграждение за сообщение о факте коррупции, а также

гарантии безопасности, регламентируемые уголовно-процессуальными и трудовыми нормами.

Тем не менее, несмотря на наличие данных положений, существующие механизмы остаются разрозненными и недостаточно систематизированными. Они не охватывают в полном объеме весь спектр правовых, институциональных и процедурных вопросов, связанных с комплексной защитой лиц, добровольно предоставляющих сведения о коррупции.

Об этом свидетельствуют оценка экспертов ОЭСР, согласно которой механизм защиты остается неэффективным и не соответствует международным стандартам. Закон ограничивает понятие осведомителей только коррупционными правонарушениями, не различает их от иных заявителей, не содержит достаточных гарантий и процедур защиты, а также предусматривает необоснованные условия для ее получения. Конфиденциальность личности через соглашение о неразглашении признана неэффективной. В 2023 году случаев обращения за защитой не было, при этом существует риск преследования осведомителей по работе и в уголовном порядке¹⁰.

Результаты опроса казахстанских экспертов в сфере защиты лиц, сообщающих о коррупции, показали, что система защиты в Казахстане пока воспринимается как недостаточно эффективная.

По мнению специалистов, мотивация граждан зависит не от материального вознаграждения, а от уверенности в собственной безопасности и доверия к государственным институтам. Отмечается, что цифровые инструменты играют важную роль, однако они уязвимы и требуют интеграции с официальными механизмами.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231#z5477> (дата обращения: 23.06.2025).

⁷ Трудовой кодекс Республики Казахстан: от 23 нояб. 2015 г. № 414-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (дата обращения: 23.06.2025).

⁸ О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе: закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 г. № 72 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000072_ (дата обращения: 23.06.2025).

⁹ О противодействии коррупции: закон Республики Казахстан от 18 нояб. 2015 г. № 410-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 23.06.2025).

¹⁰ Базовый отчет пятого раунда мониторинга антикоррупционных реформ в Казахстане [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oecd.org/rupublications/f4579337-ru.html> (дата обращения: 23.08.2025).

Перспективным направлением эксперты считают использование ИИ, но его внедрение возможно лишь при наличии соответствующего законодательного и технологического обеспечения.

Проведенное исследование по вопросам применения действенных инструментов для защиты лица, участвующего в сообщении о коррупционных правонарушениях, показало, что развитие цифровых технологий и внедрение ИИ в систему государственного управления открывают новые горизонты в борьбе с коррупцией.

В данном контексте необходимо отметить, что международная практика включает положения, регулирующие защиту так называемых «whistleblowers» – лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях. Термин «whistleblower» широко используется и закреплён в документах ряда международных и неправительственных организаций как наиболее распространённое обозначение таких лиц [4]. Многие международные организации рассматривают создание надёжных и безопасных каналов для передачи информации о коррупции, а также обеспечение комплексной защиты лиц, сообщающих о коррупции, как неотъемлемую часть эффективной антикоррупционной системы¹¹.

Мировой опыт показывает, что только при наличии безопасных каналов передачи информации, действенных гарантий защиты (включая юридическую и финансовую) и независимого контроля количество информаторов существенно возрастает¹².

Безопасность передачи информации может быть обеспечена ИИ, который способен выполнять функцию как аналитического инструмента, так и платформы раннего предупреждения о рисках коррупции. Однако для его признания новым инструментом антикоррупционной деятельности требуется нормативное переосмысление его роли

и обеспечение юридических гарантий допустимости и достоверности создаваемых им сигналов.

Как отмечают Т. Полякова и Н. Троян, уже сегодня существуют ИИ-системы, способные анализировать большие объёмы данных, выявлять аномалии в государственных закупках, бюджетных транзакциях и служебной переписке, что позволяет с высокой долей вероятности идентифицировать коррупционные риски на ранних стадиях [5, 89 стр.].

Однако с правовой точки зрения возникает вопрос – может ли ИИ быть признан новым инструментом, имеющим правоспособность к передаче информации о правонарушениях в юридически значимом виде? По мнению И. Трушиной, современное законодательство не предусматривает фиксации ИИ как нового инструмента, действующего в публичном интересе [6, 105 стр.]. Это приводит к отсутствию правовых механизмов для учёта информации, полученной исключительно через интеллектуальные системы, без участия человека. Кроме того, остаётся открытым вопрос об ответственности за ложные или ошибочные сообщения, сформированные ИИ, а также этические аспекты: должен ли алгоритм «знать», когда необходимо передать информацию о потенциальном правонарушении [7].

В то же время международная практика (например, в ЕС, США и Южной Корее) демонстрирует попытки использовать ИИ в рамках антикоррупционных систем, чаще всего в виде цифровых платформ с элементами машинного обучения, выступающих помощниками, но не новыми инструментами [8]. Таким образом, реальным шагом вперёд могла бы стать нормативная разработка концепции «технологического информатора» или «электронного whistleblower'a», с закреплением его роли в процессах мониторинга, передачи данных и инициирования проверок [9]. Это потребует

¹¹ The Whistleblower Protection Act (WPA): A Legal Overview [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.congress.gov/crs-product/R48318> (дата обращения: 23.06.2025); Annual report to Parliament: Public Servants Disclosure Protection Act. // Treasury Board of Canada Secretariat. – 20 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.tbs-sct.canada.ca/rp/08-09/psdpa-pfdar-eng.pdf> (дата обращения: 23.06.2025); Act for the Better Protection of Whistleblowers (Hinweisgeberschutzgesetz – HinSchG) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_hinschg/englisch_hinschg.pdf (дата обращения: 23.06.2025).

¹² Committing to Effective Whistleblower Protection. OECD – 2016 / Committing to Effective Whistleblower Protection, OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264252639-en> (дата обращения: 23.06.2025).

как юридической адаптации, так и внедрения этико-правовых стандартов использования ИИ в публичной сфере.

Современные исследования и практика демонстрируют, что ИИ и технологии машинного обучения находят применение в антикоррупционной деятельности, однако случаи их системного и институционального использования пока остаются ограниченными. Наиболее активно ИИ используется не как новый, а как вспомогательный инструмент в анализе финансовых преступлений, подозрительных транзакций и других коррупционных проявлений [10].

Так, сотрудничество между аналитической компанией Exiger и отделением Transparency International (далее – TI) в Великобритании направлено на расширение аналитических возможностей TI по выявлению признаков коррупции на основе публичных реестров и данных, что представляет собой переход к более автоматизированному мониторингу рисков [11].

Интересным представляется опыт Бразилии, где Управление генерального контролера внедрило систему машинного обучения для оценки коррупционных рисков среди государственных служащих. Алгоритмы учитывали широкий спектр переменных, включая судимости, деловые связи, образование и даже политическую принадлежность. Однако, несмотря на потенциал подобных решений, бразильское законодательство не допускает принятия санкций на основе прогнозов алгоритмических систем [12]. Более того, была предпринята попытка разработать аналогичный предиктивный механизм в отношении частных компаний, однако трудности интеграции данных из разных реестров и вопросы правовой допустимости ограничили практическую реализацию проекта [13].

Также заслуживает внимания кейс Кении, где исследовательская группа IBM Research Africa совместно с правительством применила ИИ и бизнес-аналитику для реформирования административных процедур с целью устранения коррупционных лазеек. Путем оптимизации бизнес-процессов, цифровизации услуг и устранения избыточных бюрократических звеньев

удалось значительно повысить прозрачность процедур и сократить возможности для взяточничества. Результатом стала значительная положительная динамика в рейтинге легкости ведения бизнеса Всемирного банка – с 136 на 61 позицию среди 189 стран в период с 2014 по 2019 гг. [14].

Опираясь на положительную зарубежную практику, можно предусмотреть перспективы развития правового регулирования ИИ в Казахстане, в частности:

- разработку комплексной стратегии использования ИИ в противодействии коррупции, включающей совершенствование законодательства, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение прозрачности алгоритмов;
- установление правовых ограничений использования ИИ в качестве источника юридически значимой информации;
- преодоление рисков предвзятости алгоритмов путем разработки специальных правовых и этико-правовых стандартов.

В этой связи, с учетом анализа норм законодательства о противодействии коррупции, предлагаем дополнить часть 4 статьи 24 Закона абзацем 3 в следующей редакции:

«Сообщения о фактах коррупционных правонарушений могут передаваться с использованием цифровых систем, в том числе основанных на технологиях искусственного интеллекта».

Кроме того, данное положение должно реализовываться ведомственным нормативным актом антикоррупционного органа, утверждающим порядок работы цифровой платформы с модулем ИИ (классификация сообщений, автоматическая анонимизация, маршрутизация в компетентные органы).

Скорее всего, ИИ не будет самостоятельным источником доказательств, но станет официальным процессуальным инструментом фиксации и передачи сообщений.

Для легализации ИИ как инструмента важно закрепить:

- гарантии защиты прав заявителя (анонимность, запрет преследования);

- ответственность органов за некорректную работу системы;
- человеческий контроль – процессуальное решение всегда принимает должностное лицо, а не алгоритм.

Однако отметим, что исследования зарубежных экспертов показывают, что даже при наличии правовых механизмов защиты лица, сообщающие о фактах коррупции, часто сталкиваются с серьезными личными и профессиональными последствиями. Так, в одном из наиболее известных исследований Ротшильда и Мите, «посвященном анализу опыта лиц, сообщавших о коррупции, выяснилось, что более двух третей опрошенных потеряли работу и не смогли вернуться к своей прежней профессиональной деятельности. При этом 84% респондентов отметили развитие психологических проблем, включая депрессию, в результате давления со стороны бывших работодателей и участия в продолжительных и стрессовых судебных процессах» [15].

Таким образом, указанные зарубежные исследования наглядно подтверждают, что одного лишь наличия правовых норм недостаточно – без эффективной практической реализации предусмотренных механизмов защиты лиц, сообщающих о коррупции. В этой связи формирование устойчивой антикоррупционной культуры требует не только законодательного закрепления гарантий, но и создания действенных инструментов, обеспечивающих безопасность, поддержку и доверие гражданского общества в выявлении и пресечении коррупционных правонарушений.

Заключение. На основании проведенного исследования сделаны следующие выводы:

- как показал международный опыт, эффективное функционирование института лиц, сообщающих о коррупции, является важным элементом антикоррупционной политики. Отсутствие устойчивых механизмов правовой и институциональной защиты делает лиц, сообщающих о коррупции, уязвимыми к репрессиям, и снижает их мотивацию к участию в борьбе с коррупцией;

- развитие цифровых технологий и ИИ открывает новые возможности в антикоррупционной деятельности. Об этом свидетельствуют стратегические задачи, поставленные Президентом перед Правительством. При наличии оцифрованных данных и цифровой инфраструктуры ИИ может выступать как инструмент для анализа рисков, выявления коррупционных схем и оптимизации процедур. Однако внедрение таких решений требует соблюдения принципов прозрачности, этики и правомерности, особенно с учетом рисков предвзятости алгоритмов и отсутствия нормативного регулирования;

- для устойчивого развития антикоррупционной системы необходимо нормативное признание ИИ как нового инструмента для содействия в выявлении и сообщении о фактах коррупции. Это требует пересмотра законодательства, обеспечения защиты данных и выработки прозрачных этических стандартов. Только в сочетании технологических инноваций и правовых гарантий можно достичь реального прогресса в борьбе с коррупцией и сформировать культуру общественной нетерпимости к ней.

Список использованной литературы:

1. Воропаев, А.С. Некоторые аспекты латентности коррупционных преступлений / А.С. Воропаев // Epomen Scientific Journal. – 2018. – № 18. – С. 20-24.
2. Коршунов, М.Н. Актуальные проблемы выявления и оценки латентной коррупционной преступности в России / М.Н. Коршунов // Вестник магистратуры. – 2016. – № 12-1 (63). – С. 93-95.
3. Актуальные проблемы противодействия коррупции: учебник; под ред. А.В. Юрковского. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 407 с.
4. M.L. Fein. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. – 2010. – 30 p.
5. Полякова, Т.А. Правовые вопросы использования технологий искусственного интеллекта в информационном обществе и в государственном управлении / Т.А. Полякова, Н.А. Троян //

Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 85-93.

6. Крысанова-Кирсанова, И.Г. Правовой статус искусственного интеллекта / И.Г. Крысанова-Кирсанова, И.О. Трушина // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 104-107.

7. Камалова, Г.Г. Правовые и этические принципы регулирования искусственного интеллекта и робототехники / Г.Г. Камалова // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 10 (202). – С. 181-184.

8. Köbis, N. Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT). Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches / N. Köbis, C. Starke, I. Rahwan. – 2021. – 30 p.

9. M. Pieth. Collective Action: Innovative Strategies to Prevent Corruption; J. Smith. – 1st ed. – Zurich: Dike Verlag, 2012. – 254 p.

10. D. Zinnbauer. Artificial intelligence in anti-corruption – a timely update on AI technology. Bergen: U4 Anti-Corruption Resource Centre, Chr. Michelsen Institute (U4 Brief 2025:1), 2025. – 25 p.

11. Jongen, H. Peer review and compliance with international anti-corruption norms: Insights from the OECD Working Group on Bribery / H. Jongen // Review of International Studies. – 2021. – Vol. 47. № 1. – Pp. 1-22.

12. Shim, Dong Chul. E-Government and Anti-Corruption: Empirical Analysis of International Data / Shim, Dong Chul, Eom, Tae Ho // International Journal of Public Administration. – 2008. – Vol. 31:3. – Pp. 298-316.

13. Gstrein, O. Ethical, legal and social challenges of Predictive Policing / O. Gstrein, A. Bunnik, A. Zwitter // Católica Law Review. – 2019. – Vol. 3. – Pp. 77-98.

14. Gwagwa, A. Artificial intelligence (AI) deployments in Africa: Benefits, challenges and policy dimensions / A. Gwagwa, et al. // The African Journal of Information and Communication (AJIC). – 2020. – Vol. 26. – Pp. 1-28.

15. E. Sokachu, K. Vika, E. Mihaylov. Ethics and Academic Integrity: a tutorial; edited by E. Sokachu. – Bucharest: University of Bucharest Press, 2018. – 146 p.

References:

1. Voropaev, A.S. Nekotorye aspekty latentnosti korruptsionnyh prestuplenij / A.S. Voropaev // Epomen Scientific Journal. – 2018. – № 18. – S. 20-24.

2. Korshunov, M.N. Aktual'nye problemy vyjavlenija i ocenki latentnoj korruptsionnoj prestupnosti v Rossii / M.N. Korshunov // Vestnik magistratury. – 2016. – № 12-1 (63). – S. 93-95.

3. Aktual'nye problemy protivodejstvija korruptcii: uchebnik; pod red. A.V. Jurkovskogo. Irkutsk: Irkutskij juridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2018. – 407 s.

4. M.L. Fein. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. – 2010. – 30 p.

5. Poljakova, T.A. Pravovye voprosy ispol'zovanija tehnologij iskusstvennogo intellekta v informacionnom obshhestve i v gosudarstvennom upravlenii / T.A. Poljakova, N.A. Trojan // Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika. – 2024. – № 3. – S. 85-93.

6. Krysanova-Kirsanova, I.G. Pravovoj status iskusstvennogo intellekta / I.G. Krysanova-Kirsanova, I.O. Trushina // Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti. – 2022. – № 2. – S. 104-107.

7. Kamalova, G.G. Pravovye i jeticheskie principy regulirovanija iskusstvennogo intellekta i robototekhniki / G.G. Kamalova // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. – 2021. – № 10 (202). – S. 181-184.

8. Köbis, N. Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT). Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches / N. Köbis, C. Starke, I. Rahwan. – 2021. – 30 p.

9. M. Pieth. Collective Action: Innovative Strategies to Prevent Corruption; J. Smith. – 1st ed. – Zurich: Dike Verlag, 2012. – 254 p.

10. D. Zinnbauer. Artificial intelligence in anti-corruption – a timely update on AI technology. Bergen: U4 Anti-Corruption Resource Centre, Chr. Michelsen Institute (U4 Brief 2025:1), 2025. – 25 p.

11. Jongen, H. Peer review and compliance with international anti-corruption norms: Insights from the OECD Working Group on Bribery / H. Jongen // Review of International Studies. – 2021. – Vol. 47.

№ 1. – Pp. 1-22.

12. Shim, Dong Chul. E-Government and Anti-Corruption: Empirical Analysis of International Data / Shim, Dong Chul, Eom, Tae Ho // International Journal of Public Administration. – 2008. – Vol. 31:3. – Pp. 298-316.

13. Gstrein, O. Ethical, legal and social challenges of Predictive Policing / O. Gstrein, A. Bunnik, A. Zwitter // Católica Law Review. – 2019. – Vol. 3. – Pp. 77-98.

14. Gwagwa, A. Artificial intelligence (AI) deployments in Africa: Benefits, challenges and policy dimensions / A. Gwagwa, et al. // The African Journal of Information and Communication (AJIC). – 2020. – Vol. 26. – Pp. 1-28.

15. E. Sokachu, K. Vika, E. Mihaylov. Ethics and Academic Integrity: a tutorial; edited by E. Sokachu. – Bucharest: University of Bucharest Press, 2018. – 146 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ренат Амангельдіұлы Медиев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының жетекші ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Медиев Ренат Амангельдыевич – ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Mediyev Renat Amangeldyevich – Leading Researcher at the Center for Criminal Procedure Research Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor's General Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Талғат Ғабитұлы Маханов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

Маханов Талғат Габитович – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

Makhanov Talgat Gabitovich – Senior Researcher at the Center for Criminal Procedure Research, Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor's General Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

УДК 343.3/.7; 343.85
МРНТИ 10.77.51; 10.81.71

Г.Г. Нубаева¹, Б.А. Кулмуханбетова²

¹Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре,
г. Косшы, Республика Казахстан

²Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ (2020-2024 гг.) И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена всестороннему анализу динамики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Казахстан за период с 2020 по 2024 гг. На основе официальной статистики, судебной практики и анализа изменений в уголовном законодательстве рассматриваются причины, структура и особенности указанных преступлений. Особое внимание уделяется влиянию законодательных реформ на уровень преступности, а также эффективности превентивных и уголовно-правовых мер. Поднимаются вопросы криминологической характеристики преступников, виктимологического анализа жертв, а также рисков, связанных с цифровой средой и распространением противоправного контента в интернете. Оцениваются международные обязательства Казахстана в сфере защиты прав ребенка и их реализация на национальном уровне. Обоснована необходимость системного подхода к профилактике, внедрения эффективных программ реабилитации, защиты жертв и усиления уголовной ответственности за указанные преступления. В статье предлагается введение отдельной главы в Уголовный кодекс, посвященной преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, и формулируются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: половая неприкосновенность; половое преступление; несовершеннолетний; малолетний; подросток; уголовное законодательство; профилактика; уголовная политика; защита детей.

Г.Г. Нубаева¹, Б.А. Кулмуханбетова²

¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясы,
Астана қ., Қазақстан Республикасы

КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРДЫҢ ЖЫНЫСТЫҚ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫНА ҚАРСЫ ҚЫЛМЫСТАР: ҚЫЛМЫСТЫҚ ДИНАМИКА (2020-2024 жж.) ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАНЫ ЖЕТІЛДІРУГЕ ЫҚПАЛЫ

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасындағы 2020-2024 жылдар аралығындағы кәмелетке толмағандарға қатысты жыныстық қол сұғылмаушылығына қарсы қылмыстардың динамикасына жан-жақты талдауға арналған. Ресми статистика, сот тәжірибесі және қылмыстық заңнамадағы өзгерістер негізінде мұндай қылмыстардың себептері, құрылымы және ерекшеліктері қарастырылады. Қылмыстылық деңгейіне заңнамалық реформалардың әсеріне, сондай-ақ профилактикалық және қылмыстық-құқықтық шаралардың тиімділігіне ерекше көңіл бөлінеді. Қылмыскерлердің криминологиялық сипаттамасы, жәбірленушілерді виктимологиялық талдау, сондай-ақ цифрлық орта мен интернеттегі құқыққа қарсы контенттің таралуына байланысты тәуекелдер мәселелері көтеріледі. Баланың құқықтарын қорғау саласындағы Қазақстанның халықаралық міндеттемелері мен олардың ұлттық деңгейде іске асырылуына баға беріледі. Қылмыстың алдын алу бойынша жүйелі тәсілді енгізу, жәбірленушілерді қорғау және оңалту бағдарламаларын тиімді ұйымдастыру, сондай-ақ қылмыстық жауапкершілікті күшейту қажеттігі негізделеді. Авторлар кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығына қарсы қылмыстарды дербес тарауға бөліп, оны Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне енгізуді және қолданыстағы заңнаманы жетілдіру

бойынша ұсыныстар беруді ұсынады.

Түйінді сөздер: жыныстық қолсұғылмаушылық; жыныстық қылмыс; кәмелетке толмаған; кәмелетке толмаған; жасөспірім; қылмыстық заңнама; алдын алу; қылмыстық саясат; балаларды қорғау.

G.G. Nubaeva¹, B.A. Kulmukhanbetova²

¹The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, the Republic of Kazakhstan

²Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan

CRIMES AGAINST THE SEXUAL INVIOABILITY OF MINORS: CRIME DYNAMICS (2020-2024) AND ITS IMPACT ON THE IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the dynamics of crimes against the sexual inviolability of minors in the Republic of Kazakhstan for the period from 2020 to 2024. Based on official statistics, judicial practice, and analysis of amendments to criminal legislation, the article examines the causes, structure, and characteristics of such crimes. Particular attention is given to the impact of legislative reforms on the crime rate, as well as the effectiveness of preventive and criminal law measures. The study addresses issues related to the criminological profiles of offenders, victimological analysis of affected minors, and risks associated with the digital environment and the spread of illicit content on the internet. The article evaluates Kazakhstan's international obligations in the field of child protection and their implementation at the national level. The necessity of a systematic approach to prevention is substantiated, along with the implementation of effective rehabilitation programs, victim protection, and stricter criminal liability. The authors propose introducing a separate chapter in the Criminal Code dedicated to crimes against the sexual inviolability of minors and offer recommendations for improving legislation and law enforcement practices.

Keywords: sexual inviolability; sexual crime; minor; young children; adolescent; criminal legislation; prevention; criminal policy; child protection.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_126

Введение. Охрана прав и свобод несовершеннолетних, особенно их половой неприкосновенности, представляет собой один из приоритетов государственной уголовной политики. Несовершеннолетние ввиду их возраста и психологической незрелости являются наиболее уязвимой группой населения. Преступления сексуального характера в отношении детей наносят глубокие травмы, нарушают нормальное развитие личности, а также подрывают нравственные основы общества, создают риски для демографической и социальной стабильности.

Современная реальность, включая цифровизацию, анонимность в интернете, трансграничный характер преступных посягательств и высокий уровень латентности сексуальных

преступлений, требует новых подходов в законодательстве. Как справедливо подчеркивает казахстанский исследователь А.С. Аубакиров, «сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних отличаются повышенной общественной опасностью, поскольку их объектом выступает не только половая свобода, но и здоровье, нормальное развитие личности» [1, 18 стр.].

На уровне государственной политики эта проблема также обозначена как приоритетная. В Послании Президента Республики Казахстан (далее – РК) от 1 сентября 2023 года особое внимание уделяется укреплению института семьи, защите прав ребенка и недопущению насилия в отношении детей¹. Провозглашение 2024 года – Годом семьи усилило акцент на институциональную защиту несовершеннолетних.

¹ Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм: послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана от 1 сент. 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 15.05.2025).

Национальное уголовное законодательство динамично адаптируется к новым вызовам. Действующий Уголовный кодекс РК (далее – УК РК) за период 2015-2024 гг. неоднократно дополнялся: внесены изменения в статьи 120, 121, 122, 124 УК, усилены санкции, расширены квалифицирующие признаки, введена новая статья 121-1, предусматривающая ответственность за сексуальные действия с применением электронных средств связи².

Дополнительно законодатель ограничил применение смягчающих норм в отношении таких преступлений: запрещены условно-досрочное освобождение, замена наказания, амнистия³.

Несмотря на прогресс, остается нерешенным вопрос систематизации норм. В научной среде предлагается вынести преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в отдельную главу УК, по аналогии с УК Российской Федерации (гл. 18), Республики Беларусь (гл. 20) и Таджикистана (гл. 20)⁴.

Казахстан последовательно выполняет международные обязательства в этой сфере, включая положения Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (ратифицирована РК 12 августа 1994 г.), Факультативного протокола о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 года (ратифицирован РК в 2001 г.), а также Рекомендаций Комитета ООН по правам ребенка, выработанных на основании Конвенции о правах ребенка⁵.

А.Ж. Жумабаева и Д.Е. Айтмағамбетов в своих трудах подчеркивают значение криминологического анализа и статистики в разработке адресных мер профилактики

и повышения эффективности уголовно-правового реагирования [2, 27 стр.].

Анализ динамики преступности в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних за 2020-2024 гг. позволяет выявить зоны риска, латентные тенденции, особенности жертв и обстоятельства совершения преступлений.

Таким образом, исследование динамики сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних имеет важное значение для корректировки законодательства, профилактики и защиты интересов ребенка.

Материалы и методы. В исследовании использованы официальные статистические данные Бюро национальной статистики РК за 2020-2024 гг. по преступлениям, предусмотренным статьями 120-124 УК РК. Применялись методы сравнительного, структурного и динамического анализа с разбивкой по возрастным группам потерпевших.

Анализ нормативной базы проведен на основе уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РК, стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), а также международных договоров (Конвенция о правах ребенка и Факультативный протокол) и доктринальных источников. В работе использованы методы контент-анализа, сравнительно-правовой и системный подходы.

Результаты, обсуждение. Анализ преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних за период 2020-2024 гг. является необходимым элементом научного обоснования криминологической ситуации и оценки эффективности уголовно-правовой политики в сфере защиты прав и законных

² Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 07.08.2025).

³ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 07.08.2025).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. по сост. на 31.07.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397073 (дата обращения: 07.08.2025); Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 20.05.2025); Уголовный кодекс Республики Таджикистан: от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 14.05.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. (ратифицирована РК 12.08.1994 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 09.08.2025); Факультативный протокол о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г. (ратифицирован РК в 2001 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-convention-rights-child-sale-children-child> (дата обращения: 09.08.2025); Рекомендации Комитета ООН по правам ребенка «Доклад комитета по правам ребенка» // ООН – Нью-Йорк, 2010 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/65/41> (дата обращения: 09.08.2025).

интересов несовершеннолетних в РК. Указанная категория преступлений представляет собой прямую угрозу базовым личным правам ребенка и требует комплексного межведомственного подхода к предупреждению и пресечению противоправных деяний. По официальным данным Бюро национальной статистики, на 1 января 2024 года численность населения РК составила 20 033 842 человека, из которых 6 542 485 (около 32,6%) составляют лица, не достигшие 18-летнего возраста. При этом 5 138 000 (78,5%) из них находятся в возрастной категории от 0 до 13 лет и 1 404 485 (21,5%) – от 14 до 18 лет⁶. Данные показатели позволяют говорить о высокой доле несовершеннолетних в демографической структуре страны, что актуализирует задачи их уголовно-правовой защиты.

Несмотря на наличие данных составов преступлений и иных правовых мер, статистика показывает, что уголовно-правовые меры воздействия в том виде, в котором они существуют, не обеспечивают должной превенции, а практика применения указанных норм демонстрирует ограниченную результативность в части сдерживания роста данных деяний.

Статистические данные по этим составам преступлений свидетельствуют, что исключительно уголовно-правовыми

средствами невозможно обеспечить устойчивое снижение числа преступлений, предусмотренных статьями 120-124 УК РК. Требуется реализация комплексных организационных, профилактических и процессуальных мер без изменения законодательства, которое является крайней мерой воздействия.

Статистические данные за 2020-2024 гг. свидетельствуют о сохраняющейся высокой криминогенной уязвимости несовершеннолетних в контексте преступлений против их половой неприкосновенности. Несмотря на общее снижение числа зарегистрированных преступлений по республике, фиксируется рост доли несовершеннолетних среди потерпевших.

Анализ статистики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних за указанный период позволяет объективно оценить масштабы и динамику указанных деяний. Особое внимание уделено числу потерпевших по статьям 120-124 УК, с разграничением по возрастным категориям потерпевших. В таблице № 1 представлены данные, отражающие как общую криминогенную ситуацию, так и соотношение потерпевших малолетних (до 13 лет) и подростков (от 14 до 18 лет) по статьям 120-124 УК РК.

Год	Общее число зарегистрированных преступлений	Несовершеннолетние потерпевшие (% от общего числа)	Из них по ст. 120-124 УК РК до 13 лет (% от общего числа несовершеннолетних)	Из них по ст. 120-124 УК РК от 14 до 18 лет (% от общего числа несовершеннолетних)
2020	140 609	1 907 (1,4%)	397 (20,8%)	448 (23,5%)
2021	135 022	2 100 (1,6%)	440 (21%)	494 (23,5%)
2022	136 429	2 026 (1,5%)	326 (16%)	403 (20%)
2023	120 842	2 471 (2%)	415 (16,8%)	470 (19%)
2024	108 984	3 503 (3,2%)	435 (12,4%)	479 (13,7%)

Таблица № 1. Статистика преступлений по статьям 120-124 УК РК: криминогенная ситуация и возраст потерпевших

На фоне устойчивого роста числа потерпевших по преступлениям против половой неприкосновенности в 2020-2024 гг. особую тревогу вызывает стабильно высокая доля

детей до 13 лет (около 20% от общего числа). Динамика в этой группе остается изменчивой, с чередованием фаз роста и снижения, что свидетельствует о непоследовательно-

⁶ Бюро национальной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

сти применяемых мер. В то же время среди подростков (14-18 лет) прослеживается тенденция к снижению, однако она не устраняет общую угрозу. Отмеченные колебания указывают на латентность рисков и ограниченность действующих уголовно-правовых и профилактических механизмов. Это подчеркивает необходимость пересмотра стратегий защиты несовершеннолетних с акцентом на раннее выявление и предупреждение угроз.

В настоящем исследовании представлена

динамика количественных изменений числа потерпевших по составам преступлений против половой неприкосновенности, предусмотренным статьями 120-124 УК РК, в разрезе возрастных категорий: малолетние (до 13 лет) и подростки (от 14 до 18 лет). Анализ охватывает пятилетний период (2020-2024 гг.) с дифференциацией по каждому составу преступления, что позволяет выявить как общие тенденции, так и специфические колебания в структуре виктимности несовершеннолетних в указанной сфере.

Год	Малолетние (до 13 лет)	Изменение по малолетним (%)	Подростки (от 13 до 18 лет)	Изменение по подросткам (%)
2020	133	-	95	-
2021	119	-10,6%	106	+10,4%
2022	65	-45,4%	89	-16%
2023	105	+38%	118	+24,6%
2024	99	-5,8%	133	+4,3%

Таблица № 2. Данные о потерпевших по статье 120 УК РК за 2020-2024 гг.

Анализ возрастной структуры потерпевших по статье 120 УК РК выявляет неоднородную динамику в группе малолетних (до 13 лет). В начале исследуемого периода отмечалось снижение числа преступлений, однако в 2023 году произошел резкий рост, а в 2024 году – лишь незначительное снижение, не свидетельствующее о стабилизации. В целом за

2020-2024 гг. количество малолетних потерпевших сократилось на 25,5%. В категории подростков, напротив, зафиксирован рост в последние два года, что привело к общему увеличению числа пострадавших на 28,5 % по сравнению с 2020 годом. Это указывает на необходимость пересмотра действующих правовых и профилактических механизмов.

Год	Малолетние (до 13 лет)	Изменение по малолетним (%)	Подростки (от 13 до 18 лет)	Изменение по подросткам (%)
2020	121	-	52	-
2021	162	+25,4%	47	-9,7%
2022	140	-13,7%	46	-2,2%
2023	158	+11,4%	63	+27%
2024	173	+11,3%	55	-12,7%

Таблица № 3. Данные о потерпевших по статье 121 УК РК за 2020-2024 гг.

По статье 121 УК РК наблюдается стабильный рост числа малолетних потерпевших (до 13 лет) без резких колебаний; за 2020-2024 гг. их количество увеличилось на 30%. В группе подростков динамика менее устойчива: после снижения в 2021-2022 гг. в 2023 году зафиксирован рост

на 27%, а в 2024 году – повторное снижение. В итоге показатель 2024 года соответствует уровню 2020 года, что отражает отсутствие устойчивого эффекта от реализуемых профилактических мер.

Особого внимания заслуживает криминализация в 2023 году нового уголовно-

правового состава – статьи 121-1 УК РК, направленного на усиление охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних. В 2024 году по данной статье зарегистрировано 38 потерпевших, из них 30 – в возрасте до 14 лет, 8 – от 15 до 18 лет.

Год	Малолетние (до 13 лет)	Изменение по малолетним (%)	Подростки (от 13 до 18 лет)	Изменение по подросткам (%)
2020	28	-	295	-
2021	17	-39,3%	324	+9%
2022	24	+29,2%	260	-19,8%
2023	31	+22,6%	279	+7%
2024	39	+20,6%	268	-4%

Таблица № 4. Данные о потерпевших по статье 122 УК РК за 2020-2024 гг.

В возрастной группе малолетних потерпевших (до 13 лет) в период 2021-2024 гг. наблюдается устойчивый рост, составляющий от 20% до 29% ежегодно. В целом, по сравнению с 2020 годом, их количество увеличилось на 28,3%. В отношении подростков (14-18 лет) зафиксировано общее снижение числа потерпевших на 9,2%, однако годовая динамика носит маятникообразный характер («рост – снижение»), что свидетельствует о нестабильности тенденции и ограниченности существующих профилактических мер.

Год	Малолетние (до 13 лет)	Изменение по малолетним (%)	Подростки (от 13 до 18 лет)	Изменение по подросткам (%)
2020	0	-	0	-
2021	1	—	9	—
2022	1	0%	6	-33,3%
2023	3	+33,4%	5	-16,7%
2024	1	-33,4%	6	+20%

Таблица № 5. Данные о потерпевших по статье 123 УК РК за 2020-2024 гг.

Преступления, квалифицируемые по статье 123 УК РК, в отношении малолетних (до 13 лет) носят эпизодический характер и их динамика не демонстрирует устойчивых тенденций: фиксируются единичные случаи, при этом наблюдаются резкие колебания показателей, что затрудняет выводы о реальной эффективности предупреждающих мер. В возрастной группе подростков (от 14 до 18 лет) в 2021 году зафиксирован резкий рост числа потерпевших с 0 до 9 лиц, однако в последующие годы динамика варьировалась. Несмотря на снижение в 2022-2023 гг., в 2024 году вновь отмечено увеличение количества потерпевших на 20%. Указанная нестабильность статистики свидетельствует о необходимости уточнения подходов к выявлению и предупреждению преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение действий сексуального характера. Динамика числа потерпевших по статье 124 УК РК в группе малолетних характеризуется маятникообразным изменением с выраженной амплитудой колебаний (от -32% до +18,7%), что свидетельствует о нестабильности ситуации и фрагментарности профилактических мер. Несмотря на отдельные периоды роста, за пятилетний период общее снижение в данной категории составило 21,8%. В возрастной группе подростков (14-18 лет) прослеживается обратная тенденция – суммарный прирост количества потерпевших с 2020 по 2024 гг. составил 33%, при этом внутригодовая ди-

намика демонстрирует хаотичный характер с колебаниями от –37,5% до +44,5%.

Год	Малолетние (до 13 лет)	Изменение по малолетним (%)	Подростки (от 13 до 18 лет)	Изменение по подросткам (%)
2020	115	-	6	-
2021	141	+18,5%	8	+25%
2022	96	–32%	5	–37,5%
2023	118	+18,7%	5	0%
2024	90	–23,8%	9	+44,5%

Таблица № 6. Данные о потерпевших по статье 124 УК РК за 2020-2024 гг.

Итак, анализ динамики половых преступлений в отношении несовершеннолетних по статьям 120-124 УК РК в разрезе возрастных категорий показал различия в тенденциях среди малолетних (до 13 лет) и подростков (14-18 лет).

При этом малолетние потерпевшие (до 13 лет) демонстрируют неоднородную динамику по большинству статей, с периодами как роста, так и снижения числа пострадавших. В частности, по статье 120 УК РК за исследуемый период отмечено снижение числа потерпевших на 25,5%, хотя 2023 год ознаменовался резким ростом, который не продолжился в 2024 году. По статье 121 УК РК число малолетних потерпевших стабильно увеличивалось на 30%, что свидетельствует о продолжающемся росте угрозы для данной возрастной группы. В отношении статьи 123 УК РК наблюдается эпизодичность, что затрудняет прогнозирование ситуации, однако резкие колебания статистики указывают на необходимость оптимизации мер профилактики и выявления угроз.

Подростки (14-18 лет) показали более выраженную тенденцию к росту числа потерпевших, особенно за последние два года. Так, по статье 120 УК РК наблюдается увеличение на 28,5%, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих превентивных мер. По статье 121 УК РК динамика среди подростков носит менее стабильный характер: после снижения в 2021-2022 гг. в 2023 году произошел рост на 27%, однако в 2024 году вновь был зафиксирован спад, что указывает на непоследовательность

воздействия принимаемых мер. По статье 124 УК РК зафиксирован общий прирост числа потерпевших на 33%, что также не нивелирует общей нестабильности ситуации, где колебания достигали амплитуды до +44,5%⁷.

Общий анализ выявляет латентность угроз и необходимость системной, комплексной профилактики с учетом специфики каждой возрастной группы. Указанная динамика подтверждает необходимость пересмотра правовых и профилактических механизмов, направленных на защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних, с акцентом на раннее выявление и нейтрализацию угроз на докриминальной стадии.

Особую озабоченность вызывает категория потерпевших, относящихся к возрастной группе до 13 лет. Дети данной возрастной категории, как правило, не осознают преступный характер действий, совершенных в отношении них, что зачастую препятствует своевременному выявлению преступлений. Кроме того, они часто не обращаются за помощью или не сообщают о произошедшем, что усугубляет проблему латентности данных преступлений и затрудняет эффективное применение превентивных мер.

Проблема усугубляется отсутствием нормативно закрепленных и адаптированных к цифровым реалиям правовых механизмов. Несоответствие темпов технологического развития и актуального правового регулирования создает лакуны, которые активно используются преступниками, особенно в части онлайн-общения с детьми

⁷ Сведения о потерпевших (по правонарушениям) // Статистические отчеты 2020-2024 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 10.03.2025).

младшего возраста.

Так, криминолог И.Б. Омарова подчеркивает, что одной из ключевых причин роста сексуальной виктимизации несовершеннолетних выступает изменение социокультурных ориентиров и ослабление традиционных институтов социализации, включая семью. В условиях стремительной цифровизации, когда преступные действия перемещаются в онлайн-среду, профилактические меры сохраняются в архаичных, зачастую неэффективных формах. Как справедливо отмечает исследователь, «цифровизация общества открыла новые возможности для совершения сексуальных преступлений, тогда как механизмы профилактики остались в традиционных, неэффективных формах» [3].

Данная тема имеет и международную полемику: польский юрист Я. Козловский рассматривает проблему пересмотра возраста сексуального согласия как потенциальную угрозу нормативной охраны несовершеннолетних. Он указывает, что либеральные инициативы в ряде европейских государств «создают не просто юридическую лазейку, но и легализуют предпосылки педофилии» [4]. Данное замечание поднимает ключевой вопрос – сохранение конституционного приоритета охраны несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации, закрепленного в Конвенции о правах ребенка (1989) и Факультативном протоколе к ней от 25 мая 2000 года.

Немецкий криминолог К.М. Хаузер в работе *Sexualität und Recht: Generationenkonflikt* («Сексуальность и право: конфликт поколений») подчеркивает риски либерализации уголовного законодательства, которая, подменяя приоритет охраны прав ребенка декларацией свобод сексуального самовыражения, приводит к правовой релятивизации ключевых понятий уголовного права [5].

Отдельного внимания заслуживает критика доктрины «взаимного подросткового согласия», распространенной в ряде стран. Американский ученый М. Либерман указывает, что ее легитимация «снижает общественную и правовую чувствительность к сексуализированным посягательствам», создавая прецеденты фактической

безнаказанности [6].

Закключение. На основе проведенного анализа динамики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в РК за период 2020-2024 гг. по статьям 120, 121, 122, 123 и 124 УК РК можно выделить несколько значимых выводов, которые должны послужить основой для совершенствования уголовного законодательства и разработки эффективных превентивных и правозащитных мер.

Первым и ключевым выводом является важность статистического анализа и тщательного прослеживания динамики по конкретным статьям УК РК, что позволяет детально оценивать ситуацию и вырабатывать адекватные меры реагирования. Такой подход необходим для своевременной корректировки не только уголовно-правовых мер, но и превентивных программ, направленных на профилактику сексуализированного насилия в отношении несовершеннолетних.

Данные показывают, что наибольшую опасность представляют преступления против половой неприкосновенности, совершенные в отношении детей младше 13 лет. Эти дети зачастую не осознают преступность действий, совершенных в их отношении, не могут или не решаются сообщить о происшедшем, что свидетельствует о высоком уровне латентности данных преступлений. В связи с этим, необходимо акцентировать внимание на постоянном мониторинге ситуации и выявлении закономерностей преступной деятельности для эффективного реагирования.

При этом статистика также демонстрирует тревожный рост числа пострадавших среди подростков (14-18 лет), что требует усиления правовых и профилактических мер в данной группе. Проблемы, связанные с сексуальными преступлениями в отношении несовершеннолетних, находятся в сфере широкой общественной опасности, и должны стать объектом комплексного подхода, включающего как уголовно-правовые, так и профилактические меры.

Важной частью профилактики является правовое и цифровое просвещение

несовершеннолетних. Для этого необходимо создать доступные и эффективные каналы получения информации, такие как специализированные программы в школьной системе, а также использование информации через улицу, рекламу, кинотеатры, телевизионные заставки и интернет. Важно, чтобы дети имели возможность узнать о своей безопасности и о том, как реагировать на угрозы, через различные источники. В этом контексте можно рассмотреть введение школьных занятий по сексологии, направленных на развитие правового сознания и понимания личных границ с учетом психолого-педагогических особенностей возрастных групп. Профилактика также должна включать в себя обучение детей безопасному поведению в интернете, включая распознавание порнографического и манипулятивного контента.

В дополнение к этим мерам следует обратить внимание на создание эффективных каналов для получения анонимных сообщений о фактах сексуализированного насилия,

с возможностью быстрого реагирования. Данный подход требует укрепления межведомственного взаимодействия между органами образования, правоохранительными органами и учреждениями здравоохранения для более оперативного реагирования на угрозы сексуального насилия и вовлечения несовершеннолетних в преступные действия.

Таким образом, для эффективной защиты детей от преступлений против половой неприкосновенности необходимо системное и комплексное перераспределение усилий на всех уровнях. Ключевыми аспектами этого подхода являются мониторинг ситуации через статистический анализ, внедрение профилактических программ в образовательных учреждениях, активное использование цифровых технологий для правового просвещения, а также обеспечение межведомственного сотрудничества, направленного на выявление и нейтрализацию угроз на ранних стадиях.

Список использованной литературы:

1. Аубакиров, А.С. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних / А.С. Аубакиров. – Алматы: Юридическая литература, 2021. – 58 с.
2. Жумабаева, А.Ж. Уголовно-правовые средства защиты половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: монография / А.Ж. Жумабаев. – Алматы: КазГЮУ, 2020. – 148 с.
3. Омарова, И.Б. Проблемы цифровизации и сексуального насилия в отношении несовершеннолетних / И.Б. Омарова // Право и общество. – 2023. – № 4. – С. 56-60.
4. Kozlowski, J. Sexual Consent and Legal Age: Risk of Liberal Reforms / J. Kozlowski // European Law Journal. – 2021. – Vol. 27. – Pp. 118-134.
5. Hauser, K.M. Sexualität und Recht: Generationenkonflikt / K.M. Hauser. – Berlin: Springer, 2020. – 212 p.
6. Lieberman, M. Postmodern Criminal Law and Child Sexual Abuse: Norms Under Threat / M. Lieberman // American Criminal Law Review. – 2022. – Vol. 59. – Pp. 301-325.

References:

1. Aubakirov, A.S. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery protivodejstvija prestuplenijam protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih / A.S. Aubakirov. – Almaty: Juridicheskaja literatura, 2021. – 58 s.
2. Zhumabaeva, A.Zh. Ugolovno-pravovye sredstva zashhity polovoj svobody i neprikosnovennosti nesovershennoletnih: monografija / A.Zh. Zhumabaev. – Almaty: KazGJuU, 2020. – 148 s.
3. Omarova, I.B. Problemy cifrovizacii i seksual'nogo nasilija v otnoshenii nesovershennoletnih / I.B. Omarova // Pravo i obshhestvo. – 2023. – № 4. – S. 56 -60.
4. Kozlowski, J. Sexual Consent and Legal Age: Risk of Liberal Reforms / J. Kozlowski // European

Law Journal. – 2021. – Vol. 27. – Pp. 118-134.

5. Hauser, K.M. Sexualität und Recht: Generationenkonflikt / K.M. Hauser. – Berlin: Springer, 2020. – 212 p.

6. Lieberman, M. Postmodern Criminal Law and Child Sexual Abuse: Norms Under Threat / M. Lieberman // American Criminal Law Review. – 2022. – Vol. 59. – Pp. 301-325.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Гүлмира Ғалымқызы Нубаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Нубаева Гульмира Галымовна – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Nubaeva Gulmira Galymovna – Senior Researcher at the Center for the Study of Criminal Procedure Problems of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Бибігүл Аманжолқызы Құлмұханбетова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясы Арнайы дайындық кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, құқықтану доценті, гуманитарлық ғылымдар магистрі (Уорик университеті), e-mail: kuba07@inbox.ru.

Кулмұханбетова Бибигуль Аманжоловна – профессор кафедры специальной подготовки Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент правоведения, магистр гуманитарных наук (Университет Уорика), e-mail: kuba07@inbox.ru.

Kulmukhanbetova Bibigul Amanzholovna – Professor of the Special Training Department of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, Associate Professor of Law, Master of humanitarian science (University of Warwick), e-mail: kuba07@inbox.ru.

Е.А. Омаров¹, Д.Ж. Муканов²

¹Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции,
г. Астана, Республика Казахстан

²Главная военная прокуратура Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕГ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ (ст. 218 УК РК)

Аннотация. Работа посвящена вопросам квалификации деяний по статье 218 Уголовного кодекса Республики Казахстан – легализации денег и иного имущества, полученных преступным путем. Проанализирована правоприменительная практика, раскрыты пробелы законодательства и сложности доказывания предикатного преступления и специальной цели. Авторы предлагают рассматривать расследование по статье 218 Уголовного кодекса Республики Казахстан как форму параллельного финансового расследования, направленного на выявление преступных активов и их возврат. Приведены примеры из практики и обоснована необходимость разграничения предмета легализации и доходов от его использования. Также рассмотрен зарубежный опыт в сфере борьбы с отмыванием денег. Выдвинуты предложения по совершенствованию национального уголовного законодательства. Статья может быть полезна специалистам по уголовному праву, следователям, а также представителям научного сообщества, изучающим проблемы легализации преступных доходов.

Ключевые слова: легализация; отмывание денег; имущество, добытое преступным путем; преступный доход; преступные активы; поиск и возврат активов; предикатное преступление; финансовое расследование.

Е.А. Омаров¹, Д.Ж. Мұқанов²

¹Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл агенттігі,
Астана қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасының Бас әскери прокуратурасы,
Астана қ., Қазақстан Республикасы

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖОЛМЕН АЛЫНҒАН АҚША МЕН ӨЗГЕ ДЕ МҮЛІКТІ ЗАҢДАСТЫРУ ТЕРГЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ (ҚР ҚК 218-бабы)

Аннотация. Бұл мақалада ҚР ҚК 218-бабына сәйкес, қылмыстық жолмен алынған ақша мен өзге де мүлікті заңдастыру (ақша жылыстату) әрекеттерін саралау мәселелері қарастырылады. Автор тергеу тәжірибесін талдай отырып, предикаттық қылмысты және арнайы мақсатты дәлелдеудегі қиындықтарды, сондай-ақ заңнамадағы олқылықтарды атап өтеді. 218-бап бойынша тергеуді параллель қаржылық тергеу институты ретінде қарау ұсынылады. Мақалада нақты мысалдар келтіріліп, заңсыз активтерді анықтау және қайтару қажеттілігі дәлелденеді. Сонымен қатар, шетелдік (Ұлыбритания, АҚШ, Франция, Сингапур, Индонезия) тәжірибе негізінде ұсыныстар жасалады. Бұл мақала қылмыстық құқық саласындағы мамандарға, тергеушілерге және қылмыстық кірістерді заңдастыру мәселелерін зерттейтін ғылыми ортаға пайдалы болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: заңдастыру; ақша жылыстату; қылмыстық жолмен алынған мүлік; қылмыстық кіріс; қылмыстық активтер; активтерді іздеу және қайтару; предикаттық қылмыс; қаржылық тергеу.

Y.A. Omarov¹, D.Zh. Mukanov²

¹Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan

²Main Military Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan

THE LEGALIZATION OF MONEY AND OTHER PROPERTY OBTAINED THROUGH CRIMINAL MEANS (Article 218 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) INVESTIGATION ISSUES

Abstract. This article explores the classification issues related to Article 218 of the Criminal Code of Kazakhstan, which concerns the legalization (laundering) of money and other assets obtained through criminal means. The study analyzes investigative and judicial practices, highlighting legal gaps and challenges in proving predicate offenses and intent. The author argues for treating investigations under Article 218 as a form of parallel financial investigation focused on identifying and recovering illicit assets. Practical examples are provided to demonstrate conflicts in the interpretation of property subject to laundering. International legal frameworks from the UK, US, France, Singapore, and Indonesia are reviewed. Recommendations are made to improve the national criminal legislation. The article is of interest to legal scholars, investigators, and practitioners dealing with anti-money laundering policy and asset recovery.

Keywords: legalization; money laundering; property obtained through criminal means; criminal proceed; criminal assets; asset tracing and recovery; predicate offense; financial investigation.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_136

Введение. Вопросы противодействия легализации имущества приобрели особую важность в связи с поручениями Главы государства о возвращении незаконно выведенных из страны активов¹. К. Токаев уделяет значительное внимание вопросам репатриации активов в целях восстановления социальной справедливости и их использования для развития страны.

Нелегитимный доход после легализации создает материальную базу для совершения новых уголовных правонарушений.

Легализация преступных активов является угрозой национальной безопасности [1, 184 стр.] ввиду создания основ теневой экономики, вывода капитала за пределы страны, а также повышения уровня коррупции.

С момента введения в действие нового Уголовного кодекса Республики Казахстан, с 2015 по 2024 гг., т.е. за 9 лет, согласно

статданным по всей республике и всем правоохранительным органам, начато 588 досудебных расследований по фактам легализации.

В суд направлено 75%, т.е. 441 дело, прекращено по реабилитирующим основаниям и снято с учета – 236 дел².

По линии Антикоррупционной службы с 2015 по 2024 гг. зарегистрировано 63 досудебных расследования, из которых 82%, т.е. 52 дела, направлены в суд, 8 дел прекращены по реабилитирующим основаниям³.

Представленная статистика отражает лишь часть действительных масштабов данного вида преступности ввиду ее высокой латентности [2, 695 стр.].

Даже из приведенной официальной статистики видно, что не все дела завершаются направлением в суд, что свидетельствует о

¹ Экономический курс Справедливого Казахстана: послание Главы государства К.-Ж. Токаева народу Казахстана от 01 сент. 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskii-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (дата обращения: 20.06.2025).

² Форма отчета № 1-М. О зарегистрированных уголовных правонарушениях // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

³ Форма № 3-К. Отчет о коррупционных преступлениях, лицах их совершивших, осужденных и движении уголовных дел о коррупционных преступлениях и о субъектах коррупционных правонарушений // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

наличии проблем в следственной и судебной практике по уголовным делам о легализации денег и имущества, добытых преступным путем.

Материалы и методы. В настоящем исследовании использованы методы сравнительно-правового анализа, обобщения судебной и следственной практики, системного и логического толкования норм, а также анализа научной литературы. В основу исследования были положены нормы Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), приказы Генерального Прокурора, нормативные постановления Верховного Суда, зарубежное уголовное законодательство (Великобритании, США, Франции, Сингапура, Индонезии), статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК, а также научные публикации по вопросам квалификации и расследования легализации преступных доходов, что в совокупности позволило выявить проблемы применения статьи 218 УК РК, оценить подходы к доказыванию состава преступления и выработать предложения по совершенствованию правового регулирования.

Результаты, обсуждение. Одна из проблем, по мнению отдельных ученых, заключается в том, что весь уголовный процесс настроен на то, чтобы следовать только за лицом. Следовательно, проводя досудебное расследование, упор делает на собирание доказательственной базы по основному делу, будь то хищение, взятка или любой другой состав преступления [3, 112 стр.].

Бесспорно, в основе доказывания состава преступления лежит первоочередная задача уголовного процесса – пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших. По указанной причине поиск и возврат преступных доходов справедливо становятся второстепенной задачей.

Действительно, если не будут доказаны все элементы состава преступления, соответственно доходы не могут быть признаны преступными, что исключает их последующий поиск и возврат.

Тем не менее поиск и возврат преступных активов являются важной задачей уголовного процесса. По указанной причине финансовые расследования, о введении которых упоминается в последних законодательных новеллах, продолжают совершенствоваться с целью наибольшей эффективности.

Суть финансового расследования состоит в том, чтобы установить преступно нажитые деньги и иное имущество и вернуть его государству или другому собственнику. В этой связи обязательным элементом расследования предикатного преступления должно быть проведение финансового расследования.

Однако в настоящее время данный институт еще не приобрел свою самостоятельную процессуальную форму и не имеется конкретной законодательной регламентации. Хотя существуют научные обоснования необходимости его выделения в отдельное производство [4, 114 стр.].

В практической деятельности поиск и возврат преступных активов осуществляется в рамках расследования основного дела, путем проведения стандартных следственных и иных процессуальных действий, что недостаточно эффективно.

Вместе с тем, полагаем, что проведение расследования именно по статье 218 УК РК является своего рода аналогом института параллельного финансового расследования, которое заключается именно в установлении финансовых манипуляций.

Так, диспозиция статьи 218 УК РК предусматривает объективную сторону преступления в виде *владения и использования* такого имущества, *сокрытия или утаивания* его подлинного характера, источника, *места нахождения*, способа распоряжения, перемещения, что дает все правовые основания для проведения полноценного финансового расследования по поиску и возврату активов.

Данный механизм видится в следующем:

органу досудебного расследования, в случае установления факта получения дохода (преступного имущества) по предикатному преступлению, следует зарегистрировать отдельное производство по статье 218 УК РК, с выделением всех материалов, свидетельствующих о преступности дохода, его сумме и иных сведений. В рамках отдельного производства по факту легализации следователь уже будет заниматься исключительно поиском и возвратом имущества.

В случае успешного расследования уголовное дело подлежит соединению с основным делом по предикатному преступлению на основании части 1 статьи 43 УПК РК, т.е. в отношении лица, совершившего несколько уголовных правонарушений.

В результате такого метода расследования основной задачей следователя будет доказывание факта легализации денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем, а также последующий поиск и возврат.

Таким образом, полагаем, что проведение расследования по статье 218 УК РК является своего рода институтом параллельного финансового расследования.

Вместе с тем практика расследования преступлений о легализации показала наличие существенных пробелов и недостатков.

Анализ проблем досудебного расследования позволил выявить три главные проблемы доказывания, которые стали основаниями исключения судами обвинения в части легализации:

- недоказанность преступного происхождения имущества, т.е. наличие предикатного преступления;
- отсутствие дохода от использования имущества, полученного преступным путем;
- простое распоряжение преступным доходом.

По сложившейся практике для регистрации легализации по статье 218 УК РК требуется обязательное наличие предшествующего

отмыванию *предикатного преступления*.

К таковым относятся все виды хищения, коррупционные и экономические преступления, все виды запрещенной деятельности (наркоторговля, торговля оружием) и т.д. – более 100 составов. Наличие предикатного преступления свидетельствует, что эти активы получены незаконным путем, т.е. являются предметом преступления [5, 24 стр.].

Диспозиция статьи 218 УК предполагает обязательное доказывание такого элемента, как преступный доход, наличие ущерба не требуется.

Так, Приказ Генерального Прокурора о Правилах приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях №89 устанавливает запрет на регистрацию в ЕРДР, если в них отсутствуют сведения о незаконном доходе, подтвержденные актами проверок, ревизий, аудита и другими документами, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения⁴.

С учетом того, что наличие преступного дохода является необходимым элементом, то проведение ревизий, аудита, экспертизы является обязательным.

Так, в 2024 году Антикоррупционной службой по области Жетысу завершено досудебное расследование по статье 218 УК РК в отношении главного бухгалтера Отдела образования гр. С., которая похитила бюджетные средства на сумму 98 млн тенге в период с 2020 по 2022 гг. и в последующем совершила их легализацию⁵. В частности, на похищенные денежные средства она приобрела четыре нежилых коммерческих помещений в городе Талдыкорган и в целях сокрытия и утаивания подлинного характера имущества, приобретенного на преступные средства, оформила их на своих родственников и доверенных людей: отца и подчиненную. Помещения в последующем сдавала в аренду и ежемесячно извлекала доход от их коммерческой деятельности.

⁴ Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сент. 2014 г. № 89 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 20.06.2025).

⁵ Банк судебных актов Верховного Суда Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://office.sud.kz/new/form/courtActs/index.xhtml> (дата обращения: 20.06.2025).

Однако прокуратура предметом легализации посчитала лишь прибыль, но не сами нежилые помещения.

Диспозиция статьи 218 УК РК определяет, что *предметом легализации являются не только доходы, но и сами деньги или иное имущество, вовлеченные в законный оборот*. В этой связи орган уголовного преследования посчитал, что предметом выступают как сами нежилые помещения, так и прибыль, полученная от их работы, позицию которого авторы считают верной.

Хотели бы обратить внимание на понятие «доход». В большинстве случаев суды и органы надзора требуют извлечения *чистого дохода*, т.е. когда доходы от так называемой предпринимательской деятельности превышают расходы. С нашей точки зрения, такая позиция видится не совсем корректной.

Причина в том, что легализация не всегда влечет получение чистой прибыли. Допустим, государственный служащий 100 млн тенге полученных в виде взятки, использовал для приобретения акций. Однако, по итогам года, стоимость акций упала, дивиденды показали отрицательную доходность. В результате госслужащий остался в убытке, продав акции за 90 млн тенге, т.е. получил меньше чем, вложил. И данный случай не означает, что полученные от продажи акций денежные средства стали легальными. Они как были преступными, так и остались. Получение даже отрицательного дохода является легализацией, и соответственно саму выплату 90 млн нужно расценивать как получение отрицательного дохода. Данный факт необходимо квалифицировать как покушение на легализацию, т.е. виновный принял меры, но по независящим от него обстоятельствам, получение дохода не состоялось.

Обязательным признаком субъективной стороны уголовного правонарушения, предусмотренного статьей 218 УК РК, является наличие *специальной цели* совершения финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем, придание правомерного вида

владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом, что является одним из сложных моментов в доказывании.

Данное обстоятельство является принципиальным отличием от составов хищения, где указанный признак не требуется, а действия выражаются в распоряжении похищенным имуществом в целях личного потребления [6, 54 стр.].

Более того, данное положение коррелируется с важным принципом уголовного законодательства, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление [7, 75 стр.].

Неоднозначную позицию данная практика нашла и в науке. Так, по мнению большинства ученых, под легализацией понимается не любое распоряжение деньгами или иным имуществом, полученным путем совершения преступления, а лишь вовлечение их в законный оборот посредством совершения сделок, предполагающих доходы [8, 34 стр.], [9, 95 стр.]. Другие, наоборот, считают, что использование этих средств в законном обороте является легализацией [10, 62 стр.].

Вместе с тем факт приобретения недвижимости на похищенные средства является формой распоряжения, и, как отмечает Верховный суд, не образует состав легализации.

В соответствии с требованием пункта 19 Нормативного постановления Верховного Суда РК (далее – НП ВС) «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности» от 24 января 2020 г. № 3 под легализацией денег и имущества применительно к статье 218 УК РК следует понимать не любое распоряжение деньгами или иным имуществом, полученным путем совершения уголовного правонарушения, а лишь вовлечение их в законный оборот посредством совершения сделок в виде конверсии или перевода имущества, представляющего доходы от уголовных правонарушений, либо владение и

использование такого имущества и др.⁶

НП ВС № 3 от 24 января 2020 года практически копирует диспозицию статьи 218 УК РК и указывает, что судам необходимо руководствоваться разъяснениями, содержащимися в НП ВС № 8 от 11 июля 2003 года «О судебной практике по делам о хищениях» о том, что распоряжение виновным похищенным имуществом по своему усмотрению (продажа или безвозмездная передача другим лицам, порча, разукomплектование, уничтожение и т.п.) не образует самостоятельного состава уголовного правонарушения и дополнительной квалификации не требует⁷.

НП ВС от 29 ноября 2024 года № 6 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» дополнило перечень специальных целей формы легализации имущества, в частности:

- вовлечение в законный оборот денежных средств, полученных преступным путем, путем приобретения ценного имущества (недвижимое имущество, произведения искусства, предметы роскоши и т.п.);

- приобретение имущества на денежные средства, полученные преступным путем, с использованием фиктивных гражданско-правовых договоров (займа, дарения и т.д.), бухгалтерских документов (о получении выплат по трудовому договору, денежных средств в подотчет и т.д.) в целях придания видимости законного происхождения денежным средствам.

Таким образом, согласно позиции Верховного Суда, не любое распоряжение преступным имуществом образует состав легализации – необходим признак вовлечения в правовой оборот через совершение сделок.

Завершая анализ, хотелось бы остановиться на вопросе применения наказания в виде конфискации. Так, санкция статьи 218 УК РК предусматривает обязательную конфискацию. В данном контексте легализацию можно рассмотреть

с позиции гражданского права. Владение преступными активами по природе вещного права не образует законное право владения, т.к. этот актив не принадлежит и не может принадлежать преступнику в силу незаконности его получения, соответственно, он не может являться и не является его законным владельцем.

Следовательно, любые сделки или доходы от имущества, полученного преступным путем, по своей природе не могут образовывать законный доход. Как результат, доход, полученный от его использования, является незаконным и подлежит конфискации.

Что касается самого предмета легализации, то его необходимо рассматривать как орудие преступления. Так, под орудием преступления, подразумеваются предметы или иное имущество, которые были использованы либо были предназначены для использования при совершении преступных действий или для достижения преступных результатов [11, 44 стр.]. Ситуация схожа с примерами экономической контрабанды, когда транспортное средство, использованное в противоправных целях, рассматривается как орудие преступления и подлежит конфискации.

Часть 3 статьи 118 УПК РК прямо предусматривает, что орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему уголовное правонарушение, подлежат конфискации.

Если имущество использовалось именно для извлечения дохода от похищенных денег, т.е. как орудие преступления, допустим недвижимость, и способствовало легализации, то оно подлежит конфискации. При отсутствии данной недвижимости легализация не могла бы быть совершена. При указанных обстоятельствах данный предмет подлежит конфискации.

В *Великобритании* легализация является преступлением в соответствии с разделом 327: «Лицо считается виновным, если оно скрывает, утаивает, конвертирует

⁶ О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 24 янв. 2020 г. № 3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P200000003S> (дата обращения: 20.06.2025).

⁷ О судебной практике по делам о хищениях: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 г. № 8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P030000008S> (дата обращения: 20.06.2025).

или переводит преступное имущество или вывозит его; вступает в сговор или становится заинтересованным в нем, которое, как оно достоверно знает или подозревает, способствует приобретению, удержанию, использованию или контролю преступного имущества; приобретает, использует или владеет преступным имуществом». Важно отметить, что раздел 330 описывает положения и предусматривает ответственность за легализацию лица, если оно не сообщает о подозрительной деятельности в уполномоченный орган (банки и финансовые учреждения) [12, 728 стр.].

Департамент юстиции США выделяет три типа преступного поведения по легализации: внутренние операции по отмыванию денег (§1956(a)(1)); международные операции по отмыванию денег (§1956(a)(2)); тайные операции по отмыванию денег (§1956(a)(3)).

Вместе с тем законодатель делает акцент на умысел лица, совершившего действия по легализации, т.е. лицо должно совершить или попытаться совершить финансовую операцию, зная, что имущество, вовлеченное в финансовую операцию, представляет собой доходы от какой-либо незаконной деятельности и имущество должно фактически быть получено в результате конкретного предикатного правонарушения. При этом объективная сторона может быть выражена в любой форме: покупка, продажа, заем, дар, иное распоряжение, в т.ч. транзакции по финансовым инструментам – депозит, снятие, перевод между счетами, обмен валюты, предоставление кредита, любой другой платеж и т.д.⁸

Статья 324-1 УК Франции также различает два вида отмывания денег:

Первое – ложное обоснование происхождения активов или доходов, когда лицо любыми способами способствует ложному оправданию происхождения активов или доходов лица, совершившего правонарушение, что принесло ему прямую или косвенную прибыль. Примером может

служить использование поддельных договоров купли-продажи, поддельных свидетельств, фиктивных счетов-фактур, позволяющих перепродавать краденое имущество.

Второе – участие в операции по инвестированию, сокрытию или конвертации доходов, полученных преступным путем. К примеру, размещение или сокрытие доходов, полученных преступным путем, или вовлечение их в правовой оборот с целью устранения всех следов незаконного происхождения [13].

Основным законодательством, регулирующим отмывание денег в Сингапуре, является Закон о коррупции, незаконном обороте наркотиков и других тяжких преступлениях (конфискация выгод) (CDSA).

Формы легализации выглядят следующим образом:

- скрывает или маскирует любое имущество, представляющее собой выгоду от торговли наркотиками или иной преступной деятельности;

- преобразует или передает эту собственность или выводит ее из-под юрисдикции;

- приобретает, владеет или использует это имущество имущество⁹.

В Индонезии противодействие отмыванию денег регулируется Законом № 8 2010 года «О предупреждении и искоренении преступлений, связанных с отмыванием денег» и предусматривает три формы участников:

- активный отмыватель денег, т.е. любое лицо, которое размещает, переводит, перенаправляет, расходует, выплачивает, переводит в иностранное государство, меняет, обменивает на деньги или ценные бумаги или совершает любые другие действия с активами, в отношении которых известно или есть основания полагать, что они являются доходами от преступления;

- любое лицо, которое скрывает или маскирует происхождение, место

⁸ 2101. Money Laundering Overview [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.justice.gov/archives/jm/criminal-resource-manual-2101-money-laundering-overview?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

⁹ A Guide to Singapore's Anti-Money Laundering Laws. Last updated on April 25, 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://singaporelegaladvice.com/law-articles/anti-money-laundering-laws-and-you/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

происхождения, распределение, передачу права собственности или фактическое владение активами, в отношении которых известно или есть основания полагать, что они являются доходами от преступления;

- любое лицо, участвующее в так называемом пассивном отмытии денег, которое получает или контролирует размещение, передачу, выплату, предоставление, пожертвование, депозит, обмен или использование активов, в отношении которых он знает или обоснованно подозревает, что они являются доходами от преступления [14, 8933 стр.].

Законодательство отдельных стран (Великобритания, США, Франция, Сингапур, Индонезия) содержит широкий перечень форм легализации, а также предъявляет особое требование к доказыванию умысла по отмытию активов.

Заключение. Существующая система расследования недостаточно акцентирована

на возврате активов. Учитывая зарубежный опыт, предлагается законодательно выделить параллельное финансовое расследование как самостоятельную процессуальную форму в УПК РК, направленную на установление преступного происхождения активов, их отслеживание и возврат, независимо от основного (предикатного) преступления, которое может быть реализовано посредством расследования по статье 218 УК РК.

Диспозиция статьи 218 УК РК требует обязательного доказывания двух ключевых элементов: происхождения имущества от преступной деятельности и его последующей легализации, что влечет сложность доказывания специальной цели и предикатного преступления.

Также необходимо расширить формы вины легализации: как прямой (знание незаконного происхождения), так и косвенной (обоснованные подозрения).

Список использованной литературы:

1. Kazbayeva, A. Analysis of the efficiency of legislation on countering the legalization (money-laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism / A. Kazbayeva, K. Ismagulov // Вестник института законодательства и правовой информации РК. – 2022. – № 3 (70). – С. 181-188.
2. Ачилов, А.Т. Вопросы уголовно-правового регулирования легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и совершенствования правоохранительной деятельности таможенных органов в борьбе с этими преступлениями / А.Т. Ачилов // Galaxy international interdisciplinary research journal (GIIRJ) ISSN (E). – 2022. – Vol. 10. Issue 10. – С. 693-703.
3. Сейтенов, К.К. К вопросу об уголовно-правовых аспектах противодействия легализации преступных доходов в Республике Казахстан / К.К. Сейтенов, А.Ш. Ещанов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 4. – С. 108-117.
4. Балашов, Р.С. Возврат похищенных активов из-за рубежа: опыт, проблемы и решения: дис. ... д-ра философии / Р.С. Балашов. – Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2025. – 132 с.
5. Rusanov, G. Money laundering and predicate offenses: models of criminological and legal relationships / G. Rusanov, Y. Pudovochkin // Journal of Money Laundering Control. – 2018. – № 21 (1). – Рр. 22-32.
6. Смирнова, Г.Н. Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Г.Н. Смирнова // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Vol. 6. № 3 (23). – С. 50-56.
7. Иванов, А.В. Актуальные проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за легализацию (отмытие) преступных доходов / А.В. Иванов // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 72-76.
8. Досекеев, О.Б. О некоторых вопросах квалификации уголовных правонарушений, связанных с легализацией (отмытием) преступных доходов / О.Б. Досекеев, М.М. Иманбекова,

К.А. Турлыбеков // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. – 2024. – № 2 (147). – С. 26-37.

9. Харламова, А.А. К вопросу об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества / А.А. Харламова // Журнал российского права. – 2015. – № 5 (221). – С. 93-100.

10. Маханов, Т.Г. Легализация (отмывание) денег или иного имущества, полученных преступным путем: вопросы правоприменения и назначения наказания / Т.Г. Маханов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 3 (33). – С. 57-66.

11. David, P. Forfeitures Revisited: Bringing Principle to Practice in Federal Court / P. David // Nevada Law Journal. – 2012. – Vol. 13. No. 1. – С. 63.

12. Rajamanickam, R. The concept of money laundering: a quest for legal definition / R. Rajamanickam, M. Helmi // Journal of Money Laundering Control. – 2021. – № 24 (4). – Pp. 725-736.

13. A. Bitton. Le Délit De Blanchiment [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.village-justice.com/articles/delit-blanchiment%2C33693.html?utm_source (дата обращения: 20.06.2025).

14. H.S. Flora, et al. Comparative Analysis of Criminal Laws on Money Laundering in ASEAN Countries: Between Justice and Protection. – 2024. – Vol. 6. No. 3. – Pp. 8930-8940 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.31933/unesrev.v6i3> (дата обращения: 14.08.2025).

References:

1. Kazbayeva, A. Analysis of the efficiency of legislation on countering the legalization (money-laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism / A. Kazbayeva, K. Ismagulov // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. – 2022. – № 3 (70). – С. 181-188.

2. Achilov, A.T. Voprosy ugovovno-pravovogo regulirovaniya legalizacii dohodov, poluchennyh ot prestupnoj dejatel'nosti, i sovershenstvovaniya pravoohranitel'noj dejatel'nosti tamozhennyh organov v bor'be s jetimi prestuplenijami / A.T. Achilov // Galaxy international interdisciplinary research journal (GIIRJ)ISSN (E). – 2022. – Vol. 10. Issue 10. – С. 693-703.

3. Sejtenov, K.K. K voprosu ob ugovovno-pravovyh aspektah protivodejstviya legalizacii prestupnyh dohodov v Respublike Kazahstan / K.K. Sejtenov, A.Sh. Eshhanov // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA). – 2024. – № 4. – С. 108-117.

4. Balashov, R.S. Vozvrat pohishhennyh aktivov iz-za rubezha: opyt, problemy i reshenija: dis. ...d-ra filosofii. / R.S. Balashov. – Koshy: Akademija pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan, 2025. – 132 s.

5. Rusanov, G. Money laundering and predicate offenses: models of criminological and legal relationships / G. Rusanov, Y. Pudovochkin // Journal of Money Laundering Control. – 2018. – № 21 (1). – Pp. 22-32.

6. Smirnova, G.N. Osobennosti ugovovno-pravovoj harakteristiki prestuplenij, predusmotrennyh stat'jami 174 i 174.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii / G.N. Smirnova // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. – 2018. – Vol. 6. № 3 (23). – С. 50-56.

7. Ivanov, A.V. Aktual'nye problemy primeneniya ugovovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za legalizaciju (otmyvanie) prestupnyh dohodov / A.V. Ivanov // Juridicheskaja nauka. – 2021. – № 11. – С. 72-76.

8. Dosekeev, O.B. O nekotoryh voprosah kvalifikacii ugovovnyh pravonarushenij, svjazannyh s legalizaciej (otmyvaniem) prestupnyh dohodov / O.B. Dosekeev, M.M. Imanbekova, K.A. Turlybekov // L.N. Gumilev atyndary Eurazija ultiq universitetiniq habarshysy. – 2024. – № 2 (147). – С. 26-37.

9. Harlamova, A.A. K voprosu ob otvetstvennosti za legalizaciju (otmyvanie) denezhnyh sredstv ili inogo imushhestva / A.A. Harlamova // Zhurnal rossijskogo prava. – 2015. – № 5 (221). – С. 93-100.

10. Mahanov, T.G. Legalizacija (otmyvanie) deneg ili inogo imushhestva, poluchennyh prestupnym putem: voprosy pravoprimereniya i naznachenija nakazaniya / T.G. Mahanov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 3 (33). – С. 57-66.

11. David, P. Forfeitures Revisited: Bringing Principle to Practice in Federal Court / P. David //

Nevada Law Journal. – 2012. – Vol. 13. No. 1. – S. 63.

12. Rajamanickam, R. The concept of money laundering: a quest for legal definition / R. Rajamanickam, M. Helmi // Journal of Money Laundering Control. – 2021. – № 24 (4). – Pp. 725-736.

13. A. Bitton. Le Délit De Blanchiment [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.village-justice.com/articles/delit-blanchiment%2C33693.html?utm_source (data obrashhenija: 20.06.2025).

14. H.S. Flora, et al. Comparative Analysis of Criminal Laws on Money Laundering in ASEAN Countries: Between Justice and Protection. – 2024. – Vol. 6. No. 3. – Pp. 8930-8940 [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.31933/unesrev.v6i3> (data obrashhenija: 14.08.2025).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ербол Ағыбайұлы Омаров – Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл агенттігінің превенция қызметінің офицері, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: e.omarovmirza@gmail.com.

Омаров Ербол Агбаевич – офицер Службы превенции Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: e.omarovmirza@gmail.com.

Omarov Yerbol Agbayevich – Officer of the Prevention Service of the Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associated Professor, e-mail: e.omarovmirza@gmail.com.

Данияр Жұмағатұлы Мұқанов – Қазақстан Республикасының Бас әскери прокурордың Аппарат басшысының орынбасары, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Муканов Данияр Жумагатович – заместитель руководителя Аппарата Главного военного прокурора Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Mukanov Daniyar Zhumagatovich – Deputy Chief of Staff of the Office of the Chief Military Prosecutor of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Г.А. Утегенова¹, Г.Е. Жандыкеева²

¹Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

²Q-university, г. Алматы, Республика Казахстан

ЛУДОМАНИЯ КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследуется влияние лудомании как значимого фактора эскалации внутрисемейного насилия, с акцентом на экономическое принуждение. Анализируются формы экономического насилия, спровоцированные игровой зависимостью, включая финансовую эксплуатацию, ограничение доступа к материальным ресурсам и принуждение к долговым обязательствам. Рассматриваются правовые аспекты противодействия данным явлениям в контексте законодательства Республики Казахстан, в частности Закона «О профилактике бытового насилия». Установлено, что действующие нормы не содержат четких механизмов предотвращения экономического насилия, обусловленного азартными играми. В целях совершенствования превентивных мер предлагается внесение законодательных изменений, направленных на ограничение участия в азартных играх лиц, уличенных в экономическом насилии. Особое внимание уделяется роли правоохранительных органов в выявлении и пресечении подобных нарушений. Предлагаемые меры нацелены на снижение социально-экономических последствий лудомании и защиту жертв внутрисемейного насилия.

Ключевые слова: лудомания; агрессия; семья; профилактика; насилие; риск; правовое регулирование; противодействие.

Г.А. Утегенова¹, Г.Е. Жандыкеева²

¹Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Бішкек қ., Қырғыз Республикасы

²Q-university, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ЛУДОМАНИЯНЫҢ ОТБАСЫІШІЛІК ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚТЫҢ ӨРШУІНЕ ӘСЕРІ: ШЕТЕЛ ТӘЖІРИБЕСІН ТАЛДАУ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҚАРСЫ ІС-ШАРАЛАР

Аннотация. Мақалада лудоманияның отбасылық зорлық-зомбылықтың ушығуына әсері зерттеледі, оның ішінде экономикалық мәжбүрлеуге ерекше назар аударылады. Ойынға тәуелділік тудырған экономикалық зорлық-зомбылықтың түрлері, соның ішінде қаржылық қанау, материалдық ресурстарға қолжетімділікті шектеу және қарыздық міндеттемелерге мәжбүрлеу талданады. Бұл құбылыстарға қарсы іс-қимылдың құқықтық аспектілері Қазақстан Республикасының заңнамасы, атап айтқанда, «Тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу туралы» Заң аясында қарастырылады. Қолданыстағы нормаларда құмар ойындармен байланысты экономикалық зорлық-зомбылықтың алдын алу тетіктері нақты көрсетілмегені анықталды. Алдын алу шараларын жетілдіру мақсатында экономикалық зорлық-зомбылық жасаған адамдардың құмар ойындарға қатысуын шектеуге бағытталған заңнамалық өзгерістер енгізу ұсынылады. Мұндай құқық бұзушылықтарды анықтау және жолын кесуде құқық қорғау органдарының рөліне ерекше мән беріледі. Ұсынылған шаралар лудоманияның әлеуметтік-экономикалық салдарын азайтуға және отбасылық зорлық-зомбылық құрбандарын қорғауға бағытталған.

Түйінді сөздер: лудомания; агрессия; отбасы; алдын алу; зорлық-зомбылық; тәуекелділік; құқықтық реттеу; қарсы іс-қимыл.

G.A. Utegenova¹, G.E. Zhandykeyeva²

¹Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, the Kyrgyz Republic

²Q-university, Almaty, the Republic of Kazakhstan

GAMBLING ADDICTION AS A FACTOR IN THE ESCALATION OF INTRA-FAMILY VIOLENCE: ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE AND COUNTERACTION MEASURES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the impact of gambling addiction as a significant factor in the escalation of domestic violence, with an emphasis on economic coercion. The article analyzes the forms of economic violence provoked by gambling addiction, including financial exploitation, restriction of access to material resources and coercion to debt obligations. The legal aspects of counteracting these phenomena are considered in the context of the legislation of the Republic of Kazakhstan, in particular the Law “On the Prevention of Domestic Violence”. It has been established that the current regulations do not contain clear mechanisms for preventing economic violence caused by gambling. In order to improve preventive measures, it is proposed to introduce legislative amendments aimed at limiting the participation in gambling of persons convicted of economic violence. Particular attention is paid to the role of law enforcement agencies in identifying and suppressing such violations. The proposed measures are aimed at reducing the socio-economic consequences of gambling addiction and protecting victims of domestic violence.

Keywords: gambling addiction; aggression; family; prevention; violence; risk; legal regulation; counteraction.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_146

Введение. Согласно интернет-изданиям, за период с января по сентябрь 2024 года рынок азартных игр в Казахстане достиг 353,6 млрд тенге, увеличившись на 24% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Существенную долю в отрасли занимают иностранные букмекеры, на которых приходится 60,8% от общего объема предоставленных услуг¹.

Несмотря на принимаемые законодательные меры, проблема лудомании и ее связь с семейно-бытовым насилием в Казахстане остается недостаточно изученной. Отсутствует систематизированная официальная статистика, непосредственно фиксирующая долю случаев семейно-бытового насилия, спровоцированных игровой зависимостью. В связи с этим анализ успешных зарубежных моделей противодействия данному явлению представляется необходимым для выработки эффективных профилактических механиз-

мов в казахстанских условиях.

Что касается отечественного законодательства, 8 июля 2024 года в Республике Казахстан (далее – РК) принят Закон № 116-VIII², направленный на усиление регулирования игорного бизнеса, лотерейной деятельности и защиту населения от негативных последствий азартных игр. Данный закон внес изменения и дополнения в ряд законодательных актов, что отражает необходимость усиления контроля и регулирования на фоне значительного роста рынка азартных игр и активности иностранных букмекеров.

В рамках внесения изменений и дополнений в Закон РК «Об игорном бизнесе»³ были добавлены новые требования и ограничения, направленные на обеспечение большей прозрачности и ответственности в игровой индустрии. В соответствии со статьей 15-1 гражданин РК, достигший 21-летнего возраста, имеет право самостоятельно

¹ Рынок азартных игр в Казахстане вырос на 24% за год – до 68 млрд рублей // Ranking.kz. – 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sports.ru/betting/1116580398-rynok-azartnyx-igr-v-kazaxstane-vyros-na-24-za-god-do-68-mlrd-rublej.html> (дата обращения: 01.12.2024).

² О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам игорного бизнеса, лотерейной деятельности, охраны здоровья, государственной инспекции труда, государственного контроля и исключения излишней законодательной регламентации: закон Республики Казахстан от 8 июля 2024 г. № 116-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000116> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Об игорном бизнесе: закон Республики Казахстан от 12 янв. 2007 г. № 219 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000219_ (дата обращения: 01.12.2024).

ограничить свое участие в азартных играх и (или) пари на срок от шести месяцев до десяти лет путем подачи заявления в уполномоченный орган о включении себя в список лиц, ограниченных в участии в азартных играх и (или) пари. Кроме того, близкие родственники и члены семьи, на основании вступившего в законную силу решения суда об ограничении дееспособности гражданина, вправе обратиться в уполномоченный орган с заявлением о внесении данного лица в указанный список.

Ограничительные меры в сфере азартных игр, введенные на территории РК, представляются своевременными и необходимыми. Однако следует учитывать, что данные меры направлены на борьбу с последствиями уже сложившейся проблемы, связанной с игровой зависимостью, при этом государство в лице близких родственников вмешивается исключительно в рамках судебного решения об ограничении дееспособности гражданина с зависимостью от азартных игр. И отсутствуют гарантии, что человек, имеющий длительный опыт участия в азартных играх, состояние которого можно квалифицировать как лудоманию⁴, самостоятельно ограничит себя от участия в азартных играх.

На наш взгляд, противодействие лудомании требует не только законодательных ограничений, но и реализации комплексных мер, направленных на социальную поддержку, психологическую реабилитацию и профилактику. Данные меры должны обеспечивать защиту не только самого зависимого, но и его семьи, поскольку игровой зависимости сопутствуют серьезные негативные последствия, в т.ч. финансовые проблемы, а также рост семейно-бытового насилия.

Зарубежные исследования свидетельствуют о том, что среди лиц, страдающих игровой зависимостью, отмечается повышенный уровень правонарушений, связанных с семейно-бытовым насилием. Обусловлено это финансовыми затруднениями, эмоциональной нестабильностью и стрессом, возникающими на фоне лудомании [1].

Вышеуказанное свидетельствует о необходимости проведения всестороннего анализа и разработки эффективных механизмов раннего выявления, поддержки и реабилитации лиц, страдающих игровой зависимостью. Кроме того, считаем, что научные исследования в данной области должны учитывать как текущие тенденции, так и долгосрочные перспективы, обеспечивая комплексный подход к минимизации негативных последствий азартных игр, в т.ч. как фактора, способствующего семейно-бытовому насилию. Такой подход позволит выработать эффективные меры профилактики, защиты и социальной реабилитации, направленные на снижение рисков, связанных с игровой зависимостью.

Тем самым в рамках настоящей научной статьи поднимается вопрос о необходимости исследования азартных игр как фактора, способствующего семейно-бытовому насилию. В ходе исследования планируется учитывать опыт передовых зарубежных стран, в частности Австралии, где разработаны и успешно применяются комплексные меры по профилактике и минимизации негативных последствий игровой зависимости. Анализ зарубежной практики позволяет предложить эффективные механизмы правового регулирования и профилактики игровой зависимости, адаптированные к реалиям отечественной правовой системы.

Материалы и методы. Исследование посвящено анализу зависимости от азартных игр как фактора, способствующего росту семейно-бытового насилия. Теоретической основой работы послужили современные научные публикации, исследующие влияние азартных игр на уровень насилия в семье. Особое внимание уделено зарубежным исследованиям, в частности опыту Австралии, где данная проблема широко изучается в научной среде.

В рамках исследования применяется метод анализа нормативно-правовых актов и законодательных документов, регулирующих меры противодействия азартным играм и семейно-бытовому насилию. Также проведен

⁴ Лудомания // Материал из свободной энциклопедии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 05.12.2024).

анализ правовых механизмов, используемых в законодательстве Австралии для профилактики игровой зависимости, с учетом возможности их адаптации к отечественной правовой системе.

Помимо указанных методов, в исследовании применялся компаративный анализ, позволивший сопоставить правовые механизмы профилактики лудомании и ее последствий в Австралии, США, Финляндии и РК. Также был использован структурно-функциональный анализ для систематизации форм экономического насилия, связанного с игровой зависимостью, и выработки на этой основе конкретных предложений по совершенствованию казахстанского законодательства.

Обсуждение. Анализируя научные труды ученых-психологов и юристов Австралии можно отметить, что азартные игры оказывают негативное влияние не только на самих игроков, но и на их близкое окружение, особенно семью. Финансовые потери, вызванные игровой зависимостью, приводят к материальной нестабильности, росту долгов и ухудшению качества жизни. Психозмоциональные последствия, такие как стресс, тревога, депрессия и семейные конфликты, создают угрозу психологическому благополучию супругов и детей [2].

Следует отметить, что в казахстанской судебной практике встречаются случаи, когда супруги-игроманы принуждали членов семьи к оформлению кредитов или расходовали совместные средства на азартные игры, что рассматривалось судами как форма экономического насилия. Эти факты подтверждают релевантность выводов зарубежных исследований для условий Казахстана [3]; [4].

Также отмечается, что игровая зависимость часто сопровождается девиантным поведением игромана, включая злоупотребление психоактивными веществами и агрессию, что усугубляет социальное неблагополучие. Одним из наиболее серьезных последствий такого поведения является рост семейно-бытового насилия, проявляющегося в физической и психологической агрессии [2].

Исследования зарубежных экспертов показывают, что игроки чаще совершают насильственные действия в отношении близких и сами становятся жертвами насилия из-за долгов, стресса и конфликтов. Также немаловажным является то, что в зарубежных исследованиях распространенность азартных игр часто рассматривается через призму насилия, криминалистической характеристики правонарушителя и жертв, а также причин и механизмов этой связи, что помогает глубже понять природу и последствия лудомании [5].

Тем самым в рамках исследования нами ставится задача проведения интегрированного обзора зарубежной литературы [6]; [7]; [8], посвященной воздействию азартных игр как фактора, способствующего семейно-бытовому насилию. Проведенный анализ позволил выявить основные тенденции и механизмы связи между азартными играми и семейно-бытовым насилием, а также определить возможные направления для разработки новых подходов и эффективных решений данной проблемы.

Влияние азартных игр как фактора, способствующего семейно-бытовому насилию, нами было разделено на три основные группы:

1. Уровень распространенности семейно-бытового насилия среди правонарушителей, страдающих игровой зависимостью.
2. Взаимосвязь азартных игр и семейно-бытового насилия.
3. Фактор усиления виктимности супругов от игромана.

1. Уровень распространенности семейно-бытового насилия среди правонарушителей, страдающих игровой зависимостью.

Результаты зарубежных исследований в области распространенности семейно-бытового насилия среди правонарушителей, страдающих игровой зависимостью, различаются в зависимости от страны, выборки и типа насилия. Однако процентные соотношения свидетельствуют о том, что данная проблема действительно существует.

Так, например, в Австралии среди лиц, проходящих курсы лечения от игровой

зависимости, уровень совершения семейно-бытового насилия варьируется от 23% до 49% [1]; [8]. В Новой Зеландии данный показатель составляет от 42% до 43% [9]. Согласно данным организации Gam-Anon⁵ (общественная организация, оказывающая помощь и поддержку тем, кто пострадал от игровой зависимости), 50% ее участников сообщили, что их супруги, страдающие проблемами с азартными играми, подвергали их физическому или психологическому насилию. Крупномасштабное исследование, проведенное в Соединенных Штатах Америки (далее – США), выявило, что наличие игровой зависимости у человека в три раза повышает вероятность совершения семейно-бытового насилия [10].

Представленные данные свидетельствуют об устойчивой корреляции между лудоманией и внутрисемейным насилием в различных странах. Хотя прямые статистические параллели с Казахстаном провести затруднительно ввиду отсутствия у нас аналогичных исследований, можно предположить, что выявленные зарубежные тенденции имеют универсальный характер и в той или иной степени воспроизводятся и в казахстанском социуме. Это подтверждается косвенными данными, такими как рост рынка азартных игр и увеличение количества обращений по фактам экономического насилия в семье.

На основании вышеизложенного отметим, что данные показатели свидетельствуют о широком распространении семейно-бытового насилия среди лиц с игровой зависимостью, что подчеркивает актуальность и необходимость изучения данной проблемы в контексте отечественного законодательства, а также разработки эффективных мер профилактики и поддержки пострадавших.

2. Взаимосвязь азартных игр и семейно-бытового насилия.

Австралийские ученые-юристы и психологи, исследуя негативные последствия азартных игр, выявили высокий уровень семейно-бытового насилия среди лиц, страдающих игроманией. Одно из исследований предполагает, что азартные игры предшествуют актам насилия, провоцируя

их за счет проигрышей, вызывающих гнев, разочарование и конфликты в семье. Другое указывает на взаимодействие азартных игр с сопутствующими психическими и социальными факторами, что увеличивает вероятность насильственного поведения игромана [11].

Австралийские исследователи предполагают, что игромания усугубляет семейное насилие, усиливая финансовый стресс, снижая вовлеченность в семейные обязанности и повышая уровень конфликтов. Финансовые потери увеличивают экономическое напряжение, а эмоциональный стресс, вызванный чувством вины и безнадежности, способствует агрессии [11]. Таким образом, игромания может как провоцировать, так и усиливать семейно-бытовое насилие.

3. Фактор усиления виктимности супругов от игромана.

Ученые юристы и психологи Австралии выдвигают различные объяснения повышенной виктимизации жертв семейно-бытового насилия среди лиц с проблемами, связанными с азартными играми. Во-первых, есть мнение, что финансовые потери из-за азартных игр могут усиливать агрессию в отношениях, особенно, если один из партнеров пытается полностью контролировать другого. Во-вторых, исследовательские данные свидетельствуют о том, что игроманы зачастую перекладывают ответственность на супругов в семье, оправдывая свое поведение внешними обстоятельствами. В-третьих, игроманы нередко занимают доминирующее экономическое положение в семье, где основной доход зависит от них, а супруги, не имея самостоятельных финансовых ресурсов, оказываются в состоянии экономической зависимости [12].

Описанные механизмы экономической зависимости жертвы особенно актуальны в контексте казахстанских семейных отношений, где традиционно сохраняется модель финансового доминирования одного из партнеров, а уровень экономической самостоятельности женщин, особенно в сельской местности, остается относительно низким. Это создает почву для экономического

⁵ Gam-Anon International Service Office, Inc. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gam-anon.org/> (дата обращения: 05.12.2024).

насилия со стороны партнера-лудомана.

Таким образом, сочетание виктимных факторов супруга игромана, финансового стресса и социальной изоляции усиливает уязвимость женщин в таких условиях, что требует комплексного анализа и междисциплинарного подхода.

Результаты. В рамках исследования нами рассмотрено экономическое злоупотребление игромана в семье как самостоятельное явление, подтверждающее роль азартных игр как фактора семейно-бытового насилия, т.к. зарубежные практики достаточно долгое время обращают внимание на экономические злоупотребления, связанные с азартными играми [13].

Так, например, профессор Й. Кутин из Мельбурнского королевского технологического университета (RMIT)⁶ в своих трудах определяет «экономическое злоупотребление как умышленные действия, направленные на ограничение доступа человека к финансовым ресурсам, активам и принятию решений, что приводит к зависимости и контролю» [14].

В своих исследованиях профессор А.Э. Адамс из США выделил два типа экономического злоупотребления:

1) экономический контроль, который заключается в ограничении доступа жертвы к финансовым ресурсам;

2) экономическая эксплуатация, включающая присвоение активов жертвы в пользу злоумышленника [15].

Результаты исследования, основанного на данных Национальной полицейской информационной системы Финляндии, свидетельствуют, что супруги в семьях оказываются особенно уязвимыми перед экономическим злоупотреблением, поскольку финансовая система брачного союза зачастую предполагает совместные счета, общие активы, открытый доступ к персональным данным и возможность управления средствами без согласия обоих партнеров [16].

Исследование по вопросам интимного

партнерского насилия (Intimate Partner Violence, IPV) в Австралии выявило многочисленные случаи экономического злоупотребления в отношениях, где мужчины с игровой зависимостью злоупотребляли финансовыми ресурсами семьи. К наиболее распространенным формам экономического злоупотребления относятся:

- незаконное изъятие средств с банковских счетов супруга;

- манипуляции с ипотечными обязательствами без согласия супруга;

- несанкционированная реализация семейного имущества;

- принуждение к оформлению кредитов или передаче денежных средств;

- хищение имущества;

- утрата семейных сбережений в результате азартных игр [17].

Таким образом, можно отметить, что экономическое злоупотребление проявляется в полной монополизации финансовых ресурсов супруга и запрете на их использование, включая средства, необходимые для удовлетворения базовых потребностей.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Установлена прямая причинно-следственная связь между лудоманией и эскалацией экономической формы внутрисемейного насилия, что проявляется в финансовой эксплуатации, экономическом контроле и принуждении к долговой зависимости.

2. Действующий Закон РК «О профилактике бытового насилия», хотя и содержит определение экономического насилия, но не предусматривает эффективных процессуальных и профилактических механизмов для противодействия его специфической форме, вызванной игровой зависимостью.

3. В целях совершенствования профилактики представляется целесообразным дополнить Главу 3 Закона РК «О профилактике бытового насилия» нормой, обязывающей

⁶ Мельбурнский королевский технологический университет (RMIT) // Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 05.12.2024).

суд при вынесении защитного предписания или установлении факта экономического насилия по инициативе органов внутренних дел вносить лицо, совершившее насилие, в реестр лиц, ограниченных в доступе к игорным заведениям и онлайн-казино, на срок действия защитного предписания.

4. Необходимо наладить межведомственное взаимодействие между органами внутренних дел, уполномоченным органом по контролю за игорным бизнесом и социальными службами для оперативного обмена информацией и применения ограничительных мер.

Список использованной литературы:

1. T.J. Lavis, P.W. Harvey, M.W. Battersby, D.P. Smith. Problem gambling, familial violence and alcohol misuse: Exploring the triad for treatmentseekers. *Int. Gambl. Stud.* – 2015. – Vol.15. – Pp. 273-284.
2. Schüll, N.D. Digital gambling: The coincidence of desire and design / N.D. Schüll // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – 2005. – Vol. 597. – Pp. 65-81.
3. Рахимбердин, К.Х. Теоретические и правовые аспекты противодействия бытовому насилию в законодательстве Республики Казахстан: проблемы и перспективы / К.Х. Рахимбердин, М.Р. Гета // *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан.* – 2021. – № 3 (66). – С. 62-73.
4. Нигматуллин, М.Р. Экономическое насилие в семье в современном обществе: понятие и виды / М.Р. Нигматуллин // *Право и государство: теория и практика.* – 2024. – № 12 (240). – С. 756-759.
5. Afifi, T.O. The relationship of gambling to intimate partner violence and child maltreatment in a nationally representative sample / T.O. Afifi, et al. // *Journal of Psychiatric Research.* – 2010. – Vol. 44 (5). – Pp. 331-337.
6. Bagshaw, D. Financial abuse of older people by family members: Views and experiences of older Australians and their family members / D. Bagshaw, et al. // *Australian Social Work.* – 2013. – Vol. 66. – Pp. 86-103.
7. Dowling, N.A. Problem gambling and family violence: Findings from a population-representative study / N.A. Dowling, et al. // *Journal of Behavioral Addictions.* – 2018. – Vol. 7. – Pp. 806-813.
8. Dowling, N.A. Problem gambling and family violence: Prevalence and patterns in treatment-seekers / N.A. Dowling, et al. // *Addictive Behaviors.* – 2014. – Vol. 39. – Pp. 1713-1717.
9. Palmer du Preez, K. Family violence in gambling help-seeking populations / K. Palmer du Preez // *International Gambling Studies.* – 2018. – Vol. 18. – Pp. 477-494.
10. Roberts, A. Gambling and physical intimate partner violence: Results from the national epidemiologic survey on alcohol and related conditions (NESARC) / A. Roberts, et al. // *The American Journal on Addictions.* – 2018. – Vol. 27. – Pp. 7-14.
11. O'Mullan, C. Understanding the Determinants of Gambling-Related Intimate Partner Violence: Perspectives from Women Who Gamble / C. O'Mullan, et al. // *Violence Against Women.* – 2022a. – Vol. 28. – Pp. 3037-3059.
12. Hodgins, D.C. The association between childhood maltreatment and gambling problems in a community sample of adult men and women / D.C. Hodgins, et al. // *Psychology of Addictive Behaviors.* – 2010. – Vol. 24. – Pp. 548-554.
13. Rabiner, D.J. A conceptual framework of financial exploitation of older persons / D.J. Rabiner, J. O'Keeffe, D. Brown // *J. Elder Abuse Negl.* – 2005. – Vol. 16. – Pp. 53-73.
14. Kutin, J.J. What is this thing called money? Economic abuse in young adult relationships / J.J. Kutin, M. Reid, R. Russell // *Journal of Social Marketing.* – 2019. – Vol. 9. – Pp. 111-128.
15. Adams, A.E. Development of the scale of economic abuse / A.E. Adams // *Violence Against Women.* – 2008. – Vol. 14 (5). – Pp. 563-588.
16. Lind, K. From Problem Gambling to Crime? Findings from the Finnish National Police Information System / K. Lind, et al. // *Journal of Gambling Issues.* – 2015. – № 30. – Pp. 98-123.

17. Hing, N. The relationship between gambling and intimate partner violence against women / N. Hing. – Sydney: ANROWS. 2020. – 148 p.

References:

1. T.J. Lavis, P.W. Harvey, M.W. Battersby, D.P. Smith. Problem gambling, familial violence and alcohol misuse: Exploring the triad for treatmentseekers. *Int. Gambl. Stud.* – 2015. – Vol.15. – Pp. 273-284.
2. Schüll, N.D. Digital gambling: The coincidence of desire and design / N.D. Schüll // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – 2005. – Vol. 597. – Pp. 65-81.
3. Rahimberdin, K.H. Teoreticheskie i pravovye aspekty protivodejstviya bytovomu nasiliyu v zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan: problemy i perspektivy / K.H. Rahimberdin, M.R. Geta // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan.* – 2021. – № 3 (66). – S. 62-73.
4. Nigmatullin, M.R. Jekonomicheskoe nasilie v sem'e v sovremennom obshhestve: ponjatie i vidy / M.R. Nigmatullin // *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika.* – 2024. – № 12 (240). – S. 756-759.
5. Afifi, T.O. The relationship of gambling to intimate partner violence and child maltreatment in a nationally representative sample / T.O. Afifi, et al. // *Journal of Psychiatric Research.* – 2010. – Vol. 44 (5). – Pp. 331-337.
6. Bagshaw, D. Financial abuse of older people by family members: Views and experiences of older Australians and their family members / D. Bagshaw, et al. // *Australian Social Work.* – 2013. – Vol. 66. – Pp. 86-103.
7. Dowling, N.A. Problem gambling and family violence: Findings from a population-representative study / N.A. Dowling, et al. // *Journal of Behavioral Addictions.* – 2018. – Vol. 7. – Pp. 806-813.
8. Dowling, N.A. Problem gambling and family violence: Prevalence and patterns in treatment-seekers / N.A. Dowling, et al. // *Addictive Behaviors.* – 2014. – Vol. 39. – Pp. 1713-1717.
9. Palmer du Preez, K. Family violence in gambling help-seeking populations / K. Palmer du Preez // *International Gambling Studies.* – 2018. – Vol. 18. – Pp. 477-494.
10. Roberts, A. Gambling and physical intimate partner violence: Results from the national epidemiologic survey on alcohol and related conditions (NESARC) / A. Roberts, et al. // *The American Journal on Addictions.* – 2018. – Vol. 27. – Pp. 7-14.
11. O'Mullan, C. Understanding the Determinants of Gambling-Related Intimate Partner Violence: Perspectives from Women Who Gamble / C. O'Mullan, et al. // *Violence Against Women.* – 2022a. – Vol. 28. – Pp. 3037-3059.
12. Hodgins, D.C. The association between childhood maltreatment and gambling problems in a community sample of adult men and women / D.C. Hodgins, et al. // *Psychology of Addictive Behaviors.* – 2010. – Vol. 24. – Pp. 548-554.
13. Rabiner, D.J. A conceptual framework of financial exploitation of older persons / D.J. Rabiner, J. O'Keeffe, D. Brown // *J. Elder Abuse Negl.* – 2005. – Vol. 16. – Pp. 53-73.
14. Kutin, J.J. What is this thing called money? Economic abuse in young adult relationships / J.J. Kutin, M. Reid, R. Russell // *Journal of Social Marketing.* – 2019. – Vol. 9. – Pp. 111-128.
15. Adams, A.E. Development of the scale of economic abuse / A.E. Adams // *Violence Against Women.* – 2008. – Vol. 14 (5). – Pp. 563-588.
16. Lind, K. From Problem Gambling to Crime? Findings from the Finnish National Police Information System / K. Lind, et al. // *Journal of Gambling Issues.* – 2015. – № 30. – Pp. 98-123.
17. Hing, N. The relationship between gambling and intimate partner violence against women / N. Hing. – Sydney: ANROWS. 2020. – 148 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Гульзат Амандыковна Утегенова – Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті Заң институтының қылмыстық құқық және криминология кафедрасының аспиранты, e-mail: gulzat-

utegenova@mail.ru.

Утегенова Гульзат Амандыковна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, e-mail: gulzat-utegenova@mail.ru.

Utegenova Gulshat Amandykovna – Graduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, e-mail: gulzat-utegenova@mail.ru.

Гүлнар Есенбекова Жандыкеева – Q-university заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), e-mail: zhagulnar@gmail.com.

Жандыкеева Гүлнар Есенбековна – старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Q-university, доктор философии (PhD), e-mail: zhagulnar@gmail.com.

Zhandykeyeva Gulnar Esenbekovna – Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines, Q-university, PhD, e-mail: zhagulnar@gmail.com.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ / УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ / CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

**УДК 343.14
МРНТИ 10.79.35**

А.С. Алишев, Б.Б. Сарсенбаева

*Алматынская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова,
г. Алматы, Республика Казахстан*

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ХЭШ-СУММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровых доказательств и хэш-сумм как эффективных инструментов противодействия информационному экстремизму. Рассматривается правовая неопределенность понятия цифровых доказательств в законодательстве Республики Казахстан и отсутствие единых процедур их фиксации, верификации и хранения. В статье подчеркивается необходимость нормативного закрепления хэш-функций как средства подтверждения неизменности цифровых следов, а также обязательного участия специалистов в области информационных технологий при работе с такими доказательствами. Сравнительно-правовой анализ зарубежной практики показывает наличие устойчивых механизмов цифровой криминалистики, обеспечивающих допустимость и достоверность цифровых улик в суде. В данной работе аргументируется важность изменения Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, а также внесения поправок в Закон «Об информатизации» с целью нормативного закрепления статуса цифровых доказательств и их гармонизации с международными стандартами. В статье подчеркивается, что реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности борьбы с цифровыми проявлениями экстремизма, а также созданию устойчивой правовой базы в быстро трансформирующемся киберпространстве.

Ключевые слова: цифровые доказательства; хэш-функция; информационный экстремизм; кибербезопасность; уголовный процесс; цифровая криминалистика; допустимость доказательств; международный стандарт.

А.С. Алишев, Б.Б. Сарсенбаева

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясы,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы*

АҚПАРАТТЫҚ ЭКСТРЕМИЗМГЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕГІ ЦИФРЛЫҚ ДӘЛЕЛДЕМЕЛЕР МЕН ХЭШ-СОМАЛАР: САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аннотация. Мақалада цифрлық дәлелдемелер мен хэш-суммалар ақпараттық экстремизмге қарсы іс-қимылдың тиімді құралы ретінде қарастырылады. Қазақстан Республикасының заңнамасында цифрлық дәлелдемелер ұғымының құқықтық айқын еместігі мен оларды тіркеу, тексеру және сақтау рәсімдерінің біріздендірілмеуі мәселелері зерттеледі. Хэш-функцияларды цифрлық іздердің өзгермейтіндігін растау құралы ретінде және ақпараттық технологиялар саласындағы мамандардың қатысуын міндетті түрде нормативтік бекіту қажеттілігі атап өтіледі. Шет мемлекеттердің тәжірибесіне салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізіліп, цифрлық криминалистиканың дәлелдемелердің жарамдылығы мен шынайылығын қамтамасыз ететін тұрақты тетіктері көрсетіледі. Мақалада ҚР Қылмыстық-процестік кодексіне өзгерістер енгізу, сондай-ақ «Ақпараттандыру туралы» Заңына цифрлық дәлелдемелердің құқықтық мәртебесін нормативтік тұрғыда бекіту және оларды халықаралық стандарттарға сәйкестендіру мақсатында түзетулер енгізудің маңыздылығы негізделеді. Мақалада ұсынылған шараларды іске асыру цифрлық экстремизм көріністеріне қарсы іс-қимылдың тиімділігін арттыруға, сондай-ақ жедел өзгеріп жатқан киберкеңістікте

тұрақты құқықтық негіз қалыптастыруға ықпал ететіні атап өтіледі.

Түйінді сөздер: цифрлық дәлелдемелер; хэш-функция; ақпараттық экстремизм; киберқауіпсіздік; қылмыстық процесс; цифрлық криминалистика; дәлелдемелердің жарамдылығы; халықаралық стандарт.

A.S. Alishev, B.B. Sarsenbayeva

The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Almaty, the Republic of Kazakhstan

DIGITAL EVIDENCE AND HASH SUMS AS A TOOL TO COUNTER INFORMATION EXTREMISM: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Abstract. This article explores the role of digital evidence and hash functions as essential instruments in combating informational extremism. It discusses the existing gaps and ambiguities in the legal definition of digital evidence within Kazakhstan's legislative framework, as well as the absence of standardized protocols for their documentation, authentication, and preservation. The study emphasizes the urgent need to legally codify hash functions as a means to guarantee the integrity of digital traces and to mandate the involvement of IT professionals in the processing of such evidence. Through a comparative legal review of international practices, the article illustrates the presence of robust digital forensic systems that uphold the admissibility and credibility of electronic evidence in judicial proceedings abroad. The research substantiates the necessity for amendments to the Criminal Procedure Code and the Law "On Informatization" of the Republic of Kazakhstan, aiming to grant digital evidence formal legal status and ensure its harmonization with global norms. Ultimately, the article contends that implementing these reforms will significantly strengthen efforts to counter digital forms of extremism and help establish a resilient legal environment in the context of rapidly evolving cyberspace.

Keywords: digital evidence; hash function; information extremism; cybersecurity; criminal procedure; digital forensics; admissibility of evidence; international standard.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_155

Введение. Сегодня цифровизация оказывает все более сильное воздействие на жизнь общества. Это относится и к деятельности правоохранительных структур и судебной системы. Учитывая увеличение опасности распространения информационного экстремизма в онлайн-форме, актуальным является применение как цифровых данных, отражающих деяния, так и цифровых доказательств, позволяющих выявлять, документировать и преследовать подобные действия. Однако новые формы доказательств требуют не только технической составляющей, но и четкого законодательного регулирования, особенно в части их сбора, хранения и подлинности.

Одним из условий допустимости цифровых доказательств является обеспечение их целостности. Для этого международная практика использует криптографические методы, в частности хэш-функции, подтверждающие целостность с момента изъятия. В ряде стран, включая США и Канаду, уже разрабо-

тано законодательство, предусматривающее признание цифровых доказательств с соблюдением технологических стандартов. В Республике Казахстан (далее – РК) данная сфера остается нормативно неурегулированной, что препятствует эффективному использованию цифровых следов при расследовании преступлений, в т.ч. экстремистской направленности.

Материалы и методы. В исследовании использован комплекс общенаучных и специальных юридических методов. Использование диалектического метода дало возможность исследовать цифровые доказательства и хэш-функции в качестве формирующегося правового феномена в процессе цифровизации. Метод формально-правового анализа был применен для изучения нормативных документов РК и других стран. С помощью сравнительно-правового метода удалось определить общие и отличительные черты национальных систем регулирования цифровых доказательств

в аспекте борьбы с информационным экстремизмом. Применение системного подхода позволило всесторонне рассмотреть проблему на пересечении уголовного, информационного и международного права. В качестве эмпирической базы использованы законы, судебные решения, международные нормативные акты и научные публикации, посвященные рассматриваемой теме.

Результаты, обсуждение. Современный этап цифровизации общественных процессов превращает информационное пространство не только в площадку для коммуникации и обмена информацией, но и в сферу распространения различных деструктивных, включая экстремистские, идей. Противодействие информационному экстремизму предполагает не только применение идеологических и технических подходов, но и внедрение действенных правовых механизмов, в числе которых особое значение приобретают цифровые доказательства. Значимость таких доказательств существенно увеличивается в судебной практике, когда необходимо официально зафиксировать факты совершения противоправных действий с применением средств информационно-коммуникационных технологий [1]. Внедрение строгих цифровых процедур для фиксации, проверки целостности и анализа данных с обязательным документированием их сохранности является ключевым фактором совершенствования криминалистического обеспечения. Это способствует ускорению работы правоохранительных органов, повышению качества обработки цифровых следов, укреплению юридической значимости цифровых доказательств в судебных процессах и сокращению времени, необходимого для раскрытия уголовных правонарушений [2].

Современные электронные доказательства формируются комплексом взаимосвязанных устройств – от систем умного дома и мобильных устройств до облачных платформ – и стремительно распространяются в цифровых экосистемах. Учитывая возрастающие объем, разнообразие и скорость данных, это требует проведения тщательного криминали-

стического анализа [3]. На этом фоне особое внимание заслуживает зарубежный опыт по фиксации и квалификации проявлений информационного экстремизма в киберпространстве.

Так, Б. Клиффорд фиксирует смещение экстремистского контента на «периферийные» хостинги и файлообменные сервисы, где традиционные механизмы модерации слабее. Автор рекомендует расширенные методики ОСИНТ-фиксации (захват HTML/JSON, серверного времени, заголовков HTTP, хэш-сверок) и раннее preservation-уведомление провайдеров для последующей процессуальной пригодности [4].

К. Клоники указывает, что частные платформы превратились в «новых регуляторов» речи: внутренние правила модерации и приоритеты удаления формируют саму судьбу цифровых следов (сохранение, блокировка, деиндексация). Это обстоятельство должно учитываться при квалификации проявлений информационного экстремизма и при оценке надежности фиксации [5].

В исследовании И. Авана подробно рассматриваются способы использования социальных медиа (Facebook, YouTube) террористическими группировками, в частности ИГИЛ, для вербовки, пропаганды и радикализации молодежи. Автор подчеркивает, что онлайн-платформы становятся не просто средой распространения экстремистских идей, но и инструментом киберджихада, направленного на психологическое влияние и вербовку уязвимых групп. При этом в работе описаны конкретные цифровые следы: видео, посты, ретвиты, комментарии, хэштеги, а также специализированные приложения, созданные террористическими структурами. Эти элементы могут быть интерпретированы как цифровые доказательства при наличии нормативной базы, позволяющей их идентификацию, фиксацию и последующую проверку достоверности [6].

Представляется, что описанные в исследовании цифровые следы могут приобретать статус доказательств в правовой плоскости, что требует отдельного

рассмотрения особенностей цифровых данных как объекта судебного анализа. В судебном процессе доказательства имеют решающее значение, поскольку они определяют, виновен ли подозреваемый в совершении преступления. Цифровые доказательства представляют собой любую накопленную, сохраненную или переданную в цифровом формате информацию, необходимую для подтверждения или опровержения факта, являющегося предметом судебных разбирательств. Цифровые данные не имеют материального аналога, их легче подделать или изменить, чем традиционные формы доказательств¹.

Судебная система сталкивается с различными проблемами из-за необходимости разработки правил обращения с цифровыми данными, которые обеспечивают надежность доказательств. Нарушение стандартных процедур может привести к тому, что целостность данных будет оспариваться в суде. Для признания цифровых доказательств допустимыми в судебном процессе необходимо, чтобы все процедуры их получения, фиксации и анализа проводились строго в соответствии с требованиями действующего законодательства и устоявшейся практикой правоохранительных и судебных органов². На сегодняшний день нормы Уголовно-процессуального кодекса РК (далее – УПК РК) недостаточно конкретизированы в части правового положения и специфики идентификации цифровых доказательств. Несмотря на то, что цифровые носители могут рассматриваться как разновидность вещественных доказательств, специфика их извлечения, обработки и последующего использования требует отдельного подхода со стороны органов уголовного преследования и суда. Для полноценного внедрения цифровых доказательств в уголовный процесс требуется не только разработка специализированных криминалистических методик, но и использование нормативных и технических средств, обеспечивающих их

достоверность.

Развитие цифровых технологий привело к созданию эффективных механизмов, обеспечивающих сохранность и неизменность цифровых данных. Среди таких мер – резервное копирование, дублирование данных, а также использование современных криптографических алгоритмов для вычисления контрольных сумм. Применение хэш-функций позволяет достоверно подтверждать подлинность и неизменность цифровых объектов, что существенно усиливает доверие к электронным доказательствам. Особое значение приобретает хранение цифровых доказательств как в месте изъятия, так и на защищенных ведомственных ресурсах правоохранительных органов.

Одним из самых надежных методов обеспечения неизменности цифровых данных является использование хэш-функций – криптографических алгоритмов, которые преобразуют любые данные в уникальную строку установленной длины, называемую хэш-суммой или дайджестом. К основным свойствам хэш-функций относят их детерминированность (идентичный результат при одном и том же входе), односторонность (невозможность восстановления исходных данных по хэшу), стойкость к коллизиям (маловероятность совпадения хэшей у разных данных) и высокую чувствительность к малейшим изменениям исходной информации. Совокупность этих характеристик позволяет рассматривать хэш-функции как основной инструмент верификации подлинности цифровых доказательств в уголовном процессе [7].

На практике, при рассмотрении уголовных дел, хэш-суммы используются для верификации цифровых документов – сравниваются значения оригинала и копии, и совпадение этих значений свидетельствует о сохранении целостности информации. Криминалистическое значение хэширования заключается в получении идентифицирующего признака цифрового объекта, фиксирующего его уни-

¹ Всестороннее исследование проблемы киберпреступности // Управление ООН по наркотикам и преступности. – 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

² Цифровые доказательства // Управление ООН по наркотикам и преступности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://synthetichdrugs.unodc.org/synthetichdrugs/ru/cybercrime/detectandrespond/investigation/digitalevidence.html> (дата обращения: 17.02.2025).

кальное состояние в момент изъятия [8]. В криминалистике хэш-функции выполняют роль своеобразного цифрового «отпечатка», позволяя отслеживать любые, даже незначительные изменения.

Наиболее распространенными алгоритмами хэширования, применяемыми в юридической и технической практике, являются:

- *MD5* – в прошлом широко применялся для проверки целостности файлов и хэширования паролей, однако в современных условиях его использование признано небезопасным из-за выявленных уязвимостей и вероятности возникновения коллизий. Применялся для верификации программного обеспечения и хранения паролей в устаревших системах [9];

- *SHA-256* – современный алгоритм семейства SHA-2, обладающий высоким уровнем криптографической стойкости. Применяется для создания цифровых подписей, проверки аутентичности документов, а также в блокчейн-системах, включая Bitcoin, где отвечает за хэширование транзакций и защиту целостности блоков;

- *SHA-512* – обеспечивает еще более высокий уровень безопасности и востребован в сферах, требующих усиленной защиты данных, таких как хранение паролей, электронная почта, а также специализированные блокчейн-платформы (например, BitShares) [10].

Проблемные аспекты и ограничения использования цифровых доказательств состоят в следующем.

Во-первых, криптографическое обеспечение целостности. Применение устаревших хэш-алгоритмов MD5 и SHA-1, уязвимых к коллизиям, не гарантирует требуемого уровня достоверности и неизменности данных. Для подтверждения целостности доказательственной копии следует использовать не ниже семейства SHA-2 (SHA-256/512) либо эквивалентные по стойкости алгоритмы с обязательной фиксацией хэш-значений в процессуальных документах и журналировании операций.

Во-вторых, валидность и воспроизво-

димость результатов. Допустимость и доказательственная сила цифровых данных обусловлены использованием валидированных программно-аппаратных средств. Необходимо документировать наименование, версии и настройки примененных инструментов, порядок их запуска, условия среды, а также обеспечивать возможность независимой проверки (повторяемости) результатов и их сверки сторонним экспертом/организацией. Все действия по извлечению, копированию и анализу должны протоколироваться с соблюдением «цепочки сохранности» носителей и образцов.

В-третьих, аутентификация медиаматериалов в условиях распространения синтетических медиа (deepfake). Для аудио-, видео- и фотодоказательств требуется комплексная проверка подлинности, включающая техническую (криминалистическую) экспертизу, установление происхождения и источника записи, анализ метаданных и истории правок/редактирования, а при необходимости – применение специализированных методов детекции признаков синтеза и монтажа. При невозможности исключить вмешательства или подмену доказательственная сила соответствующих материалов подлежит снижению вплоть до признания их недопустимыми.

Зарубежная практика, в частности опыт США, демонстрирует широкое применение хэш-функций для подтверждения целостности и аутентичности цифровых доказательств в рамках уголовных разбирательств. В соответствии с Правилom 901 Федеральных правил доказывания (Federal Rules of Evidence) хэш-значения применяются для идентификации электронных документов, представленных в суде. Так, использование алгоритма SHA-256 позволяет проверить неизменность файла с момента его получения, поскольку любое даже незначительное изменение данных немедленно отражается на хэш-сумме. Для подтверждения достоверности представляемой информации участник процесса обязан обосновать правильность расчета хэш-значения и его соответствие

оригинальному файлу³.

Таким образом, интеграция современных криптографических методов и хэш-функций в национальное уголовно-процессуальное законодательство является необходимым условием повышения эффективности противодействия преступлениям в цифровой среде, а также залогом укрепления доверия к цифровым доказательствам в судебной практике.

С учетом этого возникает необходимость адаптировать данные подходы к условиям национального законодательства и правоохранительной практики. Данное правило может быть адаптировано и внедрено в правовую систему Казахстана следующим образом:

1. Законодательные изменения. Внести дополнения в статью 118 «Вещественные доказательства» УПК РК, согласно которым для подтверждения целостности цифровых доказательств необходимо использовать хэш-функции.

2. Изменения в следственно-экспертной практике. При изъятии цифрового носителя (жесткого диска, телефона и пр.) следователь должен:

- сделать дубликат (image) устройства с помощью специализированного ПО;
- вычислить хэш-сумму исходного носителя и зафиксировать ее в протоколе изъятия;
- использовать только копию (image) при анализе, сверяя хэш с оригиналом.

Совокупность указанных действий обеспечит соблюдение принципа подлинности цифровых доказательств и минимизирует риски их подделки или искажения. Судебные эксперты обязаны проверять неизменность доказательств по хэш-сумме и отражать это в заключении эксперта.

Зарубежный опыт также демонстрирует эффективность использования хэш-функций как инструмента подтверждения подлинности цифровых данных. Правило «902 Доказательства, подтверждающие сами себя» Федеральных правил доказывания (Federal Rules of Evidence) включает

цифровые данные, подтвержденные хэш-функциями, в список самоподтверждающих доказательств. Если квалифицированное лицо подтверждает, что хэш-функции копии совпадают с хэшем оригинала, данные считаются аутентичными, что исключает необходимость вызова свидетеля для подтверждения подлинности⁴.

В то время как законодательство США предусматривает упрощенные процедуры аутентификации цифровых доказательств, в правовой системе Казахстана подобные механизмы пока не получили нормативного закрепления. Соответственно на данный момент в РК отсутствует институт «самоподтверждающихся цифровых доказательств», подобных FRE 902. Даже при наличии хэш-суммы следователю или эксперту необходимо подтвердить:

- когда и как была получена копия;
- какие инструменты использовались для вычисления хэша.

К примеру, в Канаде допустимость цифровых доказательств регулируется законом о доказательствах (Canada Evidence Act), который включает разделы 31.1-31.8 допустимости цифровых документов. СЕА предусматривает, что цифровые документы должны быть аутентифицированы и проверены на целостность.

Для аутентификации цифровых документов требуются доказательства, это может включать в себя технические доказательства и показания свидетеля. Необходимо убедиться, что цифровой документ не был изменен или подделан, что гарантирует его надежность [9].

Цифровая информация играет важную роль в науке и технологиях, однако в законодательстве Казахстана нет ее четкого определения. Толкование определения имеет большую роль в юридической отрасли. К примеру цифровая информация в уголовном праве может рассматриваться в качестве предмета правонарушения, таким образом определение имеет ключевую роль для квалификации и установления степени общественной опасности [10].

³ Federal Rules of Evidence, Rule 901: Authenticating or Identifying Evidence. – 2022 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_901 (дата обращения: 17.02.2025).

⁴ Там же.

В Казахстане активно продвигается идея об использовании цифровых доказательств, однако в соответствующем законодательстве имеются пробелы в сравнении с зарубежным опытом. В частности, у нас есть порядок и правила, регламентирующие фиксацию и представление цифровых доказательств, однако они остаются фрагментарными и не всегда адаптированы к быстроменяющимся цифровым реалиям.

В Казахстане также пока отсутствует единая норма, обязывающая использовать хэш-функции в качестве обязательного элемента судебного цифрового доказательства.

К примеру, в соответствии со статьей 199 УПК РК протокол следственного действия при изъятии цифрового документа должен содержать сведения о применении хэш-функции. При снятии копии цифрового документа непосредственно на месте происшествия следователь обязан зафиксировать цифровой отпечаток (хэш-сумму), полученный в результате прохождения файла через криптографическую хэш-функцию. Данная процедура направлена на обеспечение доказательной целостности цифрового объекта⁵.

Фиксация хэш-суммы происходит следующим образом: после идентификации цифрового файла (например, видео, текстового документа или электронного письма), он копируется на защищенный носитель. С помощью специализированного программного обеспечения вычисляется хэш-сумма – уникальный строковый код, присваиваемый конкретному состоянию файла. Полученное значение хэша заносится в протокол с указанием:

- алгоритма хэширования;
- даты и времени вычисления;
- устройства или программного инструмента, с помощью которого производился расчет;
- лица, осуществившего процедуру.

Данный цифровой «отпечаток» позволяет в любой момент проверить подлинность

документа. Даже минимальное изменение в файле (вплоть до одного байта) приведет к полной смене хэш-суммы, что сигнализирует о возможном вмешательстве. Таким образом, внесение хэш-значения в протокол обеспечивает юридическую гарантированность неизменности цифрового доказательства в процессе его дальнейшего хранения, передачи и анализа.

Требования о предоставлении хэш-суммы имеются в Приказе Министра юстиции РК от 27 апреля 2017 года № 484 «Об утверждении Правил организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы»⁶.

На основании изложенного предлагаем внести дополнения в УПК РК от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.

1. Дополнить статью 118 «Вещественные доказательства» следующим абзацем:

«Цифровыми доказательствами признаются сведения, имеющие значение для уголовного дела и представленные в электронной форме, включая текстовые документы, электронную переписку, аудио- и видеозаписи, сетевые журналы, метаданные, а также любую информацию, созданную, сохраненную или переданную посредством электронных и телекоммуникационных средств».

2. Дополнить статью 199 «Протокол следственного действия» *предложениями следующего содержания:*

«При изъятии цифровых носителей или копировании информации следователь должен применять криптографические хэш-функции, а вычисленные хэш-суммы фиксируются в протоколе следственного действия».

Несоблюдение порядка документирования цифровых доказательств может привести к признанию их недопустимыми».

3. Дополнить статью 80 «Специалист» *предложениями следующего содержания:*

«При производстве следственных действий, связанных с обнаружением, изъятием, копированием, восстановлением

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 18.02.2025).

⁶ Об утверждении Правил организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 27 апр. 2017 г. № 484 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700015180> (дата обращения: 18.02.2025).

или анализом цифровой информации, следователь обязан привлекать специалиста в области информационных технологий, цифровой криминалистики, кибербезопасности или иных смежных направлений.

Специалист оказывает содействие в:

- технически корректном извлечении и копировании цифровых данных;
- расчете и фиксации хэш-сумм;
- восстановлении удаленной, зашифрованной или поврежденной информации;
- обеспечении целостности и воспроизводимости цифровых доказательств;
- составлении протокола с указанием использованного оборудования и программного обеспечения».

Указать, что в заключении эксперта должна быть включена обязательная графа: «Хэш-сумма файла совпадает с оригиналом. Цифровое доказательство неизменно».

Обозначить, что привлечение специалиста является обязательным, если выполнение указанных действий требует специальных технических знаний или программно-аппаратных средств, нарушение порядка которых может повлечь утрату допустимости доказательств.

4. Ввести норму, аналогичную FRE 902:

«Цифровые копии доказательств, подлинность которых подтверждена хэш-суммой, совпадающей с оригиналом и заверенной экспертом, считаются допустимыми без необходимости вызова этого эксперта в суд».

Кроме того, необходимо:

- разработать и утвердить методические рекомендации МВД и Генеральной прокуратуры по фиксации, хранению и верификации цифровых доказательств с обязательным указанием хэш-суммы при изъятии;

- внести поправки в Закон РК «Об информатизации» 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК, дополнив статью 1 «Основные понятия»:

«Цифровые доказательства – это

информация в электронной форме, имеющая юридическое значение, полученная, сохраненная, переданная или зафиксированная с использованием цифровых технологий и предназначенная для использования в судопроизводстве, административных или иных официальных процедурах в соответствии с законодательством РК»;

- дополнить пункт 5 главы 2 «Порядок изъятия вещественных доказательств и документов по уголовным делам судом, органами прокуратуры, уголовного преследования и судебной экспертизы» Постановления Правительства РК «Об утверждении Правил изъятия, учета, хранения, передачи и уничтожения вещественных доказательств, изъятых документов, денег в национальной и иностранной валюте, наркотических средств, психотропных веществ по уголовным делам судом, органами прокуратуры, уголовного преследования и судебной экспертизы» от 9 декабря 2014 года № 1291 следующим предложением: «При изъятии цифровых документов в протоколе необходимо отразить хэш-сумму изымаемых файлов»⁷.

Заключение. В настоящее время в казахстанском законодательстве отсутствует комплексное регулирование вопросов, связанных с использованием цифровых эквивалентов документов. Это приводит к появлению правовой неопределенности и затрудняет эффективное применение цифровых доказательств в судебной практике. Недостаточная определенность нормативных актов, а также существующие процедурные правила оформления электронных данных способствуют возникновению трудностей в сфере доказывания и ставят под сомнение юридическую корректность соответствующих алгоритмов. Поэтому для устранения данных пробелов следует закрепить в законопроектах точное определение цифровых аналогов, обязательное применение хэш-функций при их изъятии и допущение к участию в процессах работы с электронным информационным

⁷ Об утверждении Правил изъятия, учета, хранения, передачи и уничтожения вещественных доказательств, изъятых документов, денег в национальной и иностранной валюте, наркотических средств, психотропных веществ по уголовным делам судом, органами прокуратуры, уголовного преследования и судебной экспертизы: постановление Правительства Республики Казахстан от 9 дек. 2014 г. № 1291 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400001291> (дата обращения: 18.02.2025).

ресурсом квалифицированных специалистов.

Анализ международного опыта показывает, что применение стандартизированных процедур цифровой криминалистики, таких как хэширование, верификация, аудит и логгирование действий, может существенно повысить надежность и допустимость цифровых доказательств. Внедрение

соответствующих норм в УПК РК, Закон «Об информатизации» и подзаконные акты позволят гармонизировать отечественную практику с международными стандартами, а также повысит справедливость, эффективность и технологическую устойчивость судебной системы в условиях цифровой трансформации.

Список использованной литературы:

1. Ильиных, Н.А. Киберэкстремизм: понятие и разграничение с иным информационным деструктивным воздействием в киберпространстве / Н.А. Ильиных // История и право. – 2023. – Т. 13. № 1. – С. 64-74.
2. Оракбаев, А.Б. Перспективы применения систем виртуализации по делам о массовых беспорядках / А.Б. Оракбаев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 192-205.
3. Quick, D. IoT Device Forensics and Data Reduction / D. Quick, K.-K.R. Choo // in IEEE Access. – 2018. – Vol. 6. – Pp. 47566-47574.
4. Clifford, B. Moderating Extremism: The State of Online Terrorist Content Removal Policy in the United States. – Washington, DC: Program on Extremism at The George Washington University, 2021. – 24 p.
5. Klonick, K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech / K. Klonick // Harvard Law Review. – 2018. – Т. 131. № 6. – Pp. 1598-1670.
6. Awan, I. Cyber-Extremism: ISIS and the Power of Social Media / I. Awan // Society. – 2017. – Vol. 54. No. 2. – Pp. 138-149.
7. Dmitrieva, A.A. Concept of Electronic Evidence in Criminal Legal Procedure / A.A. Dmitrieva, P.S. Pastukhov // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (1). – Pp. 270-295.
8. C. Rechberger, S. Krenn, R. Posch. Towards a Process Model for Hash Functions in Digital Forensics // Proceedings of the 11th International Conference on Availability, Reliability and Security (ARES 2016). – Salzburg, Austria: ACM, 2016. – Pp. 677-683.
9. Моисеев, В.А. Применение алгоритмов решения задачи выполнимости к криптоанализу хэш-функций семейства MD / В.А. Моисеев, В.В. Силаев // Математические структуры и моделирование. – 2014. – № 32. – С. 144-153.
10. Ким, А.С. Роль хэширования в работе «белого хакера» / А.С. Ким, Е.Е. Симаков, М.Н. Симакова // Юный ученый. – 2023. – № 8 (71). – С. 35-40.
11. Собиров, Ш. Сравнительно-правовой анализ регулирования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве: опыт США, ЕС и стран СНГ / Ш. Собиров // Общество и инновации. – 2023. – № 4 (5). – Pp. 96-117.
12. Сарбасов, А.Е. Правовое понятие цифровой информации / А.Е. Сарбасов, Ж.Р. Дильбарханова // Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ғылыми еңбектері. – 2024. – № 3 (80). – С. 10-15.

References:

1. Il'inyh, N.A. Kiberjekstremizm: ponjatie i razgranichenie s inym informacionnym destruktivnym vozdejstviem v kiberprostranstve / N.A. Il'inyh // Istorija i pravo. – 2023. – Т. 13. № 1. – С. 64-74.
2. Orakbaev, A.B. Perspektivy primenenija sistem virtualizacii po delam o massovyh besporjadkah / A.B. Orakbaev // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 192-205.
3. Quick, D. IoT Device Forensics and Data Reduction / D. Quick, K.-K.R. Choo // in IEEE Access. – 2018. – Vol. 6. – Pp. 47566-47574.

4. Clifford, B. Moderating Extremism: The State of Online Terrorist Content Removal Policy in the United States. – Washington, DC: Program on Extremism at The George Washington University, 2021. – 24 p.
5. Klonick, K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech / K. Klonick // Harvard Law Review. – 2018. – T. 131. № 6. – Pp. 1598-1670.
6. Awan, I. Cyber-Extremism: ISIS and the Power of Social Media / I. Awan // Society. – 2017. – Vol. 54. No. 2. – Pp. 138-149.
7. Dmitrieva, A.A. Concept of Electronic Evidence in Criminal Legal Procedure / A.A. Dmitrieva, P.S. Pastukhov // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (1). – Pp. 270-295.
8. C. Rechberger, S. Krenn, R. Posch. Towards a Process Model for Hash Functions in Digital Forensics // Proceedings of the 11th International Conference on Availability, Reliability and Security (ARES 2016). – Salzburg, Austria: ACM, 2016. – Pp. 677-683.
9. Moiseev, V.A. Primenenie algoritmov resheniya zadachi vpolnimosti k kriptanalizu hresh-funkcij semeystva MD / V.A. Moiseev, V.V. Silaev // Matematicheskie struktury i modelirovanie. – 2014. – № 32. – S. 144-153.
10. Kim, A.S. Rol' hreshirovaniya v rabote «belogo hakera» / A.S. Kim, E.E. Simakov, M.N. Simakova // Junyj uchenyj. – 2023. – № 8 (71). – S. 35-40.
11. Sobirov, Sh. Sravnitel'no-pravovoj analiz regulirovaniya jelektronnyh dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve: opyt SShA, ES i stran SNG / Sh. Sobirov // Obshhestvo i innovacii. – 2023. – № 4 (5). – Pp. 96-117.
12. Sarbasov, A.E. Pravovoe ponjatie cifrovoj informacii / A.E. Sarbasov, Zh.R. Dil'barhanova // Qazaqstan Respublikasy IIM M. Esbolatov atyndary Almaty akademijasynyn ғылыми еңбектері. – 2024. – № 3 (80). – S. 10-15.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Айбек Серикович Алишев – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясының докторанты, ұлттық қауіпсіздік және әскери іс магистрі, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6197-557X>, e-mail: aibek_alishev@mail.ru.

Алишев Айбек Серикович – докторант Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, магистр национальной безопасности и военного дела, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6197-557X>, e-mail: aibek_alishev@mail.ru.

Alishev Aibek Serikovich – Doctoral Student of the M. Yesbolatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Master of National Security and Military Case, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6197-557X>, e-mail: aibek_alishev@mail.ru.

Ботагоз Булатовна Сарсенбаева – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясының қылмыстық процесс және криминалистика кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9238-5172>, e-mail: hamudok@mail.ru.

Сарсенбаева Ботагоз Булатовна – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, кандидат юридических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9238-5172>, e-mail: hamudok@mail.ru.

Sarsenbayeva Botagoz Bulatovna – Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbolatov, Candidate of Law, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9238-5172>, e-mail: hamudok@mail.ru.

УДК 343.12
МРНТИ 10.79.21

Ш.Ш. Шаяхметов

Судебная Администрация Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

НУЖЕН ЛИ ЗАКОН О ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ: ЗА И ПРОТИВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости принятия специального закона о частной детективной деятельности в Республике Казахстан. Актуальность темы обусловлена существующим нормативным вакуумом: в Казахстане до сих пор отсутствует закон, регулирующий сферу частного сыска, несмотря на то, что де-факто детективные услуги оказываются. Приводятся аргументы «за» и «против» законодательного регулирования частной детективной деятельности, анализируется зарубежный опыт, а также возможное влияние легализации частного сыска на права человека и уголовное судопроизводство. В исследовании использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический методы; проанализированы международные научные публикации, отечественные нормативные акты и проекты закона. По результатам исследования автор приходит к выводу, что принятие закона о частной детективной деятельности является целесообразным шагом для ликвидации правового пробела и обеспечения гарантий прав граждан, однако требует учета возможных рисков и включения в закон необходимых защитных механизмов.

Ключевые слова: частная детективная деятельность; частный сыск; права человека; уголовный процесс; реформа; лицензирование; защита прав личности.

Ш.Ш. Шаяхметов

Қазақстан Республикасының Сот Әкімшілігі, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАНДА ЖЕКЕ ДЕТЕКТИВТІК ҚЫЗМЕТ ТУРАЛЫ ЗАҢ ҚАЖЕТ ПЕ: ЖАҚТАУШЫЛАР МЕН ҚАРСЫЛЫҚТАР

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында жеке детективтік қызмет туралы арнайы заң қабылдаудың қажеттілігі қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі қолданыстағы нормативтік вакууммен байланысты: Қазақстанда жекеше іздестіру саласын реттейтін заң әлі күнге дейін қабылданбағанына қарамастан іс жүзінде детективтік қызметтер көрсетіліп келеді. Жеке детективтік қызметті заңнамалық тұрғыдан реттеудің «жақтастары» мен «қарсы» пікірлері келтіріліп, шетелдік тәжірибе және жекеше іздестіруді заңдастырудың адам құқықтары мен қылмыстық іс жүргізуге ықтимал әсері талданады. Зерттеуде салыстырмалы-құқықтық, формалды-заңдық және аналитикалық әдістер қолданылған; халықаралық ғылыми жарияланымдар, отандық нормативтік құқықтық актілер мен заң жобалары талданған. Зерттеу нәтижесінде автор жеке детективтік қызмет туралы заң қабылдау – құқықтық олқылықты жою және азаматтардың құқықтарының кепілдіктерін қамтамасыз ету үшін орынды қадам деген тұжырымға келеді, алайда бұл ретте ықтимал тәуекелдерді ескеру және заңға қажетті қорғану тетіктерін енгізу қажет екендігін атап өтеді.

Түйінді сөздер: жеке детективтік қызмет; жекеше іздестіру; адам құқықтары; қылмыстық процесс; реформа; лицензиялау; жеке тұлғаның құқықтарын қорғау.

Sh.Sh. Shayakhmetov

Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan

DOES KAZAKHSTAN NEED A LAW ON PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY: PROS AND CONS

Abstract. The article examines the necessity of adopting a special law on private detective activity in the

Republic of Kazakhstan. The relevance of the topic is due to the existing regulatory vacuum: Kazakhstan still lacks a law governing the field of private investigations, despite the fact that detective services are provided de facto. The article presents arguments both in favor of and against legislative regulation of private detective activity, analyzes foreign experience, and explores the potential impact of legalizing private investigations on human rights and criminal proceedings. The study employs comparative-legal, formal-legal, and analytical methods; it analyzes international academic publications, national regulatory acts, and draft legislation. Based on the results, the author concludes that the adoption of a law on private detective activity is a necessary step to eliminate the legal gap and ensure the protection of citizens' rights. However, it also requires careful consideration of potential risks and the inclusion of appropriate safeguards in the legislation.

Keywords: private detective activity; private investigation; human rights; criminal procedure; reform; licensing; protection of individual rights.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_165

Введение. Частная детективная деятельность представляет собой профессиональную деятельность по сбору, анализу и предоставлению информации о различных событиях, лицах и объектах по заказу физических или юридических лиц [1]. Иными словами, частные детективы (сыщики) оказывают платные услуги по расследованию и розыску вне структуры государственных органов. В мире эта сфера существует давно и во многих странах регулируется законом (например, в России с 1992 г. действует Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности»). В Казахстане же до настоящего времени отсутствует специальный закон, который определял бы статус, права и обязанности частных детективов [2].

Попытки узаконить частный сыск предпринимались неоднократно. В 1995 году был подготовлен первый законопроект о лицензировании частной детективной деятельности, однако он не получил поддержки. В последующие годы вопрос поднимался вновь: например, в 2013 году Министерством юстиции разработан новый проект, возвращенный на доработку и в итоге отозванный в 2017 году. Очередная инициатива разработать закон возникла в 2023 году при участии депутатов Мажилиса и Института парламентаризма, но, по состоянию на середину 2025 года, проект вновь отправлен на доработку и еще не

принят [2]. Таким образом, на момент написания статьи специального закона нет, что создает нормативный вакуум в данной сфере.

Несмотря на это детективные услуги фактически оказываются на практике. По некоторым данным, в Казахстане уже действует не менее 20 частных детективных агентств, а точное число людей, занимающихся сыском, неизвестно из-за отсутствия официальной регистрации¹. Данная деятельность формально не запрещена: статья 5 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан (далее – РК) гарантирует свободу предпринимательской деятельности, и ни один закон прямо не запрещает оказывать детективные услуги. На практике многие частные детективы регистрируются как индивидуальные предприниматели (консультанты по вопросам безопасности и т.п.) и действуют де-юре в рамках общего поля законодательства². Однако отсутствие специального закона означает, что такая деятельность остается вне целенаправленного контроля государства и четких правил, что чревато злоупотреблениями и нарушением прав граждан.

Таким образом, назрел вопрос: нужен ли отдельный закон о частной детективной деятельности, который ликвидирует правовой пробел и установит «правила игры» для частных сыщиков? С одной стороны,

¹ О проекте закона «О частной детективной деятельности». – Казахстанская правда, 20 ноября 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/o-proekte-zakona-o-chastnoy-detektivnoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 08.08.2025).

² О необходимости принятия закона о частных детективах заявили в Алматы. – Казинформ, 23 мая 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/o-neobhodimosti-prinyatiya-zakona-o-chastnyh-detektivah-zayavili-v-almaty_a3261368 (дата обращения: 08.08.2025).

легализация и регламентация этого института могла бы принести пользу – обеспечить гражданам дополнительный механизм защиты прав, повысить эффективность правосудия. С другой стороны, существуют опасения, что деятельность частных детективов может повлечь угрозы неприкосновенности частной жизни, дублировать функции полиции либо использоваться во вред интересам общества.

Цель данной статьи – взвешенно проанализировать аргументы «за» и «против» принятия соответствующего закона, опираясь на опыт зарубежных стран, положения национального права и оценки экспертного сообщества, а также определить возможные последствия для прав человека и уголовно-процессуальной системы Казахстана.

Материалы и методы. Исследование выполнено в рамках общенаучной методологии с использованием специальных юридических методов. Применены сравнительно-правовой анализ (для изучения зарубежного законодательства и практики работы частных детективов за рубежом), формально-юридический метод (при анализе проектов отечественного закона и смежных нормативных актов), а также структурно-функциональный подход (для оценки места частного сыска в системе защиты прав). В качестве материалов использованы нормативные правовые акты РК (Конституция РК, Уголовно-процессуальный кодекс РК и др.), официальные сведения о подготовке законопроекта, а также публикации по теме в научных журналах. В частности, были изучены работы казахстанских правоведов, поднимавших проблему правового статуса частных детективов и адвокатского расследования. Данные публикации предоставляют как теоретическое обоснование необходимости закона, так и анализ существующих коллизий и пробелов. Опираясь на указанные источники и собранную информацию, автор сформировал сбалансированное представление о соотношении преимуществ и недостатков введения института частной детективной деятельности в Казахстане.

Результаты, обсуждение. Текущее состояние и правовой вакуум. На основе

проведенного анализа установлено, что отсутствие специального закона приводит к неопределенности правового статуса частных детективов в РК. С одной стороны, действующее законодательство допускает участие частных лиц в сборе доказательств. В частности, часть 2 статьи 122 Уголовно-процессуального кодекса РК (далее – УПК РК) прямо предусматривает, что участники процесса, а также «любые граждане и организации» вправе собирать и представлять сведения, предметы и документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств [3]. Данное положение теоретически позволяет рассматривать результаты работы частного детектива следствием и судом в качестве источников информации. С другой стороны, вне рамок закона остаются вопросы: кто имеет право заниматься сыском на профессиональной основе, какие методы им разрешено использовать, каков статус собранных ими материалов, какую ответственность несут частные сыщики и т.д. В результате частная детективная деятельность в Казахстане существует де-факто, но «в серой зоне» – без лицензирования, специальных требований и надзора со стороны государства [3]. Это означает, что сейчас любые лица могут оказывать подобные услуги на свой страх и риск, а граждане, обращающиеся к ним, не имеют законодательных гарантий качества и добросовестности таких услуг.

Зарубежный опыт свидетельствует о возможности легального сосуществования частного и государственного сыска. В странах с давними традициями частного сыска дела частные детективы действуют на основании лицензий, под надзором государственных органов, при строгом соблюдении законов о конфиденциальности персональных данных. В постсоветских странах наиболее показателен пример Российской Федерации, где с 1992 года принят и действует закон о частной детективной (сыскной) деятельности. Российский закон определил перечень услуг, которые могут оказывать частные детективы, а также установил ряд ограничений. Как отмечают исследователи, принципы и цели частно-сыскной деятельности в целом совпадают в

различных государствах, различаясь главным образом национальными особенностями правового регулирования [1]. Например, повсеместно для частных детективов закрепляются такие базовые требования, как необходимость получения лицензии, соблюдение законности, недопустимость нарушать права граждан, подотчетность уполномоченным органам и т.д. Национальное же законодательство каждой страны определяет конкретные условия (требования к кандидатам, перечень разрешенных услуг, порядок взаимодействия с полицией), исходя из собственной правовой системы и потребностей общества [1]. Изучение зарубежного опыта позволяет сделать вывод, что Казахстан мог бы использовать лучшие практики при разработке своего закона – в частности, опереться на российскую модель лицензирования и контроля, скорректировав ее с учетом национальных реалий [4].

Научные публикации в Казахстане последних лет в целом отражают понимание назревшей необходимости законодательного урегулирования частной детективной деятельности. Так, по мнению ряда авторов, нормативное признание института частного детектива и четкое определение его процессуального статуса способны существенно повысить уровень правовой помощи гражданам, обществу и государству [4]. Отмечается, что в условиях проводимой в Казахстане модернизации правоохранительной системы частный сыск мог бы занять нишу в механизме обеспечения правопорядка, дополняя деятельность полиции и обеспечивая дополнительные гарантии защиты прав личности. Ключевым является вопрос о правовом статусе частного детектива в уголовном процессе: необходимо законодательно установить, вправе ли детектив участвовать в уголовном судопроизводстве, в качестве кого именно (специалиста, помощника адвоката и т.п.), и как должны рассматриваться результаты его работы (отчеты, собранные сведения) в качестве доказательств [3]. Предлагается, например, законодательно закрепить возможность привлечения частного детектива по договору стороной защиты

(адвокатом) для выполнения поручений по сбору доказательственной информации. Так, С.М. Сабитов (2019) теоретически обосновал, что частный детектив, обладающий надлежащей легитимацией, мог бы стать «субъектом уголовно-процессуального правоотношения», а собранные им фактические данные – при соблюдении требований закона – приобщаться к материалам дела в качестве доказательств [3]. Соответствующие изменения должны найти отражение и в УПК РК, и в смежных нормативных актах.

Общий анализ собранных материалов показывает, что законодательное оформление института частных детективов способно заполнить существующий пробел и обеспечить баланс интересов личности и государства в уголовном правосудии. Условием успешности нововведения выступает четкое определение границ допустимого поведения детективов и механизмов контроля. Опыт других стран демонстрирует, что многие риски (неправомерное вторжение в приватность, злоупотребление полномочиями) можно минимизировать через систему лицензирования, профессиональной аттестации и отзывов лицензий за нарушения, а также путем закрепления в законе прямых запретов на недопустимые методы. Данные выводы и наблюдения служат основой для дальнейшего обсуждения аргументов сторон и формулирования рекомендаций.

Вопрос о необходимости закона о частном сыске вызывает полемику в профессиональном сообществе и среди законодателей. Ниже суммированы основные аргументы «за» и «против» введения данного закона, выявленные в результате исследования, с учетом аспекта прав человека и потенциальных последствий для уголовного судопроизводства.

Аргументы в пользу принятия закона:

1. Реализация конституционного права граждан на защиту своих интересов.

Конституция РК (ст. 13) гласит, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Отсутствие легального института частных

детективов фактически ограничивает эту возможность, тогда как закон о сыске придал бы гражданам дополнительный инструмент защиты. В демократическом обществе человек должен иметь выбор: полагаться лишь на государственные органы или привлекать на договорной основе частного специалиста для защиты своих прав. Таким образом, введение данного закона отвечает конституционной основе и запросу общества на расширение возможностей самозащиты.

2. Повышение эффективности и объективности правосудия.

Включение частного детектива в уголовно-процессуальную сферу может позитивно сказаться на полноте и всесторонности расследований. Как показывают исследования, участие частного сыщика на стороне защиты либо потерпевшего служит гарантией соблюдения прав и законных интересов личности, повышает объективность предварительного следствия. Частный детектив, действуя по поручению адвоката, способен собирать дополнительные доказательства, проверять версии, которые могли быть упущены официальным следствием. В отдельных случаях это позволяет выявить оправдательные факты и даже прийти к выводу о невинности подозреваемого, что прямо способствует осуществлению правосудия и укреплению принципа презумпции невинности. Таким образом, институт частного расследования может сделать уголовный процесс более справедливым, обеспечив равенство сторон в состязательном процессе за счет выравнивания их возможностей в сборе доказательств.

3. Легализация и контроль вместо «серой зоны».

Принятие профильного закона позволило бы вывести существующую детективную деятельность из подпольного или полуполюгального положения. Это повлечет установление прозрачных «правил игры» на рынке детективных услуг и государственного надзора за их соблюдением. Будет введено лицензирование, понятные критерии допуска к профессии, что отсекает случайных людей и может повысить

качество услуг. Одновременно появится механизм привлечения частных детективов к ответственности за противоправные действия или халатность (вплоть до лишения лицензии). Легализация устраним противоречие, когда сейчас детективы фактически действуют, но государство как бы «не замечает» их; вместо этого деятельность перейдет в правовое русло с официальной регистрацией субъектов, уплатой налогов и т.д. В целом, это цивилизует рынок сыскных услуг и обеспечит большие гарантии добросовестности со стороны детективов.

4. Дополнительный ресурс для правоохранительной системы.

Частные детективы могут стать полезным вспомогательным ресурсом для государства в деле борьбы с правонарушениями. При налаженном взаимодействии (через обмен информацией, уведомление о преступлениях, совместные соглашения) детективы способны разгрузить полицию, берясь за дела, которые не подпадают напрямую под компетенцию органов (например, корпоративные расследования, проверка контрагентов, сбор долговых доказательств и пр.). В ряде стран негосударственные сыскные структуры эффективно помогают выявлять экономические преступления, случаи мошенничества, дополняя работу силовых структур. В казахстанских условиях частные детективы могли бы, к примеру, участвовать в розыске без вести пропавших по заявкам родственников параллельно с полицией, проводить независимые расследования для страховщиков, банков, коммерческих организаций. Правильно организованное партнерство позволит усилить превентивную и розыскную работу без расширения штата полиции.

Аргументы против принятия закона:

1. Угроза неприкосновенности частной жизни.

Главный риск при легализации частного сыска – возможное нарушение конституционных прав на приватность и тайну личной жизни граждан. Деятельность детектива по своей природе связана с наблюдением, сбором данных о частных лицах, проникновением в их персональное

пространство (хотя бы информационное). Без жесткого контроля и регламентирования частные сыщики теоретически могут прибегать к методам, ущемляющим права человека: негласная слежка, скрытое аудио- и видеонаблюдение, сбор сведений о частной жизни без согласия – все это будет более доступно при широкой легализации профессии.

Так, к примеру, в Австралии исторически отмечалась обеспокоенность из-за отсутствия четкого регулирования работы частных детективов – их деятельность зачастую приводила к посягательствам на приватность граждан и утечкам конфиденциальной информации [5]. Австралийская комиссия по реформе законодательства еще в XX веке отмечала случаи, когда частные детективы собирали личные данные незаконными методами, нарушая конфиденциальность переписки и разговоров. Похожие проблемы выявлялись и в других юрисдикциях. Например, в Швеции недостаточная четкость законов о частной охранно-сыскной деятельности привела к тому, что органы власти не имеют достаточных полномочий привлекать частные компании к ответственности за нарушения, что подрывает легитимность отрасли [6]. Таким образом, противники закона считают, что легализация данного рода деятельности создаст дополнительные угрозы для конфиденциальности и прав граждан, особенно если не будет действенного механизма пресечения злоупотреблений.

2. Дублирование функций правоохранительных органов.

Еще один аргумент – опасение, что частные детективы станут конкурировать с полицией и следствием, фактически подменяя их в определенных аспектах. Сотрудники правоохранительных органов традиционно настороженно относятся к идее негосударственного сыска [2]. Имеются опасения, что при появлении детективов информация о преступлениях и причастных лицах может утекать мимо официальных каналов, расследования будут дублироваться, что затруднит работу полиции. Частные детективы могут

пытаться проникать в сферы, относящиеся к оперативно-розыскной деятельности, что чревато конфликтами.

3. Существующие альтернативы и избыточность регулирования.

Для защиты прав и интересов уже существуют институт адвокатуры, частные охранные организации, нотариусы, медиаторы и др. – все они частично покрывают потребности, которые, как утверждается, мог бы удовлетворять частный детектив. Например, в уголовном процессе адвокат-защитник имеет право самостоятельно собирать сведения и предоставлять их следствию, опрашивать граждан и т.д., хотя такие возможности и ограничены процессуальным статусом адвоката. Есть мнение, что достаточно расширить права адвокатов (концепция «адвокатского расследования»), и вводить параллельный институт детективов не придется. Кроме того, критики указывают на потенциально низкий уровень подготовки будущих детективов и сложность организовать над ними эффективный надзор. Без надлежащей материально-технической базы и культуры применения закон о частном сыске может остаться на бумаге либо не принести ощутимой пользы. Проще говоря, скептики полагают эту инициативу избыточной: в условиях ограниченных ресурсов государства лучше усилить существующие правоохранительные органы, чем создавать новый институт.

Итоги дискуссии. Сопоставление приведенных аргументов показывает, что вопрос далеко не однозначен. С одной стороны, права и интересы граждан действительно могут выиграть от появления подконтрольного закону детективного сервиса. «Теневая» же деятельность сыщиков будет выведена в правовое поле, что само по себе является благом для правового государства. С другой стороны, риски злоупотреблений и ущерба правам тоже реальны: без надлежащих рамок легко представить и нарушение приватности, и сопутствующую криминализацию.

Опыт зарубежных стран, в т.ч. близкой по правовой системе России, показывает,

что «укротить» частный сыск законом в принципе возможно. Важнейшим условием является разработка сбалансированного законодательства, предусматривающего как возможности, так и ограничения. Казахстанский законопроект должен учесть основные аспекты: установление требований к детективам, определение круга разрешенных действий и прямого запрета того, что может нарушать права граждан (например, сбор сведений о личной жизни без согласия). Если эти нормы будут строго соблюдаться, риск превышения полномочий детективами снизится. Кроме того, никто не отменяет ответственность: за незаконные методы детективы понесут уголовное наказание на общих основаниях, как это было бы и без закона. Таким образом, сам по себе закон не создает новых угроз – напротив, он их регламентирует и ограничивает.

Подводя итог, можно констатировать: аргументы «за» перевешивают, если предусмотреть соответствующие гарантии от аргументов «против». Закрепляя в законе высокие требования к личности и квалификации детектива, введя прозрачное лицензирование и институт отзыва лицензии, государство сможет фильтровать случайных людей и правонарушителей от вхождения в профессию. Четкие запреты на нарушение прав граждан и уголовная ответственность за их несоблюдение станут сдерживающим фактором для потенциальных злоупотреблений. Налаживание же сотрудничества с полицией через нормативные акты минимизирует конфликт интересов и позволит выстроить рабочие отношения. В таком случае частный сыск действительно может стать полезным институтом, не подрывающим, а дополняющим деятельность правоохранительной системы.

Заключение. Отсутствие закона о частной детективной деятельности в Казахстане на протяжении длительного времени создало явный пробел в правовом поле. С одной стороны, частные детективы уже сегодня функционируют де-факто, опираясь на общие нормы права, с другой – их статус и

полномочия остаются неопределенными, что не лучшим образом сказывается на защите прав граждан и правоприменительной практике. Проведенный анализ показал, что при надлежащем законодательном регулировании институт частного сыска может принести значительную пользу: усилить гарантии реализации конституционных прав и свобод, повысить эффективность уголовного судопроизводства, предоставить гражданам и бизнесу новый инструмент для защиты своих законных интересов. Зарубежный опыт и экспертные оценки подтверждают, что эти позитивные эффекты достижимы, если закон будет содержать четкие ограничения и механизмы контроля за деятельностью детективов.

Опасения, связанные с возможным нарушением права на приватность, дублированием функций полиции и иными рисками, безусловно, обоснованы. Однако неверно рассматривать их как непреодолимые препятствия – скорее, как ориентиры для законотворчества, указывающие, какие нормы необходимо включить в законопроект. Предлагаемый к внедрению закон должен быть максимально конкретным в части гарантий прав человека: предусматривать запреты на недопустимые методы сбора информации, ответственность за превышение полномочий. Логичным было бы создание специального реестра частных детективов и закрепление надзорного органа для контроля качества их работы. В целом, негативный зарубежный опыт следует учесть как предупреждение, а позитивный – как образец, чего Казахстан может достичь.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что принятие закона о частной детективной деятельности в РК является востребованным и обоснованным шагом, отвечающим принципам демократического правового государства. Он устраним имеющийся нормативный вакуум, позволив вывести частный сыск из тени на легальный уровень, что в долгосрочной перспективе послужит интересам и гражданского общества, и государства.

Список использованной литературы:

1. Sharipova, A.B. Legal characteristics of private detective activity in the Republic of Kazakhstan / A.B. Sharipova, et al. // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2024. – № 2 (77). – С. 227-234.
2. К.Е. Исмагулов. О проекте Закона «О частной детективной деятельности» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37962479 (дата обращения 21.07.2025).
3. Сабитов, С.М. Правовое регулирование статуса частного детектива в уголовном процессе/ С.М. Сабитов // Вестник КазГЮИУ. – 2019. – № 4 (44). – С. 22-26.
4. Alimkulov, Y. Private detective activity of the law enforcement system of Kazakhstan on the experience of foreign countries / Y. Alimkulov, et al. // International Journal of Electronic Security and Digital Forensics. – 2023. – Vol. 15, No. 6. – Pp. 644-654.
5. Sturtevant, M. Interrogating the Regulation of Private Investigators [Электронный ресурс] / M. Sturtevant, K. Stephen, S. Jeong // The Regulatory Review. – 2022. – Режим доступа: <https://www.theregreview.org/2022/03/05/saturday-seminar-interrogating-regulation-private-investigators/> (дата обращения: 15.07.2025).
6. Stiernstedt, P. Privatizing police discretion – ‘private security criminal investigations’ in Sweden / P. Stiernstedt // Policing: A Journal of Policy and Practice. – 2019. – Vol. 13. № 4. – Pp. 460-472.

References:

1. Sharipova, A.B. Legal characteristics of private detective activity in the Republic of Kazakhstan / A.B. Sharipova, et al. // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. – 2024. – № 2 (77). – S. 227-234.
2. K.E. Ismagulov. O proekte Zakona «O chastnoj detektivnoj dejatel'nosti» [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37962479 (data obrashhenija 21.07.2025).
3. Sabitov, S.M. Pravovoe regulirovanie statusa chastnogo detektiva v ugovnom processe/ S.M. Sabitov // Vestnik KazGJuIU. – 2019. – № 4 (44). – S. 22-26.
4. Alimkulov, Y. Private detective activity of the law enforcement system of Kazakhstan on the experience of foreign countries / Y. Alimkulov, et al. // International Journal of Electronic Security and Digital Forensics. – 2023. – Vol. 15, No. 6. – Pp. 644-654.
5. Sturtevant, M. Interrogating the Regulation of Private Investigators [Jelektronnyj resurs] / M. Sturtevant, K. Stephen, S. Jeong // The Regulatory Review. – 2022. – Rezhim dostupa: <https://www.theregreview.org/2022/03/05/saturday-seminar-interrogating-regulation-private-investigators/> (data obrashhenija: 15.07.2025).
6. Stiernstedt, P. Privatizing police discretion – ‘private security criminal investigations’ in Sweden / P. Stiernstedt // Policing: A Journal of Policy and Practice. – 2019. – Vol. 13. № 4. – Pp. 460-472.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Шәкір Шамильевич Шаяхметов – Қазақстан Республикасы Сот Әкімшілігі Басшысының бірінші орынбасары, заң ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: shayhmet@mail.ru.

Шаяхметов Шакир Шамильевич – Первый заместитель руководителя Судебной администрации Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: shayhmet@mail.ru.

Shayakhmetov Shakir Shamilevich – First Deputy Head of the Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, Associate Professor, e-mail: shayhmet@mail.ru.

ӨОЖ 349:336.7; 351.72; 347.734/.735
ХҒТАР 10.21.61

Е.М. Айтқазин, Ж.Т. Калияуов
Alikhan Bukeikhan University, Семей қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЦИФРЛЫҚ АКТИВТЕР АЙНАЛЫМЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер айналымын құқықтық реттеу мәселелері қарастырылады. Атап айтқанда, криптовалюта айналымы мен еліміздегі криптобиржалардың қызметі талданып, криптоиндустрия нарығындағы криптоинвесторлар кездесетін тәуекелдер жан-жақты сараланады.

Авторлардың пікірінше, криптовалюта айналымын құқықтық реттеу барысында жедел шешімін қажет ететін бірқатар мәселелер бар. Қазіргі таңда жеке тұлғалардың криптовалютамен заңсыз операциялар жүргізуіне байланысты құқықбұзушылықтар саны артқан.

Мақаланың мақсаты – Қазақстандағы цифрлық активтер айналымын реттейтін заңнамаға шолу жасау, қалыптасқан жағдайды бағалау және криптовалюта нарығының қазіргі даму кезеңінде криптоинвесторлар үшін туындайтын тәуекелдерді талдау.

Отандық криптонарықтағы өзекті мәселелерді талқылау нәтижесінде және мақаланың қорытынды бөлімінде авторлар заманауи талаптарға сай келетін заңнамалық өзгерістердің қажеттілігін атап көрсетіп, нақты ұсыныстар жасайды. Олардың пікірінше, цифрлық активтерді қолдану аясын одан әрі кеңейту қолданыстағы активтердің күрделенуіне және цифрлық активтерге қатысты жаңа құқықтық, әрі экономикалық қатынастардың қалыптасуына алып келеді. Сондықтан, заңнамалық негіз болғанымен, оны қазіргі заманның қажеттіліктеріне сәйкестендіру үшін үнемі жетілдіріп отыру қажет.

Түйінді сөздер: экономика; цифрлық активтер; криптовалюта; қаржы; заңсыз операция; биржа; биткоин; валюта.

Е.М. Айтқазин, Ж.Т. Калияуов
Alikhan Bukeikhan University, г. Семей, Республика Казахстан

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования цифровых активов в Республике Казахстан. В частности, анализируются обращение криптовалют и деятельность криптобирж в стране, а также всесторонне исследуются риски, с которыми сталкиваются криптоинвесторы на рынке криптоиндустрии.

По мнению авторов, в правовом регулировании обращения криптовалют существуют проблемы, требующие неотложного решения. В настоящее время наблюдается рост правонарушений, связанных с незаконными операциями частных лиц с криптовалютой.

Цель научной статьи – провести обзор законодательства, регулирующего оборот цифровых активов в Казахстане, оценить сложившуюся ситуацию и проанализировать риски, с которыми сталкиваются криптоинвесторы на современном этапе развития криптовалютного рынка.

В результате обсуждения проблем отечественного крипторынка, а также в заключительной части статьи авторы подчеркивают необходимость законодательных изменений, соответствующих требованиям времени, и предлагают конкретные рекомендации. По их мнению, дальнейшее расширение использования цифровых активов в стране приведет к разнообразию существующих активов и, соответственно, к появлению новых правовых и экономических отношений, связанных с цифровыми активами. Поэтому,

несмотря на наличие законодательной базы, ее необходимо постоянно совершенствовать в соответствии с современными потребностями.

Ключевые слова: экономика; цифровые активы; криптовалюта; финансы; незаконная операция; биржа; биткойн; валюта.

Y.M. Aytkazin, Zh.T. Kaliyauov
Alikhan Bukeikhan University, Semey, the Republic of Kazakhstan

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL ASSET TURNOVER IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines issues related to the legal regulation of the circulation of digital assets in the Republic of Kazakhstan, including the circulation of cryptocurrencies and the operation of cryptocurrency exchanges in the country. It also provides a detailed analysis of the risks faced by crypto investors in the crypto industry market.

According to the authors, there are several pressing issues in the legal regulation of cryptocurrency circulation that require urgent solutions. Currently, there is an increase in legal violations related to illegal transactions with cryptocurrency by private individuals.

The aim of the scientific article is to provide an overview of the legislation regulating the circulation of digital assets in Kazakhstan, to assess the current situation, and to analyze the risks faced by crypto investors at the present stage of cryptocurrency market development.

As a result of the discussion on the problems of the domestic crypto market and in the concluding part of the article, the authors emphasize the need for legislative changes that meet current demands and propose specific recommendations. In their view, further expansion in the use of digital assets in the country will lead to a diversification of existing assets and, consequently, to the emergence of new legal and economic relations related to digital assets. Therefore, despite the presence of a legislative framework, it must be continuously improved to meet modern needs.

Keywords: economy; digital assets; cryptocurrency; finance; illegal transaction; exchange; bitcoin; currency.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_173

Кіріспе. Бүкіл әлемде цифрлық активтерді қолдануға деген қызығушылық артып келеді, қолданыстағы валютаны криптовалютаға алмастыру әрекеттерін жиі кездестіре бастадық. Себебі, көптеген елдердің ұлттық валюталары тұрақсыз, инфляция үнемі өсіп отырады. Осыған байланысты, өз жинақтарын жаһандық криптовалюта қауымдастығы қолдайтын криптовалютада сақтау мүмкіндігі инновациялық формациядағы адамдарда көбірек сенім тудырады.

Біздің елде болса криптовалюта даулы құқықтық сипатқа ие. Қазақстанда криптаның айналымына тыйым жоқ, бірақ ол төлем құралы ретінде де ресми қолданылмайды, эмиссия мен айналымға да тыйым салынған.

Ал кейінгі кездері, оның қылмыстық құқықбұзушылықтардың себепкері бола

бастағаннан бері осы құқықтық институтты заңнамалық реттеу, онымен байланысты қылмыстық істерді тергеу және адамдардың құқықтарын қорғау мәселелері бойынша пікірталастар қоғамда күшейді.

Ішкі істер министрінің орынбасары Санжар Әділовтың сөзінше: «соңғы жылдары Қазақстан өзінің энергетикалық ресурстары мен қолайлы бизнес-климатының арқасында криптовалюта нарығында маңызды элементке айналған. Алайда, бұл сонымен қатар құқық қорғау органдарына, соның ішінде алаяқтық схемаларға қарсы күрес саласында жаңа мәселелерді тудыруда. Бізге қазір криптовалюта заттай дәлел ретінде қауіпсіз және тиімді сақтау үшін бірқатар қатаң рәсімдерді енгізу қажет»¹.

Ғылыми мақалада қойылған мақсат

¹ Криптовалюты в уголовных делах: в Астане прошел круглый стол [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://polisia.kz/ru/kriptovalyuty-v-ugolovnyh-delah-v-astane-proshel-kruglyj-stol/> (жүргізілген күні: 01.05.2025).

еліміздің цифрлық активтер айналымын реттейтін заңнамасына шолу жасау, қалыптасқан жағдайға баға беру, криптовалюта нарығының қазіргі даму кезеңінде криптоинвесторлар үшін туындап отырған тәуекелдерге талдау жасау болып табылады.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу барысында ақпараттық мәліметтер мен ғылыми ақпарат көздерінің аналитикалық әдісі қолданылды. Қазақстандағы криптовалюта индустриясын дамытуға бағытталған отандық және шет елдік авторлардың ғылыми еңбектеріне шолу жасалынып, заңнамаларды зерттеу теориялық және жүйелік талдау әдістерін пайдалану арқылы жүзеге асты.

Сонымен қатар, зерттеудің әдіснамалық негізін ғылыми таным әдістерінің жиынтығы құрады, оның ішінде диалектикалық, логикалық-құқықтық, жүйелік-құрылымдық және болжау әдістері бар.

Мақаланы дайындау үшін материалдар ретінде «Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы» Қазақстан Республикасының заңы, «Астана» халықаралық қаржы орталығы туралы» Қазақстан Республикасының Конституциялық Заңы, «Астана» халықаралық қаржы орталығының актілері қолданылып, жекелеген нормалары терең талданды. Сот тәжірибесінен зерттеу тақырыбына қатысты сот үкімдері талданды.

Талқылау. Экономиканың қарқынды ақпараттық-технологиялық прогресі мен оның жаһандануы, интернет-сервистердің барлық түрлеріне қолжетімділіктің артуы және бүкіл әлем бойынша қарапайым пайдаланушылар үшін қолжетімді болған цифрлық технологияларға қызығушылықтың артуы жылдам, ашық және тәуелсіз төлемдерді жүргізу мүмкіндіктерін ашатын виртуалды сегментте озық қаржы құралдарының пайда болуына, сондай-ақ кейбір цифрлық қаражаттарды басқаларына алмасуына әкелді. Ақша эволюциясының мұндай инновациялық шыңы криптовалюта болып отыр. Криптовалюта ақпаратты шифрлау мен кодтаудың криптографиялық әдістеріне негізделген виртуалды құндылық [1, 54 б.].

«Криптовалюталар қаржылық актив ретінде: жүйелік талдау» атты мақалада берілген түсіндірмеге сүйенсек: «криптовалюталар – бұл қаржы институттары арқылы өтпей-ақ онлайн-транзакциялар жасауға мүмкіндік беретін электрондық шифрланған құралдар» [2]. Цифрлық активтердің алғашқы түрлері 2009 жылы пайда болды, бұл 2008 жылғы біртоп әлемдік ірі банктердің жабылуына әкелген, көптеген адамдар өз активтерін жоғалтқан жойқын әлемдік қаржы дағдарысынан кейінгі кезең екені белгілі. Қарапайым тілмен айтқанда, криптовалюта дәстүрлі ақшаға, қаржы құралдарына, тіпті банктерге балама ретінде ойлап табылды [3].

Экономикалық басымдықтар, нормативтік-құқықтық базаның қалыптасуы, энергетикалық ресурстар және технологиялық әлеует – мұның барлығы әр елдің криптовалюта майнингі саласын реттеуге деген әртүрлі көзқарастардың болуын айқындайды [4]. Сол себепті, қазіргі уақытта әлемнің әртүрлі елдерінде криптовалюталар түріндегі цифрлық активтердің құқықтық мәртебесі әртүрлі анықталған. Бірқатар елдерде криптовалюта төлем құралы ретінде қолданылса, өзге бір топ елдерде ол валюта ретінде емес, алтын, өнер, жүйрік ат немесе яхталар секілді инвестициялар немесе жинақ құралдары ретінде жұмыс істейді [5].

Сондай-ақ, цифрлық активтердің үлкен құбылмалылығынан және орталықтандырылмаған сипатынан сескенетін және оны толық немесе ішінара тыйым салуды жөн көретін үшінші елдер де бар. Мысалы, Ливияда, Бахрейнде және Грузияда криптовалюталарды пайдалануға ішінара тыйым салынды, ал Қытай, Египет, Ирак және Мароккода оларды пайдалануға мүлде тыйым салған [6].

Әмбебап нормативтік базаның болмауы және криптовалюталардың трансшекаралық сипаты жағдайды күрделендірді. Швейцария мен Сингапур секілді елдер әмбебап нормативтік-құқықтық базаны құру үшін қадамдар жасаса, Қытай және Үндістан секілді ірі елдер әлі де криптовалюталарға қатысты заңнамалық және практикалық мәселелерді шеше алмауда [7].

Криптовалюталарды енгізу бойынша көрсеткіштерге келетін болсақ, Қазақстан бес позицияға көтеріліп, 2024 жылғы криптовалюталарды қабылдаудың жаһандық индексінде 57 орынды иеленді. Осы жерде атай кету керек, Орталық Азияда Өзбекстан мемлекеті криптовалюталарды енгізу бойынша көш бастап тұр, ол бір жылда 54 позицияға секіріс жасап, 33 орынға көтерілген. Жаһандық индексте бірінші орында Үндістан, одан кейін Нигерия, Индонезия, АҚШ және Вьетнам тұр².

Қазақстанда криптовалюта айналымы «Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы» 2023 жылғы 6 ақпандағы заңмен және «Астана» халықаралық қаржы орталығының актілерімен реттеледі. Заңнама криптовалютаның құқықтық мәртебесін бекітіп, ұғымы мен олардың жіктелімдерін айқындайды, бірақ, оны төлем құралы ретінде танымайды. Кейбір түрлерін қоспағанда, Қазақстан аумағында қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді (биткоин, эфирий) шығаруға, қамтамасыз етілмеген цифрлық активтердің айналымына, қамтамасыз етілмеген цифрлық активтер бойынша цифрлық активтер биржаларының қызметіне (қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді валютаға және валюталарды қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерге айырбастау жөніндегі қызметтер) тыйым салынған. Ал рұқсат етілгендеріне келетін болсақ, олардың қатарында тек «Астана» халықаралық қаржы орталығының (АХҚО) лицензиясын алған биржалардың қызметі. Мәселен, «Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы» заңның 11-бабының 5-тармағына сәйкес: «Астана» халықаралық қаржы орталығының аумағын қоспағанда, Қазақстан Республикасының аумағында қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді шығаруға және олардың айналымына, сондай-ақ қамтамасыз етілмеген цифрлық активтер бойынша цифрлық активтер биржаларының қызметіне тыйым салынады»³.

АХҚО шеңберінде бүгінгі күнде сегіз криптобиржа ресми түрде лицензияланған, олар: Binance, Bybit, ATAIX Eurasia, Biteeu, CaspianEx, BigOne, Delta DA және Signal&MT, оның ішінде тек ATAIX Eurasia қазақстандық болып табылады⁴. Rise Research және Freedom Horizons өткізген Орталық Азия мен Кавказдағы цифрлық активтер нарығы туралы соңғы есепке сәйкес, екі жылдың ішінде криптовалюталарды иеленетін Қазақстан азаматтарының үлесі екі есеге өскен: 2022 жылғы 4%-дан 2024 жылы болжамды 8%-ға дейін⁵.

Криптовалюталардың виртуалды табиғаты, атап айтқанда, материалдық базасы жоқ биткоин, криптовалюта эмиссияларының орталықтандырылмаған сипаты, биткоин бағамының қауіпсіздігі мен құбылмалылығы оны тауарлар мен қызметтер құнының әмбебап баламасы ретінде қарастыруға мүмкіндік бермейді. Ал биткоин деректерін шығару және сақтау механизмдерінің, пайдаланушылардың жеке басын анықтау мен олар жасайтын транзакцияларды бақылау мүмкіндігінің болмауы оларды теріс пайдалануларға әкелуде. Соның ішінде виртуалды валюталарды пайдалану арқылы қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға бағытталған операцияларды жүргізу әрекеттері артқан [8].

Бұқаралық ақпарат құралдарында криптовалюталарға қатысты қылмыстық істер туралы жарияланымдар жиі шыға бастады. Біздің юрисдикциямызда танылмаған активтермен жасалатын операцияларды жасаған азаматтардың саны артып келеді. Осындай әрекеттер үшін 2024 жылы ҚР Қылмыстық кодексінің 214-бабы бойынша жиырмаға жуық қылмыстық іс қозғалған.

Осындай істердің бірі Астана қаласында тіркелді, қала прокуратурасының мәліметінен: қала тұрғыны криптовалютаны заңсыз айырбастағаны үшін мүлкі тәркіленіп, 2 жыл 6 айға бас бостандығынан айырылды. Кінәлі тұлға қамтамасыз етілмеген цифрлық

² Digital assets in Central Asia and the Caucasus [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/uz/pdf/2024/11/ENG_Digital-Assets-in-CCA.pdf (жүгінген күні: 03.05.2025).

³ Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы: Қазақстан Республикасының 2023 ж. 6 ақпандағы № 193-VII Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2300000193> (жүгінген күні: 05.05.2025).

⁴ Цифрлық активтер қызмет көрсетушілері [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://publicreg.myaftsa.com/daspl/> (жүгінген күні: 05.03.2025).

⁵ Digital assets in Central Asia and the Caucasus [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/uz/pdf/2024/11/ENG_Digital-Assets-in-CCA.pdf (жүгінген күні: 03.05.2025).

активтерді қолма-қол ақша қаражатына айырбастау саласында лицензиясыз қызметті жүзеге асыра отырып, 6 ай ішінде аса ірі мөлшерде – 342,8 млн теңге сомасында заңсыз табыс тапқан. Прокуратураның талабы негізінде сотталғаннан мемлекет пайдасына 342,8 млн теңге көлемінде заңсыз алынған табыс сомасы өндірілді⁶.

Тағы бір мысал: Қостанай облысының тұрғыны заңсыз операциялары үшін сотталды, ол 2,5 жыл бойы қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді айналдырып келген. Сот азаматтың сайт арқылы қамтамасыз етілмеген Bitcoin, Litecoin, Ethereum сандық активін сатып алу-сатумен айналысқанын анықтады. Шетелдік төлем жүйелері платформаларында заңсыз айналымды жүзеге асырудан және қолма-қол ақшасыз валюта айырбастаудан ол 2 млрд теңгеден астам заңсыз табыс тапқан⁷.

Қазақстан Республикасының Қаржылық мониторинг агенттігі де мұндай заңсыз әрекеттердің жиілегенін растайды. Агенттіктің мәліметінше қазіргі уақытта жеке тұлғалардың криптовалютамен заңсыз операцияларды (сатып алу/сату, тауарлар, жұмыстар, қызметтер үшін есеп айырысулар, P2P арқылы операциялар) жүргізуі әрекеттері байқалуда⁸.

Тәжірибе көрсеткендей, құқық қорғау органдарының назарына негізінен тиісті рұқсат беретін құжатсыз жұмыс істейтін заңсыз крипто алмастырғыштар мен биржалар ілінеді.

Осы белең алған жағдайларға қатысты Мәжіліс депутаты Екатерина Смышляеваның білдірген пікірі бізге жөнді көрінеді және мемлекеттің осы мәселеге қатысты ұстанымын айқындайды. Депутат ханымның сөзінше: «Егер активтер заңды түрде алынған болса және заңды мақсаттарға бағытталса, онда тұрған ештеңе жоқ. Бірақ бұған көз жеткізудің мүмкін болмауы мәселе тудыруда, өйткені айырбастау операциялары көбінесе

лицензиясы бар, белгілі бір дәрежеде қорғалған және FATF талаптарын сақтайтын ресми сайттарда жасалмайды. Әзірге АХҚО-ның сегіз криптобиржасында тек 74 мың клиент тіркелген. Ал бейресми мәліметтерге сәйкес, бұл процеске миллионнан астам адам қатысады». Депутаттың пікірінше, биржаларды отандық ресми нарыққа шектеп кіргізудің басты себебі олар ұсынатын криптовалюталардың қамтамасыз етілмеуі мен тиісті деңгейде қорғалмауында жатыр⁹.

Сонымен, негізгі мәселе келесіде болып отыр – соңғы жылдары Қазақстанда криптовалютамен қатысты қандай да бір активті сатқысы келетін крипто инвесторлар өздері оны түсінбестен қылмыстық заңнаманы бұзуда. Барлық криптавалютаның айналымына қатысты істерде осындай мәселе бар деп айта алмаймыз, алайда сот үкімдеріне жүргізілген талдау нәтижесі көрсеткендей көп жағдайда жауапкершілікке тартылған тұлғалар өздерінің заңнаманы бұзғанын түсінбегенін атаған. Оның өзіндік себептері де бар.

Мәселен, халықаралық криптобиржалардың ерекшелігі сонда – олар Қазақстан заңдарымен шектелмейді. Олардың сайттарында анонимді цифрлық активтерге және қаржылық қылмыстар үшін пайдаланылуы мүмкін басқа құралдарға тыйым салынбаған. Бұл ретте Қазақстанда тыйым салынған әрбір криптобиржа азаматтар үшін еркін қол жетімді. Олардың қосымшалары мен ресми сайттары бұғатталмаған, ал олардың Қазақстан Республикасындағы қызметі туралы ресми түсініктемелер жоқтың қасы. Мысалы, АХҚО-мен ресми тіркелген ByBit алаңының жергілікті, яғни қазақстандық өкілдігі де, сонымен қатар халықаралық өкілдігі де бар. Біріншісі – елімізде ресми жұмыс істейтін заңды алаң, ал екіншісінде жұмыс істеуге болмайды. Ал ByBit алаңы ортақ бір сайт негізінде жұмыс істейді, оның ішінде жұмыс

⁶ Кінәлі тұлға криптовалюта заңсыз айырбастағаны үшін сотталды [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-astana/press/news/details/724147?lang=kk> (жүгінген күні: 09.05.2025).

⁷ Еще один казахстанец получил срок за операции с криптовалютой [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/odin-kazakhstanets-poluchil-srok-operatsii-kriptovalyutoy-544868/ (жүгінген күні: 10.05.2025).

⁸ Қазақстан Республикасының аумағында қамтамасыз етілмеген цифрлық активтердің айналымына тыйым салу туралы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/press/news/details/722187?lang=kk> (жүгінген күні: 12.05.2025).

⁹ В тюрьму или на биржу: можно ли законно торговать криптовалютой в Казахстане? [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.inbusiness.kz/ru/news/v-tyurmu-ili-na-birzhu-mozhno-li-zakonno-torgovat-kriptovalyutoj-v-kazahstane> (жүгінген күні: 12.05.2025).

істеу кезінде кейбір операциялар заңды, кейбірі оған қайшы, ал қарапайым сайтты қолданушыға оларды ажырату қиынға соғуда. Осындай бір мысалды № 7141-24-00-1/1712 қылмыстық іс материалдарында кездестіруге болады. Ондағы сотталушылардың бірі заңды платформада жұмыс істегенін алға тартып, өз кінәсін мойындаудан бас тартқан¹⁰.

Осыдан көретініміз, ресми түсіндірмелердің болмауы, өз заңдарын білмеуі қазақстандықтардың арасында жекелеген биржаларға қатысты заңдылық иллюзиясын қалыптастырған. Бұл иллюзия Қазақстанда криптовалюта арқылы жасалатын заңсыз операциялармен қатысты қылмыстар саны көбейгенше дейін сақталды. Қылмыстар саны артқанда ғана құқық қорғау органдары оянып, әрекет ете бастады. Сол кезде барып көптеген адамдар өздерінің қателесіп қалғандарын түсінді.

Қазақстандық блокчейн технологиялары және жасанды интеллект қауымдастығының төрағасы Дәурен Қарашевтың пікірінше, отандық крипто-энтузиастар биржа алаңдарының Қазақстанда лицензиясы бар-жоғын әрдайым түсіне бермейді. Бұл өз кезегінде көптеген мәселелерді тудыруда¹¹.

Аталғандармен қатар, бүгінгі күнде криптовалюта өзге де түрлі қылмыстардың құралына айналууда. Мысалы, терроризмді қаржыландыру заңсыз криптовалюта операцияларының өте аз бөлігін құраса да, террористік ұйымдар цифрлық активтер арқылы қаражатты белсенді түрде пайдаланады. Яғни, криптовалютаны қаржы құралы ретінде айырбастау мүмкіндігі терроризмді қаржыландыру тұрғысынан қызығушылық тудыруда және оны террористік ұйымдар жасырын операцияларын дайындау

үшін пайдалануы мүмкін. Интернет-кеңістіктегі криптовалюталардың көмегімен есірткі де сатылады, алаяқтықтар да жасалуда¹².

Осылардың ішінде Қазақстан үшін алаяқтық пен қаржылық пирамида құрумен қатысты қылмыстардың жасалуы қауіпі де жоғары деп санаймыз және оған қатысты қылмыстық іс те тіркелген болатын: 2023 жылы Жезқазғанда қаржы пирамидасының жұмысы әшкереленді, Қаржылық мониторинг агенттігінің мәліметінше «MetaGo» деп аталған жобаға 600-ден астам адам тартылған, салымшыларға криптовалютаға инвестиция салу ұсынылған. Нәтижесінде, ұйымдастырушылар 124 млн теңгеден астам қаражат тартқан¹³.

Сондықтан бүгінгі таңда криптовалюта алаяқтарының құрбаны болған азаматтардың құқықтарын қорғау, виртуалды ақшаны пайдалану кезінде деструктивті әсерлерден цифрлық ақпараттың қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелері де өзекті бола түсуде¹⁴.

Криптовалютаны қылмыстық мақсатта пайдаланулармен күрес үшін құқық қорғау органдарымен сыртқы әсерлерден қорғалған тәркіленген криптовалютаны сақтау үшін әмияндарды пайдалану мүмкіндіктері талқыланды. Сонымен қатар, интернет-платформаларды бақылау тетіктерін жақсарту және криптовалюталармен байланысты қылмыстарды тергеудің жаңа тәсілдерін әзірлеу қажеттілігі де талқыланып жүр¹⁵.

Саланы зерттеуші ғалымдардың айтуынша, цифрлық активтер айналымын тиімді реттеу үшін қажет нормативтік база келесілерді қамтуы тиіс:

1) нақты анықтамалар мен терминология;

¹⁰ Қазақстан Республикасы Жоғарғы соты, сот кабинеті базасынан: № 7141-24-00-1/1712 қылмыстық іс материалдары.

¹¹ Казахстанские майнеры могут оказаться в тюрьме, не подозревая о нарушении закона – эксперт [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.inform.kz/ru/kazahstanskije-mayneri-mogut-okazatsya-v-tyurme-ne-podozrevaya-chto-narushayut-zakon-ekspert-cd4ec7> (жүгінген күні: 15.05.2025).

¹² Вопросы криптовалют в практике гражданского и уголовного судопроизводства [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.agka.kz/ru/%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%8B-%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82-%D0%B2-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4/> (жүгінген күні: 17.05.2025).

¹³ Более 124 млн тенге выманили у жителей Жезказгана создатели криптовалютной пирамиды [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://informburo.kz/novosti/bolee-124-mln-tenge-vymanili-u-zitelei-zezkazgana-sozdateli-kriptovalyutnoi-piramidy> (жүгінген күні: 17.05.2025).

¹⁴ Вопросы криптовалют в практике гражданского и уголовного судопроизводства [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.agka.kz/ru/%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%8B-%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82-%D0%B2-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4/> (жүгінген күні: 17.05.2025).

¹⁵ Криптовалюты в уголовных делах: в Астане прошел круглый стол [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://polisia.kz/ru/kriptovalyuty-v-ugolovnyh-delah-v-astane-proshel-kruglyj-stol/> (жүгінген күні: 18.05.2025).

2) цифрлық активтерді пайдаланудың негізгі түрлері үшін әзірленген қағидалар;

3) криптоактивтерге ықтимал әсерге қатысты реттелетін қаржы институттарына қойылатын нақты талаптар (мысалы BOBS стандарттары);

4) криптехнологиялардың дамуын ескере отырып, реттеуді әрдайым өзекті қылып ұстап отыру үшін түзетулер енгізуге мүмкіндік беретін құрылым.

Сонымен қатар, ақпарат алмасуды және тәуекелдерді мерзімді бақылауды қамтитын халықаралық ынтымақтастық та қажет [9].

Дегенмен де, мәселелердің болуына қарамастан Қазақстан өзінің криптовалюта индустриясын дамытуға тырысып, заңнаманы жетілдіруге байланысты әрекеттерін жалғастыруда. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаев Үкіметтің кеңейтілген отырысында сөйлеген сөзінде: «қазір мұндай активтерді тек Астана халықаралық қаржы орталығындағы криптобиржа базасында ғана заңды түрде пайдалануға болады. Алайда, сарапшылардың бағалауынша, Орталықты сауда алаңы ретінде қазақстандық криптоинвесторлардың небары 5 пайызы пайдаланады. Қалғаны астыртын жұмыс істейді. Цифрлық активтердің заңды түрде қолдану аясын кеңейтуге арналған инфрақұрылымды жедел құру керек. Қаржы саласының реттеушілері тиісті заңнама базасын қалыптастыруды қолға алғаны жөн» – деген болатын¹⁶.

Қазақстандық авторлар Қ. Қойшыбайұлы, Д.З. Копбаев пен А.Б. Бидайшиеваның пікірлерінше, елімізде цифрлық активтерге қатысты құқықтық режимді құру қазіргі заманғы қажеттілік қана емес, сонымен бірге ол ел экономикасы үшін үлкен мүмкіндіктер ұсынады. Цифрлық активтерді дамыту оған байланысты жаңа құқықтық және экономикалық қатынастардың пайда болуына қосымша мүмкіндіктер беретін болады. Мысалы цифрлық-кастодиандық қызметтер крипто активтерді сақтау немесе жеке криптографиялық кілттерді сақтау, криптовалюталарды басқару және қорғаумен байланысты жаңа қызмет түрлері пайда

болады [5].

Нәтижелер. Кең таралған цифрландыруға қарамастан, ел экономикасындағы криптовалюта ресми түрде толық айналымда емес, өзгеше айтқанда ол жартылай көлеңкелі аймақта қалып отыр. Бір жағынан, мемлекет криптоиндустрия түріндегі заманауи экономикалық үрдістерді қабылдауға тырысады, екінші жағынан, билік блокчейннің орталықтандырылмаған табиғатынан және одан туындайтын көлеңкелі экономиканың тәуекелдерінен қорқып, сақтықпен әрекет етуде. Ал мемлекеттік кірістер органдары крипто нарығының барлық қатысушылары үшін ашық және түсінікті салық салу механизмін әлі де әзірлеген жоқ.

Қазақстанда криптовалюта айналымы «Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы» 2023 жылғы 6 ақпандағы заңмен және «Астана» халықаралық қаржы орталығының актілерімен реттеледі. Заңнама криптовалютаның құқықтық мәртебесін бекітіп, ұғымы мен олардың жіктелімдерін айқындайды, бірақ оны төлем құралы ретінде танымайды. Кейбір түрлерін қоспағанда, Қазақстан аумағында қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді шығаруға, қамтамасыз етілмеген цифрлық активтердің айналымына, қамтамасыз етілмеген цифрлық активтер бойынша цифрлық активтер биржаларының қызметіне тыйым салынған. Ал рұқсат етілгендеріне келетін болсақ, олардың қатарында тек «Астана» халықаралық қаржы орталығының лицензиясын алған биржалар кіреді.

«Астана» халықаралық қаржы орталығы Қазақстанда криптоиндустрияны дамытуда өзінің құқықтық режимін ұсынуда және инвестициялар тартуда шешуші рөл атқарып келеді.

Қазіргі уақытта жеке тұлғалардың криптовалютамен заңсыз операциялар жасаумен қатысты құқықбұзушылықтардың саны артқан. Оған биржа алаңдарының Қазақстанда лицензиясы бар-жоғына қарамастан еркін жұмыс істеуі, ал азаматтардың олардың аражігін ажырата алмауы үлкен мәселелер тудыруда. Ресми

¹⁶ Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Үкіметтің кеңейтілген отырысында сөйлеген сөзі, 2025 ж. 28 қаңтар [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhmart-tokaevty-n-ukimettin-keneytilgen-otyrysynda-soylegen-sozi-2801820> (жүзінген күні: 18.05.2025).

тіркелген биржаларды сауда алаңы ретінде қазақстандық криптоинвесторлардың небары 5 пайызы пайдаланады. Қалғаны астыртын жұмыс істейді және бұл олардың әрекеттерін заңсыз және тәуекелді етеді.

Қорытынды. «Цифрлық активтер туралы» заң криптовалютаны цифрлық актив ретінде танудың негіздерін белгілейді, бірақ оны төлем құралы ретінде танымайды. Жыл сайын отандық нарықтағы криптобиржалардың саны артып келеді, соның негізінде криптоиндустрия қарқынды даму үстінде және мұндай үрдістің сақталуы келешекте криптовалютаны елімізде заңды төлем құралы ретінде тануға әкелуі мүмкін деп болжаймыз.

Елімізде цифрлық активтерді пайдалануды одан әрі кеңейту қолданыстағы активтердің күрделенуіне және цифрлық активтермен байланысты жаңа құқықтық және экономикалық қатынастардың пайда болуына әкеледі. Сол себепті, заңнамалық негізінің болуына қарамастан бүгінгі күннің қажеттілігін қанағаттандыратын заңнамалық өзгерістер қажет екендігі байқалады. Заңды капиталы бар қызметті пайдаланушы болып табылатын қарапайым азаматтардың құқықтарын қорғаудың тетіктері қажет. Оның ішінде айырбастауды ұйымдастырушы болып табылмайтын, бірақ заңды капиталы бар қызметті пайдаланушы тұлғалардың

қылмыстық қудалау тәуекелдерінен қорғаудың тетіктері қажет. Ондай тәуекелдердің бар екендігі анық.

Сондай-ақ, мемлекет аумағында криптобиржалардың жұмысын нақты айқындайтын заңнамалық шаралар қажет, ол астыртын жұмыс істейтін биржалардың жұмысын шектеуге бағытталуы тиіс. Ең алдымен, криптобиржаларды лицензиялау талаптарын күшейту ұсынылады. Бұл талаптарға капиталдың минималды мөлшері, киберқауіпсіздік жүйесінің болуы және клиенттердің жеке деректерін қорғау міндеттемесі кіреді. Аталғандармен қатар, барлық операцияларды ашық тіркеуді міндеттейтін блокчейн негізіндегі бақылау жүйесін енгізу қажет деп санаймыз. Күдікті қаржылық операцияларды анықтау және тоқтату үшін қаржы мониторингі агенттігімен интеграцияланған қадағалау тетіктерін енгізу де нәтиже беруі тиіс.

Сонымен қатар, интернет-платформаларды бақылау тетіктерін жақсарту және криптовалюталармен байланысты қылмыстарды тергеудің жаңа тәсілдерін әзірлеу қажеттігі өзекті деп санаймыз. Криптовалютаны қылмыстық мақсатта пайдаланулармен күрес үшін құқық қорғау органдарымен сыртқы әсерлерден қорғалған тәркіленген криптовалюталарды сақтау үшін әмияндар қажет.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Долгиева, М.М. Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты: дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра юрид. наук / М.М. Долгиева. – Москва, 2023. – 474 с.
2. Corbet, Sh. Cryptocurrencies as a financial asset: A systematic analysis / Sh. Corbet, et al. // International Review of Financial Analysis. – 2019. – Vol 62. – Pp. 182-199.
3. Frediani, M. Crafting the Future of Finance: A Comparative Analysis of Cryptocurrency Regulation in the Global Economy / M. Frediani // Journal of Financial Risk Management. – 2024. – Vol.13. No.1. – Pp. 193-206.
4. Mussin, B. Problems and prospects of state regulation of Cryptomining in Kazakhstan / B. Mussin, et al. // Viešoji politika ir administravimas public policy and administration. – 2024. – Vol. 23, Nr. 1. – Pp. 63-73.
5. Қойшыбайұлы, Қ. Правовое регулирование блокчейн и криптовалют: проблемы и перспективы выпуска токенов и их оборот на территории Республики Казахстан / Қ. Қойшыбайұлы, Д.З. Копбаев, А.Б. Бидайшиева // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – № 1 (72). – С. 98-107.
6. Абдуллаева, З.Ю. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и странах Европейского Союза / З.Ю. Абдуллаева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 8. – С. 131-140.

7. Aman, M. The legality of cryptocurrency and its challenges: a global perspective / M. Aman // Journal of novel research and innovative development. – 2024. – Vol. 2. Issue 4. – Pp. 224-230.
8. Janadilov, O. The perspectives and legal regulations of cryptocurrency: the Kazakhstan's approach / O. Janadilov, S. Cheloukhine // North caucasus legal vestnik. – 2019. – Vol. 3, Nr. 3. – Pp. 106-113.
9. Frediani, M.E.A. Crafting the Future of Finance: A Comparative Analysis of Cryptocurrency Regulation in the Global Economy / M.E.A. Frediani // Journal of Financial Risk Management. – 2024. – Vol. 13. – Pp. 193-206.

References:

1. Dolgieva, M.M. Teoreticheskie osnovaniya ugovnoy politiki v sfere oborota kriptovaljuty: dis. na soisk. uch. st. D-ra juridich. nauk / M.M. Dolgieva. – Moskva, 2023. – 474 s.
2. Corbet, Sh. Cryptocurrencies as a financial asset: A systematic analysis / Sh. Corbet, et al. // International Review of Financial Analysis. – 2019. – Vol 62. – Pp. 182-199.
3. Frediani, M. Crafting the Future of Finance: A Comparative Analysis of Cryptocurrency Regulation in the Global Economy / M. Frediani // Journal of Financial Risk Management. – 2024. – Vol.13. No.1. – Pp. 193-206.
4. Mussin, B. Problems and prospects of state regulation of Cryptomining in Kazakhstan / B. Mussin, et al. // Viešoji politika ir administravimas public policy and administration. – 2024. – Vol. 23, Nr. 1. – Pp. 63-73.
5. Қошшыбайұлы, Қ. Правовое регулирование блокчейн и криптовалют: проблемы и перспективы выпуска tokenov i ih oborot na territorii Respubliki Kazahstan / Қ. Қошшыбайұлы, D.Z. Kopbaev, A.B. Bidajshieva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2023. – № 1 (72). – S. 98-107.
6. Abdullaeva, Z.Ju. Pravovoe regulirovanie cifrovyyh finansovyh aktivov v Rossijskoj Federacii i stranah Evropejskogo Sojuza / Z.Ju. Abdullaeva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA). – 2022. – № 8. – S. 131-140.
7. Aman, M. The legality of cryptocurrency and its challenges: a global perspective / M. Aman // Journal of novel research and innovative development. – 2024. – Vol. 2. Issue 4. – Pp. 224-230.
8. Janadilov, O. The perspectives and legal regulations of cryptocurrency: the Kazakhstan's approach / O. Janadilov, S. Cheloukhine // North caucasus legal vestnik. – 2019. – Vol. 3, Nr. 3. – Pp. 106-113.
9. Frediani, M.E.A. Crafting the Future of Finance: A Comparative Analysis of Cryptocurrency Regulation in the Global Economy / M.E.A. Frediani // Journal of Financial Risk Management. – 2024. – Vol. 13. – Pp. 193-206.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ерлан Майданұлы Айтқазин – Alikhan Bukeikhan University докторанты, құқық магистрі, e-mail: aytkazin1805@mail.ru.

Айтқазин Ерлан Майданұлы – докторант Alikhan Bukeikhan University, магистр права, e-mail: aytkazin1805@mail.ru.

Aytkazin Yerlan Maydanuly – Doctoral Student of Alikhan Bukeikhan University, Master of Law, e-mail: aytkazin1805@mail.ru.

Женис Тлеугазыевич Калияуов – Alikhan Bukeikhan University азаматтық-құқықтық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, құқықтану магистрі, e-mail: santana_85@mail.ru.

Калияуов Женис Тлеугазыевич – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Alikhan Bukeikhan University, магистр юриспруденции, e-mail: santana_85@mail.ru.

Kaliyauov Zhenis Tleugazyevich – Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of Alikhan Bukeikhan University, Master of Jurisprudence, e-mail: santana_85@mail.ru.

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ЖӘНЕ БАСҚА МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР ҚЫЗМЕТІ / ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ / THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES

UDC 347.963; 343.2/.7(4/9)
IRSTI 10.71.35; 10.71.91

I.S. Maatov¹, A.K. Kiyazov²

¹Prosecutor's Office of Aravan district of Osh region, the Kyrgyz Republic

²General Prosecutor's Office of the Kyrgyz Republic, Bishkek, the Kyrgyz Republic

ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN THE PROSECUTOR'S OFFICE: PRACTICE OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND FOREIGN EXPERIENCE (COMPARATIVE ASPECT)

Abstract. The article examines the introduction of electronic document management in the prosecutor's offices of the Kyrgyz Republic and provides a comparative analysis of foreign experience (Kazakhstan, Uzbekistan, Republic of Korea, Russia, China). The main achievements and problems of digitalization of prosecutorial bodies are noted. Particular attention is paid to how Kyrgyzstan uses the experience of Kazakhstan in this field. It has been revealed that the implementation of automated records management systems and a unified electronic register significantly increase the efficiency of supervisory activities, reduces the time for consideration of materials, and increases the transparency of prosecutorial supervision. Foreign experience (including the use of the information-analytical system "Qadaǵalau" in Kazakhstan, total digitalization of records management in the Republic of Korea, and experiments with AI-prosecutors in China) demonstrates the prospects for further digital transformation of the prosecutor's office.

Keywords: electronic document management; prosecutor's office; digitalization; automated system; electronic register; supervisory activity; comparative analysis; foreign experience.

И.С. Маатов¹, А.К. Киязов²

¹Ош облысы Араван ауданының прокуратурасы, Қырғыз Республикасы

²Қырғыз Республикасының Бас прокуратурасы, Бішкек қ., Қырғыз Республикасы

ПРОКУРАТУРА ОРГАНДАРЫНДАҒЫ ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҚҰЖАТ АЙНАЛЫМЫ: ҚЫРҒЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ҮЛГІЛЕР (САЛЫСТЫРМАЛЫ АСПЕКТ)

Аннотация. Мақала Қырғыз Республикасының прокуратура органдарында электрондық құжат айналымын енгізу қарастырылып, шетелдік тәжірибеге (Қазақстан, Өзбекстан, Корея Республикасы, Ресей, Қытай) салыстырмалы талдау жасалады. Прокуратура органдарын цифрландырудың негізгі жетістіктері мен мәселелері атап өтіледі. Бұл салада Қырғызстанның Қазақстан тәжірибесін қалай пайдаланатынына ерекше назар аударылған. Іс жүргізуді автоматтандырылған жүйелерді және бірыңғай электрондық тізілімді енгізу қадағалау қызметінің тиімділігін едәуір арттыратыны, материалдарды қарау мерзімін қысқартатыны және прокурорлық қадағалаудың ашықтығын жоғарылататыны анықталды. Шетелдік тәжірибе (оның ішінде Қазақстандағы «Қадағалау» ақпараттық-талдамалық жүйесін қолдану, Корея Республикасында іс жүргізуді толық цифрландыру және Қытайдағы жасанды интеллект-прокурорларымен тәжірибелер) прокуратураның бұдан әрі цифрлық трансформациясының болашағын көрсетеді.

Түйінді сөздер: электрондық құжат айналымы; прокуратура; цифрландыру; автоматтандырылған жүйе; электрондық тізілім; қадағалау қызметі; салыстырмалы талдау; шетелдік тәжірибе.

И.С. Маатов¹, А.К. Киязов²

¹Прокуратура Араванского района Ошской области, Кыргызская Республика

²Генеральная прокуратура Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ПРОКУРАТУРЕ: ПРАКТИКА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматривается внедрение электронного документооборота в органах прокуратуры Кыргызской Республики и проводится сравнительный анализ зарубежного опыта (Казахстан, Узбекистан, Республика Корея, Россия, Китай). Отмечены основные достижения и проблемы цифровизации прокурорских органов. Особое внимание уделено тому, как Кыргызстан использует опыт Казахстана в этой сфере. Выявлено, что внедрение автоматизированных систем делопроизводства и единого электронного реестра значительно повышает эффективность надзорной деятельности, сокращает сроки рассмотрения материалов и повышает прозрачность прокурорского надзора. Зарубежный опыт (в т.ч. использование информационно-аналитической системы «Қадағалау» в Казахстане, тотальная цифровизация делопроизводства в Республике Корея и эксперименты с ИИ-прокурорами в Китае) демонстрирует перспективы дальнейшей цифровой трансформации прокуратуры.

Ключевые слова: электронный документооборот; прокуратура; цифровизация; автоматизированная система; электронный реестр; надзорная деятельность; сравнительный анализ; зарубежный опыт.

DOI: 10.52425/25187252_2025_37_183

Introduction. Digital transformation affects all areas of state activity, including the prosecutorial system. In modern conditions, the effective functioning of prosecutor's offices is unthinkable without the introduction of information and communication technologies and the automation of accounting and supervision processes. As Gruzdev V.V. et al. note, despite the complexity of the digitalization process of prosecutor's offices, the use of automated programs, electronic document management, and the capabilities of artificial intelligence increases the speed, quality, and accuracy of prosecutors' work, bringing law enforcement activities to a new level. The goal of digital innovations is to achieve more effective enforcement of legality and law and order while minimizing bureaucratic barriers [1].

In Kyrgyzstan, the transition of the prosecutor's office to electronic document management has been actively implemented in recent years. Since December 1, 2021, simultaneously with the entry into force of new criminal and other codes, the General Prosecutor's Office has put into operation the automated information systems "Unified Register of Crimes" and "Unified Register of Offenses" throughout the country. These centralized electronic databases allow the registration of reports on crimes and misconduct exclusively in digital format. At the same

time, an updated version of the departmental electronic document management system of the prosecutor's offices of the Kyrgyz Republic was launched, covering all prosecutorial bodies. In fact, since November 2021, all document management in the prosecutor's office has been transferred to electronic form, and the first entry in the new Unified Register of Crimes was made at 00:56 on December 1, 2021 (the Chuy Regional Department of Internal Affairs registered a traffic accident) [2].

In many countries, strategic documents aimed at the digital transformation of prosecutor's offices have been adopted. For example, in the Russian Federation, the Concept for the Digital Transformation of the Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office until 2025 is being implemented, approved by the order of the Prosecutor General of the Russian Federation and updated in accordance with modern requirements. Similar programmatic measures are also being taken in the countries of Central Asia. Thus, the Security Council of the Kyrgyz Republic approved the concept "Digital Kyrgyzstan 2019–2023," aimed at widespread digitalization, including the sphere of law and order. In Uzbekistan, the President approved by Decree the Strategy "Digital Uzbekistan – 2030," initiating the broad introduction of ICT into public

administration and the work of law enforcement agencies. According to researchers, the processes of digitalization of prosecutor's offices in the CIS countries generally follow global trends and are aimed at increasing the efficiency of supervisory activities.

Materials and methods. The study has a review-comparative character. Methods of comparative legal analysis, generalization of experience, and content analysis of documents were used. The materials included: current regulatory legal acts of the Kyrgyz Republic and foreign countries on digitalization issues (2020-2025), official data and press releases of the prosecutor's offices, as well as scientific publications from departmental collections and peer-reviewed journals. For Kazakhstan, Uzbekistan, the Republic of Korea, the Russian Federation, and the People's Republic of China, sources in Russian were considered, including data from the Coordinating Council of Prosecutors General of the CIS, materials of news agencies, and scientific works. The reliability of the conclusions is ensured by reliance on specific facts and figures (for example, the results of system implementation, regulations, statistics), and not only on theoretical assumptions. Such a methodological approach makes it possible to objectively compare the practice of Kyrgyzstan with foreign experience and to determine the prospects for the further development of electronic document management in the prosecutor's offices.

Results, discussion. In the Kyrgyz Republic, the digitalization of prosecutor's offices is carried out in the context of the overall state policy "Digital Kyrgyzstan". The starting impetus was the adoption of conceptual documents: in 2019, the Security Council of the Kyrgyz Republic approved the Concept of Digital Transformation "Digital Kyrgyzstan 2019-2023," which defined the transition to electronic interaction in all state bodies. In the development of these ideas, the basic law was reformed. The Constitutional Law of the Kyrgyz Republic "The Prosecutor's Office of the Kyrgyz Republic" (signed on September 10, 2021) was adopted, which reflects new requirements for the organization of the activities

of the prosecutor's office, including the need to introduce modern technologies and information systems into the work of the prosecutorial bodies. The law established the legal foundations for maintaining the Unified Register of Crimes and Offenses, electronic registration of appeals, and other digital innovations [3].

One of the key achievements of digitalization was the creation of the system Unified Register of Crimes and Offenses (URCO) – a centralized electronic database for the registration of all criminal cases and offenses. Since January 1, 2019, this automated information system has been functioning nationwide. Its implementation made it possible to transfer into electronic format the process of registration, monitoring, and supervisory control over the investigation of crimes. As a result, the efficiency of accounting increased: according to official data of the Prosecutor General's Office, in the first 8 months of 2020, more than 90,000 pre-trial proceedings were registered in the URCO. Prosecutors obtained the ability to track the progress of investigations online, which improves the quality of supervision and the discipline of investigative bodies. In addition, the electronic register minimizes the risks of loss or concealment of case materials and ensures uniformity of crime statistics [3, 178 p.].

In December 2021, with the entry into force of the new Criminal and Criminal Procedure Codes, updated versions of the key information systems of law enforcement agencies were launched in Kyrgyzstan. According to the press service of the Prosecutor General's Office of the Kyrgyz Republic, as of December 1, 2021, the following were fully transferred into electronic format and implemented throughout the republic: the updated AIS "Unified Register of Crimes", the new system "Unified Register of Offenses" (for the registration of offenses and administrative cases), as well as the updated version of the departmental electronic document management system of the prosecutor's offices¹.

As a result, the circulation of documents has significantly accelerated: whereas previously assignments, reports, and approvals could be delayed due to paper transmission, now

¹ Совет безопасности КР. Одобрение Концепции «Цифровой Кыргызстан 2019-2023» (пресс-релиз) // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2019. – № 10. – 300 с.

the process takes only minutes. The system ensures transparency – the leadership of the Prosecutor General's Office can control in real time the status of consideration of appeals and acts of prosecutorial response, which disciplines employees and reduces the risk of delays. Additionally, automation has simplified the preparation of statistics and analytics: the electronic registration of citizens' complaints allows for more precise tracking of the results of their consideration and identifying problem areas. The outcome of the first years of digitalization has been the reduction of bureaucratic burden, saving prosecutors' time, eliminating duplication of paper processes, and reducing costs for paper and postal services.

At the same time, digital transformation has revealed a number of challenges: the need for staff training, ensuring cybersecurity, and the difficulties of the transition period when paper and electronic processes were temporarily duplicated. To address these issues, large-scale training sessions were conducted, data protection was strengthened in cooperation with the State Enterprise "Tunduk," and domestic IT specialists were involved in development². An important direction was the use of foreign experience, primarily that of Kazakhstan: in 2022, employees of the Prosecutor General's Office of the Kyrgyz Republic attended a training course where they were presented with Kazakhstan's systems for the automation of the criminal process and internal document management, developed within the framework of the "Digital Kazakhstan" program. This experience was recognized as valuable and formed the basis for the creation of Kyrgyz electronic platforms: in the development of the URCO, the principles of the Kazakh Unified Register of Pre-Trial Investigations were taken into account, and the internal document management system was oriented toward the "Qadaǵalau" model. Thus, the digital infrastructure of the prosecutor's offices of the Kyrgyz Republic is developing on the basis of tested solutions of neighboring countries, which makes it possible to minimize

risks and accelerate the introduction of innovations³.

Back in the 2010s, Kazakhstan launched the state program "Digital Kazakhstan", within which a modern IT infrastructure was created for law enforcement agencies. The Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan received several powerful information systems, integrated with each other. These include: the Unified Register of Pre-trial Investigations (URPI) – an electronic database for registering all criminal offenses and tracking the progress of their investigation; the Unified Register of Appeals – a database of appeals from citizens and legal entities to all state bodies; a number of specialized databases (for example, records of persons who have committed crimes, etc.). The central place among these solutions is occupied by the Unified Information and Analytical System "Qadaǵalau" of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan – a comprehensive electronic document management system for the prosecutor's office.

The "Qadaǵalau" system was implemented to automate the internal processes of the prosecutor's office and interaction with other state bodies. According to official information from the Committee on Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, the UIAS "Qadaǵalau" is designed to automate document management processes within the prosecutor's office, between territorial divisions, as well as to integrate with the unified electronic document management system of state bodies. In other words, "Qadaǵalau" is connected to interdepartmental electronic document management, which allows the prosecutor's office to promptly receive and send documents to other state bodies. The system itself accumulates all internal documents of the prosecutor's office, including inspection materials, supervisory proceedings, citizen appeals, and response acts. Thanks to this, the central office of the General Prosecutor's Office in Nur-Sultan (Astana) and regional prosecutor's offices can conduct online monitoring of the

² Совет безопасности КР. Одобрение Концепции «Цифровой Кыргызстан 2019–2023» (пресс-релиз) // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2019. – № 10. – С. 3–5.

³ Краткая информация об информационно-аналитических системах (в т.ч. ЕИАС «Қадағалау») // Комитет по правовой статистике Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Electronic resource] – Access mode: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/press/article/details/17505> (Access date: 10.07.2025).

activities of subordinate divisions, carrying out so-called remote (cameral) supervision⁴.

The practical advantages of implementing “Qadaǵalau” in Kazakhstan are obvious. Firstly, daily operational control over the performance of duties by prosecutorial employees has been ensured. As explained in the materials of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan, the system allows the head of the prosecutor’s office or a responsible controller to view the progress of consideration of each appeal in real time. If a delay or overdue deadline is approaching somewhere, an electronic notification is triggered, reminding of the approaching deadline [4].

The introduction of digital systems in the prosecutor’s office has significantly limited the human factor, eliminating the possibility of intentional delays and “forgetfulness”. A centralized electronic archive has simplified data search and analysis: employees with access can promptly find the necessary materials and compare them with similar cases. The abandonment of paper flows has reduced the burden on the apparatus – documents are not duplicated and do not require resending, which saves dozens of percent of time in coordination and dispatch. A significant effect has also been observed in the area of citizen appeals: the “Qadaǵalau” system allows real-time tracking of their status, monitoring compliance with deadlines, and responding to repeated complaints. Thanks to this, the number of repeated appeals has decreased, and violations are eliminated already at the stage of electronic monitoring. According to the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan, in some regions after the introduction of the UIAS, the number of justified complaints against state bodies decreased by more than 30%. The “Aiqyn” project provided citizens with online tools to monitor the fate of their appeals, which increased public trust and strengthened transparency of supervision⁵.

Kazakhstan’s experience has also revealed

challenges: the integration of disparate databases (URPI, “Qadaǵalau”, special records) required significant technical resources and time, but the creation of a unified data exchange gateway became an important achievement. Information security also became a challenge: powerful centralized systems require enhanced protection, so the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan uses international experience, including the practices of South Korea, and even engaged “ethical hackers” to test vulnerabilities. Great attention is paid to personnel training – the Academy of Law Enforcement Agencies introduced courses on digital literacy, big data skills, and cyber investigations⁶. As a result, Kazakhstan has built a holistic electronic document management system for the prosecutor’s office, recognized as one of the most successful in the region. This experience is highly valued by neighboring countries and international organizations and is actively used by Kyrgyzstan, which, implementing reforms with some delay, can directly rely on proven models and avoid mistakes.

In recent years, Uzbekistan has made a significant leap in the digitalization of public administration, and the prosecutor’s office has not been an exception. The strategic vision of these processes is reflected in Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan No. UP-6079 of October 5, 2020, “On Approval of the Strategy ‘Digital Uzbekistan – 2030’ and Measures for Its Effective Implementation”. This decree approved a large-scale digital development strategy that envisages the introduction of modern ICT into all spheres, primarily into the system of public administration and justice. Within this strategy, programs of digital transformation have been approved for various sectors and regions, giving new momentum to reforms related to e-government. As noted by the Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan, Nigmatilla Yuldashev, speaking at the meeting of the Coordination

⁴ Краткая информация об информационно-аналитических системах (в т.ч. ЕИАС «Қадағалау») // Комитет по правовой статистике Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Electronic resource] – Access mode: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/press/article/details/17505> (Access date: 10.07.2025).

⁵ Внедрение цифровых технологий в органы прокуратуры Кыргызстана обсуждено на заседании // Координационный совет генеральных прокуроров государств-участников Содружества независимых государств [Electronic resource] – Access mode: <https://www.ksgp-cis.ru/news/news-item/2629> (Access date: 10.07.2025).

⁶ In the same place.

Council of Prosecutors General of the CIS in September 2021, comprehensive work is being carried out in the country on the full-scale digitalization of the activities of the prosecutor's office. This process is being implemented in line with the national strategy "Digital Uzbekistan – 2030" and includes several priority areas⁷.

Firstly, special attention is paid to the introduction of online control tools in the prosecutor's office of Uzbekistan. This refers to analogues of the above-described Kazakhstani practice: the creation of monitoring systems that allow the leadership of the prosecutor's office to control certain processes in real time. For example, the General Prosecutor's Office has introduced information panels displaying statistics on the consideration of citizens' appeals by region, the dynamics of identifying violations of the law, the workload of prosecutors, etc. Secondly, emphasis is placed on increasing the transparency of administrative procedures and minimizing direct contacts between prosecutors and citizens or representatives of supervised bodies. This is an important anti-corruption measure: when the submission of documents, complaints, and reports takes place through electronic portals, the ground for informal communication and potential abuse disappears⁸.

Thus, today in Uzbekistan an appeal to the prosecutor's office can be submitted online through the Unified Portal of Interactive Public Services, and prosecutors review it and provide a response also in electronic form. Thirdly, work is underway to improve interagency electronic interaction. The prosecutor's office is closely integrated with other bodies within the framework of the "Electronic Justice" system. In 2018, Uzbekistan introduced the Unified Electronic Database of Pre-Trial Proceedings, to which the Ministry of Internal Affairs, the State Security Service, and the prosecutor's office are connected. This is an analogue of the unified register of crimes: since 2018, all criminal cases are registered in an electronic system accessible for prosecutorial supervision. In addition, integration with the information systems of the courts is being implemented – prosecutors gain access to judicial case materials, which

facilitates their participation in proceedings, especially in the format of online hearings (relevant during the COVID-19 pandemic). The General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan, together with other agencies, is also working on creating a unified platform for electronic data exchange – the Uzbek analogue of Kazakhstan's SIO PSO gateway, in order to automatically extract information from various state databases (population registers, Ministry of Internal Affairs databases, tax databases, etc.) for supervisory needs [5].

One of the key achievements of digitalization in Uzbekistan has been the introduction of the electronic document management system (EDMS), covering both the central office and regional prosecutor's offices. It made it possible to abandon paper-based exchange and create a unified electronic archive, which significantly accelerated document processing and simplified access to them. On its basis, a legal statistics database is being formed: indicators of the prosecutor's office's activities (number of inspections, protests, appeals, etc.) are automatically generated from the entered data. Electronic technologies have ensured process transparency, eliminated the possibility of "unrecorded" cases, and allowed the introduction of data analysis tools to identify hidden crime and regional patterns. For citizens, an online portal of the General Prosecutor's Office has been created, where one can track the status of an appeal, obtain statistics, and make an appointment. An important step was the updating of legislation: since 2021, electronic evidence has been recognized as equivalent to traditional forms, which has encouraged investigative bodies to actively use digital materials [5].

At the same time, digital transformation has also revealed a number of problems. One of them was a shortage of personnel in the field of cyber law and data analytics, which required the creation of the Academy of the General Prosecutor's Office to train specialists, including in the format of distance learning. Another challenge was funding, since reforms require investments in equipment, software, and data protection. Particular attention is paid

⁷ Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030» и мерах по ее эффективной реализации: указ Президента Республики Узбекистан от 05 окт. 2020 г. № УП-6079. – Национальная база данных законодательства – Lex.uz. – Дата публикации: 06.10.2020.

⁸ In the same place.

to cybersecurity: international experience is used, including cooperation with South Korea, where Uzbek prosecutors underwent training in combating cybercrime. In parallel, work is underway to master artificial intelligence technologies: systems of automated case distribution and crime risk forecasting based on big data are being tested. As a result, in a short period (2020-2023), Uzbekistan has built a digital ecosystem of the prosecutor's office, integrating it into the "Electronic Government" system, which allowed the country to reach the level of Kazakhstan in terms of digitalization of supervisory bodies [6].

The Russian Federation is developing the digitalization of the prosecutor's office along its own trajectory. The first steps were taken back in the early 2000s, when the State Automated System of Legal Statistics (SASLS) began operating. However, only by the end of the 2010s did the need for comprehensive transformation arise: individual projects required unification into a strategic platform. In 2017, the Concept of Digital Transformation of the Prosecutor's Office Bodies until 2025 was approved, aimed at creating a unified information environment, developing electronic document management, introducing big data and AI technologies, as well as training personnel. The document provides for a two-stage implementation and sets the strategic vector of modernization [7].

The central element of the digital infrastructure for a long time remained the SASLS system, which accumulates arrays of statistics on crime and the activities of law enforcement agencies. Despite the presence of a technical base, for a long time the system was used formally and not to its full extent. The problem remained the limited implementation of analytical tools and insufficient staff training. Russian researchers emphasize that the full use of GAS PS can increase the effectiveness of prosecutorial supervision and bring the work of the prosecutor's office closer to modern standards of data management.

Since the late 2010s, the development of new digital solutions has begun. The corporate electronic document management system (SED) was launched, uniting the General Prosecutor's Office, regional and most district prosecutor's offices. Specialized subsystems appeared –

"Supervision", "Personnel", "Electronic Archive". In 2021, the Concept of Digital Transformation was adjusted: emphasis was placed on designing a unified data platform of the prosecutor's office and developing interdepartmental interaction. By 2025, an integrated "one window" system is planned, allowing the consolidation of all key information resources and databases [8].

The results of digitalization are already noticeable. Document management has accelerated and become almost completely electronic, analytical capacity has increased thanks to databases and statistical tools. Citizens have gained more opportunities for online appeals and making appointments, and archives are being converted into digital form. However, problems remain: system fragmentation, resistance from part of the staff, security issues in handling classified information, dependence on the budget and transition to domestic software. These factors restrain dynamics, but do not stop the digitalization process.

Prospects are associated with the introduction of artificial intelligence technologies and big data analysis. Solutions are already being tested for the automatic detection of corruption risks in contracts or sorting citizens' appeals using natural language processing algorithms. In the scientific community, the concept of a "digital prosecutor" is being discussed, implying a software complex of assistants rather than replacing a human. In the next 5-10 years, a gradual expansion of AI use in routine processes is likely while maintaining human control over supervisory decisions. Thus, the Russian prosecutor's office is moving towards creating a unified digital ecosystem that combines the efficiency of technology with traditional guarantees of legality [8].

Considering the foreign experience of electronic document management and the digitalization of the prosecutor's office, particular interest is represented by examples of countries that have achieved outstanding success in the field of e-government. These include the Republic of Korea (South Korea) and China.

The Republic of Korea is rightfully considered one of the world leaders in the introduction of information technologies in public administration and the justice system. For many years, South

Korea has topped the UN rankings on the development of e-government. In the judicial and legal sphere of Korea, a set of innovative solutions has been implemented, covering the prosecutor's office as well. The key platform here is KICS (Korea Information System of Criminal Justice Services). The KICS system was developed through the joint efforts of the Ministry of Justice, the prosecutor's office, the police, and the judiciary, and was put into operation in 2010. Essentially, KICS is a unified electronic platform that combines all stages of the criminal process – from the investigation stage (police, prosecution) to trial and execution of the sentence. Various agencies are connected to a federated information system, providing seamless data exchange and integration between law enforcement agencies in real time [9].

As a result of the implementation of KICS, the efficiency and coordination of the criminal justice bodies in Korea increased significantly. Prosecutors through KICS instantly receive materials of criminal cases from the police, can electronically authorize procedural actions, and send cases to court in digital form. Judges, in turn, using the system, return procedural documents, verdicts, etc. to the prosecutor's office. The "one-stop shop" principle has been implemented: all participants – police, prosecution, court, correctional service – work on a common platform, while maintaining distributed access rights (each sees their own information, and general data are integrated). Such an architecture has eliminated duplication of information, reduced delays in case transfers, and significantly reduced costs. According to a World Bank report, the South Korean KICS system ensured significant savings of money and time, improved the collection of criminal statistics, and provided opportunities for new online services for the population (for example, informing victims about the progress of a case). In addition, Korea successfully implemented an electronic trial system (e-trial) for certain categories of cases, as well as an electronic criminal punishment system (electronic monitoring of convicts). All these elements are interconnected with the work of the prosecutor's office through common digital tools.

An important factor in Korea's success was the combination of technological equipment and thoughtful change management. Korean experts note that cultural acceptance of technologies in justice turned out to be no less important than the technologies themselves. Overcoming the skepticism of some employees and ensuring a high level of cybersecurity, the leaders of the prosecutor's office and the courts achieved trust in electronic systems. Now in Korea, electronic interaction between the prosecutor's office and other bodies has become routine. The KICS model is often cited as an example for other countries striving to integrate their law enforcement systems. For Kyrgyzstan and neighboring countries, Korea's experience shows how far integration can go – up to a complete rejection of fragmented departmental databases in favor of a unified justice infrastructure. Of course, it is difficult to implement the Korean level immediately, but certain components (for example, an interagency criminal justice portal) can be adopted [9].

The next striking example is the People's Republic of China, where digital technologies penetrate all levels of the law enforcement system. China stands out primarily for its innovations in the field of artificial intelligence in the service of justice. Since the mid-2010s, China has been implementing the "Smart Justice" program, and the prosecutor's office is actively participating in it. It is known that since 2016, prosecutors in China have begun using a specialized AI tool called "System 206" to assist in criminal proceedings. The "206" system is used in Shanghai and other cities: it helps prosecutors assess the completeness and sufficiency of evidence in a case, check materials for contradictions, and ensure the standardization of indictments. Essentially, it is an intelligent assistant that analyzes case data (interrogation protocols, physical evidence, expert opinions) and points out weak spots to the prosecutor or, conversely, confirms the validity of the charge. Importantly, the final decision remains with the human prosecutor, but AI saves time and improves quality [9].

China's most high-profile achievement was the creation in 2021 of a prototype "digital prosecutor" based on artificial intelligence. A

group of scientists from the Shanghai People's Procuratorate, together with the Chinese Academy of Sciences, developed an algorithm capable of independently filing charges in the most common criminal cases. According to the South China Morning Post, this AI prosecutor was trained on data from 17,000 cases and can bring charges in 8 typical crimes (credit card fraud, organizing gambling, dangerous driving, intentional injury, obstructing official duties, theft, fraud, and provoking disturbances) with an accuracy of up to 97%. The new technology was tested in the People's Procuratorate of Pudong District of Shanghai, and scientists believe that it will reduce the daily workload of prosecutors, freeing them up for more complex tasks. Essentially, the AI-based system analyzes the case description and finds in it the characteristic features of a specific crime, formulating a ready-made indictment. Of course, so far this "digital prosecutor" is capable of covering a limited list of simple cases, and further expansion of its capabilities is planned [10].

China's experience is impressive, but also raises discussions regarding ethical and legal aspects. The vast majority of experts agree that AI should be only an auxiliary tool, not a replacement for a human prosecutor, especially when making responsible decisions. Nevertheless, China's achievements demonstrate potential: artificial intelligence can significantly increase the efficiency and objectivity of prosecutorial activities, eliminating routine operations and the human factor of errors. In addition, other digital technologies are widely used in China: electronic databases of prosecutorial supervision, big data systems for crime analysis, online platforms for handling citizens' appeals, etc. The PRC prosecutor's office is also integrated with the national social credit system and police databases, which allows automating a number of verification functions [11].

For the countries of Central Asia, the Chinese path is in many ways unique due to its scale and resource support, but certain elements (for example, data analysis algorithms) are already being adopted. Thus, Uzbekistan is considering the possibility of introducing analytical programs for anti-corruption supervision following the

Chinese model (this is mentioned by Uzbek authors and officials). In Kazakhstan and Kyrgyzstan, there are still no such projects with AI prosecutors, but conceptually the possibility of their appearance has been laid down – the same digitalization strategies mention the prospects of using artificial intelligence [12, 854 p.].

Summing up the review of foreign experience, we note: the Republic of Korea demonstrates an example of an integrated system of electronic justice, where the prosecutor's office is an organic element of a unified digital platform, and China is an example of advanced AI technology in prosecutorial activity. Both experiences are valuable in their own way. For Kyrgyzstan and neighboring countries, the Korean experience is more institutionally applicable – it shows how to create and establish interaction between various bodies through electronic document management. The Chinese experience, on the other hand, inspires in the long term, indicating what horizons open up thanks to the bold introduction of artificial intelligence and big data.

Conclusion. The development of electronic document management in the prosecutor's office has become a strategic priority for Kyrgyzstan, and in recent years the country has built a solid foundation of digitalization: the Unified Register of Crimes and Offenses was launched, an electronic document management system was introduced, and online interaction with law enforcement agencies was established. At the same time, Kazakhstan demonstrates the best example in the region: its "Qadağalau" system, integration with interdepartmental EDM, and automated control of appeals have become a benchmark of efficiency and are already being adapted in the Kyrgyz Republic. Kazakhstan's experience allows Kyrgyzstan to accelerate transformation and avoid mistakes, ensuring transparency and improved quality of prosecutorial oversight.

Kyrgyzstan consistently draws on the experience of other countries as well. Uzbekistan has shown how quickly electronic systems can be implemented with political will, Russia provides models for building methodological frameworks and training personnel, while South Korea and China demonstrate how modern

technologies and AI can radically enhance prosecutorial efficiency. For Kyrgyzstan, it is important to combine its own initiatives with international best practices, expanding pilot projects on data analytics and civic control.

Thus, the digitalization of the prosecutor's office in Kyrgyzstan is becoming an integral element of legal modernization, leading to resource savings, reduced corruption risks, and the strengthening of the rule of law.

List of used literature:

1. Груздев, В.В. Цифровизация как средство повышения эффективности надзорной деятельности природоохранных прокуратур, созданных по бассейновому (экосистемному) принципу / В.В. Груздев и др. // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28. № 2. – С. 253-266.
2. Р. Харизов. Регистрировать преступления в Кыргызстане будут в новых информационных системах [Electronic resource] // 24.kg. – 01.12.2021. – Access mode: https://24.kg/obschestvo/215667_registrirovat_prestupleniya_vnbspkirgyizstane_budut_vnbspnovyih_informatsionnyih_sistemah/ (Access date: 07.09.2025).
3. Асанбеков, Т.Ж. Проблемы и перспективы реализации антикоррупционной политики в Кыргызской Республике / Т.Ж. Асанбеков, С.Н. Маматов, Д.Ж. Асанбекова // Вестник Ошского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 178-192.
4. Исмагулова, А.Т. Развитие уголовного права Республики Казахстан в контексте применения современных цифровых технологий: проблемы и перспективы / А.Т. Исмагулова. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. – 252 с.
5. Тошматова, В. Внедрение искусственного интеллекта в правовую систему Республики Узбекистан: перспективы и правовые аспекты / В. Тошматова, С. Расулов // Общественные науки в современном мире. – 2025. – Т. 4. № 7. – С. 20-25.
6. Худайназаров, Ф.Х. Кичик Бизнес Субъектлари Фаолиятини Рақамли Технологиялар Асосида Ривожланти-ришнинг Меъёрий-Хукукий Асослари / Ф.Х. Худайназаров // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural And Social Sciences Scientific Journal. – 2024. – № 4 (9). – С. 266-276.
7. Середа, Е.В. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации и стран СНГ / Е.В. Середа, Н.А. Чесноков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 2 (835). – С. 269-273.
8. Бессчастный, С.А. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации // Прокуратура: история и современность – 300 лет прокуратуре России (Сухаревские чтения). – 2022. – С. 16-25.
9. Park, J. Digitalization of South Korea's Justice System: Enhancing Access and Efficiency / J. Park, et al. – Washington, D.C.: The World Bank, 2025. – 89 p.
10. Wu, W. Access to technology, access to justice: China's artificial intelligence application in criminal proceedings / W. Wu, X. Lin // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2025. – Т. 81. – Pp. 100741.
11. Zhiyuan, G. The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System / G. Zhiyuan, Y. Jiajia // Legal Issues in the digital Age. – 2025. – № 1. – Pp. 83-104.
12. Ulbricht, B.R. Digital Eyewitnesses: Using New Technologies to Authenticate Evidence in Human Rights Litigation / B.R. Ulbricht, et al. // Stanford Law Review. – 2022. – Vol. 74. – Pp. 851-894.

References:

1. Gruzdev, V.V. Cifrovizacija kak sredstvo povyshenija jeffektivnosti nadzornoj dejatel'nosti prirodohrannyh prokuratur, sozdannyh po bassejnovomu (jekosistemnomu) principu / V.V. Gruzdev i dr. // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – Т. 28. № 2. – S. 253-266.
2. R. Harizov. Registrirovat' prestuplenija v Kyrgyzstane budut v novyh informacionnyh sistemah [Electronic resource] // 24.kg. – 01.12.2021. – Access mode: https://24.kg/obschestvo/215667_

registrirovat_prestupleniya_vnbspkirgyzstane_budut_vnbspnovyih_informatsionnyih_sistemah/ (Access date: 07.09.2025).

3. Asanbekov, T.Zh. Problemy i perspektivy realizacii antikorrupcionnoj politiki v Kyrgyzskoj Respublike / T.Zh. Asanbekov, S.N. Mamatov, D.Zh. Asanbekova // Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – № 4. – S. 178-192.

4. Ismagulova, A.T. Razvitie ugolovno go prava Respubliki Kazahstan v kontekste primenenija sovremennyh cifrovyyh tehnologij: problemy i perspektivy / A.T. Ismagulova. – Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija, 2021. – 252 s.

5. Toshmatova, V. Vnedrenie iskusstvennogo intellekta v pravovuju sistemu Respubliki Uzbekistan: perspektivy i pravovye aspekty / V. Toshmatova, S. Rasulov // Obshhestvennye nauki v sovremennom mire. – 2025. – T. 4. № 7. – S. 20-25.

6. Hudajnazarov, F.H. Kichik Biznes Sub#ektlari Faolijatini Raqamli Tehnologijalar Asosida Rivozhlandirishning Me#jorij-Xuquqij Asoslari / F.H. Hudajnazarov // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural And Social Sciences Scientific Journal. – 2024. – № 4 (9). – S. 266–276.

7. Sereda, E.V. Cifrovaja transformacija organov prokuratury Rossijskoj Federacii i stran SNG / E.V. Sereda, N.A. Chesnokov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. – 2020. – № 2 (835). – S. 269-273.

8. Besschasnyj, S.A. Cifrovaja transformacija organov prokuratury Rossijskoj Federacii // Prokuratura: istorija i sovremennost' – 300 let prokurature Rossii (Suharevskie chtenija). – 2022. – S. 16-25.

9. Park, J. Digitalization of South Korea's Justice System: Enhancing Access and Efficiency / J. Park, et al. – Washington, D.C.: The World Bank, 2025. – 89 p.

10. Wu, W. Access to technology, access to justice: China's artificial intelligence application in criminal proceedings / W. Wu, X. Lin // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2025. – T. 81. – Pp. 100741.

11. Zhiyuan, G. The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System / G. Zhiyuan, Y. Jiajia // Legal Issues in the digital Age. – 2025. – № 1. – Pp. 83-104.

12. Ulbricht, B.R. Digital Eyewitnesses: Using New Technologies to Authenticate Evidence in Human Rights Litigation / B.R. Ulbricht, et al. // Stanford Law Review. – 2022. – Vol. 74. – Pp. 851-894.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ислам Суеркулович Маатов – Қырғыз Республикасы Ош облысы Араван ауданының прокурорының орынбасары, e-mail: islam_m17@mail.ru.

Маатов Ислам Суеркулович – заместитель прокурора Араванского района Ошской области Кыргызской Республики, e-mail: islam_m17@mail.ru.

Maatov Islam Suerkulovich – Deputy Prosecutor of the Aravan region of the Osh district of the Kyrgyz Republic, e-mail: islam_m17@mail.ru.

Алмаз Кемелбекұлы Киязов – Қырғыз Республикасы Бас прокуратурасының кадрлар және кәсіби даму басқармасының бастығы, e-mail: kiyazovalmaz@gmail.com.

Киязов Алмаз Кемелбекович – начальник управления кадров и профессионального развития Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, e-mail: kiyazovalmaz@gmail.com.

Kiyazov Almaz Kemelbekovich – Head of the Personnel and Professional Development Department of the General Prosecutor's Office of the Kyrgyz Republic, e-mail: kiyazovalmaz@gmail.com.